

A photograph of a man with a beard and multiple tattoos on his arms and torso, hugging a woman from behind. The woman has blonde hair and is wearing a black top. They are both looking towards the camera. The background is plain white.

ОН НАУЧИТ ДОЧЬ ПРОПОВЕДНИКА
ПОЧИТАТЬ ЕГО...
НА КОЛЕНЯХ.

ЕГО девственница

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ THE WALL STREET JOURNAL

САБРИНА ПЕЙДЖ

Внимание!

**Текст книги переведен исключительно с целью
ознакомления, не для получения
материальной выгоды. Любое коммерческое
или иное использование кроме
ознакомительного чтения запрещено.**

**Любое копирование без ссылки на
переводчика и группу запрещено.**

**Создатели перевода не несут ответственности
за распространение его в сети.**

⌚Автор: Сабрина Пейдж

⌚Книга: Его девственница

⌚Главы: 47+эпилог

⌚Переводчик: Катюша С.

✎Редакторы: Надюша

✎Обложка: Wolf A.

✎Вычитка: Екатерина Д.

♛Специально для группы: Золочевская Ирина || Б. Б. Рейд

Аннотация

Начало учебного года – и этот горячий профессор желает обучить дочь проповедника всему.

Пьюрити Тейлор – ангельски-целомудренная и нетронутая, именно

так ее воспитал папочка-проповедник.

Я знаю это, ведь ее отец был моим другом.

Я уехал из своего маленького городка и стал профессором колледжа.

Сегодня Пьюрити пришла в мой кабинет.

Один взгляд, и я уже хочу овладеть ею.

Но одно касание, и я потеряю все.

Пьюрити – едва ли совершеннолетняя, она пока еще такая невинная...
И, да помогут мне Небеса, потому что ничто из того, что я хочу сделать с
ней, не невинно.

Габриэль Райан – старше, опытней и искушенней.

А также он мой профессор, бывший друг моего отца и... Дьявол под
прикрытием.

Он хочет большего, чем просто моего тела и моей девственности.

Он хочет всего.

Быть с Габриэлем было бы очень неправильно... Но, да помогут мне
Небеса, возможно, я хочу быть собственностью самого Дьявола.

1

Габриэль

- Я могу с уверенностью заявить, что ваша дочь не будет обречена на бездарную жизнь, лишь потому, что она не попала в мой литературный класс, миссис... – Я останавливаюсь, отчасти потому, что не могу вспомнить имя женщины (хотя она только что представилась), и отчасти потому, что моя мысль в голове – это то, что не должно прозвучать вслух: *ваша дочь не будет обречена на бездарную жизнь просто потому, что она не попала в мой литературный класс. Она обречена на бездарную жизнь, поскольку она действительно бездарна.*

Я понимаю, что это крайне грубое заявление – именно поэтому я и не говорю это состоятельной, чересчур опекающей свою дочь мамочке, стоящей передо мной. Я не такой уж ужасный человек, хотя этой женщине, требующей, чтобы я принял ее дочь в свой класс, следует сбавить обороты.

Фамилия этой дамочки – это то, что я должен знать, то, что должно было впечатлить меня, когда она представлялась менее двух минут назад. Это было имя, которое вы ожидаете увидеть на эмблеме со стороны библиотеки или крыльца больницы. На самом деле, вероятно, на одном из зданий кампуса действительно присутствует ее фамилия, отштукатуренная на каком-нибудь месте.

Она – кто-то очень важный. Это единственное объяснение тому, почему Джина, как правило, разумный административный помощник английского департамента, ворвалась в мой кабинет несколько минут назад, и, затаив дыхание, сообщила мне, что мисс Как-Ее-Имя была недовольна тем, что ее дочь не попала в мой класс.

Когда я рассмеялся в ответ, Джина уставилась на меня в полном недоумении, видимо, не в состоянии рассмотреть юмора во взрослой женщине, расстроенной расписанием занятий ее взрослой дочери, и пришедшей поспорить об этом с профессором колледжа.

- Блэкстоун, - заявляет женщина.

- Простите, что? – Я тупо переспрашиваю ее, отгоняя мысли, и возвращаю внимание к идеально причесанной женщине, стоящей передо мной. Все, чего я хочу – это выйти из кабинета, чтобы закончить свой обед – и главу книги, над которой я *должен* поработать – в мирной обстановке.

- Блэкстоун, - повторяет она, очевидно, оскорбившись, что я не сразу узнал ее фамилию. – И я более чем уверена, что *моя Эшилин* не будет обречена на посредственную жизнь, мистер Райан.

Я признаю, что это правда. Женщина и ее дочь настолько обеспечены

и обладают такими связями, что отсутствие таланта у дочери абсолютно не имеет значения. Ее дочь имеет столько возможностей в жизни, что будет в порядке, не попав в мой литературный класс. Кроме того, судя по тому, что отбеленная блондинка Эшлин заинтересована в своем телефоне больше, чем в разговоре, не думаю, что девушка совершенно опустошена из-за того, что *не была* зачислена в «Литературный класс 207 с профессором Райаном».

Как только мать начинает снова читать мне нотации, я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, вместо того, чтобы вновь пуститься в объяснение, что ее дочь не смогла попасть в мой класс, потому что ее образец сочинения был недостаточно хорош. Я воздерживаюсь, потому что мне уже говорили, что мои «человеческие» навыки могли бы быть лучше. Очевидно, «тупые разговоры» не ценятся администрацией университета и это показательно верно в случае студентов с состоятельными родителями.

Именно поэтому я *не говорю* матери, что одно из преимуществ быть настолько известным писателем – это когда ты соглашаешься преподавать творческие литературные занятия в одном из престижных снобистских колледжей, и ты лично получаешь персональный скрининг кандидатов на основе их образцов сочинений. В конечном счете, вы получаете класс, полный лучших студентов, вместо того, чтобы быть обремененным полным классом бездарных детей, родители которых пожертвовали больше всего денег школе.

На мгновение, я позволяю себе пофантазировать, что, если я простою здесь достаточно долго с закрытыми глазами, раздражающий дуэт матери и дочери просто испарится в воздухе. Я вдыхаю и пытаюсь отключиться от гнусавого нытья женщины, вспоминая одно из визуальных упражнений, которые я выполняю на своем телефоне. Упражнения – это только часть многих вещей, которые я пытался использовать для лечения своего писательского кризиса, но, кажется, они безнадежны в том, чтобы заглушить голос женщины прямо сейчас.

Когда я наконец-то – и неохотно – открываю глаза, то выпускаю разочарованный выдох, потому что Миссис Блэкстоун все еще здесь, и стоит еще ближе ко мне, безумно жестикулируя, пока говорит. Ей, судя по всему, абсолютно наплевать на тот факт, что моя голова сейчас взорвется.

- Увы, миссис Блэкстоун, - говорю я ей. – Мой класс полон. К сожалению, единственным способом получить доступ к моим занятиям был процесс подачи заявлений.

- Мистер Райан, мы оба взрослые люди. Мы понимаем, что всегда есть способ обойти этот надоедливый вопрос приема.

Я моргаю. Эта чокнутая пытается *подкупить* меня, чтобы ее дочь попала в мой *литературный класс*? Нет, ну, я имею в виду, серьезно?! Это же литературный класс; это не то, чтобы я лишил эту девушку ее мечты стать космонавтом.

Затем миссис Блэкстоун делает паузу, ее нижняя губа надувается достаточно для того, чтобы дать понять, что она обижена.

Она *дуется*.

О боже, это даже хуже взятки. Она пытается *флиртовать* со мной.

Я думал, что видел многое, но родительница, пытающаяся флиртовать со мной, чтобы я взял ее дочь в свой класс – это впервые.

Миссис Блэкстоун применяет кокетливый тон и выпрямляет спину, толкая вверх свою силиконовую грудь так, что ее дерзкая ложбинка выставляется напоказ.

- Вы *абсолютно* уверены, что я действительно не могу *ничего* сделать, чтобы вы передумали, Мистер Райан? – спрашивает она, водя своим красным ноготком по рукаву моей рубашки. – Мы прочитали ваш роман в моем книжном клубе после того, как вы сделали все эти ток-шоу, и я уверена, что если бы Эшлин была под вашей опекой...

Я содрогаюсь, мой желудок переворачивается. У меня пропадает аппетит.

- Я *более* чем уверен, миссис Блэкстоун, - твердо говорю ей, положив свою ладонь на ее руку, чтобы проводить ее в направлении двери из кабинета. – Боюсь, сейчас у меня встреча, так что я должен попросить вас...

- Подождите, - перебивает она, глядя на меня через плечо. – Кажется, есть кое-что, что моя дочь может сделать для вас, чтобы изменить ваше решение!

Будто по команде, ее дочь наконец-то отрывается от телефона. Ее ладонь ложится на бедро, и она выгибает свою спину, очевидно, имитируя позу матери. Это выглядит жалко и вызывает тревогу. Я собираюсь пуститься в тираду, направленную на мать, что, несомненно, доведет меня до беды с администрацией колледжа (обвинение школьного спонсора в торговле своей дочерью, чтобы попасть в класс, безусловно, приведет меня лицом к лицу с деканом). Вдруг, Джина, женщина, ответственная, в первую очередь, за демпинг этих двух идиотов в моем кабинете, снова материализуется в дверном проеме.

- Эм... Профессор Райан? – осторожно спрашивает она.

- Да? – рычу я, срываюсь на нее без малейшего раскаяния. Какого черта здесь происходит? Осенний семестр еще даже не начался. Я

совершил огромную ошибку, прия в офис в пятницу днем раньше занятий, начинаяющихся в понедельник. Молча я даю себе клятву не делать так больше.

Затем я вижу кое-что.

Или кое-кого, если быть точнее.

- Габриэль, - раздается звучный баритон, а миссис Блэкстоун немедленно замолкает. Даже если бы я не посмотрел, я бы узнал этот голос мгновенно.

Алан Тейлор имеет отличительную интонацию. Он всегда говорит с авторитетом в голосе. Даже когда мы были детьми, у него был способ заставить людей слушать его. Полагаю, это одна из причин, почему он стал проповедником. Ну и еще, ему всегда самому нравилось слушать, как он говорит, а также учить людей, как им жить.

Не то чтобы я огорчался или что-то вроде того.

- Вы могли бы вернуться позднее? – спрашивает Алан. – Конечно, мы не хотели вас прерывать.

Он произносит слова с неискренним тоном того, кто имеет ввиду точно противоположное от того, что сказал. Я знаю Алана, он наслаждается прямо сейчас тем фактом, что вошел во время неудобной ситуации с участием меня и недовольного родителя.

- Они сказали, что знают вас, - Джина пожимает плечами, а ее голос становится тише.

- Вообще-то, *вы перебиваете*, - говорит миссис Блэкстоун, ее голос властный. – Мистер Райан как раз обсуждал добавление еще одного места в своем литературном классе для моей Эшлин.

Я с удивлением смотрю на нее. Эта женщина действительно не имеет стыда, не так ли? Я понимаю, мне должно быть лестно, что родительница настолько хочет, чтобы ее дочь была принята в мой класс, что бросается на меня, но мне слишком противно, чтобы впечатлиться.

- Боюсь, это невозможно, миссис Блэкстоун, - твердо говорю я ей. – Мое решение окончательно, и как видите, у меня встреча.

Совершенно неожиданная встреча с кем-то из прошлой жизни – и его дочерью.

Его взрослой, удивительно красивой дочерью, отмечаю я, когда мои глаза рассматривают ее.

- Мистер Райан, у нас еще есть, что обсудить о моей дочери и вашем классе, настаивает миссис Блэкстоун.

- Боюсь, у меня еще одна встреча с родителями, - отвлекаясь, говорю я. Прежде чем миссис Блэкстоун начинает снова говорить, я жестикулирую

Джине. – Вы не могли бы проводить миссис Блэкстоун и ее дочь к главному выходу, пожалуйста?

- Конечно, - отвечает Джина.

- Я буду говорить с деканом, - угрожает женщина. – Он и мой муж играют в гольф по воскресеньям.

- Благослови вашу душу, - я не должен подначивать ее, но я не могу устоять, используя фразу, с которой вырос на Восточном Побережье. – Скажите декану, что я передавал привет.

- Пошли, Эшлин, - фыркает миссис Блэкстоун. – Тебе не нужно учиться у никому не нужного писателя.

- Ну, наконец-то, - бормочет ее дочь. – Можем ли мы пойти на массаж? Я устала от ходьбы по всему кампусу.

Как только они уходят, Алан приподнимает брови. – Еще один довольный клиент?

Если бы это был какой-то другой день или какой-нибудь другой момент, я бы сказал Аллану отправляться в ад. Но я слишком растерян, чтобы ответить на вопрос – и не только потому, что последние люди в мире, которых я ожидал увидеть в моем кабинете, были моим другом детства и его дочерью. На самом деле, я бы хотел обвинить себя в отсутствии слов лишь по этому поводу.

Но, правда в том, что я безмолвен потому, что просто не могу отвести глаз от дочери Алана.

¹ Пьюорити Тейлор захватывает дух. Этим словом часто разбрасываются, но не я. Я никогда даже не думал об этом применительно к кому-то, кроме этой девушки, которая воплощает собой весь смысл этого слова. Она просто потрясающая, даже в более чем скромном платье, которое она носит. Рукава прикрывают ее руки, хотя на улице слишком тепло, чтобы нуждаться в этом, а декольте едва открывает миллиметр ее ключиц. Белая хлопковая ткань, ниспадающая к земле, предназначенная, чтобы спрятать всю ее фигуру, не делает ничего, чтобы скрыть ее формы.

Пьюорити – это классическая красота, которую невозможно скрыть. Она может надеть бумажный пакет на себя, но все равно будет выделяться в море женщин, носящих дизайнерскую одежду. Платье, длинною в пол, умудряется сделать ее фигуру еще более непристойной, чем, если бы она надела мини-юбку.

Она одета в белое – символ невинности и чистоты – ее тезку – и уже через мгновение я думаю о ней в совершенно противоположном ключе. На секунду ее глаза встречаются с моими, и все грязные вещи, которые я бы

хотел с ней сделать, проносятся в моей голове.

Она на коленях, берет меня в рот. Я развозжу ее ноги, погружаюсь между ними и ласкаю языком ее складочки. Я скользжу руками по ее бедрам, несу ее к ближайшей стене и глубоко вкапываюсь в нее.

Грязно, неуместно и просто неправильно.

Самая неправильная вещь, о которой я когда-либо думал в своей жизни.

Небеса помогают мне думать о Пьюрити таким образом. Небеса помогают мне думать, таким образом, о *дочери проповедника*. Я отчасти ожидаю, что земля развернется и поглотит меня, или молнии ударят с неба и испепелят меня на месте прямо сейчас.

Я заслуживаю этого хотя бы за то, что не могу перестать пялиться на ее грудь.

- Габриэль, - говорит Алан.

Сглотнув, я отвожу взгляд от Пьюрити, чтобы сосредоточиться на ее отце.

На ее отце, напоминаю я себе. На моем друге детства. Я знаю его всю свою жизнь – даже если я и не разговаривал с ним с тех пор, как много лет назад умерла моя мать. Черт, я знаю Пьюрити всю ее жизнь – даже если не видел ее в течение многих лет, с тех пор как я вернулся в Саус Холлоу.

Ей всего лишь восемнадцать.

- Алан, - я выдавил его имя, быстро прочистив горло, чтобы скрыть мой дискомфорт, пока жар поднимался к моему лицу. *Это* не я. *Такое* не случается просто так. Я не *этот* безрассудный мужчина средних лет, я не могу смотреть на едва выросшую женщину таким образом, даже какую-то долю секунды.

Я преподавал в колледже в течение последних пяти лет, учил сотни молодых и красивых девушек, но никогда не допускал грязных мыслей ни об одной из них. Я никогда не думал о них так, как о Пьюрити минуту назад.

Какого черта это говорит обо мне, если такие мысли приходят мне в голову?

- Алан. Пьюрити. Я не ожидал увидеть тебя здесь. Это... - мой голос прерывается, как только наши с Пьюрити глаза встречаются снова, и я подбираю слова, чтобы закончить предложение. Все слова, что я знаю, кажется, испарились из моей головы. Это связано с тем, что вся кровь из моего тела ушла на юг. – Это... неожиданно.

Неожиданно.

Это один из способов ответить.

Увидеть их здесь неожиданно.

Видеть, как Пьюрити выросла, как она сейчас выглядит, это чертовски неожиданно.

Это также неожиданно, как то, что обычно многословный писатель, стоит рядом с восемнадцатилетней девушкой и заикается, как идиот, пытаясь найти подходящие слова. Моя способность использовать английский язык полностью испарилась в считанные секунды, как только Алан и Пьюрити появились в дверях моего кабинета.

Алан смеется, звук эхом разносится по моему кабинету и коридору. Звуку следует быть теплым и комфортным, ведь он проповедник, но это не так. Вместо этого он ледяной, такой же, каким я его помнил. – Неожиданно? Пьюрити зачислена в твой класс, Габриэль.

Что он сказал?

Мои глаза возвращаются к Пьюрити в ее скромном платье, со слабым оттенком розового румянца на щеках. Она – воплощение невинности и целомудрия, и в один момент у меня появляется непреодолимое желание обладать этой невинностью. Я хочу получить эту чистоту.

Я хочу полностью развратить ее.

- Она в твоем классе, Габриэль, - повторяет Алан.

Блядь. Эта девушка слишком молодая, совершенно под запретом и к тому же дочь проповедника, не меньше – учится в моем классе?

Я буду проклят.

Пожалуй, попаду прямиком в ад, учитывая то, что я хочу с ней сделать.

2

Пьюорити

Проклятье. Это так унизительно.

Жар поднимается к моим щекам. Мне стыдно за ругательства в моей голове, но я ничего не могу с этим поделать. Я сгораю со стыда.

Мистер Гейб – так я его называла, когда была ребенком, смотрит сейчас прямо на меня, нахмурив брови, с таким мрачным выражением лица, что это заставляет думать о том, как будто он зол из-за того, что я записалась на его курсы.

Он кажется мертвенно-бледным от того, что я в его классе.

Но даже это *не самая* неловкая часть во всей этой ситуации. Если бы только она. Стыдно, конечно, что мой отец притащил меня в кабинет мистера Гейба – и даже не потому, что они когда-то были друзьями. Нет, он привез меня сюда, чтобы натравить мистера Гейба на меня.

Отец сказал мне, прежде чем мы покинули Саус Холлоу: «Я собираюсь поговорить с мистером Райаном. Я не позволю тебе сбежать в колледж за сотни миль от дома, если только кто-то, кого я знаю, не будет приглядывать за тобой, и кто будет докладывать мне о твоем поведении. Не должно быть ни парней, ни алкоголя, ничего, кроме учебы. Учебы и церкви».

Назвать моего отца *чрезмерно опекающим* было бы слишком мягко.

Я – дочь проповедника. И не просто проповедника. Мой отец – *проповедник в Саус Холлоу*, руководитель единственной церкви в маленьком городке, где я родилась и выросла. Он проповедует адские муки и осуждение, бранит и критикует все пороки мира, а также считает, что единственный путь на Небеса – держаться подальше от всех форм искушений.

Например, *искушения* в виде мужчины, стоящего передо мной прямо сейчас. Слишком красивого, с точеным подбородком, темными глазами и легкой щетиной. Того, который смотрит на меня со смесью презрения и гнева.

Вы знаете, что говорят о детях проповедников, что якобы они более сумасбродны, чем обычные дети? Это не про меня. Мой отец позаботился о том, чтобы я сидела под замком, пока была ребенком. Я всегда сопереживала Рапунцель, запрятанной в башне от всего мира, потому что я сама чувствовала себя именно так большую часть своей жизни.

У меня никогда не было парня, ни говоря уже о свидании.

Поэтому, что может быть более неловким, чем быть девушкой из

провинциального городка, которую отец притащил в кабинет профессора, чтобы тот приглядывал за ней, пока она учится в колледже? Что может быть более унизительным, чем то, как мистер Гейб смотрит на меня прямо сейчас, словно это огромная ошибка и у меня нет никаких шансов учиться в его литературном классе, потому что я обладаю абсолютно нулевым талантом?

Возможно ли что-то более унизительное, чем это?

Только то, что, когда он смотрит на меня – такой мрачный, злой и высокомерный – тепло по моему телу распространяется вплоть до кончиков пальцев. Это тот вида тепла, которое несется сквозь меня, когда я лежу в постели ночью, думая о том, каково это будет – чувствовать чьи-то губы, ласкающие мою кожу, или чьи-то пальцы между моих ног.

Я уверена, человек вроде мистера Гейба, такой видный и опытный, точно знает, как правильно прикоснуться к женщине.

Слова пролетают сквозь мозг, прежде чем я могу остановить их. Когда мои глаза встречают глаза мистера Гейба, клянусь, он видит меня насквозь. Я клянусь, он знает о моих самых греховых мыслях, и мое лицо заливается краской. У меня перехватывает дыхание.

Я говорю себе, что это не правда, и он не может знать, о чем я думаю. Он не мог просто почувствовать, что я только что представляла, как его кончики пальцев будут ощущаться, когда он пройдется ими по моей коже.

Это так неправильно.

Я знала мистера Гейба, когда была маленькой. Я даже сейчас думаю о нем как о *мистере Гейбе*, а не как о *мистере Райане* или *профессоре Райане*.

Что не так со мной? Почему я думаю о нем таким образом?

Это просто нервы, успокаиваю я себя. То, как мое сердце бьется сейчас, мой пульс учащается, а тепло заливает мое тело, это не притяжение. Это не то, чем может показаться.

- Это невозможно, - голос мистера Райана пробивается сквозь мои мысли. На секунду мое сердце останавливается, потому что я думаю, что он действительно читает мои мысли. Затем он заканчивает свое предложение. – Пьюрити не может быть зачислена в мой класс.

Когда он переводит свой взгляд с меня на моего отца, я, наконец, выдыхаю. Мне становится словно физически легче от того, что его взгляд больше не направлен на меня. Даже при том, что он и говорит с моим отцом так, будто меня нет в кабинете.

Даже если он подразумевает то, что я не могу учиться в его классе, так как недостаточно квалифицирована для того, чтобы быть здесь.

- Поверь мне, я пытался отговорить ее от этого, - бормочет мой отец.

Отговорить меня?! *Кричать и орать на меня* – это больше, чем пытаться отговорить. Я знала, что отец никогда не позволит мне подать заявку в какую-либо школу, кроме местного общественного колледжа. Он бы сказал мне, что это пустая трата времени, и что большой и жестокий мир сожрет меня живьем, поэтому было глупо даже думать о том, чтобы пойти в колледж. Нет, он бы сказал, что мне нужно остаться в Саус Холлоу, выйти замуж и родить детей. Черт, да все уже решили, что я выйду замуж за Джастина Эванса, как только окончу среднюю школу.

Так что я поступила в колледж, не сказав об этом отцу. Я заполнила свои заявления с помощью миссис Купер, городского библиотекаря. Ей никогда не нравился мой отец, и с тех пор, как я была ребенком, она позволяла мне сидеть в библиотеке во второй половине дня, пока мой отец читал проповеди. Я притворялась, будто читала книги, которые выбрал для меня отец, а миссис Купер подсовывала мне те, которые, она знала, никогда не одобрил бы мой отец.

Однажды, когда меня довела до слез мысль остаться в Саус Холлоу до конца своих дней, я сказала, что это ее вина. Ведь именно она была той, кто давал мне все эти книги и заставил меня не любить Саус Холлоу вместе с той жизнью, которую хотел для меня мой отец. Когда она улыбнулась в ответ, мне захотелось закричать. Разве она не понимала, что она сделала со мной, показав, что где-то существовала жизнь лучше той, что у меня была?

Я долго настаивала на том, что было бредовой идеей обращаться в престижные колледжи, но после того, как пришли мои почти идеальные баллы, миссис Купер настояла на том, чтобы я подала заявления в лучшие места из всех возможных, и даже помогла мне оплатить регистрационные сборы. Когда я получила свое первое письмо о зачислении, я сложила его обратно в конверт и убрала во внутреннюю часть моего стола, и перечитывала его каждую ночь в течение недели, чтобы убедиться в том, что это правда, прежде чем показать ей.

Когда я сказала отцу, что я сделала – подала заявление в школу вне штата, не поговорив с ним – он запретил мне куда-либо ехать. Он угрожал оставить меня в Саус Холлоу навсегда. Но даже такой безумец, как мой отец, был недостаточно сумасшедшим, чтобы думать, будто он действительно сможет удержать меня пленницей в моем родном городе; не с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать лет шесть месяцев назад.

В конце концов, он великодушно (по его словам) согласился, что я могу посещать колледж. Мне пришлось поклясться на Библии, что после того, как я закончу колледж, я вернусь в Саус Холлоу, где меня будет ждать

Джастин Эванс, один из дьяконов церкви моего отца, чтобы жениться на мне.

Джастин Эванс, с его потными руками и похотливыми взглядами.

Нет, спасибо.

Я положила руку на Библию и поклялась вернуться обратно. Я согала моему отцу. И теперь я вожделею мистера Гейба.

Я точно попаду в ад.

- Почему ты пытался отговорить Пьюрити от поступления в мой класс? – спрашивает мистер Гейб. Он встряхивает головой, его брови хмурятся, прежде чем он снова смотрит на меня. – Хотя неважно. Это не имеет значения. Мой класс уже набран, Пьюрити. Как бы я не хотел тебя взять, я не могу. Притом, это доступно только для студентов университета.

Мое лицо теплеет до тех пор, пока мои щеки, должно быть, не становятся ярко-красными, когда я осознаю, что он думает, будто я не студентка.

- Я учусь здесь, - говорю я, при этом мой голос дрожит. Я стараюсь подавить чувство тошноты в горле. Это более чем стыдно. Сжав челюсти, я вжимаю пальцы в ладонь, ногтями оставляя следы на коже, и делаю глубокий вдох. – И я уже зачислена в ваш класс.

И если ты думаешь, что я недостаточно хороша, чтобы присутствовать здесь, присоединяйся к клубу моего отца, потому что он также считает, что я должна учиться в общественном колледже, не в таком, как этот.

Складки на его лбу становятся глубже. – Это просто невозможно, – начинает он. Затем он останавливается, чтобы подойти к своему столу, явно озабоченный выяснением того, как я могла быть зачислена в его класс. Вместо того чтобы просто спросить меня, он начинает яростно стучать по клавиатуре, а его глаза неотрывно сосредоточены на экране, пока он входит в свой компьютер.

Секундочку.

Думает ли он, что я пришла к нему в офис, чтобы попросить его взять меня в его класс?

Всплеск гнева начинает заменять то, что я чувствовала к этому человеку минуту назад.

- Вы думаете, что я пришла сюда, чтобы умолять вас принять меня в класс?

Он не отвечает.

Хорошо, итак, может я и знала мистера Гейба, когда была ребенком, но этот парень явно стал придурком за последние годы. Все-таки не

похоже, что я знаю его – он и мой отец поссорились много лет назад, и во всем, что говорил мой отец про него, содержались такие слова, как «безбожник» и «развратник».

Само собой, это только интриговало меня, и я незаметно прошмыгивала из дома в библиотеку, где заимствовала книги мистера Гейба. Первой книгой была та, которая сделала его известным, но на самом деле это была вторая книга, написанная им. Я читала все его книги; должно быть, я обдумывала каждое слово сто раз.

Но я не могу сравнить человека, который написал красивые слова в этих книгах, с тем человеком, который, видимо, считает, что я недостаточно хороша, чтобы попасть в его идиотский класс.

Даже если мой желудок и переворачивается снова и снова, и я так волнуюсь о пребывании здесь, будучи студенткой, что могу упасть в обморок. И если даже я не чувствую себя достаточно умной, чтобы посещать колледж такого масштаба.

Я заслуживаю быть здесь, говорю я себе. Я не позволю ему заставить меня плохо чувствовать себя. А также я не позволю моему отцу думать плохо о моем пребывании здесь.

- Я подавала заявление, чтобы попасть в ваш класс, и я послала образец сочинения в письменной форме, - говорю я, добавляя уверенности в мой тон, хотя я слышу, как дрожит мой голос в моих собственных ушах. – Я была принята в эту школу и в ваш класс, как и все остальные.

Когда мистер Гейб, тфу, *не мистер Гейб*, потому что мне больше не восемь лет, а *профессор Райан*, выглядывает из-за своего компьютера, его лицо бледное.

- Так ты и сделала, - бормочет он, смотря обратно на экран компьютера, прежде чем снова посмотреть на меня. – Я читал каждый образец сочинения. Я и понятия не имел, что один из них был твоим.

- Это бы изменило ситуацию? – злобно спрашиваю я. Он расстроился, что я имела наглость подать заявление в его класс? Достаточно того, что мой отец думает, что я не должна «бежать в колледж», как он выразился. Но профессор Райан выглядит таким удивленным, что я в его классе, что это просто оскорбительно.

Но профессор Райан, похоже, даже не замечает того, что я расстроена. Он едва ли обращает внимание на это. Вместо этого, он открывает ящик своего стола и, вытаскивая папки, бормочет себе под нос. – Я помню твой образец....

Его голос стихает, пока он открывает бежевую папку.

Мое сердце останавливается. Кроме общей формы электронного

письма, в котором сообщалось, что я принята в класс, я никогда не получала какой-либо еще обратной связи на мое заявление – и это письмо точно не было обратной связью. Ни один человек не читал ничего написанного мной до этого: ни мои друзья из Саус Холлоу, ни, определенно, мой отец. Никто, кроме профессора Райана, который явно даже не знал, что оно мое.

И теперь он стоит прямо здесь, держа папку и просматривая ту часть, что я ему прислала. Прямо здесь, перед моим отцом.

Мое сердце перестает биться, а страх сжимает грудь. Профессор Райан не станет читать его вслух, так ведь? Он понимает, насколько личен, насколько *интимен* этот отрывок?

Я не могу дышать.

Я не имею никакого оправдания тому, что делаю дальше, за исключением того, что я ужасно запаниковала и не ясно мыслила. Я просто понимаю, что этот человек держит мое сочинение, то, над которым я так усердно работала, в которое я вложила всю свою душу, а он смотрит на меня так, будто я бездарность.

Я хватаю папку и вырываю ее прямо из его рук.

- Я была зачислена в ваш класс, по-честному, - говорю я ему, прежде чем он сможет отреагировать, и, прежде чем я пойму, как глупо и по-детски я только что поступила. – Но, если вы думаете, что я не должна учиться здесь потому, что я вас знаю, или потому, что я недостаточна хороша, тогда я отступлю.

Ты не должна учиться здесь, потому что ты хочешь почувствовать его губы на своем теле. Тебе не стоит здесь находиться, потому что ты хочешь почувствовать его между своими бедрами.

Я хочу закричать на мои вышедшие из-под контроля мысли.

Мое сердце ускоряется, а мое дыхание учащается, когда глаза профессора Райана находят мои. Мои щеки горят от стыда из-за моего детского поведения. О чем я думала, вырывая папку из его рук?!

Я ищу презрения в его глазах. Часть меня хочет, чтобы он сказал «да, сделай это, выйди из моего кабинета», потому что я не понимаю, почему я чувствую себя возбужденной, когда профессор Райан смотрит на меня. А также я не понимаю, почему мне важно знать, что именно он думает обо мне.

Но я не вижу презрения. На секунду я думаю, что вижу желание, но это невозможно, потому что я не знаю, на что это должно быть похоже. Даже если мне и кажется, что профессор Райан смотрит на меня так, это не правда. Должно быть, я слишком много воображаю. Или теряю рассудок.

Скорее всего, последнее.

- Отчислившись из класса Габриэля – и из этой школы – и возвратившись в Саус Холлоу, ты сможешь успокоиться, выйти замуж за Джастина и делать именно то, что должна, - отцовский тон силен и настойчив. – Если ты все еще настроена на поступление в колледж, общественная школа достаточна хороша.

- Я не вернусь в Саус Холлоу, - огрызаюсь я, удивляя даже себя своей непреклонностью.

Я не вернусь, желает ли видеть профессор Райан меня в своем классе или нет. Мой отец может хотеть, чтобы я осталась в Саус Холлоу навсегда. Он может думать, что мой долг – выйти замуж за Джастина Эванса. Но он не знает – или просто не заботится – о моих мечтах.

И ни одно из моих желаний не включает в себя Саус Холлоу, Теннесси, или замужество и рождение десяти детей, прежде чем мне исполнится тридцать лет.

Профессор Райан едва реагирует, когда я заявляю, что не вернусь в Саус Холлоу.

Он не разрывает зрительного контакта со мной, и я тоже не делаю этого, несмотря на то, что я могу чувствовать, как взгляд моего отца горит сбоку от меня.

Мой отец зол; я знаю об этом, даже не глядя в его сторону. Я никогда не осмеливалась вести себя так неуважительно или бросать ему вызов таким образом. Я не знаю, почему я чувствую себя такой храброй прямо сейчас, и почему я в состоянии перечить своему отцу, в кабинете профессора Райана. Особенно учитывая то, как профессор Райан смотрит на меня, заставляет мои колени дрожат.

Долгое время профессор Райан стоит там и пялится на меня. Его взгляд вызывает румянец, который распространяется по моим щекам и вниз по шее, прежде чем спуститься еще ниже до моих бедер, поселившись там.

- Ты не отчислишься из моего класса, - говорит он наконец.

Я слышу, как медленно выдыхаю, остро осознавая тот факт, что я стояла здесь, ожидая своего вердикта – не только с точки зрения класса, но и с точки зрения моего таланта.

Габриэль Райан слепо выбрал меня из всех претендентов на место в его класс, основываясь исключительно на образце моего сочинения. И теперь он хочет, чтобы я осталась в его классе. Значит, у меня есть капелька способности к писательству.

Правильно?

Профессор Райан говорит так, будто он умеет читать мысли.

- Судя по твоему сочинению, ты должна быть в моем классе. Тебе требуется вся помощь, которую ты можешь получить.

Oй.

Я стояла, моргая, в шоке, а мое сердце сжалось от его слов. На секунду я замечаю какое-то мерцание в его глазах. Может жалость? Нет, скорее всего, мне кажется это, потому что я не хочу думать, что мистер Гейб, которого я помню с детства, на самом деле высокомерный придурок.

И на самом деле, должно быть, я замечаю то, что ожидаю увидеть в его глазах. Потому что он отводит взгляд и, поворачиваясь к моему отцу, окончательно отстраняется от меня.

3

Габриэль

Я полный и абсолютный идиот.

Я видел это в глазах Пьюрити, когда комментировал ее сочинение, разочарование ранило ее в самое сердце, когда я нелестно отзывался о ней. Мне следовало быть добре и гостеприимнее. Черт, мне следовало быть честным и сказать Пьюрити, что ее образец сочинения был наиболее выдающимся из всех письменных материалов, предоставленных на рассмотрение.

Но я не честный и не добрый.

Вместо этого я повел себя как придурок, и это не было хоть сколько-нибудь ее виной. В конце концов, это не вина Пьюрити, что мой разум находился где-то в сточной канаве с той секунды, как только она вошла в мою дверь. Это определенно не ее вина, что мне захотелось снять это невинное маленькое белое платье с нее.

Мне срочно нужно выбросить из головы эти мысли.

За секунду до того, как произнести то, что я сказал, мне показалось, что я заметил мерцание желания в ее глазах. Я действительно подумал, что заметил, как ее зрачки увеличились, когда она посмотрела на меня. Я подумал, что заметил, как ее дыхание сбилось.

На секунду мне показалось, что я видел возбуждение.

И это чертовски опасно.

Лучше пусть думает, что я высокомерный мудак.

Баритон Алана прерывает мои мысли.

- Пьюрити, пожалуйста, подожди снаружи, пока я поговорю с Габриэлем.

Oх, блять. Мог ли он заметить вину на моем лице за то, что я смотрел на его дочь с вожделением?

- Я не отчислюсь из класса, - говорит Пьюрити, ее голос тверд. Всплеск восхищения проносится сквозь меня от ее настойчивости; устоять перед своим отцом, а тем более передо мной, особенно после того, как я был груб с ней. У девушки более твердый характер, чем я ожидал увидеть от той, которую знал прежде. Но как бы я ни хотел признать ее силу, я не смотрю в ее сторону, потому что не могу.

Если я снова посмотрю на нее, я знаю, что все эти грязные мысли вернутся назад.

- Пьюрити, - предупреждает ее отец.

Девушка громко вздыхает перед тем, как развернуться и выйти из

моего кабинета. Когда она уходит, я, наконец, разрешаю себе взглянуть на нее, и сразу же жалею об этом, когда мой взгляд падает на ее ох-какую-идеально-круглую попку. Платье длиной до пола ласкает изгибы Пьюрити, когда она выходит, умудряясь не оставить ничего о своей заднице моему воображению.

Мой член дергается при одном взгляде на нее, и я заставляю себя сделать вид, будто кашляю, чтобы скрыть свое возбуждение.

Тот факт, что я не могу перестать смотреть на ее задницу, опасен. Это должно вызывать беспокойство.

Это тревожит.

Это так смущает, на самом деле, что я опускаюсь в кресло за своим столом, на мгновение, игнорируя Алана, пока дергаю левый нижний ящик. Молча, я достаю бутылку виски и стакан, которые спрятаны там, на случай чрезвычайных ситуаций.

Таких чрезвычайных ситуаций, как обнаружение, что я гребаный извращенец с непристойными мыслями о восемнадцатилетней дочери проповедника. Такого типа чрезвычайных ситуаций, которые означают, что именно ты возглавишь поезд-экспресс в ад.

Я указываю на пустой стакан, предлагая его Алану, хотя знаю, что он откажется, потому что не пьет. Наливая виски на два пальца, я игнорирую его осуждающий взгляд.

Этот взгляд заставляет меня тихо засмеяться.

Если бы он только знал, каким образом я только что думал о его дочери, он бы осудил меня намного больше, чем сейчас.

После принятия алкоголя, я возвращаю бутылку обратно в ящик стола. Виски согревает мой живот, но ничего не делает для того, чтобы успокоить мое сердце.

Алан протяжно выдыхает.

- Мне следовало позвонить и предупредить, что мы придем к тебе.

Или дать понять, что твоя дочь собирается поступать в этот колледж. Или, что она собирается в мой класс. Или, что она написала именно то, что написала.

Или, что она выросла в женщину, которая выглядит так, как она.

Я думаю, то, как она выглядит сейчас, может отложиться в моей памяти навсегда.

- Да, следовало, - отвечаю я коротко. Слишком многое, что произошло между мной и Аланом, было для меня горьким. Мы вместе росли в Саус Холлоу, мы были лучшими друзьями, когда были детьми, но это не означает, что у нас всегда было одно мнение на какой-либо вопрос даже в

юности. Мы были друзьями только в силу того, что жили по соседству в маленьком южном городке, а не потому что у нас было одинаковое мировоззрение.

Итак, как только нам исполнилось по восемнадцать, Алан пошел в одну сторону, а я пошел в другую. Он женился на Деборе, своей возлюбленной из средней школы, робкой девушке, которая забеременела спустя месяц после их свадьбы. Я рванул делать ровно противоположное, потому что, черт возьми, именно это я и собирался делать, как только мне исполнится восемнадцать лет.

К тому времени, как Алану исполнилось девятнадцать, он служил в церкви и уже имел зачатки таланта к тому, чтобы рассказывать людям о пагубности жизни за пределами Саус Холлоу. Я же к тому времени, как мне исполнилось девятнадцать, присоединился к морпехам, и поклялся себе, что никогда не буду обременен женой или ребенком.

Еще через год, Алан решил, что местная церковь слишком либеральна, «слишком мирская», как он выразился тогда – и решил начать свое дело, несмотря на отсутствие квалифицированной религиозной подготовки. Он дошел до грани, когда Пьюрити было четыре, потому что жена Алана просто взяла и бросила его. Она просто исчезла из Саус Холлоу, оставив Пьюрити на его попечении.

Он и до этого был очень заботлив с Пьюрити, но как только Дебора ушла, он стал еще более замкнутым, более жестоким, и более поверхностным. Он никогда не поднимал руку на нее, потому что хотя я и был полным лодырем тогда, я бы обязательно вмешался, если бы узнал, что он причиняет Пьюрити боль. Он просто хотел изолировать ее от всего мира. Все это происходило под предлогом ее защиты и видом того, что полезно «для ее души». Это означало домашнее обучение, выбор ее друзей... в общем, полный набор.

После того, как его жена ушла, я приехал в Саус Холлоу в отпуск. И сказал ему сходить к гребаному психиатру. Он ответил мне, чтобы я держал свой нос подальше от его дел.

Последний гвоздь в гробу нашей дружбы был забит, когда мой старший брат и его парень поженились в нашем доме в Саус Холлоу (наша мать была слишком больна, чтобы поехать в какое-либо другое место) – и церковь Алана узнала об этом. Люди из его церкви стояли перед домом, в котором прошло мое детство, с табличками, оскорбляющими моего брата и его мужа всеми возможными мерзкими словами. Это было последней каплей.

Не думаю, что человек, сидящий передо мной, с тех пор сильно

изменился, но все-таки, может это так, раз он появился здесь с Пьюрити, которая хочет учиться в колледже. Может, теперь он другой человек. Возможно, дать ему шанс, было бы чем-то правильным.

- Пьюрити, должно быть, хороша, - говорю я, попадая в принудительно вежливую беседу. – Я имею в виду, что она должно быть, хорошо училась в школе, если смогла поступить в этот колледж.

Школе.

Как только слова покидают мой рот, я задыхаюсь. Вина напоминает мне, что девушка, от чьей груди я только что не мог оторвать глаз, всего месяц как выпустилась из школы.

Алан поджимает губы и качает головой.

- Она должна вернуться в Саус Холлоу, а не валять дурака в колледже. Как немного людей меняются к лучшему.

- Она довольно способная, если попала в престижную школу. Неходить в колледж – было бы тратой ее таланта.

Щеки Алана краснеют, и он сжимает кулаки по бокам.

- Она вернется в Саус Холлоу, - предсказывает он. – Где выйдет замуж за Джастина Эванса. Это уже запланировано.

Я задыхаюсь. – Запланировано кем?

- Она согласилась, - настаивает он, игнорируя мой вопрос. – Ты не понимаешь, она ему обещана.

- Нет, блядь, не понимаю.

- Я разрешил ей поступить сюда только потому, что ей восемнадцать и это ее воля. Но как только она увидит зло этого места, она поймет, что Саус Холлоу – ее дом, и Джастин ждет ее там.

Он точно неадекватный.

Я вне себя от мысли, что девушка заперта в этом маленьком городке ее помешанным отцом. А ее перспектива выйти замуж за недалекого человека даже больше приводит в ярость.

- Я сказал ей, чтобы она даже не готовилась жить одна в школе, особенно в таком месте, как это, - продолжает он.

- Она взрослая, - отрезаю я, поднимаясь с кресла, потому что уже закончил этот разговор. – Большинство родителей гордились бы тем, что их ребенок поступил в такую школу.

- Она сообщила мне только после того, как поступила сюда, - говорит он мне. – Она даже не спросила моего разрешения.

Разрешения?

И хорошо, что не спросила.

- Ну, разрешение родителей не требуется для посещения колледжа, -

говорю я. – К счастью.

Алан встает и вытирает руки об штаны, делая протяжный выдох. Он открывает свой рот, чтобы сказать что-то, а после закрывает его обратно, и стоит там долгое время, выглядя так, как будто ему неловко и неудобно. Он вздыхает.

- Я знаю, что у нас с тобой были разногласия, - начинает он.

- Ты послал своих приспешников, чтобы выплеснуть свою ненависть на моего брата, - говорю я жестко. – Это не вопрос расхождения во мнениях. Это скорее вопрос приличия.

На мгновение его лицо смягчается, и мне кажется, что я на самом деле вижу сожаление на его лице. На мгновение он выглядит как заботливый отец, а не чрезмерно контролирующий придурок, которого я раньше знал. На мгновение я вспоминаю совместные катания на велосипедах по нашему району и поездки в город, чтобы купить мороженое в летнее время, когда нам было по десять лет.

Он даже не понимает или не слышит, что я сказал.

- Мне нужно... одолжение, - говорит он, запнувшись на слове. – Мне нужно, чтобы ты присмотрел за Пьюрити. Проверяй, что у нее нет никаких проблем. Она не бывала в таком месте раньше, Габриэль. Она жила в Саус Холлоу всю свою жизнь.

Я вздыхаю. Что бы я ни думал об Алане, я, безусловно, присмотрю за Пьюрити. Это не вина Пьюрити, что отец держал ее в изоляции от всего мира. Переезд в колледж будет совершенным шоком для ее психики.

Она невинна, беззащитна и наивна.

И это делает тот факт, как я смотрел на нее, еще более предосудительным.

Это также означает, что я больше никогда не смогу смотреть на нее таким образом снова.

- Конечно, я буду следить за ней, Алан, - обещаю я.

Пьюорити

Я бросаю свою тяжелую сумку на матрас в комнате общежития и выпускаю из рук чемодан. Как только я убираю руки, несбалансированный багаж накреняется, с грохотом падая на дешевый кафельный пол. Я тяжело выдыхаю.

- Ох. Это был тяжелый подъем по лестнице.

Я делаю мысленно заметку – разузнать, где находится школьный тренажерный зал; четыре лестничных пролета, два чемодана, а я уже достаточно измотана, так что на моей повестке дня стоит поход в спортивный зал.

Мой отец ставит одну из коробок на пол прямо в дверном проеме, его лицо красное. Он вытирает пот со лба.

- Отсутствие работающего лифта в этом здании – опасно. Столько студентов, а лифт сломан. Можно подумать, с такой оплатой за учебу, они не могут позволить себе приличный лифт. Знаешь, это еще одна причина, по которой тебе не стоит учиться здесь. Что будет, если ты сломаешь себе шею, поднимаясь или спускаясь по этой лестнице?

Я стараюсь не закатить глаза.

- Я не собираюсь сломать себе шею, поднимаясь по лестнице.

- У тебя еще есть время, чтобы передумать и уехать отсюда, - отвечает он. – Можно успеть отложить всю эту чушь в сторону и вернуться в Саус Холлоу со мной.

Вернуться в Саус Холлоу и жить под крышей моего отца, пока не настанет пора выйти замуж за его протеже Джастина и нарожать миллион младенцев? Нет, думаю, я обойдусь. На самом деле, я бы преодолевала лестничные пролеты *сотни раз*, чтобы добираться до своей комнаты в общежитии каждый день, если бы это означало получение хотя бы некоторой передышки от моего отца и Саус Холлоу.

Я глубоко дышу и напоминаю себе, что скоро мой отец вернется домой.

Он настоял на том, чтобы отвезти меня до колледжа, и я не возразила ему, потому что я никогда не возражала ему. Может быть, я бесхребетная, а может быть, так просто проще избежать столкновений с ним. Он скоро уедет, и я останусь одна. *Наконец-то*.

- Все в порядке, - говорю я ему спокойным голосом. Важно сохранять спокойствие, когда дело доходит до моего отца, потому что он постоянно выходит из-под контроля, особенно, когда дело касается меня.

- Нет, не в порядке, - говорит он жестко, поворачиваясь, чтобы уйти. – Я собираюсь поговорить об этом с кем-нибудь. Здесь где-то должен быть обслуживающей персонал.

Он выходит из комнаты в припадке гнева, оставляя меня на мгновение облегченно вздохнуть от моего отца. Я привыкла думать о том, что я так сильно хочу сбежать от него и Саус Холлоу, что это сделало меня неблагодарным человеком, плохой дочерью.

Иногда я все еще так думаю.

Меня учили уважать старших, быть угодливой всем и выполнять то, что скажут без вопросов. Меня воспитали, чтобы остаться в Саус Холлоу, выйти замуж, рожать детишек и быть счастливой, делая именно это. Меня воспитали так, что думать о чем-то большем, кроме такой жизни – грех.

Иногда я волнуюсь из-за этого.

- Хэй. – Голос девушки пробивает сквозь мои мысли. Она заходит в комнату и мне становится неуютно.

Ой.

Это моя новая соседка по комнате?

Мой желудок сразу же скручивается в узлы, потому что я ужасно напугана. Эта девушка не может быть моей соседкой. Она... *классная*. Нет никакого другого слова для ее определения. Она одета в черные кроссовки с неоновым геометрическим дизайном по бокам, порванные джинсы и черную футболку с потертым логотипом на ней. Она носит несколько сережек в обоих ушах, бриллиантовый пирсинг блестит в носу и татуировки обрамляют ее левую руку.

Ее *голова* побрита с двух сторон, а в середине оставлена полоска длинных волос. И она теребит себя за руку – но не нервно, потому что крутые и уверенные в себе девочки не нервничают, не так ли? Эта девушка определенно не та, которая будет нервничать где-либо. Она та девушка, которая может зайти в бар, полный байкеров, и выглядеть так, будто она владеет этим местом.

Между тем, я как рыба, выброшенная на берег, в своем длинном белом платье и со своими длинными обычными волосами, которые ниспадают мне на спину. У этой девушки должна быть общая комната с другой крутой девушкой, а не одомашненной дочуркой проповедника.

У нас не будет ничего общего, и она определенно будет презирать меня.

Что, если в этом заведении все такие крутые, как она?

Может, отец был прав. Может быть, мое бегство в колледж было ошибкой.

Моя соседка приподнимает брови. – Ты в порядке?

- Я Пьюрити. – Я едва могу вымолвить слова, а также я стесняюсь своего имени, которое кажется устаревшим вместе с моим длинным платьем. Я задерживаю дыхание, ожидая, когда девушка усмехнется или едко прокомментирует мое имя.

Но она не делает этого. Вместо этого она просто кивает, ее выражение лица абсолютно нейтральное, что делает меня еще более нервной. – Луна.

- Прости, что? – спрашиваю я, смущаясь.

- Луна, - повторяет она. – Это мое имя.

- Не пугай бедную девочку, Луна. – Женщина проскальзывает в комнату, на ней расписная футболка, большой шарф и хрустальные подвески. Ее кудрявые седеющие черные волосы ниспадают по плечам вниз к ее бедрам, они разделены пробором и забраны на голове заколкой из яркого бисера. Она носит рюкзак, изготовленный из ткани в стиле пэчворк, а сама женщина пахнет ладаном и пачули.

- Она меня не пугает, - возражаю я, но мой голос дрожит. Это вроде как, правда. Моя новая соседка по комнате меня не пугает; меня пугает вся эта ситуация в целом. – Я в порядке.

Я говорю, что я в порядке, больше для того, чтобы успокоить себя, что все на самом деле хорошо.

Прежде чем я успею сказать что-нибудь еще, руки этой хиппи уже на моих руках, и она пристально смотрит мне в глаза. – Луна может быть немного напористой, я знаю.

Рядом со мной Луна громко фыркает.

- Ага, хорошо, я слишком напористая. И это говорит женщина, которая в настоящее время *пристает* к моей соседке по комнате. Мам, отойди.

- Вайолет², - представляется мать Луны, все еще глядя на меня, держа мои ладони в своих руках. Что? Вайолет? Это ее имя? Я смотрю на Луну, взывая к помощи, но все, что я получаю от своей новой соседки – это очередное закатывание глаз.

- Приятно познакомиться... эм... Вайолет, - нерешительно говорю я.

Луна смеется. – О, она не Вайолет. Она просто считывает твою ауру, Пьюрити. Она говорит, что твоя аура фиолетового цвета. Ты привыкнешь к этому. Моя мама постоянно это делает, хотя там нет и *нулевой* научной основы для обоснования этому.

- Это достаточно негативная энергия, Луна, - одергивает ее мать. – Ты собираешься делить комнату с Пьюрити, поэтому мне придется сделать

ритуал очищения.

Луна стонет в ответ.

- Мам, ты здесь ничего не сожжешь. Это против правил общежития.

Ее мать вздыхает, глядя на меня.

- Аура Луны красная. Она страстная и мотивированная на целеустремленность, но она всегда настаивает на поиске логического объяснения вещей.

- Я знаю, - заявляет Луна, падая на кровать. – Это *совершенно безумно*, что я требую *логическое объяснение верований*, верно?

- Понимаешь, что я имела в виду, Пьюрити? – спрашивает меня мама Луны. – Она всегда все подвергает сомнению. Но в этом нет ничего такого, Луна Мун, потому что я принимаю тебя такой, какая ты есть. Иначе быть не может.

Луна Мун?!

- Но *ты*, дорогая, - мама Луны возвращается ко мне. – Ты фиолетовая.

- Фиолетовая? – заикаюсь я. Я не знаю, как реагировать на эту женщину, которая все еще стоит здесь и косится на меня.

Я до сих пор не уверена, что хорошо понимаю. Я чувствую себя не в своей тарелке, находясь в новой школе, в новой комнате с новой соседкой, которая выглядит как член панк-рок группы и ее матерью, которая, кажется, была доставлена сюда прямо из Вудстока.

- Цвет твоей ауры, - объясняет мать Луны. – Ты тревожная и тихая... угоджаешь всем... противоположность ауры Луны. Ей все равно, что о ней думают люди.

В общем, она пытается сказать мне, что я бесхребетная тряпка, а моя соседка, уверенная в себе. Потрясающе.

- Не смотри на меня так, - восклицает мать Луны.

Она со мной разговаривает???

- Я не... Я не...

- Куда смотреть? – Я заикаюсь.

- Ты *не* тряпка, - говорит мать Луны, будто она умеет читать мысли.

Блин. Может она правда читает мои мысли? Может, она хиппи-экстрасенс.

- Эм... Хорошо? – Это единственные два слова, которыми я могу управлять сейчас.

- Нет, - настаивает она, взяв мои руки в свои и смотря глаза в глаза. – Так только сначала кажется, это потому, что ты еще не нашла свой путь, вот и все. Люди с фиолетовыми аурами – творческие. Ты же знаешь поговорку, что в тихом омуте черти водятся? Это про тебя, Пьюрити.

Она наконец-то отпустила меня и хлопнула в ладоши.

- На самом деле это идеально, знай. Это как если бы университет выбирал бы вас двоих в качестве соседей по комнате, основываясь на вашей психологической совместимости. Это брак, заключенный на небесах, правда.

- Психологическая совместимость, мама? – вставляет Луна. – Серьезно, прекрати. Ты ее пугаешь, имей уважение. Разве не достаточно того, что ты уже ходила по общежитию, вручая всем презервативы и брошюры по безопасному сексу?

Что она сделала?

Никогда не слышала, чтобы кто-то использовал слова безопасный секс и презервативы в случайном разговоре так просто. Экспертом в моем половом воспитании был мой отец, который говорил мне «не делать этого», пока я не выйду замуж, а вот эта женщина раздает презервативы случайным студентам?

Во что я ввязалась?

- Знаешь, день заселения – это прекрасная возможность для представителей центра студенческого здоровья раздавать презервативы, – размышляет мать Луны.

- Я всегда говорю, что лучше быть подготовленной. Кстати говоря, может, я оставлю презервативы здесь, в вашей комнате? Так у вас всегда будет запас на случай необходимости, или вы сможете раздавать их друзьям, когда они будут приходить к вам. Я привезла с собой целый пакет.

Моя глаза становятся похожи на блюдца, когда женщина достает свой рюкзак и показывает биоразлагаемый продуктовый пакет, наполненный презервативами всех цветов радуги.

О, нет. Мой отец может вернуться в любую минуту и увидеть это. Он определенно устроит большую сцену.

- Ты в порядке, дорогая? – спрашивает мама Луны. Она протягивает рюкзак, полный презервативов прямо мне в руки.

Нет, нет, нет. Этого не произойдет. Мой отец зайдет в эту комнату и увидит меня, держащую в руках сотню презервативов.

- Ты выглядишь немного уставшей. Вот, понюхай это. – Мама Луны пихает какой-то флакон мне под нос.

Луна прыгает вверх, выхватывая его.

- О, боже мой. Не нюхай ничего, что моя мама дает тебе, – советует мне Луна, смотря на бутылочку. – Что это, мама? Надеюсь, это законно?

- Это масло перечной мяты, Луна Мун, – отвечает ее мать. Я наблюдаю за их разговором через дымку паники со странным чувством

отрешенности и увлечения. – Она думает, что во всех моих средствах содержится марихуана.

Марихуана?

Для меня слишком много информации, чтобы обработать все это, поэтому я просто молча киваю и беру флакон, который держит мать Луны. Аромат мяты наполняет мои ноздри и это на самом деле помогает мне почувствовать себя намного лучше за считанные секунды.

- Моя мама владеет не совсем обычным баром, - сообщает мне Луна.

– Так что ты должна скептически относиться к любым хлебобулочным изделиям, которые она тебе будет предлагать.

- Хорошо. – Я не могу ответить никаким другим словом.

Луна просто смеется над моей реакцией.

- Я понимаю. Мы именно такая семья, которую ты ожидала увидеть в школе типа этой, верно?

Проходит секунда, прежде чем я понимаю, что Луна любит сарказм, потому что ирония в том, что, вероятно, именно этого ожидал увидеть здесь мой отец. Он убежден, что колледж это логово греха. Луна и ее мать – воплощение его худших кошмаров и то, что заставит меня убежать обратно в Саус Холлоу по его мнению.

- Что за ужасные вещи ты говоришь, Луна? – ее мать кладет руку ей на печи.

- Моя дочь – блестящий программист, и я очень горжусь ей, даже при том, что она пошла в колледж, который спонсируют эти придуры с Уолл-Стрит и другие корпоративные психи.

- Ты понимаешь, что моя новая соседка может учиться на экономиста, мама? – дразнится Луна. – Может быть, она хочет быть банкиром с Уолл-Стрит, когда выпустится.

- Конечно же, нет. Не с фиолетовой аурой. Она творец – художник, скульптор, актриса? – Она загибает пальцы, когда перечисляет профессии, хмуря брови, когда я отрицательно качаю головой. – О, погоди-ка. Писатель!

- Ну, не совсем. Я только начинаю это дело. Я пока еще ничего не написала, поэтому не могу называть себя писателем.

Я чувствую, как мое лицо краснеет, когда я теряюсь в словах.

- Ох, это просто великолепно. Писательство идеально для тебя, – восхищается она.

По той же причине, что и нервничаю, я не могу не улыбнуться ее энтузиазму. Мой отец никогда ни о чем не говорил с таким восторгом.

- Ой, так о чём я говорила до того, как вы меня прервали? Я

постоянно отвлекаюсь; Луна еще расскажет тебе об этом. Правильно – презервативы.

Я понимаю, что все еще держу ее рюкзак с презервативами.

- Тебе нужна для них декоративная ваза, - рекомендует она, забирая рюкзак из моих рук. – Так, хорошо. Должно быть, здесь есть универмаг, где вы бы могли купить какую-нибудь небольшую миленькую вазочку, для того, чтобы положить их туда. Мне нужно забрать мой рюкзак домой, так что я просто вытрясу их на кровать, пока вы не найдете что-нибудь, чтобы положить их туда.

Она вытряхивает презервативы прямо на кровать, как раз когда мой отец заходит в комнату.

Он держит в руках ярко-розовую листовку, на которой огромными буквами гласит: БУДЬ ЗАЩИЩЕННЫМ В ЭТОМ СЕМЕСТРЕ! Плюс презерватив и чупа-чупс, приклевые к флаеру.

- НЕТ! – кричу я маме Луны.

Затем я делаю единственное, до чего додумываюсь, чтобы остановить это надвигающееся крушение поезда – я выдергиваю рюкзак из ее рук и прячу за спину.

Мать Луны кидает на меня странный взгляд, но быстро отвлекается на присутствие моего отца.

- О, я смотрю, вы нашли одну из моих...

О, нет. Она вот-вот расскажет про свои листовки, а мой отец вот-вот скажет что-то ужасное, что заставит мою новую соседку и ее мать возненавидеть меня навсегда.

- Это моя новая соседка Луна и ее мать! – я прерываю, щебеча слишком звонко и громко.

- Я Джезибель, - представляется мать Луны. Она выставляет руку, чтобы пожать руку моего отца.

Я сейчас задохнусь. Я стою здесь, пряча гигантский мешок с презервативами за моей спиной, в то время как мой отец-проповедник знакомится с Джезибелль, матерью-хиппи моей соседки по комнате.

Если до этого, мой отец не был убежден, что этот колледж – порождение дьявола, то теперь он точно уверен в этом. На самом деле, сейчас он выглядит так, будто у него инсульт. Краснота поднимается по его шее, а его лицо, кажется, становится фиолетовым.

- Все просто зовут меня Джез, - объясняет мать Луны, не замечая ничего плохого. – Эти флаеры такие милые...

Нет. Пожалуйста, не говори, что эти листовки твоих рук дело.

- Привет всем! – веселый голос прерывает нас, по-видимому,

принадлежащий блондинке с высоким хвостиком на голове, которая одета в шорты цвета хаки и футболку поло. Я молча говорю ей спасибо за то, что она перебила нас.

- Я Кэролайн, староста общежития. Если вам что-то понадобиться, моя комната за углом.

- Мне нужно знать, как избавиться от этих совершенно неуместных листовок... - мой отец в бешенстве.

- Мне о-очень приятно с тобой познакомиться, Кэролайн, - одной рукой, сжимающей мешок презервативов за спиной, я протягиваю другую перед отцом, чтобы поздороваться со старостой. Нет ничего лучше паники, чтобы мгновенно превратить интроверта в экстраверта. – Я Пьюрити, а это мой отец – Пол Тейлор.

Я намеренно оставляю за собой «преподобную» часть его имени, но он тут же добавляет ее.

- Преподобный Тейлор.

- О-ох, теперь понятно, - вздыхает мама Луны.

- Что это значит? – спрашивает мой отец.

- О, ничего, - говорит Джез самодовольно. – Просто это объясняет вашу черную ауру...

- Мою ауру? – мой отец ощетинивается. – Что за бред ты...

- Вы знаете, многие родители хотят пройтись по территории университета, когда приезжают, - говорит староста, явно предвещая будущую катастрофу.

- Рядом есть веганские кафе? – спрашивает мама Луны.

- Веганские кафе? – ляпает мой отец. – Я должен был знать.

- Или бар, - бормочет Луна. – Мне нужно выпить.

- О, ха-ха-ха, - нервно хихикает староста. – Бар. Конечно же, мы не оправдываем распитие алкоголя несовершеннолетними.

- Вы знаете, на самом деле, моему отцу уже пора возвращаться домой в Теннеси, - я шагаю между ними, мои щеки горят от смущения, когда я пытаюсь незаметно вручить рюкзак матери Луны. Взяв отца за руку, я направляю его к двери. – Было приятно познакомиться со всеми!

- Я не хочу, чтобы ты жила в одной комнате с этой девушкой, у которой такая мать, - специально громко говорит мой отец, когда мы идем по коридору. Мой желудок сжимается, пока я пытаюсь сдержать его от устраивания сцены в моей комнате.

- Она кажется милой, - говорю я тихо.

- Милой? Эти волосы... и эти татуировки... и пирсинг... и мать, - он перечисляет все, что считает негодным в этой ситуации.

- Распределения по комнатам случайно, - напоминаю я ему, делая глубокий вздох, пока мы идем по лестнице вниз. Я напоминаю себе, что мне восемнадцать лет.

Я взрослая и могу принимать собственные решения о поступлении в колледж и нахождении вдали от Саус Холлоу.

Я не должна придерживаться всех ожиданий моего отца и всех его правил поведения.

Я могу надеть юбку выше колен, если захочу это сделать.

Я могу краситься.

Я могу ходить на свидания.

Я стремительна в своих возможностях, но я также и более нервна, чем когда-либо была в своей жизни. Я никогда ничего не делала сама. Я всегда была под крылом своего отца.

- Я взрослый человек, - утверждаю я, а мой голос непоколебим. Мой отец не привык, чтобы я перечила ему. Я не привыкла стоять за себя, но я вдруг чувствую себя озлобленной от всего безумия, что творилось в моей комнате.

Я имею в виду, что это немного комично, если задуматься. Девственница, дочь проповедника получает комнату вместе с татуированной девушкой, чья мать, Джезибель, владеет баром и раздает презервативы в общежитии.

Мой отец, должно быть, думает о том, что я попала буквально в логово сатаны.

Смех начинает клокотать в груди, поэтому мне приходиться закусить губу, чтобы подавить его. Это не самое подходящее время, чтобы начать истерически хохотать, не тогда, когда мой отец стоит здесь, уставившись на меня так, будто хочет меня похитить и насильно отвезти обратно в Саус Холлоу.

Я не должна смеяться над этим.

- Я не хочу, чтобы ты проводила время с этой девушкой, - резко говорит он. – Я буду следить за тобой. Я попросил мистера Райана присмотреть за тобой тоже.

Жар заливает мое тело, при мысли о времяпрепровождении с мистером Гейбом, и я должна напомнить себе, что как бы он ни был горяч, этот парень – придурок.

Когда мы добираемся до машины, мой отец достает свой портфель и вручает мне лист бумаги.

- Я написал для тебя список церквей. Ты можешь найти там подходящих тебе друзей.

Я сжимаю челюсть, когда он произносит свои слова. Луна кажется хорошей, в конце концов. Ее мать может и чудаковата немногого, но они, очевидно, заботятся друг о друге – это больше, чем я могу сказать о себе и моем отце. Но я не хочу спорить, поэтому просто говорю: «Да, отец», и беру бумагу в руки.

- У меня есть для тебя прощальный подарок, – говорит он, протягивая мне пакет. – Тебе не нужно открывать его сейчас. Но там есть кое-что, что понадобится тебе в учебном году.

На секунду, я все же замираю. Мое сердце смягчается, когда я обнимаю отца и говорю ему слова прощения. Когда я иду обратно в комнату, я думаю о том, что, возможно, это правда тяжело для него – неблагодарная дочь. В конце концов, он пожертвовал большей частью своей жизни, чтобы воспитать меня, после того, как моя мать ушла от него. Он проводил много времени дома, обучая меня. Конечно, он мог хотеть, чтобы я вернулась в Саус Холлоу и вышла замуж за Джастина, но это потому, что он желает только лучшего для меня.

Может быть, я повела себя слишком эгоистично, выбрав колледж, который находится далеко от дома, чтобы осуществить свою мечту о писательстве? Может быть, я должна быть немного более благодарной за те хорошие вещи, которые мне может предложить маленький городок?

Когда я возвращаюсь в свою комнату, Луна и ее мать куда-то ушли. Я сажусь на кровать и открываю подарок своего отца. Мое сердце разбивается на части, когда я вижу книги: «Почему хорошие девушки выходят замуж», «Воздержание» и CD-сборник проповедей моего отца.

Я даже не пытаюсь не застонать, смотря на «вещи», которые, по мнению моего отца, понадобятся мне в колледже. Многие родители дарят своим детям что-то для украшения их комнаты в общежитии, а мой отец вручает мне свои проповеди на компакт-диске.

Я вздыхаю и засовываю все в ящик моего стола. Я решаюсь остаться здесь, несмотря на то, как сильно буду нервничать. Возращение в Саус Холлоу просто не возможно.

5

Габриэль

Я смотрю на чистый документ на экране моего компьютера. Курсор постоянно мигает, очевидно, издеваясь надо мной, а тяжелое дыхание моего бульдога кажется раз в десять громче, чем есть на самом деле. Звучит так, будто он был специально выведен для того, чтобы мешать моей способности мыслить ясно.

Когда я смотрю на него осуждающим взглядом, он трясет своей головой из стороны в сторону и у него взгляд сродни человеческой любознательности. Я тяжело вздыхаю. – Ты прав, Хэми. Сегодня не удастся ничего написать. Никаких шансов.

Вполне возможно, что у меня худший из всех творческих кризисов на земле. Точнее, это факт.

Ладно, может и не факт. Я немного преувеличиваю, но только слегка. Я уверен, что каждый писатель думает, что его творческий кризис заставляет его чувствовать себя хуже всех. Но мне, конечно же, особенно плохо.

Прошло три чертовых года с момента написания моей последней книги.

Когда это закончится, и мой творческий кризис перейдет из перманентного состояния в *краткосрочный* период «не-сочинительства»?

Конечно, все не так плохо и я не бросил писать полностью. Я писал куски и отрывки романов. Набрасывал что-то на листах, вырванных из тетрадей на спиралях, быстро складывал их пополам и засовывал обратно, прежде чем кинуть тетрадь на полку в своем кабинете. У меня слишком много документов в компьютере, которые хранят всякие фразы, цитаты или отрывки, которые я все время записываю, даже если и знаю, что больше никогда на них не взгляну вновь. Все зарисовки и отрывки романов, которые я набрасываю на салфетках в ресторане или баре, а затем, кладя их в карман куртки и складируя в ящике своего рабочего стола – я также больше никогда не увижу снова. Идеи в моей голове постоянно кружатся вокруг моего сознания, и я выражают их словами.

Мне следует обратиться к кому-нибудь. Мой агент нашел терапевта, который специализируется на работе с «творческими личностями» - слова моего агента, не мои. Я никогда не думал о себе как о «творческом» человеке, хотя написание нескольких романов и преподавание в престижном университете, наверное, делает меня таковым.

Когда мне было восемнадцать, и я проводил вечера за попкорном и

наливанием содовой в старом кинотеатре Саус Холлоу, я никогда не думал о себе как о ком-то близком к творчеству человеке. В возрасте девятнадцати лет, когда я поступил в морскую пехоту, потому что мне надоело быть бесцельным и прозябать свою жизнь, я бы врезал любому, кто хотя бы намекнул на то, что я обладаю хоть каплей творческого потенциала. Ведь творчество можно было поставить в одну категорию с абсурдностью, эмоциональностью и прочим «чувствительным» дерьямом.

Теперь же, я трачу свое время, пытаясь восстановить творческую магию, которую, казалось, я имел в переизбытке несколько лет назад. Магию, которая породила больше идей, чем у меня было, и которая заставляла мои руки писать.

Мой брат Нейт посоветовал мне то же самое, что и мой агент. «*Это не творческий кризис, если он длиться три года, Гейб. Это ужасный случай сопротивления. Психиатр сделал бы свой день, если бы ты пришел к нему*».

Но это не единственная причина, по которой психиатр сделал бы свой день.

Как будто для того, чтобы подчеркнуть этот пункт, образ Пьюрити, стоящей перед моим столом в том белом летнем платье и с каскадом длинных волос, мелькает в моем воображении.

Я издаю стон. Последнее, о чем мне следует думать, это об этой девушке.

На самом деле, единственная причина, по которой она у меня в голове – это отвлечение меня от писательства.

Вот, что я говорю себе. Только по этой причине.

Это отвлечение. В его лучшем виде.

Мой агент, черт, да все мои студенты и университет думают, что мой следующий роман не за горами. Что я просто плаваю в изобилии блестящих идей, пока не выберу самый яркий и ослепительный бриллиант. И затем, вернувшись, представлю миру еще один блестящий роман, который обязательно превзойдет предыдущий.

Моя последняя книга должна была стать таким романом. Она должна была быть следующим гениальным ходом от автора «Большой проблемы». Но книга не оправдала ожиданий и шумихи, которыми окружили ее, и это означало, что на меня наклеили фирменную страшную этикетку «Он был».

Главная проблема заключается в том, что мой внутренний голос продолжает уговаривать меня, что критики правы, что, возможно, я *не настоящий писатель*, в конце концов. Настоящий писатель должен быть полон вдохновения, так сильно переполнен сказками, в хорошем смысле,

чтобы не мог остановиться, и ему хотелось бы поделиться с читателем этой историей. А в случае прекращения писательства, он бы лопнул. *Настоящий писать* не ищет вдохновения, он просто садится за компьютер и делает свое дело.

Хэми тянется на полу и издает громкий хрюк. Подойдя к нему, я чешу ему за ушком, прежде чем закрыть ноутбук. В таком дерзком состоянии нет смысла писать.

- Ну что, как на счет прогулки, приятель?

- Тебе следует выпить, - мой брат Натаниэль откидывается назад в кресле с бокалом «Мимозы» в руке и смотрит на меня с его лучшим всезнающим выражением лица.

- Ты думаешь, я должен специально выпить за завтраком или это общий жизненный совет? – спрашиваю я. Я смотрю на газон позади него, где Хэми как обычно пытается предпринять свои жалкие попытки поймать миниатюрных козочек, которые пасутся на лужайке. Мой пухлый бульдог топчеться некоторое время около козочки, которая давно его мучает. Она, на мгновение, близко подбегает к псу и быстро ускользает, когда тот пытается ее поймать. В ответ Хэми падает на траву, явно истощенный, несмотря на то, что на ферме мы находимся всего полчаса. Его лапы в воздухе, собака катается спиной по траве, прежде чем снова перевернуться на живот и положить морду на лапы.

- Ну, конечно же, это жизненный совет от твоего старшего брата, – говорит Нейт. – Но я также хочу обратить внимание, что это касается твоего нынешнего положения.

- Что за проблему мы обсуждаем? – Анджело заходит в патио, неся большие бельгийские вафли. Он ставит их на стол рядом с тарелками, на которых гора бекона, яиц и сыра. Все это, даже сыр, приготовлено из свежих продуктов с фермы Нейта и Анджело. Мой желудок урчит, когда запах вафель доходит до меня. Анджело – прекрасный шеф-повар, поэтому его вафли – просто произведение искусства.

- Помочь тебе с чем-нибудь? – спрашиваю я только потому, что пытаюсь быть вежливым на воскресном завтраке. В ответ я получаю от мужа своего брата такую же реакцию, как и всегда: гримасу, означающую вопрос – как я вообще осмелился спросить о помощи на кухне.

- Я проигнорирую твой вопрос, Габриэль.

Он подчеркивает мое имя так, что оно звучит как оскорблениe.

- Я предполагаю, что ты спрашивает только потому, что пытаешься отклониться от рассматриваемой проблемы.

Я смеюсь. – Откуда ты знаешь, от какой проблемы, если ты был в доме? Ты даже не слышал разговора.

Анджело снимает фартук и вешает его на спинку кресла, прежде чем опустить в него свое огромное тело. В нем почти два метра роста и сто двадцать с чем-то килограммов мышц – просто великан. Гора еды на столе, в основном для того, чтобы прокормить этого профессионального футболиста в отставке, который выглядит так же, как и в расцвете своей карьеры.

Он и Нейт вместе уже в течение десяти лет, а семь лет назад они купили эту ферму, когда Анджело перестал играть. Тогда мой брат сказал мне, что хочет бросить работу высококлассного инвестиционного банкира, чтобы купить ферму и делать домашний сыр... ну, скажем, я был немного скептически настроен.

Возможно, я тогда надорвал спину от смеха.

- Ты бросаешь работу, чтобы делать сыр? – спросил я, не веря ему. – Ты ничего не знаешь о сыре.

- Я несчастлив на фирме. Я постоянно испытываю стресс, а изготовление сыра не такое напряженное дело, как работа в банке.

- Откуда тебе знать? Ты ничего не смыслишь в этом! Ферма? Ты носишь костюмы за две тысячи долларов и делаешь маникюр каждую неделю.

- За четыре тысячи долларов, – поправляет он. – Кроме того, мы с Анджело уже купили одно местечко. Оно в Пенсильвании.

- Ты ненавидишь жизнь в маленьком городе, – отмечаю я. – Вы сбежали из Саус Холлоу, чтобы избавиться от жизни в таком городе. Вы же сами сказали: «Маленькие города – мелкие умы».

- Некоторые вещи меняются, – говорит Нейт, пожимая плечами.

Семь лет назад я был вредным, мягко говоря. Честно сказать, я был уверен, что мой брат слетел с катушек.

Как выяснилось потом, Анджело – фантастический сыровар. А мой – нервный тип, инвестиционный банкир – брат, привыкший работать по сто часов в неделю и едва успевающий за своим профессиональным футболистом-бойфрендом, вышел замуж и поселился на ферме в Пенсильвании, теперь наслаждается домашним изготовлением сыра.

- Мне не нужно знать, о чем вы беседовали, – говорит Анджело. – Ты человек привычки и я точно знаю, о чем вы говорили. Вы обсуждали твоё творчество, а Нейт предлагал алкоголь как лекарство от твоих бед.

- Вообще-то, мы обсуждали бредовый план твоего мужа по изготовлению одежды для коз, - говорю я, пока кладу несколько вафель себе на тарелку и покрываю их домашними взбитыми сливками, сделанных из фермерского молока.

Домашние. Взбитые. Сливки.

По этой веской причине мне пришлось увеличить дистанцию бега с тех пор, как я начал преподавать в университете в часе езды от Нейта и Анджело. В первый год после того, как я переехал сюда, именно наши еженедельные завтраки были напрямую ответственны за мои лишние пять килограммов.

Я откусываю кусочек вафли, наслаждаясь восхитительной воздушной выпечкой.

- Какие-то другие, - замечаю я.

Когда я открываю глаза, Анджело смотрит на меня с нетерпением.

- В хорошем или плохом смысле?

- В хорошем. Другие, но, безусловно, восхитительны.

Его выражение лица смягчается. – У меня новая ваниль. Привезенная с Таити.

- Боже, не отвлекайся на его разговоры об этой новой ванили, - прерывает Нейт. – Следующее, что ты узнаешь – это то, как добывается ваниль, и кто собирает эти чертовы ванильные бобы. И наступит полдень.

Я смотрю на Анджело. – Знаешь, теперь, когда я подумал об этом, я понял, что ничего не знаю о производстве ванили. Она правда выглядят как кофейные бобы? Я думал, как стручки?

- Вообще-то, это орхидея, - отвечает Анджело.

- Я не знал этого, - с преувеличенным изумлением говорю я ему. Мой брат смотрит на меня через стол.

- Это так увлекательно, - продолжает Анджело свой информационный энтузиазм. – Орхидея растет как виноградная лоза со стручками, которые собираются, прежде чем они созреют. Затем их сушат в течение нескольких месяцев. Конечно, большая часть ванили, которую мы покупаем, полна синтетического дермы и ароматизаторов, но этот сорт другой.

- Я должен купить таитянскую ваниль, - размышляю я.

- Ладно, хватит, Гейб. Анджело, ты ведь понимаешь, что мой брат подшучивает над тобой, верно? – Нейт кидает на меня суровый взгляд. – Серьезно, Габриэль, это просто низко – пользоваться ванилью Анджело, чтобы избежать разговора о том, на чем тебе действительно нужно сосредоточиться, потому что ты замедлился в написании книги.

- Это не замедление, - уточняю я. – Это творческий кризис.

- Это лень. Вот в чем дело, - утверждает Нейт, жестикулируя бокалом с «Мимозой» в руке. – Лень в чистом виде. Ты стал мягкотелым.

- Это обидно, - шучу я, потирая свой живот. – В любом случае, если я стал мягкотелым, это Анджело виноват. И его вафли.

- Не обвиняй вафли в этой ерунде, - упрекает меня Нейт.

- Кстати, о ерунде... - я ловко сворачиваю от своего творческого кризиса, накалываю на вилку еще пару кусочков вафли и запихиваю в рот. – У меня есть пару слов для тебя о козьей одежде. Вот то, что называется ерундой.

- Клянусь, существует магазин для этого, - настаивает Анджело. – Ты знал, что Нейт купил швейную машинку? Он заказал ее в интернете и научился ей пользоваться по онлайн-видео.

- Мой брат, у которого есть номер его *портного* на быстром наборе в телефоне, шьет одежду, - говорю я с притворным недоумением. Я уже давно верю всему, когда дело доходит до моего брата, который с энтузиазмом принял свою пенсионерскую жизнь в обмен на ранее светский образ жизни. – Для коз.

- Я думаю, это великолепно, - гордо говорит Анджело, кладя свою большую ладонь на руку моего брата. Нейт всегда был высоким и мускулистым, но размеры Анджело заставляют его выглядеть, по-хорошему, незначительным рядом с ним. – Разве ты не видел видео козочек в пижаме? Козья одежда – это новая одежда для собак.

- Разве мы не достаточно намучили собак, одевая их в одежду? – спрашиваю я. – Действительно ли нам нужно распространять эти пытки на других животных?

- Некоторые собаки любят наряжаться, - протестует Нейт. – Ты просто не понимаешь, потому что Хэми – неандертальец, который не носит одежду.

Я смотрю на моего пса позади нас, который в данный момент катается по траве, что, скорее всего, означает, что он нашел вонючую коровью кучу или козье дермо, чтобы использовать его в качестве парфюма.

- Хэми – интеллектуал, - шучу я. – Но не могу не заметить, что его манеры оставляют желать лучшего.

- Это так мило, что ты защищаешь Хэми, - говорит Анджело. – Он такой огромный брутальный болван.

Нейт смотрит на Анджело. – В тебе заговорил родственный дух? – дразнит он.

- По крайней мере, я твой огромный брутальный болван, - отвечает Анджело, нежно целуя Нейта.

- Тьфу. Мне кажется эти вафли слишком приторные, - стону я.

Анджело смотрит на меня с сумасшедшими глазами. – Слишком сладко? Такого не может быть. Они должны быть легкими и воздушными, а сладость не должна подавлять их вкус.

- Все в порядке, - настаиваю я со смехом. – Клянусь, я пошутил.

Рука Анджело ложится на сердце. – Не пугай меня так.

- Ты знаешь, как он относится к своей кухне, - ругает меня Нейт.

- Ну, появился ли новый роман в твоей жизни? – спрашивает Анджело с хитрой улыбкой. – А может и в личной жизни?

Нейт присвистывает, а я смеюсь. – Ты играешь грязно, Анджело.

- Тебе явно не хватает грязи, - Анджело приподнимает брови и смотрит на меня долгим взглядом.

- Понятия не имею, о чем ты говоришь, - вру я, отлично понимая, что он имеет в виду. Нейт и Анджело преследуют меня, когда дело касается моих похождений, или точнее их отсутствие в моей жизни, с тех пор, как моя жена сбежала от меня спустя семь месяцев брака пять лет назад. Жизель продала половину моей книги, прежде чем сбежала со своим инструктором йоги в Индию «искать себя».

Очевидно, я умею строить отношения.

Отношения и брак могут работать для кого-то типа моего брата и Анджело, но совершенно ясно, что они не предназначены для меня. Независимо от того, сколько раз эта влюбленная парочка сводила меня с кем-то, ничего не получалось.

- Вчера на фермерском рынке я видел симпатичную девушку. Она профессор истории, - рассказывает мне Анджело. – Ты, наверное, уже знаком с ней. Я упомянул твоё имя, и она сказала, что знает тебя. Я взял ее номер телефона, и она сказала мне, чтобы ты позвонил ей.

Профессор истории из моего университета. Кто-то моего возраста. Кто-то, кто мне подходит.

Мне должно быть интересно. Мне следует взять ее номер.

Вместо этого я не могу сосредоточиться на том, что Анджело говорит мне о моей ровеснице и профессоре истории, которая должна меня заинтересовать.

Вместо того чтобы слушать его, я думаю о Пьюрити.

Со мной что-то действительно не так.

Я выпиваю половину своей «Мимозы», пытаясь заглушить образ ее лица – чистого и невинного, наивного и прекрасного. – Черт, ты даже хуже Нейта с его сватовством, - ворчу я.

- Это моя ответственность, как твоего брата, по крайней мере,

попытаться помочь тебе найти себе кого-то, чтобы не закончить жизнь одинокой старой девой, - говорит Нейт, беря шампанское и подливая мне больше в мой стакан.

- Вот, выпей еще. Это поможет тебе в твоем творчестве. Тебе стоит попробовать писать, пока ты пьян. Я слышал о такой технике.

- Я уже пробовал это, - говорю я ему пренебрежительно. – Это не работает.

- Разве это не то, что делал Хемингуэй? – задумывается Анджело. – Ты это должен знать, потому что твоя собака названа в его честь...

- Хемингуэй был алкоголиком. Я бы хотел избежать того, чтобы стать алкоголиком ради того, чтобы написать роман. Большое спасибо. Хотя между завтраком и...

Я резко останавливаюсь. Я собирался что-то ляпнуть о встрече с Пьюрити и ее отцом вчера. Я говорю себе, что это только из-за истории Нейта и Анджело, но я понимаю, что это не так. Я смущаюсь, потому что одна мысль о Пьюрити, и волна жара пробегает сквозь меня при мысли о ней, тревожа меня.

- Между завтраком и чем? – спрашивает Нейт.

- Ничем, - я пожимаю плечами.

Анджело смеется, скрещивая руки, пока откидывается на спинку кресла. – Это не прозвучало как *ничем*. Это не просто ничем. Ты кого-то встретил?

- Что? Конечно, нет. Не смеши меня, - мой голос дрожит, и я скрываю это, делая еще один глоток «Мимозы», заставляя Анджело засмеяться громче.

- Ты *покраснел*? – спрашивает Нейт.

- Это из-за алкоголя, придурак, - говорю я резко. – Никого я не встретил.

- Конечно же, нет, - дразнит Нейт. – Правда, твои щеки покраснели, как у школьницы.

Школьница.

Слово посылает волну вины через меня. Такова она и есть. Школьница. Слишком юная. Слишком наивная.

Слишком невинная.

Я делаю тяжелый вздох. – Мне не двенадцать лет. Дело не в девушке, - лгу я. – Вчера в мой офис заявился кое-кто.

Я не должен рассказывать им об этом. Регистрация студентов конфиденциальна, и я никогда ранее не сплетничал о студентах из моего класса. Я мог бы легкомысленно отшутиться и не рассказывать им, но,

кажется, алкоголь развязал мне язык, а чувство вины вынуждает рассказать об этом, будто я один из прихожан, исповедующих свои грехи священнику.

Отец, прости меня за то, что я не могу перестать думать о дочери моего бывшего друга.

- Ну, давай, - просит Нейт. – Говори уже! Это что-то пикантное? В твоем классе какая-то знаменитость? Ох, пожалуйста, скажи, что это ребенок какой-то приличной знаменитости, а не ребенок звезды реалити-шоу.

- Никаких детей знаменитостей не зачисляли в мой класс, - отвечаю с уверенностью я. – Это был Алан.

- Какой Алан? – хмурит брови Нейт.

- Алан, - повторяю я. – Из Саус Холлоу.

- *Этот* мудак? – Нейт закатывает глаза. – Какого черта он хотел от тебя? Что еще интереснее, чего он хотел, придя в колледж? Разве он не думает, что это место полно греха и разврата? Хуже того, что он делал в твоем классе? Ты же вроде как сам дьявол, не так ли?

- Я запутался, - вмешивается Анджело. – О ком мы говорим?

- Ты знаешь Алан, - говорит ему Нейт. Он проповедник в церкви, члены которой в день нашей свадьбы явились с плакатами протеста к дому моей матери.

- *Oх*, - вздыхает Анджело. – Придурок, который считал, что сосед-гей и его парень не должны показываться в Саус Холлоу.

- Именно. *Тот самый* мудак, - повторяет Нейт. – И чего он хотел?

Я выпиваю оставшуюся часть шампанского и переглядываюсь с Анджело и Нейтом. – Он уж точно не хотел, - говорю им, усмехаясь. – Я уверен, что это совершенно противоположное тому, чего он хотел бы, на самом деле.

Они оба смотрят на меня с нетерпением.

- Его дочь Пьюрити, - уточняю я. – Она поступила в колледж и будет посещать мой класс.

- Да пошел ты, блядь! – восклицает Нейт. – Такого не может быть. Ад, должно быть, замерз.

Мы все долго молчим, пока Анджело не начинает говорить.

- Ну, - добавляет он с южным акцентом, - благослови их сердца.

6 Пьюорити

Дыши, говорю я себе, несмотря на то, что паника поднимается в груди.

Я опаздываю, а я ненавижу опаздывать. Если есть что-то, в чем я действительно хороша, то это – соблюдение правил. А следовать расписанию в начале учебного года, это определенно то правило, которое следует соблюдать.

Я пытаюсь остановить жжение в горле, но оно не проходит. Глядя на мою карту расположения кампуса, я пытаюсь понять, где нахожусь по отношению к английскому отделу. Здание должно быть поблизости от политического отдела, но я его не могу найти.

Кампус колледжа больше, чем весь Саус Холлоу, и он в принципе расположен в самом большом городе, в котором я когда-либо была, что еще больше подавляет меня.

Думаю, количество студентов в кампусе, наверное, в двадцать раз больше населения Саус Холлоу. Студенты обходят меня со всех сторон. Они все выглядят так, будто знают куда идут и что они делают, а кто-то пробегает с наушниками в ушах. Некоторые идут в парах или группах, увлеченные разговором. Я не понимаю как, но, кажется, будто здесь все уже подружились, несмотря на то, что сегодня первый учебный день. Здесь все кажутся совершенно спокойными и непринужденными.

Между тем, я чувствую себя так, будто я попала на другую планету. Приехав из такого маленького города как Саус Холлоу, где я знала, что была защищена от всего мира, это место воспринимается как чужое, словно другая страна.

Конечно, я также не знаю и то, каково находится в другой стране. Так далеко от дома я никогда не путешествовала.

Хотя я и знаю, что этот город не такой большой, как, например, Нью-Йорк, он все равно огромен для меня. Люди здесь движутся целеустремленно. Это совсем не похоже на Саус Холлоу, где все движутся в неторопливом темпе, будто они имеют все время в этом мире и им некуда спешить. Там вы не сможете пройти мимо кого-то, не остановившись, чтобы сказать «Здравствуйте!», «Как ваши дела?», «Мне жаль слышать о смерти вашего отца».

Здесь же, никто даже не посмотрит вам в глаза.

Я должна поспешить на занятие. Оно начнется через 15 минут.

Вместо этого, я останавливаюсь здесь, прямо посреди всего.

Я чувствую себя потерянной, подавленной и маленькой. А внутренний голос ворчит на меня, что я не должна находиться здесь, что я не принадлежу этому месту. Я провинциалка из деревни, я недостаточно умна даже для того, чтобы найти свой класс, не говоря уже о том, чтобы учиться в нем.

Я стираю слезы с глаз. Насколько незрело плакать из-за того, что не можешь найти свой класс? Поворачивая направо, я направляюсь по тротуару, а затем резко останавливаюсь, когда понимаю, что нахожусь в противоположной стороне от той стороны кампуса, где должен находиться мой класс.

Как я могла так сильно разминуться? Я никогда не найду класс. Хуже всего, что это *его* класс.

Мистера Гейба.

Профессора Райана, поправляю я себя. *Он больше не мистер Гейб.*

И я уже не ребенок, хотя сейчас я и чувствую себя им.

Я чувствую себя совершенно не в своей тарелке и не хочу ничего больше, чем сбежать обратно домой в Саус Холлоу; в место, откуда мне хотелось сбежать еще с двенадцати лет.

Мысль о возвращении в Саус Холлоу заставляет меня плакать. Я вот-вот начну это делать, когда крошечный пущистик смотрит на меня. Неряшливый той-терьер выпускает из пасти столь же миниатюрную палочку, прежде чем обнюхать мои ботинки и вновь выжидающе уставится на меня.

Нагнувшись, я чешу ему за ушком, прежде чем начинаю искать его владельца. На собаке надет леопардовый ошейник, и она явно ухоженная, но я не вижу имени владельца на бейджике ошейника.

- Ты чей, малыш? Как тебя зовут?

- Бенсон, - доносится громкий голос с соседней тротуарной скамьи. – Оставь девушку в покое.

- Не беспокойтесь, - отвечаю я, пока собака виляет хвостом и пытается отдать мне палку. Я слегка вздыхаю, когда его снова зовут. Я стою здесь и чешу собаку, пытаясь не расплакаться, хотя опаздываю на занятия.

Я правда взрослая, это точно.

Пожилой мужчина, сидящий на скамье, косо поглядывает на меня.

- Почеши его за ухом, и он будет преследовать тебя до самого дома.

- Хотелось бы мне его оставить, - с тоской говорю я. – Но насколько бы очарователен он ни был, я живу в общежитии, и думаю, руководство не слишком обрадуется собаке в комнате.

- Первый день? – спрашивает старик, прежде чем опустить взгляд

обратно на скамейку. Шахматная доска балансирует на сиденье, и никто не играет с ним. Но он все равно перемещает фигуру.

- Так заметно? – спрашиваю я.

Внезапно, один из студентов пересекает оживленную улицу и останавливается перед скамейкой. Он пристально смотрит на доску, даже не останавливаясь, чтобы снять наушники, прежде чем сделать шаг. Потом он кулаком слегка ударяет старика.

- Доброе утро, Берт, - говорит он, затем немного крутится вокруг и уходит в сторону кампуса.

- У тебя на лице написано, - посмеиваясь, говорит старик, глядя на доску. – Ты выглядишь словно Дороти, которая впервые очутилась в стране Оз.

- Я никогда не смотрела этот фильм.

- Никогда не смотрела «Волшебника из страны Оз»? – цыкает он, качая головой. – Вот они, дети нынешнего поколения. Ты никогда не смотрела классику, да?

Мои щеки красные. – Я знаю, что это за фильм, - заикаюсь я. – Я имею в виду, что слышала о нем, но мне никогда не разрешали смотреть его.

- Не разрешали? – прерывает он.

Я останавливаюсь в двух секундах от объяснения того, почему мне не разрешали смотреть этот фильм. Там была ведьма, поэтому мой отец был убежден, что это дьявольское произведение. Но это звучит безумно, а если я скажу это вслух, этот незнакомец подумает, что я только что приехала сюда из психушки, а не из маленького городка. Так что, вместо этого, я прочищаю горло. – Вообще-то, я немного заблудилась.

- Да, я это уже понял, - говорит он. – Ты не городская девушка, это уж точно.

Я прохожусь ладонями по юбке, пытаясь отвлечься от смущения. Я выбрала наименее консервативный наряд из всех, что у меня есть для первого дня учебы, но ясно, что даже это платье кричит: «*Тебе здесь не место*».

- Нет, я не городская, - признаю я.

- Ну, это не плохо, - говорит он, хмуря брови, пока снова фокусируется на доске.

Шахматы – это то, о чем я немного знаю. Мой отец запрещал мне играть в видеоигры, смотреть телевизор или слушать музыку, но он научил меня играть в шахматы. Он считал это «подходящей игрой». Так что, несмотря на то, что я опаздываю и должна поспешить, а лучше уже быть в

противоположном направлении от этого места прямо сейчас (в любом направлении, если там расположен английский отдел), я не могу отказать себе.

Я наклоняюсь над скамейкой идвигаю коня. Когда Берт смотрит на меня, я прикусываю губу, чувствуя себя довольно глупо.

- Извините, я на самом деле не знаю, что делаю, - лгу я. – Я не пыталась прервать вашу игру или что-то в этом роде. Мне нужно найти дорогу до моего класса.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, прежде чем старик накричит на меня за перемещение фигуры на его шахматной доске.

Но он не кричит. Вместо этого он зовет меня. – Эй, Дороти. Куда тебе нужно попасть?

Когда я разворачиваюсь, Бенсон подбегает ко мне, трется вокруг моих ног и запутывается в моей юбке. Он ложится на спину и рычит на материал, который, по его мнению, явно пытается напасть на него.

- Я пытаюсь найти английский отдел.

- Иди прямо туда, откуда ты пришла, пока не увидишь внутренний дворик с большим фонтаном посередине. Поверни налево, и там будет большое красное здание из красного кирпича справа.

Я смотрю на часы, выпуская стон. Сейчас девять часов, а это значит, что с этого момента я официально опаздываю на первый урок в качестве студентки колледжа.

Хороший способ быть ответственной, Пьюрити.

- Ты опоздаешь всего на пять минут, - замечает Берт, снова втянувшись в игру. – Не беспокойся так сильно. Чей это урок?

- Профессора Райана, - говорю я, поднимая маленького терьера Берта, и возвращая крошечного пса обратно его хозяину. Я ставлю собаку на скамейку рядом с Бертом и недолго гляжу песика по голове.

Он кидает на меня оценивающий взгляд. Интересно, что он думает, потому что он явно думает о чем-то. Но он только кивает и говорит мне. – Тогда тебе лучше поторопиться.

Я смотрю на его доску. Он делает ход своей королевой, поэтому я тянусь вниз идвигаю слона, внезапно почувствовав себя уверенно и немного нагло. Потом я поворачиваюсь, чтобы уйти.

- Спасибо за подсказки, - говорю я через плечо.

Он смеется. – Следуй по желтой кирпичной дороге, Дороти.

Когда я добираюсь до класса, мне приходится на секунду остановиться перед дверью, чтобы перевести дух. Я смотрю на часы. Берт был прав, прошло всего пять минут.

Теперь, если я сумею незаметно проскользнуть на свое место или какое-нибудь еще сзади, это будет просто победой.

Я открываю дверь, которая, конечно же, не может открываться тихо. Эта дверь просто огромна и, должно быть, самая громкая из всех дверей на всем земном шаре. По-видимому, ее не смазывали в течение двадцати лет, потому что она издает абсолютно дикий скрип, когда я тяну за ручку.

Это заставляет меня остановиться прямо посреди класса, потому как скрипучая дверь как-то умудряется звучать еще громче, пока закрывается.

Мои надежды пробраться в класс незаметно рушатся, и я замираю. Двадцать пар глаз смотрят на меня, не мигая.

Черт.

Мне казалось, группы в колледжах должны быть огромными. Когда я думала об этой паре, я представляла себе аудиторию из нескольких сотен студентов, некоторые из которых неизбежно опаздывают на занятия, типа меня. Но это точно не аудитория из сотни студентов.

Это небольшой класс, стены оббиты деревянными панелями, с двумя рядами деревянных стульев, расположенных полукругом, обращенных к большому деревянному столу и массивной белой доске.

И на столе сидит он.

Мое сердце перестает биться. Я перестаю дышать. Мир перестает вращаться вокруг своей оси, а время останавливается.

Ладно, возможно, ни одно из этих клише и не срабатывает. Но они начинают работать, когда он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Он не просто решает посмотреть на меня через плечо, он опирается руками о стол, а затем медленно поворачивает свое тело, чтобы посмотреть на меня.

Когда его глаза встречаются с моими, краска сходит с его лица.

Почему-то я больше смущена его реакцией на меня, чем моим публичным унижением. Сквозь мое тело поднимается тепло, двигаясь по груди к моей шее и лицу, где все это превращается, я уверена, в алые щеки.

Если бы жар, который я сейчас чувствую, был бы исключительно из-за смущения.

Но это не так. Беспокойно, я остро ощущаю еще один вид тепла, который распространяется между ног, когда наши взгляды встречаются. На мгновение его взгляд проникает в меня, согревая до глубины души.

Так же быстро, как и развернулся, он отворачивается, переводя взгляд

на записи на коленях. Он вытаскивает верхнюю страницу из кучи и перекладывает ее назад.

- Мисс Тейлор, вы опоздали. Мой урок начался в девять утра, а не спустя пять минут после звонка.

- Я... да. Я имею в виду, что я знаю об этом, сэр, - я заикаюсь, мое лицо краснеет до такой степени, что я чувствую, как горит моя кожа. Сканируя пространство перед собой, я пытаюсь найти свободное место. Конечно же, единственное, оставшееся пустое кресло находится посередине второго ряда. Тут нет свободного места в конце ряда, такого, чтобы я смогла с легкостью проскользнуть к нему. Это было бы слишком просто.

- Я имею в виду, в девять утра... Хм, да, мистер Гейб...

Мистер Гейб.

Я так сильно путаюсь в словах, что даже не сразу понимаю, что говорю, пока слова не вылетают из моего рта.

Черт.

Возможно, он этого не услышал.

Возможно, никто не услышал.

Возможно, я вообще не произносила этого вслух. Возможно, я только подумала об этих словах.

Тишина в комнате оглушает, пока я двигаюсь к своему креслу, сознательно избегая взглядов других студентов.

Когда я сажусь в кресло, рядом сидящая девушка говорит: «Мистер Гейб» и начинает смеяться.

Oх, нет.

Меня сейчас вырвет.

Когда я, наконец, поднимаю глаза, мистер Гейб смотрит на меня. Его взгляд прямой и напряженный. На секунду кажется, что мы одни в этой комнате.

Забудьте о комнате.

Как будто мы одни в этом мире.

И такое же ощущение, когда я была у него в офисе. Оно распространяется по всему телу, пока каждая часть моего тела напрягается, доходит до грани, как никогда прежде.

Я кладу ногу на ногу, пытаясь подавить все то, что чувствую.

Это не может быть притяжением.

Это не притяжение.

Меня не привлекает мистер Гейб. Он такой взрослый, что может быть моим отцом.

Он был другом моего отца, когда я была еще ребенком. Я знала его, когда была маленькой.

Он также вел себя как придурок, когда мы с отцом на днях были в его офисе.

Но мое сердце тяжелеет в моей груди, мое тело реагирует так, что чувства противоречат разуму.

Наконец, он произносит.

- Профессор Райан, - голос мистера Гейба ледяной. – Возможно, в следующий раз вы будете осведомлены о расположение вашего класса и имени вашего профессора лучше. Да, мисс Тейлор?

Я с трудом сглатываю. Мой желудок сводит судорогой, и я пытаюсь противостоять почти непреодолимому желанию залезть под стол и спрятаться от всех взглядов, обращенных на меня.

Вместо этого я собираю все свои силы и смотрю на него.

- В следующий раз я подготовлюсь, - говорю я ему. – Сэр.

В следующий раз я буду подготовлена лучше не только к уроку. Я буду лучше готова к его влиянию на меня. Я буду лучше готова к тому взгляду, которым он меня окунул, послав острые ощущения, вплоть до кончиков пальцев ног. Я определенно буду лучше подготовлена к тому, как каждая часть меня, кажется, улетает в небеса, когда он рядом.

Мистер Гейб пристально смотрит на меня.

- Ну, жду с нетерпением, мисс Тейлор.

Габриэль

Жду с нетерпением.

Да какого черта со мной не так? Девушка опоздала на урок всего на пять минут, ее лицо было пронизано паникой, ее щечки покраснели так, будто она пробежала милю, чтобы добраться сюда, а я ответил ей как чопорный мудак.

Говорю так, будто меня вообще когда-либо заботили студенты, на пять минут опоздавшие на мои занятия.

Это был румянец, который ввел меня в замешательство. Порозовевшие щечки напомнили мне румянец после секса. Когда она остановилась и замерла, стоя там, у двери в класс, словно олененок, попавший в свет фар встречного автомобиля, а ее глаза встретились с моими, я не мог думать ни о чем, кроме того, как она выглядела бы в постели.

Я не мог перестать воображать о том, как эти большие сапфировые глаза расширяются, глядя на меня, стоны и мое имя слетают с ее губ.

Я не смогу дальше преподавать, если не избавлюсь от этих мыслей в моей голове, и не буду игнорировать их вплоть до сессии.

Я игнорирую то, как она практически вжимается в стул, как будто она пытается исчезнуть. Я игнорирую выражение ее лица, смесь разочарования и унижения. Я игнорирую вину, которую ощущаю, когда смотрю на нее.

Я говорю себе, что это для ее же блага. Она должна закалиться, если собирается жить в реальном мире. В таком месте девушка будет съедена заживо, если она не будет осторожна.

Я делаю ей, блядь, одолжение, ведя себя как мудила.

Я не должен чувствовать себя виноватым. Она дочь Алана. Скорее всего, она создана из той же ненавистной мне плоти, что и он. В конце концов, у нее пуританские взгляды.

Кроме того, я здесь не для того, чтобы быть ее другом и наставником.

Или ее папочкой.

Я не знаю, откуда взялась последняя мысль, но как только она попадает мне в голову, вся кровь в моем теле направляется прямо к моему члену, заставляя его невольно дернуться прямо здесь, посреди гребаного кабинета, в котором преподаю.

Этого не может быть.

Избавляясь от этих мыслей, я сосредотачиваюсь на настоящем. Я провожу остаток урока, рассказывая о предстоящем учебном плане:

пройдясь по мелочам учебного процесса и системе оценок, как заслужить баллы и как их отстаивать в случае чего.

Когда я соглашался вести этот курс, я выступал в качестве приглашенного преподавателя. Мне было скучно после того, как мой второй роман стал большим хитом и я думал, что это будет весело. Это никогда не должно было стать делом на постоянной основе.

Правда в том, что я полюбил преподавание. Нет ничего более захватывающего, чем видеть потенциал в человеке, давать ему толчок, раскрывать его. Он должен расправить свои крылья и полететь. Это нехарактерный способ мышления для такого циничного человека, как я понимаю.

Я заканчиваю проводить урок без каких-либо еще надоедливых инцидентов и благополучно отпускаю всех своих учеников. Я вытираю доску, которая заполнена пятнадцатью различными идеями от студентов моим куриным почерком для их первого задания по письму, когда до меня доносится голос со стороны входа.

- Мистер Гейб... Я имею в виду, профессор Райан. Ох, не могу перестать говорить всякую чепуху.

Пьюрити стоит у двери в нежном хлопковом платье, на этот раз светло-розовом, таком же, как и ее щечки. Оно практически идентично тому, что было на ней в прошлый раз, за исключением цвета, который заставляет меня задаться вопросом, не один ли у нее фасон платья, только в ста разных оттенках? Я бы не сказал, что ее отец не способен на то, чтобы сшить для нее своеобразную форму.

Чувство вины накрывает меня. На этот раз, это вина за то, что я не остался в Саус Холлоу и не попытался оказать хоть какое-то влияние на отца Пьюрити. В конце концов, мы были близкими друзьями в детстве. Может быть, если бы я остался в Саус Холлоу на какое-то время, он бы не стал таким жестким и бесчеловечным.

Бедная девочка.

Она не виновата, что ее так воспитали. Прямо сейчас она мечется, словно олененок, пока ждет моего ответа.

Я хочу ответить ей с состраданием, но мой разум подсказывает мне, что это был бы идиотский поступок. Между этим, мой член, похоже, находится совершенно на другой волне от здравого смысла, дергаясь при виде нее.

Это смешно, потому что раннее у меня никогда не было с этим проблем.

Я прочищаю горло, пытаясь заставить кровь вернуться обратно к

моему мозгу, когда я едва произношу, задыхаясь. – Мисс Тейлор.

- Да?

Я отвлекаюсь на то, насколько пухлые ее губки. Интересно, что бы произошло, если бы я потянулся и дотронулся до ее нижней губы кончиком пальца. Интересно, каково будет чувствовать на вкус ее губы, если я потяну их зубами?

Нет. Я ни хрена не должен думать *ни о чем*, когда дело доходит до Пьюорти Тейлор.

Я прочищаю горло.

Будь мудаком, говорю я себе.

- Запишитесь на прием, Мисс Тейлор, - ненавижу холод, который я вкладываю в свой голос.

- Я просто ... Я просто хотела, - начинает она, но я перебиваю ее. Я должен перебить ее, потому что, как только она откроет свой милый ротик и начнет заикаться, я не смогу думать ни о чем другом, кроме того, как сильно хочу, чтобы эти дрожащие губки обернулись вокруг моего члена. Я не смогу стоять здесь, наблюдая, как рот этой девушки открывается и закрывается, при этом отчаянно не желая, чтобы она встала передо мной на колени.

Господи, что со мной не так?

- Существуют рабочие часы, мисс Тейлор, - мой голос резок. – Офис работает по вторникам и четвергам с трех часов. Если у вас имеются какие-либо вопросы по поводу класса, вы можете задать их мне в эти часы.

- О, нет, у меня нет вопросов. Я... эм...

Мне нужно выгнать ее отсюда.

Я преувеличенно вздыхаю, ведя себя так, будто у меня есть занятие лучше, чем находиться здесь, когда на самом деле я хотел бы просто стоять здесь весь день, наблюдая, как ее губы двигаются.

- Увидимся в рабочее время, мисс Тейлор, - обрываю я.

Она прижимает тетрадь, которую крепко держит у груди. Это жест самозащиты, но из-за этого ее грудь поднимается и становится видна в вырезе бледно-розового платья.

Вся кровь из моего мозга вновь устремляется на юг.

- Я просто хотела заверить вас, что в следующий раз не опоздаю на занятия, - твердо произносит она. – И я также хочу сказать вам, что вы не пожалеете, что предоставили мне место в вашем классе.

Отлично. У девушки имеется броня. Нам обоим было бы проще, если бы она была мягкотелой девчушкой, на которую я мог бы сразу накричать, и она бы просто исчезла с моих глаз.

- Это еще предстоит узнать, мисс Тейлор.

Она смотрит на меня, сжимая челюсти. Я стою там, затаив дыхание, ожидая, что еще может мне сказать этот мышонок. Нет никаких сомнений, смелости в ней гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Нет смысла заинтриговываться тем, что окажется на второй взгляд в мисс Тейлор, напоминаю я себе.

Или тем, что находится под этим платьем. Особенно не тем, что под этим платьем.

Мой член снова дергается, напоминая о том, что этот недалекий не может думать ни о чем другом, кроме того, как эта девушка будет выглядеть без платья.

- Что-нибудь еще, мисс Тейлор?

На секунду она смотрит на меня, и мне кажется, что я вижу мерцание притяжения в ее глазах. Мне кажется, что я чувствую тот же жар вожделения, что чувствую сам. Но потом она поворачивается, чтобы уйти, ненадолго останавливаясь в середине проема спиной ко мне.

- Мой отец, - начинает она, но ее голос сбивается. – Я знаю, что он говорил с вами о том, чтобы вы присматривали за мной.

- Вы взрослая, мисс Тейлор, - прерываю ее. – Я не ваша нянька.

Или твой папочка.

Я все еще стою там, когда она уходит. Мое сердце бешено колотится, и я жду, пока мой пульс придет в норму. Я жду несколько минут, чтобы убедиться в том, что она ушла, прежде чем отправляюсь в свой кабинет.

- Эй, мистер Райан, - зовет меня помощник по административным вопросам.

Я равнодушно прохожу мимо нее. Дойдя до моего кабинета, я закрываю дверь, хлопая ею сильнее, чем намеревался это сделать, бросаю сумку на пол и опираюсь на дверь.

Я смотрю вниз на жесткий стояк, который оттопыривает мои брюки, словно походную палатку. Какого черта? Это не я. С пятнадцати лет у меня не было неожиданной эрекции, и я уже давно не гребаный подросток.

Оборачиваясь, я щелкаю замком на двери. Очевидно, что я не смогу покинуть офис и вернуться домой в таком состоянии. Я никогда не передергивал в своем кабинете, но очевидно, ничего другого мне не остается. Расстегивая ремень, я сильно сжимаю член, сопротивляясь тому, чтобы громко не застонать. Пульсируя, кровь проносится сквозь каждый дюйм моего члена, а предъэкулянта так много, что удивительно, как я не прошел путь к моему кабинету с огромным мокрым пятном на передней части своих брюк.

Закрыв глаза, я пытаюсь представить какую-нибудь знаменитость или модель, рекламирующую нижнее белье. Я пытаюсь представить любую, только не Пьюрити.

Но проблема в том, что я не могу.

Когда я снова закрываю глаза и провожу рукой по всей длине члена, образ Пьюрити возникает в моем воображении.

Пьюрити стоит передо мной, и ее губы в дюйме от моих. Ее грудь поднимается и опадает, ее дыхание неглубокое, когда ее губы приоткрываются.

- Профессор Райан, - шепчет она.

Мой член настолько тверд из-за этой фантазии, что я чувствую, как собираюсь взорваться. Я глажу себя быстрее, без смазки, потому что из моего члена и так выделяется достаточно жидкости.

- Ты не может этого сделать, Пьюрити, - говорю я ей. – Мы не можем сделать этого. Это неправильно.

- Но я не хочу этого ни с кем другим, - настаивает она. Она шепчет.

– Я думала об этом только с вами. Я хочу этого только с тобой».

Она отбрасывает прядь своих длинных волос через плечо, ее пальцы тянутся к пуговицам на платье. Она не носит лифчик под тонкой хлопковой тканью, и ее соски настолько четко выделяются через нее, что ее консервативная одежда становится совершенно неприличной.

Интересно, полностью ли она обнажена снизу.

У меня нет времени думать об этом, потому что я занят тем, что она делает своими пальцами. Она медленно расстегивает пуговицу, затем другую и другую, пока платье не распахивается, чтобы представить самые впечатляющие грудь, которую я когда-либо видел. Они дерзкие, полные и абсолютно, блядь, идеальные.

А потом она обхватывает их руками, слегка играя пальцами со своими твердыми маленькими сосками.

- Ох, блядь, - я тяжело дышу, будто получил инсульт, при мысли о совершенной Пьюрити и ее идеальной груди.

Она щиплет соски между пальцами, выражение ее лица восхитительное.

- Я была очень плохой девочкой, профессор Райан, - говорит она мне. Ее голос прерывистый, она делает маленькие вздохи, пока играет с собой.

- Насколько, Пьюрити? – спрашиваю я, замирев. Я хочу вылизать всю ее грудь. Черт, я хочу засунуть весь свой язык ей в рот, чтобы тем самым заявить, что ее ротик идеален. Но я просто стою здесь, в нескольких дюймах от нее, не в состоянии перестать пялиться на нее, потому что

смотреть, как она прикасается к себе – это прекрасно.

- Скажи мне, почему ты плохая девочка. Это потому, что ты раздеваешься в кабинете профессора?

- Нет, - вздыхает она, делая рассстроенное лицо. – Я еще не сняла свою одежду. Если бы я сделала это...

Ее голос стихает, когда платье сползает вниз, а затем она пожимает плечами. Все падает на пол одним быстрым движением.

Она голая под этим платьем.

Если раньше я не был уверен, то сейчас все мои сомнения стерты. Передо мной совершенство. К тому же, сейчас в моей голове вообще нет мыслей. Мой член управляет всем моим миром.

Пьюрити смотрит вниз на мою очевидную твердость, и на то, как мой член прямо сейчас угрожает вырваться из моих брюк.

- Так вот, я разделась.

- Так и есть, Пьюрити, - отвечаю я. Я опускаю руки на ремень, и расстегиваю его, наблюдая за ее выражением лица. Ее вожделение более чем очевидно.

- Только посмотри, что ты со мной делаешь. Ты плохая девочка.

Она проводит языком по нижней губе, наблюдая, как я вытаскиваю член из своих штанов. Когда она видит его, то делает глубокий вздох, а ее глаза расширяются.

- Он такой... большой.

- Ты знаешь, что случается с плохими девочками, Пьюрити? – я гляжу свой член, смотря на нее. Ее ротик округляется, и она резко вздыхает, пока ее руки скользят вниз по груди. Я гляжу себя, когда ее руки ползут к холмику, а пальцы скользят между ног. – Прикасаться к себе перед своим профессором – это очень плохой поступок.

- Что вы со мной сделаете? – спрашивает она, ее веки наполовину закрыты, когда она ласкает себя.

Я усмехаюсь. Эта девушка и понятия не имеет, какие грязные вещи я собираюсь с ней сделать. Она понятия не имеет, во что ввязалась.

- Убери пальцы от своей киски, Пьюрити, – приказываю я. – Я не говорил тебе, что ты можешь прикоснуться к себе.

Она шипит, но делает именно то, что я ей говорю.

- Покажи мне их, котенок. Они мокрые?

Она держит пальцы передо мной, влага сверкает на свету.

- Они мокрые, профессор Райан. Слишком влажные.

Я хочу похоронить лицо между ее бедрами и попробовать все ее mestечки. Я хочу почувствовать ее на своем языке. Низкий рык исходит из

горла.

- Положи их мне в рот, Пьюрити. Позволь мне попробовать тебя.

Она проводит пальцами по губам, я открываю рот и беру их. Она слаще всего, что я когда-либо пробовал в своей жизни, как мед, сахар и вообще все лучшее, что есть в этом мире.

Я даже не воображаю больше ничего. Мысль о том, что она стоит передо мной голая, лаская себя пальцами между ножек, фантазия о том, что она мокрая для меня и то, как она дает мне попробовать ее, сразу же доводит меня до пика. Я мгновенно взрываюсь, дергаясь от оргазма при мысли о том, что облизываю каждый ее пальчик.

Я стою, пытаясь отдышаться, пока мое сердце бешено колотиться в груди и мой член все еще в моей руке.

Это не повторится, я обещаю. Я не могу позволить себе фантазировать об этой девушке. Я не могу дроить в своем кабинете, думая о ней.

Это больше не случится. Все, что находится в моей голове, мне нужно взять под контроль.

8

Пьюорити

Сегодня третий день моих занятий с профессором Райаном. После того, как я опоздала на его первую лекцию, я в первую очередь выучила карту кампуса и поклялась не опаздывать снова, будь то на его пары или на пары кого-нибудь другого.

Потому что мне достаточно публичного унижения.

По крайней мере, последние два занятия прошли спокойно по сравнению с первым. Под «спокойно» я имею в виду, что ему успешно удалось избежать зрительного контакта со мной во время каждого занятия. Это довольно нелегкое дело, учитывая то, что на курсе обучается всего двадцать студентов.

Логически я понимаю, что не должна принимать это на свой счет. Я должна обрасти более толстой броней, когда дело доходит до того, что люди думают обо мне, и особенно, когда дело доходит до того, что *он* думает обо мне. Возможно, он так странно себя ведет лишь потому, что знал меня, когда я была ребенком.

Тем не менее, я не могу не размышлять о том, что профессор Райан думает обо мне. Не могу не гадать, действительно ли он презирает меня.

Вы думаете, что *пора бы* мне уже привыкнуть к этому. В Саус Холлоу было достаточно людей, которые ненавидели моего отца, и соответственно, по умолчанию, недолюбливали меня.

Я говорю себе, что настолько восприимчива к тому, что он думает обо мне только потому, что он связан с моим прошлым в Саус Холлоу, а не из-за того, что я чувствую бабочек в животе каждый раз, когда вижу его.

Сегодня, в конце урока, он едва дотронулся до меня, когда раздавал нам наши первые письменные задания. С каменным и безразличным выражением лица, он отдал мне мою работу, никак не прокомментировав ее. Я сложила ее пополам и засунула в сумку, не став даже смотреть на нее.

Я не знаю, почему я сопротивляюсь желанию посмотреть на свою работу в течение целого дня.

Само задание не было слишком сложным, и за него не ставилось никакой оценки, лишь отзыв профессора. Оно было разработано, чтобы быть своего рода основой для нашего развития в течение семестра, и быть для нас чем-то вроде ориентира. По крайней мере, он так выразился.

Это было достаточно легко, или, по крайней мере, должно было быть. Нужно было написать на две или меньше страницы сцену, иллюстрирующую *психологическую сложность персонажа*. Тем не менее,

я потратила несколько часов, одержимая этой задачей больше, чем каким-либо другим из моих домашних заданий. Я еще раз у себя в голове анализировала нашу классную дискуссию о сложных вымышленных персонажах.

В основном, я зациклилась на словах мистера Райана: «Пишите об испорченных персонажах. Идеальные персонажи – не интересны. Совершенные люди скучны, и кроме того, все мы в какой-то степени испорченные».

Я записала эту цитату в своем блокноте на отдельной странице, отчасти потому, что хотела запомнить ее, и отчасти потому, что он застал меня врасплох. Это заставило меня задуматься, думает ли профессор Райан так и о людях, а не только о персонажах книг.

Это противоположность тем устоям, которые закладывались в мою голову с самого детства. Отец учил меня стремиться к совершенству. Он настаивал на том, что Бог требует совершенства в мыслях, чувствах и поведении.

Он рассказывал мне, что именно поэтому он назвал меня Пьюрити. Для того чтобы я всегда помнила к чему должна стремиться. Меня постоянно мучило подозрение о том, что это должно было мне напоминать о том, что я никогда ничего не смогу изменить, как бы я сильно ни пыталась этого добиться.

Так что, когда профессор Райан заявил о том, что идеальные люди скучны, и мы все испорченные, комментируя это с такой небрежностью, будто это само собой разумеющийся факт, я не знала, что с этим делать. Я записала это в блокнот, и постоянно повторяю эти слова у себя в голове, пытаясь осознать эту фразу.

Но это не имеет отношения к тому, почему я еще не прочла его отзыв. Я весь день ждала, чтобы прочитать то, что он написал о моей работе, но я хотела это сделать наедине. Для меня писательство – это что-то интимное, и он единственный, кто читал все, что я писала.

Что делает это еще интимнее.

Выполнять задание – это как писать прямо ему, раскрывать себя, обнажать часть души.

Это делает тебя уязвимым, но скрыть свои чувства невозможно.

Я полностью уверена, что это единственная причина, по которой я еще не прочитала его отзыв. Это объясняет все, и не имеет ничего общего с тем, что каждый раз, когда я думаю о профессоре Райане – о том, как он медленно заходит в класс, расстегивает манжеты своей рубашки и засучивает рукава, демонстрируя свои жилистые предплечья, или о том, как

не могу перестать смотреть на его идеальную спину, когда он поворачивается, чтобы стереть с доски – это посыает прилив тепла через все мое тело. Мое дыхание замирает, сердце учащенно стучит, и я чувствую странное ощущение внизу живота.

Мое желание сохранить его отзыв, забрать его с собой, а затем прочитать, смакуя каждое слово, не имеет ничего общего с этим.

Когда я возвращаюсь в свою комнату в общежитии, я понимаю, что у меня нет места, где я могла бы прочесть отзыв наедине с собой. Мое сердце тонет, когда я вижу, что Луна сидит в наушниках, сскутившись над своим ноутбуком. Она одновременно печатает и шуршит пачкой картофельных чипсов. Она так увлеклась тем, что делает, а ее музыка настолько громкая, что создается впечатление, будто она не замечает, что я в комнате.

Я неловко топчуясь на месте. Интересно, я должна прервать ее, чтобы поздороваться, или мне подождать, пока она сама меня не заметит? Я решаю, что было бы более неловко, если бы я напугала ее, заметив ее меня позже. Поэтому я перехожу на свою сторону комнаты и встаю так, чтобы она могла меня заметить.

- Как дела? – она лишь на секунду обращает на меня внимание, облизывает пальцы, покрытые крошкой, продолжая стучать по клавиатуре другой рукой.

- Ничего особенного. Была на занятиях, - громко говорю я, хотя она все равно меня не слышит. Супер громкая песня какой-то рок-группы, которая мне неизвестна – потому что я не слушала музыку, которая появилась в течение последних пятидесяти лет – играет в ее наушниках. Я даю себе молчаливый обет, изменить это как можно быстрее.

Присаживаясь на кровать, я достаю из сумки свои тетради и учебники. Сложеный край отзыва о моем письменном задании торчит из блокнота со спиралью, мое сердце замирает, и я мечусь, стоит ли взять и прочесть его.

Это как пластырь, говорю я себе. Просто сдерни его.

- Что ты делаешь? – я так увлеклась, что голос Луны заставляет меня подпрыгнуть.

- Что? – кричу я.

Луна отодвигается от стола и поворачивается на стуле. Она снимает наушники, позволяя гарнитуре болтаться у нее на шее.

- Ты просто так пристально смотрела на эту тетрадь, - отвечает она. – Хочешь чипсов?

- О, - вздыхаю я. Черт. Я, наверное, выгляжу, совершенно свихнувшейся, сидя здесь и пялясь на тетрадь, будто та содержит что-то

радиоактивное. – Нет, спасибо.

Она приподнимает брови.

- Это отзыв с урока письма?

- Да. Как ты узнала?

- Ну, у тебя написано «Креативное письмо 207» на задней части тетради.

Я переворачиваю тетрадь другой стороной вверх, понимая, что, скорее всего, бездумно рисовала во время пары профессора Райана, как какой-то незрелый подросток, переживающий из-за предмета своего обожания. Спасибо господи, что не накалякала его имя с миллионом сердечек и цветов вокруг.

Я чуть было не задыхаюсь от этой мысли.

Нет. Я бы не сделала так, потому что я не думаю о мистере Гейбе в контексте предмета обожания.

Я не влюбилась в него.

Я не могла.

- А, да, я просто рисовала.

Луна смеется. – Мне так скучно во время занятий. Ну, точнее, не только на них. Мне скучно во время многих вещей, но особенно на парах, потому что они чертовски медленные. Поэтому я обычно провожу их, слушая вполуха, пока играю в компьютерные игры.

- Это то, чем ты занималась сейчас? – спрашиваю я. – Играла?

- Нет. Сейчас я взламывала сайт Госдепа, - небрежно говорит она.

Мои глаза расширяются. Моя соседка по комнате – хакер?

- Хм... - Я ничего не говорю, просто потому, что понятия не имею, как реагировать на такое заявление Луны.

Луна хихикает. – О боже. Выражение твоего лица бесценно, - восклицает она. – Расслабься, ничего я не взламывала. Просто играла в онлайн-игру. Черт возьми, ты чуть ли не умерла от сердечного приступа, всерьез подумав, что я средь бела дня взломала сайт Федерального Правительства!

Мое лицо краснеет от смущения. – Конечно же, я так не подумала, - усмехаюсь я. – Я просто подумала, что сайт Госдепа – мелочь, ведь любой человек может сделать это. Взлом сайтов ФБР и ЦРУ был бы более впечатляющим.

Она улыбается.

- Посмотрите-ка. У дочери проповедника есть чувство юмора. Может, мы все-таки поладим.

- Может быть, - говорю я ей, останавливаясь, чтобы быстро добавить.

– Дочь дилера марихуаны.

Луна смеется. Затем она снимает наушники с шеи, и, не вставая с кресла, бросает их на стол, а затем, не спрашивая, забирается полностью на кровать. Интересно, прошла ли я какой-то тест на инициацию соседки по комнате.

Она кладет пакет чипсов себе на живот и роется в нем, пока бросает взгляд на мою тетрадь.

- Так это твое сочинение или что?

- Да, - я кладу его на подушку рядом со мной, пожимая плечами. – Ничего такого. Просто это маленький отрывок, который я написала для своего письменного задания для литературного класса.

- Творческое письмо, значит, – подводит итог она, сидя на месте менее пяти секунд, прежде чем ставит одну ногу на пол и тянется за чем-то на столе. Поворачиваясь, она протягивает пачку жвачки.

- Хочешь?

- Нет, спасибо.

- Ну, как хочешь. Она запихивает пару подушечек в рот, прежде чем скомкать обертку и кинуть ее в мусорное ведро прямо через всю комнату, будто играя в баскетбол. Она отскакивает от стены и катится в противоположную от корзины сторону, но Луна не встает, чтобы поднять ее. – Значит, ты, должно быть, неплохо пишешь.

- Это еще почему? – спрашиваю я, подтягивая колени к груди. Луна заставляет меня нервничать. Она классная. Она та девушка, у которой большой жизненный опыт и куча друзей.

Я та девушка, у которой нет ни того, ни другого.

Пока я росла, мой отец был слишком обеспокоен тем, с кем бы я могла проводить время. И, конечно же, ни с кем вроде Луны, я бы никогда не смогла общаться с его одобрения. Мне никогда не позволялось просто «тусоваться» с кем-то. Так что сидеть здесь просто так, болтая с Луной, заставляет меня нервничать. Начнем с того, что мне в принципе некомфортно в обычных житейских ситуациях, а в ситуациях с общением с соседкой по комнате тем более.

- Писательство, – произносит она. – Ты учишься у Габриэля Райана, да?

Я киваю. – Я не знаю, хорошо ли я пишу. Я имею в виду, может быть да, а может, и нет. Не уверена, если честно. Я отправляла образец сочинения, чтобы поступить сюда, но никто никогда не читал ничего из того, что я писала раннее. Так что я действительно не знаю.

Луна приподнимает брови. – Как это так?

- Я просто никому никогда не показывала свое творчество.

- Тогда почему же ты учишься в таком классе, который явно не для всех, если твои работы никто никогда не читал, и ты даже не уверена, что хороша в этом?

То, как она задает вопрос, звучит обвинительно, и поток вины струится в моей голове, хотя мне не за что чувствовать себя виноватой.

Потому что я знала Габриэля Райана, когда была ребенком.

Потому что он рос с моим отцом.

Но мистер Гейб читал вступительные сочинения анонимно, ведь так? Он так и сказал, когда мы с отцом приходили к нему в кабинет. Кроме того, он показался искренне удивленным, увидев меня. Вообще-то, было больше похоже на то, что он в шоке. И что расстроился. Определенно расстроился.

Это факт. Мистер Гейб не хотел, чтобы я училась в его классе. На самом деле, он кажется очень раздраженным из-за того, что я еще не бросила его класс. Интересно, ждет ли он этого.

Когда я смотрю в потолок, Луна смотрит на меня, явно ожидая моего ответа.

- Я не знаю, как попала в этот класс. Я просто подала заявление.

Я умалчиваю часть о знакомстве с ним.

Это маленькая белая ложь. Мой отец был бы потрясен. «Бог ненавидит лжецов», - сказал бы он.

Но это не может быть ложью, говорю я себе. Тот факт, что я раньше знала профессора Райана, совершенно не имеет значения.

- Никогда о нем не слышала. Видимо, он известный писатель или типа того? – Луна делает на долю секунды паузу, прежде чем продолжить, не дожидаясь моего ответа. – Я только слышала, что какие-то девушки говорили о тебе, когда я выходила сегодня утром из душа.

Я запинаюсь.

- Говорили обо мне?

Кто мог говорить обо мне?

Я едва произносила более двух слов, в основном «привет» и «добroe утро», некоторым на моем этаже в общежитии за последнюю неделю. Учиться, посещать занятия, ходить в столовую и книжный магазин – вот что является моими приоритетами. Общение с кем-то не на моей повестке дня.

Это, несомненно, порадует моего отца.

- Да, о тебе, - говорит Луна, усмехаясь. – Похоже, что я много знаю о писателях или, тем более, об известных писателях? Я слышала, как эти сучки говорили какое-то дерньмо про амишку с нашего этажа, которая

учится в классе Габриэля Райана.

Она говорит это как бы случайно, что я даже не знаю, какую часть из этого обдумывать сначала.

- Говорили д... - я останавливаюсь. Нецензурные слова застревают на кончике моего языка, я почти решаюсь повторить это, но не могу себя заставить.

- Говорили фигню про сектантку? Кто такая амишка?

Луна пристально смотрит на меня.

- Я? Я – амишка?

Луна закатывает глаза.

- Не волнуйся из-за этих девушек. Наследие. Большие сиськи, отсутствие мозгов, семейные деньги. Делят общагу с нами, плебеями, в течение года, чтобы набраться жизненного опыта, - она подчеркивает часть про опыт, произнося слова с придыханием, при этом закатывая глаза.

- Наследие? – спрашиваю я.

Луна говорит так быстро, что мне трудно поспевать за ее мыслями. Она также не перестает двигаться, ее нога упирается в матрас, пока она говорит. Она крошечная связка энергии.

- Понимаешь, - вздыхает она. – Дети родителей, которые учились в этой школе, и их родители учились в этой школе, и их бабушки с дедушками ходили сюда, на протяжении поколений и бла-бла-бла. Наследие. Они не такие как мы.

Они не такие как мы.

Я так удивляюсь тому, что Луна так просто поставила нас обоих в одну категорию, что я даже не знаю, как ответить.

Кажется, она не замечает моего шока. Она просто продолжает говорить.

- В любом случае, ты понимаешь, - продолжает она, печально махая рукой. – Они все испорченные и дермовые.

Я киваю, будто знаю это. Реальность такова, что я ничего не знаю о том, кто испорчен, а кто нет. Я никогда раньше не встречала избалованной девушки. В таком городе, как Саус Холлоу, никогда не было ни одного богатого человека. Они были в другом городе, в получасе езды. Я была там однажды, вроде бы.

Мистер Гейб – единственный известный человек, родившийся в Саус Холлоу, и он прославился только после того, как покинул город, что не может быть совпадением. Даже будучи маленькой, я знала, что пребывание в Саус Холлоу, неизбежно будет высасывать каждый кусочек творчества или желание чего-то большего прямо из тех, кто жил там. Раньше я часто

задавалась вопросом, что случилось с моей матерью, добил ли ее город, что она больше не смогла этого выносить и поэтому покинула его.

Чем старше я становлюсь, тем все больше понимаю, что, вероятно, именно из-за города она сбежала.

- Я не амишка, знаешь ли, - ляпаю я.

Я чувствую себя глупо, оправдываясь.

Я чувствую себя еще более смущающейся, одетая в длинное платье. Но это ненадолго, у меня есть кое-какие деньги на новый гардероб. У меня имелись кое-какие сбережения на моем банковском счете, когда я покидала Саус Холлоу. Деньги, которые я копила в течение многих лет, работая няней, и откладывала их на черный день. Моя стипендия может кое-как помочь мне, пока я не начну сама зарабатывать, но все же это не те деньги, которые я могу просто так спустить на магазины, покупая новую одежду, в отличие от большинства студентов здесь.

- Ни хрена, Пьюрити, - говорит Луна. Она останавливается на секунду. – У тебя есть прозвище? Это как-то странно, называть тебя Пьюрити.

Если бы кто-нибудь другой так сказал, это было бы оскорбительно. Но Луна смотрит на меня так, будто только что спросила о погоде, вместо того, чтобы говорить о том, что мое имя странное.

Думаю, девушка не имеет понятия, что такое фильтрация речи. Она просто ляпает, что попадает в голову, а потом смотрит на тебя так, как будто это не должно было прозвучать оскорбительно.

Всего за две минуты, она сказала, что моя одежда заставляет меня выглядеть так, будто я амишка, рассказала, что какие-то девушки обсуждали меня, и в конце концов провозгласила мое имя странным. Я не совсем понимаю, ненавидит ли она меня или считает нас подругами.

- Страннее, чем *Луна Мун*? – спрашиваю я.

Луна просто заливается смехом.

- Когда мне было тринадцать, я говорила всем, что меня зовут Джейн. Это на самом деле подкосило мою мать. Она сказала, что ни один ее ребенок не будет просто Джейн. Когда я начала носить рубашку-поло цвета хаки в школу, то ее реакция была сродни той, если бы я убила кошку или что-то типа того. Мой подростковый бунт был таким же, как и у других детей. Ох,ходить в школу... Моя мама была в ужасе от того, что я собиралась сделать прививку и пойти работать на Уолл-Стрит.

- Мой отец тоже думает, что школа – это работа дьявола.

- Ну, это то, в чем взгляды наших родителей схожи, - говорит Луна, делая паузу, оценивая меня. – Так теперь мне называть тебя амишкой?

Я снова смотрю на свое платье.

- Моя одежда настолько плоха?

- Ох, я тебя умоляю, - издевается она. – Я просто дразнюсь, Пьюрити.

В случае, если ты не заметила, мое чувство юмора немного...

- Странное?

- Видишь? Ты понимаешь, - говорит она. – Я немного саркастична. И с твоей одеждой все в порядке. Твое платье милое, в стиле ретро.

Я стону. – Я выгляжу, как домохозяйка из пятидесятых?

Рука Луны прикладывается к подбородку, пока она оценивает меня.

- Да уж, определенно домохозяйка из пятидесятых. Если бы ты немного укоротила юбку и добавила макияж, ты вполне смогла бы выглядеть как сексуальная пинап-девушка.

Я стону снова. – Мне нужна новая одежда.

- Ой, пожалуйста. Пошли на хрен этих сучек, - советует Луна. – Кого волнует, что они думают? Если тебе нравится твой стиль, так сохраняй его.

- Я не уверена, что хочу сохранить его, - говорю я, выпуская раздраженный выдох. – Я совсем не уверена, что это действительно мой стиль. Просто это то, что мне разрешалось носить дома.

- Разрешали? – лицо Луны кривится.

- Мой отец довольно строгий, - признаю я. Мое лицо снова краснеет. – Он проповедник. Мне не разрешали носить что-либо нескромное, ну, или делать что-нибудь такое. Но это звучит хуже, чем было на самом деле...

Я останавливаюсь, рефлексивно оправдывая свое воспитание. Почему я пытаюсь защититься? Честно, было нелегко во многих вещах. И я даже не знаю, как объяснить это девушке, которая была воспитана мамой, которая позволяла ей носить все, что она хотела, и стричь волосы, как ей хотелось, и сделать татуировку с пирсингом, и вообще выражать себя любыми способами.

- *Деевочка*, - говорит Луна, протягивая слова. – Твой отец типа какого-то культовый лидер? Без обид, я понимаю, что он твой пapa и все такое.

Мое лицо краснеет от смущения. – Нет, - отвечаю я медленно. – Точнее, я так не считаю.

Но, правда в том, что я уже не первый раз слышу слова «культовый лидер» и имя моего отца в одном предложении. Однажды я подслушала, как городской библиотекарь миссис Купер, которая давала читать мне книги, которые не позволял мне читать отец, назвала его церковным культом. Она думала, что я в другой стороне библиотеки между книжными стеллажами, но я брела обратно, чтобы вернуть ей книгу, и она была в разгаре жаркой беседы с мистером Адамсом, который владел

единственным магазином в городе.

Моему отцу не нравились мистер Адамс и миссис Купер. Он называл мистера Адамса распутником и настаивал, чтобы его прихожане никогда не ходили в его магазин, потому что они не должны потакать бизнесу неверующего. Я никогда не была уверена, почему убеждения мистера Адамса о Боге могли помешать управлять магазином, но для моего отца и членов его церкви, по-видимому, это имело решающее значение.

- Он проповедник, - запинаясь, объясняю я.

- Так он методист или баптист, что ли?

- Нет-нет, - отвечаю я. – Его церковь не является классической церковью или чем-то таким. Он всегда говорил, что основные деноминации стали слишком либеральными, поэтому он создал свою собственную церковь, с большим упором на патриархат...

Я останавливаюсь в середине своего объяснения, потому что это звучит очень странно, теперь, когда я говорю это вслух.

- Черт возьми, - запинается Луна, широко раскрывая глаза. – С еще большим упором на патриархат, чем обычно?

Думаю, меня сейчас вырвет. Мое лицо краснеет, и я не могу дышать. Это было гораздо менее унизительно, прежде чем я начала говорить об этом.

- Черт, я никогда никого не знала, кто бы был членом секты, - говорит Луна.

- Я не состояла в секте, - слабо протестую я. Термин звучит безумно и фанатично, поэтому он не может быть применен ко мне. Большинство людей, с которыми я выросла, были нормальными, верно?

Я имею в виду, это относительная норма? Полагаю, что так.

Боже мой, может быть, это правда была секта.

Этого не может быть. Секты не позволяют тебе уйти, а мой отец отпустил меня в колледж. Значит, он *не может* быть таким плохим.

Луна все еще смотрит на меня, как будто у меня три головы, так что, возможно, все так плохо.

- Было бы здорово, если бы состояла, - признает Луна, пожимая плечами. – И имею в виду, совершенно странно. Просто словно совершенно облажаться.

Я не могу не засмеяться. – Ты очень странная.

- Да, есть такое, - говорит она, соглашаясь. – Если ты не заметила, то мы обе такие. Это комната для чудаков. Может, нам стоит сделать отличительный знак на двери.

Она говорит это с таким невозмутимым видом, что на секунду мне

начинает казаться, что она серьезно. Страх сжимает мою грудь при мысли о рекламе всему миру о том, что мы чудачки.

- Прими это, Пьюрити, - смеясь, произносит она, вставая с моей кровати.

- Принять что?

- Свою странность, - заявляет она. – Эй, я собираюсь сходить к торговому автоматау. Хочешь чего-нибудь?

Я качаю головой.

Прими свою странность, заявляет она небрежно, точно так же, как профессор Райан говорит, что совершенство скучно.

Легко ей сказать.

Легко им обоим сказать.

Я жду, пока она уйдет, прежде чем вытаскиваю отзыв из тетради. Мое сердце тонет, когда я вижу фразы, разбросанные красной ручкой по всей бумаге:

Ненестественно и глупо.

Скучно.

Зевок.

Ты действительно считаешь, что люди могут себя так вести?

Нет страсти.

Плоские персонажи, где огонь?

В конце не более чем заключение: *дайте мне что-нибудь другое, Пьюрити. Пишите о том, что не скучно.*

Я не могу не слышать его голос у себя в голове, пока читаю его слова, будто он стоит прямо здесь, говоря их мне. Каждая фраза бьет меня, как удар в живот, один за другим.

Там нет ни одного положительно слова на целом листе отзыва.

Я не ожидала, что меня похвалят за мои фантастические навыки письма, но неужели нет ни одного приличного отрывка в том, что я написала?

Его отзыв не должен влиять на меня так, как он это делает. Я должна быть обособленной, объективной и разумной. Это всего лишь тренировочное сочинение для класса.

Но я сижу здесь, уставившись в него, пока слезы не начинают формироваться в уголках глаз.

Когда Луна заходит обратно в комнату, неся мешок конфет в руках, она останавливается.

- Боже. Все так плохо?

- Это конструктивная критика, - бормочу я, хотя не уверена в ее

конструктивной части. – Я не должна переживать...

Я перестаю говорить, потому что если я скажу еще что-нибудь, то заплачу. А я не хочу плакать перед моей новой соседкой по комнате.

Она протягивает пакет.

- Хочешь парочку? Сахар делает все лучше.

- Не уверена, что он поможет в моем случае,- говорю я, зачитывая со страницы: «Неинтересно, неубедительно, наивно, незрело. Не хватает глубины характера».

Луна кривится и бросает пакет с конфетами на свою кровать.

- Ух. Да уж, сахар – неправильное решение ситуации.

- Тогда что?

- Вставай и обувайся, - приказывает она. – Очевидно, здесь поможет только пицца.

9
Габриэль

- Новый роман? – Дин ставит тарелку с двумя кусочками пепперони на стол передо мной.

Я выглядываю из-за экрана ноутбука.

- Возможно. Не хочу дразнить себя, но... – говорю я, хотя и не верю в такую удачу.

Дин стягивает полотенце с плеча и вытирает руки.

- Ну, сегодня я заметил тебя еще из кухни и сразу понял, что ты снова пишешь. Два года ты приходил сюда раз в неделю, и я никогда не видел тебя с ноутбуком.

- Неправда, – говорю рассеянно, отвлекаясь на слова на экране. Я провел так много времени в пустыне творчества, что не могу судить, получится ли из этого что-нибудь хорошее. Но мне кажется, это может быть неплохо. – Думаю, я приносил с собой ноутбук один или два раза.

- Никогда, – настаивает Дин. Он владелец пиццерии в нескольких кварталах от кампуса, в которой делают лучшую пиццу в этом районе и не имеет тенденции собирать толпу студентов по вечерам. Это означает, что у меня есть хоть какая-то крупица времени, когда я могу спокойно прийти сюда на ужин. – Пришло время написать что-нибудь поинтереснее моего пиццерийного меню.

Год назад, Дин изо всех сил старался «украсить» свою пиццерию, поэтому я помог ему и переписал меню. За пару бутылок пива и пепперони, придумал ему несколько броских тематических названий и описаний пунктов меню. Это не было для меня большим делом. Было весело, лучше, чем стучать головой о стену в попытке выбить свое дермо. Но отныне Дин утверждает, что вся пицца, съеденная мной, заранее оплачена, независимо от того, сколько раз я пытался заплатить за нее сам.

- Твое меню – просто произведение искусства, и все благодаря мне, – смеясь, произношу я ему.

- Когда ты станешь по-настоящему знаменит, я буду всем хвастаться, что мое меню было написано тобой.

- Я уже знаменит, – говорю, пока он свистит и идет в направлении кухни.

- Да? И почему же тогда я ничего не читал из того, что ты написал?

- Я не пишу книги с картинками, Дин.

Он посмеивается, пока идет обратно на кухню, а я возвращаюсь к набору текста. Впервые за многие годы я могу переключить свое внимание

от всего, что меня окружает, но теряюсь в словах. Я полностью погружен в работу и на самом деле начинаю писать что-то новое, хотя это не изменит мир прозы, а работа идет скачками, а не течет словно вода.

Я смотрю, как группа несносных студентов колледжа прерывает мои мысли, кричит и хлопает друг друга по плечам, называя друг друга «бро», пока они от входа пересекают ресторан, направляясь в сторону, тускло освещенного места, где находятся бильярд, дартс и пиво. Если бы они не были такими громкими и раздражительными, я бы совершенно не заметил ее, тоже входящую в помещение.

Ee.

На Пьюрити длинное черное платье с мелким цветочным узором, которое выглядит на ней, будто она сошла с модных журналов начала века.

Она из другого мира, ее волосы обрамлены золотистым светом вечернего заката, который падает сквозь стеклянную дверь.

Я воображаю, будто глаза каждого в этом месте устремлены на нее прямо сейчас, но я не могу оглядеться вокруг, чтобы узнать, правда ли это, потому как слишком занят тем, что смотрю на нее сам.

Она делает паузу, идя неуверенно и пугливо, как будто хочет убежать в любой момент. Мне любопытно, собирается ли она умчаться отсюда. Мне интересно и хочется узнать о ней больше.

А еще интересно, на самом деле, какого черта она здесь делает.

Возможно, она знает, что ты приходишь сюда.

Мой уровень интереса настолько высок, что я не уверен, обладает ли она всеми ответами. Конечно, она могла бы прийти сюда, чтобы найти меня и выплеснуть пиво мне в лицо после моего отзыва об ее работе.

Я был груб с ней.

Ладно, я был мудаком.

Мысль о моем отзыве на ее сочинение заставляет содрогнуться. Обычно я не такой придурок, когда дело доходит до отзывов. В конце концов, я не пытаюсь сокрушить чей-либо дух, и студенты, которых я выбираю для своих занятий, действительно, талантливы.

Обычно я оставляю честную критику, имеющую хоть какую-то положительную черту. В случае Пьюрити я бы оценил ее сочинение как поэтическое или лирическое. Если бы это был другой студент, я бы так и написал.

Так почему же с ней не так?

Я сказал себе, что жесткая критика – это именно то, что нужно этой девушки. Не то чтобы я вытащил эту критику из своей задницы. Ее персонажи были стилизованы, формальны и совершенно нереальны.

Написание реалистичных персонажей, очевидно, ее слабое место. Конечно, я не ожидал ничего другого от девушки, которая столь невинна, как она.

Обеспокоенный чувством вины за то, что был настолько жесток с ней, я не сразу замечаю, что она стоит там с какой-то татуированной и частично побритой девушкой в драных джинсах.

Девушкой, в точности противоположной той, с кем я ожидал увидеть Пьюрити. Черт, я вообще не ожидал, что Пьюрити будет здесь: в притоне с пиццей, бильярдными столами, дротиками и пивом.

У ее отца, вероятно, случился бы инсульт, узнай он, что она была здесь.

Я не совсем уверен в том, что татуированная девушка и Пьюрити подруги, пока девушка не берет руку Пьюрити в свою, и не ведет ее в направлении пустого столика в другой стороне комнаты.

Да уж, херово. Возможно, Пьюрити можно дать надежду, в конце концов.

Знаете, я не папочкина дочка.

Судя по тому, как Пьюрити улыбается и кивает татуированной девушке, я понимаю, что, должно быть, недооценил ее. Может быть, она не так тщательно слушалась отца. Может быть, она не настолько ограниченная, как я предполагал.

В конце концов, я не видел девушку много лет. Возможно, я сделал свои выводы о человеке, основываясь исключительно на ее одежде и манере поведения, а также на том, что она – дочь Алана.

Это делает меня чертовски поверхностным, верно?

Она смотрит в мою сторону, и осознание освещает ее лицо. Ну, освещает – это не совсем правильный термин для этого. Похоже, она не очень-то рада видеть меня.

Она определенно не сильно рада видеть меня.

Ее глаза сужаются, а выражение лица превращается в маску.

Это охренеть как неловко.

Я киваю ей. Профессионально, повседневно киваю. Это кивок, который говорит о том, что я определенно, ни в коей мере, виде и форме не побежал обратно в свой кабинет после той первой пары дрочить из-за ее пухлых и милых губок. Это кивок, который говорит, что я никогда не представлял ее губы, обернутые вокруг конца моего члена, или ее голову, двигающуюся вверх и вниз по моей длине. Но это не говорит о том, что я не виноват в подобных фантазиях с ней в главной роли, потому как знаю, насколько она молода, неопытна и невинна.

Профессионально.

Подходяще.

Уместно.

Повторяю я себе как мантру, пока Пьюрити садится за столик напротив ее подруги, и я стараюсь не смотреть на нее как распутный мерзавец, хотя и чувствую себя таковым. Пьюрити что-то говорит своей подруге, и та кидает на меня дерзкий взгляд. На секунду, у меня появляется иррациональная мысль о том, что ее подруга догадывается о моих грязных фантазиях о Пьюрити, но это смешно.

Пьюрити, должно быть, сказала своей подруге, какой я мудила.

Это ненамного, но лучше, чем быть извращенцем.

Еще одна волна боли бьет меня за мое поведение, но я отодвигаю ее. Вот как это должно быть. Быть мудаком – значит держаться от нее подальше.

Я держу ее в безопасности.

Возвращаясь к ноутбуку, я вынуждаю себя сосредоточиться на письме. Но когда я начинаю печатать, мне совсем не нужны силы. Я подпитываюсь каким-то неизвестным импульсом, который не могу объяснить. Я не знаю почему, но мне начинает казаться, будто, когда я вижу Пьюрити, тогда открываются врата творчества, и я пишу. Но это смешно.

Тем не менее, я теряю себя в письме, слова текут, пока я не заполняю две страницы. Затем поднимаю глаза вверх, когда Дин возвращается к моему столу с хитрым выражением на лице.

- Не говори мне, что с моей пиццей что-то не так, - говорит он, скрещивая руки на большой груди.

- Черт, - бормочу я. – Я так отвлекся, что даже не думал о пицце, Дин. Он качает головой.

- Если бы я не знал тебя так долго, сколько ты сюда приезжаешь, Гейб, это было бы чертовски обидно.

- Если я введу тебя в свой роман, это исправит положение? – шучу я. Дин Сникерс.

- Не делай меня одним из твоих сраных сюси-пузи эмоциональных мужиков.

- Я думал, ты не читал моих романов.

- Только не зазнайся. Моя жена заставляла меня, когда они читали твои книги в ее литературном клубе. Обычно я не читаю женскую литературу.

- Художественную литературу, - поправляю я. Частью того, почему мне нравится приезжать сюда, является то, что Дин может поливать меня дерьяром, а я делаю это в ответ. Это напоминает мне о морских днях.

- Без разницы, - издевается он. – Сделай меня злодеем или типа того.

- Ну, это вряд ли получится.

- Ты хочешь, чтобы я упаковал пиццу в коробку или как? Ты сегодня как-то засиделся.

Я смотрю на часы. Проклятье.

- Черт возьми, Дин. Я не думал, что уже почти семь. Ты должен был выгнать меня из кафе, если тебе было нужно.

Обычно я ухожу отсюда в районе шести вечера, до того, как здесь появится толпа студентов, которых Дину нужно будет обслужить. Я стараюсь избегать мест, где тусуются подростки, так как нет ничего более неловкого, чем натыкаться на своих пьяных студентов в городе. Но если бы я избегал всех мест, где они тусуются, я бы пропустил некоторые из лучших притонов в этом городе.

- Ты думаешь, что я какая-то фиалка, которая не может сказать тебе, нужен ли мне столик или нет? Если бы я хотел, чтобы ты освободил столик, я бы выгнал тебя из-за гребаного стола, - он делает паузу. – А вот теперь я выгоняю тебя.

Я смеюсь.

- Дай мне коробку, - говорю я ему, закрывая ноутбук. – Я должен вернуться домой и погулять с Хэми. Я не обратил внимания на время.

- Писатели, - бормочет он, тряся головой, пока уходит.

Когда он заходит на кухню, я не могу не посмотреть через всю комнату на столик, где сидят Пьюрити и ее подруга. Я прилагал максимум усилия, чтобы игнорировать их, но я не могу проигнорировать двух парней, сидящий у стендса и болтающих с ними.

Двое парней, одетых в бейсболки задом наперед и застиранные футболки с принтами в виде греческих букв. Точнее, двое пьяных сопливых мальчишек.

Мне нужно взять пиццу, ноутбук, пойти домой и погулять с Хэми. Вот что сделал бы нормальный профессор.

Я должен игнорировать двух дебилов, которые явно пытаются подкатить к Пьюрити и ее подруге. Вот что сделал бы профессор, не имеющий личной истории с одной из своих студенток.

Я должен оставить это как есть.

Что это, ревность? Я понимаю, что смотрю, как один из парней шутит, а другой ржет, толкая локтем того, который пошутил. Два дегенерата.

Но я ничего из этого не делаю. Вместо этого, мне интересно, как долго они будут разговаривать с девушками. Интересно, во вкусе ли

Пьюрити кто-то из них.

Один из них откидывается и опирается предплечьями на верхнюю часть сидения позади Пьюрити. Его близость с ней немедленно посылает прилив раздражения сквозь меня, которое я не могу рационально объяснить. Когда он наклоняется к ней и прикасается к ее плечу, говоря что-то, чего я не могу разобрать, мое раздражение быстро усиливается.

Я злюсь.

Я еще сильнее злюсь, когда она отклоняется в сторону, отодвигаясь от него. Ей явно некомфортно, и он виновен в этом. Мне не нравится то, что он стоит рядом с ней, мне не нравится то, как он наклоняется к ней, и мне определенно не нравится то, что он прикасается к ней.

Теперь я совсем в смятении.

Я встаю, прежде чем подумать о последствиях. Если бы я продумал последствия, то понял бы, что это был глупый, нелогичный, плохо продуманный выбор. Он включает в себя ненужное количество внимания к профессору, который вмешивается в личную жизнь одной из студенток очень сомнительным способом.

Очень сомнительным, учитывая те вещи, которые приходили ко мне в голову конкретно об этой студентке.

До того, как осознать ситуацию, я стою у их столика. К моему огромному облегчению, я физически ничего не делаю этому придурку и не мешаю ему прикасаться к Пьюрити, но только потому, что как только он видит, что я приближаюсь, то сам убирает руку.

- О, э... - заикается он, пытаясь прочистить горло. – Я не знал, что ты здесь со своим отцом.

Пьюрити заливается глубоким оттенком красного.

- Это не мой отец.

Ее подруга издает громкий хрюк, прикрывая рот ладонью. Потом она смотрит на меня, поднимая брови.

- Это не ее отец. Это известный профессор Райан.

Подруга чертовски пристально смотрит на меня, и это означает, что Пьюрити рассказала ей о моем отзыве. Но она не смотрит на меня как на извращенца, что означает – Пьюрити не рассказала ей о том, как я искося наблюдал за ней.

То, как она скрещивает руки и кидает защитный взгляд на Пьюрити, заставляет меня почувствовать тепло. По крайней мере, у Пьюрити есть хоть кто-то, кто присмотрит за ней, кто, очевидно, может позаботиться и о себе тоже.

- Что ж, - говорит с сарказмом парень. – Мы будем за бильярдным

столом. Если вы захотите потусоваться, приходите. Конечно же, если ваш отец даст вам разрешение. – Он делает жест рукой в сторону другого сопляка, будто они двое – самые умные люди в мире, прежде чем уйти в сторону бильярда.

Пьюрити с яростью смотрит на меня.

- Что вы здесь делаете?

- Да, профессор, - говорит подруга Пьюрити обвинительным голосом.

– Это у вас привычка такая, прерывать всех ваших студенток, пока они пытаются познакомиться с парнями?

- С парнями? – я не могу сдержать удивление в своем голое. – Это то, что происходило здесь?

Подруга Пьюрити громко фыркает.

- С этими парнями? Да, верно, - она делает паузу. – Но они не в моем вкусе. Правда, может, они понравились Пьюрити. Без обид.

- Мне? Что? Нет, меня они не заинтересовали. Я имею в виду, связываться с ним – эм... нет, спасибо, - она останавливается, делая глубокий вдох, пока ее щеки приобретают более яркий оттенок красного. – Вообще-то... мне нужно в туалет. Увидимся в классе, профессор Райан.

Она пододвигается к краю сидения и встает, но теряет равновесие. Я оборачиваюсь к ней, и она спотыкается.

Прямо об меня.

Она падает на мою грудь, громко охая, когда ее тело прижимается к моему. Мои руки автоматически хватают Пьюрити, и на секунду я держу ее тело напротив своего, пока она смотрит на меня.

Все замирает.

Кажется, что время замедлилось, по крайней мере, окружающий мир. Я держу ее, и она смотрит на меня широко распахнутыми глазами, волосы струятся по плечам.

В тот момент, когда моя кожа прикасается к ее, словно разряд тока проходит между нами, возбуждение мгновенно охватывает нас. Это худшее клише в мире, но это единственный способ описать то, что происходит между мной и Пьюрити. Я без сомнения знаю, что она тоже чувствует то же самое, потому что вижу это в ее глазах.

Почти непреодолимое желание поцеловать ее, здесь и сейчас, посреди кафе, заполненное не пойми кем, вспыхивает во мне. И как будто она умеет читать мысли, ее голова слегка поднимается к моим губам.

Я почти это делаю.

Я почти что, блядь, целую эту девушку.

Затем я быстро прихожу в себя, потому что ни за что не должен

целовать эту девушку.

Девушка – ключевое слово.

Студентка – другое слово.

Я не могу поцеловать ее посреди общественного места, как обычную женщину, которая не является моей студенткой или дочерью моего бывшего друга.

Я отпускаю ее, и она просто стоит там какое-то мгновение, моргая несколько раз, прежде чем простирает горло и, поворачиваясь, практически бежит в сторону задней части кафе.

Подруга Пьюрити бросает на меня взгляд, она поднимает брови и делает глоток содовой.

- Ну и дермо, - говорит она. – После этого, думаю, что мне нужна сигарета.

Нам обоим.

10

Пьюорити

Я бегу в туалет, двигаясь настолько быстро, что сбиваю женщину. Не останавливаюсь, бормочу извинения.

Все как в тумане.

Все размыто из-за того, что произошло между мной и мистером Гейбом.

Ничего страшного, говорю я себе. Ничего. Я просто слишком резко подскочила, у меня закружилась голова, и я наткнулась на него.

Я наткнулась на его грудь, на его очень твердую, очень мускулистую грудь, и чуть было не протянула руку, чтобы дотронуться до него.

Затем он положил руки на мои предплечья и крепко прижал меня к себе, так, что никакого пространства не осталось между нами, что заставило меня еще больше пошатнуться.

Все это длилось недолго, не больше пары секунд, поэтому ресторан не оказался в шоке и в ужасе скандала, но мне показалось, будто он держал меня целую вечность. Я находилась в его руках, мое тело прижималось к его телу, и у меня было странное ощущение принадлежности этому человеку.

На мгновение я была полностью уверена в этом.

Затем я быстро пришла в себя, потому как поняла всю нелепость моих мыслей. Это просто смешно.

Но на самом деле мне не смешно. Я задыхаюсь, вдыхая воздух маленьками глотками, из-за чего мне даже приходится остановиться в задней части коридора и отдохнуться. Пульсация между ног настолько сильна, что я не могу сосредоточиться на чем-то другом.

Под платьем мои трусики мокрые.

Такого никогда не случалось.

Я никогда не допускала такого раньше. Меня учили, что грязные мысли, те, которые посыпают тепло между ног, те, которые возникают у меня при мысли о мистере Гейбе – это грех. Я не могу остановить фантазии о том, как глажу торс мистера Гейба и опускаю свою руку к низу его живота. Да помогут мне небеса, Господи.

Образ моего отца за кафедрой мелькает в голове: «Берегите свои умы от грязных мыслей. Они от дьявола, он просто является в соблазнительном обличии».

Вот что сказал бы он. Точнее то, что говорил.

Я не могу представить себе более соблазнительную и заманчивую

форму дьявола, чем мистер Гейб. Его лицо красивое и точеное, словно у кинозвезды. То, как он смотрит на меня – самодовольно и хитро, будто знает все мои тайны, заставляет мурашки бегать по моим рукам. Его губы...

Нет.

Хватит. *Возьми себя в руки*, Пьюрити. Тебе не нужно думать о губах мистера Райана.

Губы мистера Райана.

Я повторяю это снова и снова: профессор Райан, профессор Райан, будто если я повторю его имя достаточное количество раз, то забуду о нем.

- Ты следила за мной, Пьюрити?

Я вздрагиваю, отчасти потому, что голос, исходящий из ниоткуда меня пугает, но и потому, что его голос – будто из моих мыслей.

Моих не очень невинных мыслей.

Поворачиваюсь к нему лицом. Мое сердце учащенно бьется, словно я только что пробежала марафон. Кажется, я не могу дышать, не в тот момент, когда он стоит в этом коридоре, глядя на меня так, как он это делает.

Выражение его лица посылает дрожь по всему моему позвоночнику, но не от страха. Жар мчится сквозь меня, когда он рядом. Я переминаюсь с ноги на ногу, сжимаю бедра вместе и молюсь о том, чтобы чувства, происходящие внутри меня, остановились.

Проблема в том, что я не уверена, хочу ли я, чтобы эти ощущения прекратились.

Думаю, мне это нравится.

- Пьюрити?

- Эм... что? – заикаюсь. Я слышала, как он задал вопрос, но не могу осмысльить, что он сказал. Потому как мои уши хоть и слышали что-то, мой разум направлен на его губы, которые говорят со мной.

Я не могу перестать думать о том, как могли бы ощущаться его губы и щетина на моей коже.

Профессор Райан оглядывается через плечо, а затем идет ближе ко мне по коридору. Инстинктивно я делаю несколько шагов назад, но останавливаюсь, когда понимаю, что стою почти у стены.

Почему мысль о том, что он прижимает меня к стене, только усиливает пульсацию между ног?

- Ты следила за мной, Пьюрити? – повторяет мистер Райан. Он стоит так близко, что это почти непрофессионально. По крайней мере, я так думаю, потому что мои веки невольно трепещут, когда вдыхаю его аромат.

Он воспользовался лосьоном после бритья, и запах едва ощущается. Он мужской, но не настолько сильный, как одеколон. Я чувствую намек на запах пиццы, доносящийся из ресторана, и это меня настолько пьяним, что я едва могу думать.

Следила за ним?

- Эм, зачем мне это делать? – как полная идиотка заикаюсь я, будто бы забыла английский язык. Это потому, что он застал меня врасплох.

- Зачем ты следила за мной? Почему ты здесь? – гнев мелькает в его глазах, но даже при этом, часть меня желает, чтобы его губы обрушились на мои.

Эта мысль безумна, понимаю. Это мысли девушки, которой всю жизнь все запрещали, и никто никогда не пытался поцеловать ее.

Должно быть, я самая чудная девушка в мире, потому что мое сердце бешено стучит, а мысли уносятся в грэзы. Я воображаю, как он целует меня, хотя на самом деле кричит на меня.

Он слишком много возомнил о себе, думая, что я слежу за ним.

- Я не следила за вами, - отвечаю ему. Я еще раз отступаю, чтобы выдержать дистанцию между нами, но натыкаюсь на стену позади себя. Я вздыхаю, когда получаю хоть какое-то пространство между нами, вдыхая воздух, который не пропитан его запахом, делающим мои мысли нечеткими и глупыми прямо сейчас.

- Будто ты сама нашла это место, - скептически произносит он.

- Моя соседка привела меня сюда, - огрызаюсь я. – И вообще, это не ваше дело.

- Не мое дело? – рычит он. – Твой отец просил меня присмотреть за тобой.

- Я думала, мы уже решили, что вы не моя нянька, - не могу не напомнить ему я.

- Ты – мое дело, пока я вижу, как парочка озабоченных придурков пытаются воспользоваться тобой.

Раздражение проносится сквозь меня. Мне казалось, что я освобожусь от нравоучений моего отца, уехав из Саус Холлоу, чтобы учиться в этом колледже. Я думала, что стану наконец-то независимой.

Я думала, что дни, когда мне кто-то будет указывать, что делать и куда идти, какую носить одежду, о чем думать и что ощущать, закончены.

Но теперь этот мужчина, которого я не видела много лет, и с которым у меня не было никаких взаимоотношений, когда я была ребенком, явно считает, что я – его дело и, что он вправе лезть в мою личную жизнь, словно мой отец.

Будто он знает, что будет лучше для меня.

Я стою и смотрю ему прямо в глаза.

- Вопреки тому, что вы, очевидно, думаете, профессор Райан, я не наивная маленькая девочка, за которой вам нужно приглядывать, - я резко сглатываю, желая, чтобы мой голос казался твердым. Но, несмотря на это, я все-таки чувствую себя глупой маленькой дурочкой из провинциального городка, которая ничего не знает о колледже и жизни вне своего дома.

- Я взрослый человек, и будь я проклята, если избавилась от нравоучений своего отца в обмен на нравоучения другого самонадеянного и чрезмерно высокомерного человека, указывающего, что я могу делать, а что нет.

Слова выливаются из меня потоком, прежде чем, я могу остановить их и взять себя в руки.

Это первый раз, когда я выругалась вслух.

А еще впервые что-либо кому-то высказала.

Моя рука автоматически хлопает по рту, будто сделав это, я смогу забрать свои слова обратно, которые я выплюнула до этого. Хотя, можно подумать, я хотела бы забрать их обратно.

- Я не твой отец, - голос профессора Райана грубый и жесткий, он хмурится, будто обеспокоен тем, что я сравнила его с моим отцом. Конечно, кого бы это не задело? Когда он приближается ко мне, я резко вздыхаю, осознавая, что за моей спиной стена.

Я должна уйти или убежать.

Я не должна здесь находиться вместе с ним.

Он высокомерный и властный, как мой отец. Просто ему кажется, будто он лучше его.

Проблема в том, что мои ноги не могут двигаться. Кажется, я приросла к полу, не могу перестать смотреть на его губы и не могу думать ясно, потому что его запах вновь отвлекает меня. Дыхание перехватывает в горле, а мое сердце бешено колотится в груди. Когда я заговариваю, мой голос дрожит, но не от страха.

- Тогда не надо... вести себя как мой отец.

Он смеется, и его голос полон сарказма и злости.

- Поверь мне, Пьюрити. Последнее, чего я хочу в этой жизни, так это быть похожим на твоего отца.

То, как он сказал это...

В этом нет ничего неуместного. Само собой, он не хотел бы вести себя как мой отец.

Но то, как он говорит, с темной угрозой и обещанием в одном лице,

каким-то образом посыпает поток нечистых мыслей и грязных фантазий в мой мозг.

Вдруг, голос, раздавшийся из-за угла, заставляет профессора Райана отойти от меня. Его выражение лица меняется, профессиональная маска сменяет его внешний вид.

Когда несколько девушек проходят мимо нас и подходят к туалетам, он быстро кивает мне, прежде чем развернуться и уйти.

- Именно такой огонь я ожидаю лицезреть в вашем следующем письменном задании, мисс Тейлор. Надеюсь, я не разочаруюсь.

11

Пьюорити

Вернувшись к столику, я вижу, что Луна все еще ждет меня. Она ни слова не говорит о профессоре Райане. Не задает вопросов, а я не хочу добровольно выдавать какую-либо информацию.

Она просто предлагает мне кусочек пиццы, как будто сейчас не произошло ничего необычного. Между тем, я на грани, клянусь, мое тело все еще чувствует его прикосновения во время наших объятий, когда он схватил меня за плечи, чтобы удержать от падения.

Конечно, все это, возможно, всего лишь в моей голове. Вполне вероятно. В конце концов, я никогда раньше не падала человеку на грудь. Никто никогда не поддерживал меня за руки, чтобы удержать от падения. Никто никогда не прижал меня к себе.

Никто никогда не смотрел на меня так, как только что смотрел на меня профессор Райан, будто хотел съесть меня.

Эта мысль согревает мое тело.

Он такой человек, который может сожрать целиком.

Думаю, он нужен мне.

Позже вечером, когда Луна уходит гулять с друзьями из класса по компьютерному программированию, я лежу в постели. И не могу стряхнуть чувство тепла, которое держится на моих руках, и я не могу забыть, как ощущалась его твердая грудь под ними.

Я пытаюсь выбросить все это из головы. Правда, пытаюсь.

Повернувшись на бок, я сжимаю бедра, чтобы подавить боль между ног, но чем дольше я не могу заснуть, тем ярче она разгорается. Я переворачиваюсь на другую сторону, надеясь, что это изменит ситуацию, но этого не происходит.

Ложусь на спину и считаю овец.

Считаю трещины на потолке в комнате общежития.

Мысленно расставляю столицы штатов в алфавитном порядке.

Считаю до тысячи. Семь раз.

Задумываюсь над тем, чтобы одеться и прогуляться по кампусу, чтобы очистить мысли, но сейчас одиннадцать часов вечера, так что я накладываю вето на эту идею.

Вместо этого я лежу, глядя в потолок, и стараюсь не думать о профессоре Райане.

И о его идиотских губах.

И о его сильных объятиях.

И как от него по-мужски пахло.

Пульсация между ног увеличивается, а дыхание становится прерывистым. Грудь начинает болеть, когда мои соски прижимаются к хлопковой футболке, которая сейчас ощущается кожей как наждачная бумага.

Закусывая нижнюю губу, я просовываю руку под рубашку, поднимаясь по животу вверх до груди, пока моя ладонь не обхватывает ее. Стараясь не застонать от ощущений, которые прорываются сквозь меня, я сжимаю свою грудь, пальцами оттягивая соски.

Я представляю, что на моей груди рука мистера Гейба, и эта мысль посыпает разряд тока сквозь меня прямо к сердцу. Это автоматически сопровождается потоком вины, которую я должна выкинуть из головы. Это то чувство, которого меня учили опасаться.

Я не должна трогать себя.

Не должна думать о мистере Гейбе в таком ключе.

Это неправильно. Грязно.

Я всегда была хорошей девочкой. Всегда игнорировала возбуждение, если такое случалось. Сейчас, прошло меньше недели учебного года, а я не могу удержаться от того, чтобы не засунуть руку под пояс моих пижамных штанов, и, проскользнув ею дальше, пока пальцы не коснутся клитора.

Маленький комочек уже смазан моей влажностью, поэтому пальцы легко скользят над ним. Не думаю, что когда-либо в жизни была настолько мокрой и возбужденной как сейчас. Когда я дотрагиваюсь до себя, стон слетает с губ, поэтому я плотно сжимаю их.

Что, если Луна раньше вернется домой и увидит, как я трогаю себя? Тогда я умру от смущения.

Что еще хуже, а что, если мистер Гейб узнает, что я лежу в постели и фантазирую о нем? Что, если он узнает о том, как быстро я кружу пальцами по своему клитору, представляя, будто это не мои пальцы, а его?

- Поведай мне о своих грязных мыслях, Пьюрити, - требует мистер Гейб. Он наклоняется ко мне, прижимая ладонь к стене над моей головой. Мы стоим в коридоре посреди пиццерии. Люди в метре от нас даже и не подозревают о том, что мы делаем что-то нехорошее, стоя здесь. Очень нехорошее.

Мне хочется подойти к самому краю.

Пошло все к черту. Я хочу спрыгнуть. Хочу нырнуть с головой прямо с обрыва.

Тем не менее, стоя перед ним прямо сейчас, я не могу заставить себя сделать это. Вместо того чтобы признать многие неуместные мысли о нем,

которые посещали меня, я вру. – Не понимаю, о чем вы, - шепчу я.

Ложь, ложь, ложь.

Он не верит мне.

Читает меня, как открытую книгу.

Наклоняясь ближе, его губы почти касаются моего уха, он говорит.

- Я досчитаю до трех, - шепчет он. Своей кожей я ощущаю тепло его дыхания.

Я надеюсь, что он протянет руку и прикоснется ко мне, прижимая губы к моим так, как я фантазировала об этом.

Но он этого не делает.

- Я досчитаю до трех, - повторяет он. – И ты расскажешь мне, о чем думаешь ночью, пока никого нет в комнате, когда ты наедине со своими мыслями... и пальцами. Поняла?

Я не отвечаю, но тихое хныканье вырывается из меня, прежде чем могу остановить это.

Он смеется.

- Я знал это, - тихо говорит он. – Ты фантазируешь о моих пальцах в своей мокрой киске?

Я закусываю губу, чтобы не стонать вслух от его слов. Я никогда не была рядом с кем-то, кто бы говорил со мной так, как он.

- Не хочешь отвечать, Пьюрити? – дразнит мистер Гейб. – Или, возможно, ты ласкаешь себя, думая о том, как стоишь на коленях на полу и берешь мой член в свой ротик?

Я дрожу.

Это заметно, и, Слава Богу, что мы одни в коридоре.

- О, это «да», если я правильно понял? – тихо говорит он с низким смехом. – Это определенно «да», не так ли, милая?

Не уверена, ожидает ли он ответа, но мои губы широко раскрываются, будто я права хочу его попробовать.

Я никогда не делала ничего такого, но хочу попробовать его.

Мои трусики пропитаны возбуждением.

- На колени, и смотри на меня невинными глазами, - говорит он. – Дай мне провести своим жестким стояком между этих девственных губок. Ты ведь хранила свой ротик именно для меня, не так ли, Пьюрити? Ты ведь еще не оборачивала эти сладкие губки вокруг чьего-нибудь члена, да? Мой будет первым.

Единственное, что я могу ответить, это слегка проскользить. Я отчаянно желаю, чтобы он прикоснулся ко мне, но он до сих пор не дотронулся до меня. Нигде.

- Скажи мне, Пьюрити, - требует он. – Скажи мне, если твой рот мой. Расскажи мне, о чем ты думаешь ночью, когда скользишь пальцами между ног. Расскажи мне, что ты представляешь, пока кончаешь.

Боже. Я не могу произнести такого вслух. Не могу рассказать ему, о чем я фантазирую.

- Я считаю до трех, - предупреждает он.

- А если я тебе не расскажу? – мне едва удается выдавить вопрос, и слова еле слышно, потому что я произношу их, затаив дыхание. Я выпрямляюсь, вытягиваясь выше, пока спрашиваю, но это только заставляет мою грудь толкнуться вверх, практически умоляя взять ее в руки.

Практически умоляю его положить руки туда, куда он хочет.

Мои пальцы крепче прижимаются к моему клитору, и мои движения становятся быстрее, так как в моей фантазии мистер Гейб требует, чтобы я отвечала ему тем же грязным языком, который он использует, разговаривая со мной. Все это быстрее доводит меня до оргазма.

Я не должна кончать. Не должна думать о таком. Не должна продолжать развивать эту фантазию.

Но я не могу остановиться.

- Если ты мне не скажешь, - властно говорит он, - я подниму твою юбку прямо здесь, посреди коридора. А потом я засуну пальцы между твоих ног и использую их, чтобы трахнуть эту мокрую киску, пока ты не кончишь прямо здесь. Заставлю тебя кричать мое имя, и все люди, сидящие в этом ресторане, услышат, как ты кончаешь, Пьюрити. Ты меня поняла?

- Да, - взываю я. Нет, не взываю, задыхаюсь – это больше похоже на пантомиму, как будто я животное в клетке. Я умираю, так хочу, чтобы он поднял мою юбку, сорвал трусики и ввел пальцы в меня.

Умираю от того, что хочу чувствовать его всего между своих ног.

- Один, - рычит он.

Я ни слова не говорю.

Мое сердце бешено бьется. Он этого не сделает, правда? Конечно, он же не настолько сумасшедший. Ведь тогда ему придется стольким пожертвовать. На самом деле, большим, чем мне, потому что вся его работа будет поставлена на кон. А я просто нахожусь здесь, в общественном месте, где каждый может в любой момент повернуть за угол и увидеть нас.

- Два, - говорит он, его голос еще грубее.

Я мычу, кусая нижнюю губу, чтобы не закричать еще громче.

Что это за вопрос?! О чём я фантазирую? Я не могу сформировать свои мысли в предложение прямо сейчас, потому что единственное, о чём

могу думать, это то, что произойдет, когда он досчитает до трех.

Я могу думать только о том, как хочу, чтобы это случилось.

- В последний раз предупреждаю тебя, Пьюрити, - бормочет он мне на ухо. – Я больше не буду говорить тебе об этом.

Я так возбуждена, что не могу подобрать слов. Думаю, я могла бы кончить без единого прикосновения, получить оргазм от одних его грязных словечек.

Не хочу останавливаться. Я хочу продолжать.

Хочу почувствовать его прикосновение.

Я задерживаю дыхание, мой пульс колотится в ушах.

- Три, - рычит он.

Когда кончуя, я кричу его имя: «Габриэль!». В тишине моей комнаты в общежитии это звучит слишком громко, поэтому я тут же зажимаю другой рукой рот, чтобы успокоиться. Я кончила так сильно при мысли, что мистер Гейб делает на счет три. Я фантазировала о том, как он поднимает мое платье прямо там, в коридоре, в задней части ресторана с сотней человек в другой комнате. Кончила, думая о том, как он толкает свои пальцы внутрь меня.

Я открываю глаза во тьме.

Не могу поверить, что сделала это. Поверить не могу, что прикасалась к себе, думая о мистере Гейбе.

Чувство вины накрывает меня. Возможно, это не первый раз, когда я прикасалась к себе, но я никогда, никогда не заставляла себя кончить, фантазируя о чем-то таком.

Долгое время после этого, я пялюсь в потолок. Что-то странное происходит со мной, я будто теряю рассудок. Или душу.

12

Габриэль

- Какого черта, Габриэль? – Рэйчел, мой редактор, орет так громко через динамики моей машины, что это заставляет меня вздрогнуть. Давненько я не слышал, чтобы она кричала на меня своим британский акцентом.

- Ты теперь будешь преследовать меня? – спрашиваю я резко. – Я присылаю тебе несколько новых глав, а ты приносишь мне горе? – я смотрю на довольного Хэми, который раскинулся на пассажирском сидении, и одними губами шепчу ему: «*Какого черта?*». Он как обычно отвечает мне своим глупым бульдожким взглядом.

- Ой, пожалуйста, – фыркает она. – Не веди себя так, будто это не самая необычная вещь, случившаяся со мной за неделю, Габриэль Райан. Я ныла тебе миллион лет, прося, чтобы ты отправил главы. Так что да, когда ты на самом деле отправил их мне, у меня чуть ли не случился проклятый сердечный приступ. Я думала, что умру от старости, прежде чем снова увижу от тебя что-нибудь.

- Ну, сильно не радуйся. Это всего три главы, а не роман.

Рэйчел смеется.

- Судя по тому, как долго ты был вне игры, это по важности можно сравнить с романом.

- Туже, – признаюсь я. Мой послужной список на данный момент не самый лучший. Я не сказал ей, что у меня есть еще пять глав дома на рабочем столе, которые я написал вчера вечером. У нее действительно случился бы сердечный приступ, а я не хочу быть повинным в безвременной кончине своего редактора.

И я не собираюсь рассказывать об этом Нейту и Анджело, когда увижусь с ними сегодня на обеде. Если я сделаю это, они догадаются, что что-то случилось. Мой брат слишком восприимчив, и, блять, имеет слишком длинный нос, чтобы так легко поверить, что вдохновение ворвалось в меня из ниоткуда, словно молния.

Только на самом деле что-то же произошло, не так ли?

Например, вдохновение в виде дочери проповедника.

Я говорю себе, что это смешно. И тот факт, что я вдруг начал снова писать, не имеет ничего общего с тем, что я встретил Пьюрити. Это чистое совпадение. Что бы мне сказал брат, узнав, что меня вдохновил восемнадцатилетний ребенок?

Он сказал бы, что это пиздец. Именно так.

- Я переслала тебе уточнения, - говорит Рэйчел. – Главы хороши, на самом деле хороши. Когда я получу еще?

Я демонстративно молчу с глупой ухмылкой, пересекающей мое лицо. Честно говоря, я скучал по пинкам от Рэйчел с тех пор, как письма по электронной почте с ее нытьем сократились к нулю за последний год.

- Ох... Я въезжаю в туннель прямо сейчас, не могу больше разговаривать с тобой...

- Ты в Пенсильвании, - кричит Рэйчел. – В Пенсильвании нет никаких гребанных туннелей!

- Я сказал «туннель»? Я имел в виду, скоро буду у земель, сельскохозяйственных земель, - изображаю фальшивые шумы своим ртом. Хэми поворачивает ко мне свою голову, смотря на меня так, будто я потерял рассудок.

- Ты мелкий говнюк, - ругается Рэйчел сквозь мои звуки. – Пришли мне еще несколько глав на этой неделе. Я собираюсь внести тебя в свой постоянный рабочий график.

- Повезло мне, - вздыхаю я.

- Ты чертовки прав. Тебе повезло, что я когда-то обратила на тебя внимание, - отвечает она. – Теперь иди и пиши.

Она вешает трубку прежде, чем я успеваю ей что-либо ответить. Полчаса спустя, я с Хэми, болтающимся под ногами, стою на пороге у Нейта и Анджело. Я еще не успел дойти до веранды, как Нейт уже смотрит на меня и говорит.

- Ты выглядишь по-другому.

- И тебе привет.

Он игнорирует мое приветствие, и вместо этого прищуривает глаза.

- Новая укладка?

- Может быть, - я быстро соглашаюсь, чтобы направить разговор в другое русло. Сматря ему за плечо, я вижу, как Хэми гоняется за козочками, которых ему никогда не поймать. Это говорит о нем что-то? Этот пес определенно сумасшедший, потому как преследует этих бедных козлов которую неделю, отказываясь понимать тот факт, что ему их не достать.

- Нет, это что-то другое, - произносит Нейт. Ты выглядишь менее... страдающим от запора.

- Страдающим от запора? – спрашиваю я, задыхаясь от смеха. – Ты хочешь сказать, что я выглядел так, словно страдал запором?

- У кого запор? – Анджело в спешке проходит через дверь на веранду и ставит на стол запеканку. Он отбрасывает от себя прихватку и сжимает одну руку. – Твою мать. Эта прихватка слишком тонкая и обжигает пальцы,

а сковорода слишком горячая.

- Ты обжегся? – спрашивает Нейт. – Все в порядке?

- Со мной все хорошо, - заверяет его Анджело, прежде чем обратиться ко мне. – Тебе нужен сок чернослива?

- Боже мой, нет, - смеюсь я, отрицательно качая головой. – Не нужен мне сок чернослива. Я же не старик.

- Нет ничего постыдного в том, чтобы иметь проблемы со стулом, - отмечает Анджело, отрезая ножом запеканку. – В наше время запор может быть реальной проблемой.

- Я бы хотел пообедать, а не сблевать. Спасибо, - говорю я им. – Так что хватит разговоров о запоре. И не надо сравнивать меня с вами двумя. Ты все-таки на десять лет старше меня.

Глаза Нейта расширяются.

- О, зря ты это сказал. Приготовься познать мир боли.

Анджело замирает с куском запеканки и лопаткой в руке.

- Прошу прощения? На десять лет старше?

- Я не сказал, что это плохо, - дразнюсь я. – Но уже давно два серебристо-черных лиса.

Мой кусок запеканки приземляется на тарелку с удивительной силой.

- Десять лет, задница, - ворчит Анджело.

Нейт хихикает.

- Ты же понимаешь, что мой муж размером с небольшой грузовик...

- Большой грузовик, - прерывает Анджело. – Это Национальный день оскорблений Анджело или что?

- Большой грузовик, - продолжает Нейт. – И он скучает по футболу, в котором ему приходилось избивать людей. Ты ведь осознаешь это, да?

- Боже, я действительно скучаю по этому, - признается Анджело. – Нет ничего круче в мире для снятия стресса, чем побить соперника. Лучший способ исправить плохой день.

Нейт простирает горло и бросает на Анджело красноречивый взгляд.

- Лучший способ?

- Помимо секса, конечно же.

- Ты сейчас сказал это, чтобы я почувствовал себя лучше.

- Нейт рассказал тебе, что он продал свой первый козий смокинг?

Я чуть не выплевываю свою «Мимозу», которую только что отпил.

- Смокинг? Какой смокинг?

- С хвостиками, - добавляет Анджело.

- Конечно. Ведь козий смокинг без хвоста выглядел бы просто нелепо,

- замечаю я.

- Невеста захотела добавить хвост к смокингу, - говорит мне Нейт на полном серьезе. Он достает телефон и показывает фото козла, одетого в смокинг, с небольшой атласной подушечкой на спине. – Каспер нес кольца на свадьбе.

- Каспер, - я не могу перестать ржать. – Так зовут козла?

- Он очень милый, - говорит Нейт, умиляясь.

Теперь я ухмыляюсь. – Каспер – дружелюбный козел?

- Тысяча долларов, - заявляет Анджело.

- За козла?

- За смокинг.

- Да заткнись ты, - плюю я. – Что это за тариф такой за смокинг для козла?!

- Это стоимость костюма, - объясняет Нейт. – Для него потребовалась непростая фурнитура.

Изображение моего брата, держащего козла, чтобы надеть на него смокинг, заставляет меня смеяться так сильно, что я чуть ли не плачу.

- Ты будешь Верой Вонг среди козьей одежды.

- Я возьму это высказывание, - Нейт расплывается в самодовольной улыбке. – Пожалуй, даже напишу это на своей визитке.

- Нейт Райан: козий кутюр, - дразнится Анджело.

- Вам стоит расширить ассортимент для других экзотических животных, - предлагаю я, откусывая свою запеканку. – Я уверен, есть люди, нуждающиеся в смокинге для своего домашнего тигра.

- Ты сегодня как никогда довольный и совсем не капризный, - сужает глаза Нейт. – Не так ли, Анджело?

- Наверно, это потому, что сегодня у него нет запора, - рассуждает Анджело.

- Не волнуйтесь. Я такой же вредный, как обычно.

- Нет, нет, - Нейт размахивает вилкой в воздухе. – Что-то другое, - говорит он.

- Ох, - ахает Анджело. – Ты встречался с профессором истории?

- О боже, вот оно! Тебе перепало. Вот в чем дело.

Я доел свою запеканку, и теперь выпиваю оставшуюся половину «Мимозы».

- Я не трахался.

На самом деле, у меня самый клинический случай посинения шаров в мире. Так что, если есть кто-то, кто должен быть недовольным, так это я.

Странно, что я такого не чувствую.

- Я тебе не верю, - говорит Нейт. – Ты выглядишь так, будто трахался.

- Почему ты покраснел? – спрашивает Анджело. Он обращается к Нейту и заговорщически шепчет: "Он точно кувыркался".

- Точно, - соглашается Нейт. – С профессором истории, да? Анджело говорил тебе, что она милая. Поверить не могу, что ты на самом деле встретился с ней. Я горжусь тобой. Мы должны выпить за твоё новое знакомство.

- Не могу поверить, что вы обсуждаете это, - ворчу я. – Мы в младших классах что ли, что вы обсуждаете мою личную жизнь?

- Значит, ты признаешься, что трахнулся! – кричит Анджело.

- Я ничего не признаю, потому что я не спал ни с кем.

- Гейб всегда был худшим лжецом в мире, - объясняет Нейт. – Помнишь, как ты разбил бейсбольным мячом окно, когда мы были маленькими, и пытался убедить маму, что это сделал я?

- Потому что именно ты это и сделал! Ты разбил окно и выставил все так, будто это я разбил его.

- Не было такого! – Нейт делает паузу и делает глоток «Мимозы». – Это были ты и Эндрю Роббинс... Блядь, это на самом деле был я, да?

Я бросаю взгляд на Нейта. – И мне попало за это.

Нейт смеется.

- Ну, я думаю, что это доказывает мою точку зрения, не так ли? Мама не поверила тебе, потому что ты ужасный лгун.

- Думаю, быть честным человеком лучше, чем быть вруном, - говорю я ангельским голосом.

- Не увиливай от темы, - говорит Анджело. – Я хочу услышать рассказ о свидании.

- Да не было никакого свидания! – я беру еще один кусок запеканки. – Клянусь, вы двое хуже мамы, когда дело касается моей личной жизни.

Анджело издает звук "Пф".

- Думаю, ты имел в виду ее отсутствие.

И я бросаю в него круассан.

13

Пьюорити

- Поскольку прошлую пару мы посвятили обсуждению того, как сделать ваше письмо более многослойным и текстуированным, задействовав все ваши чувства, сегодняшнее задание будет основано на прошлой дискуссии, - объясняет профессор Райан. – Я раздам каждому из вас лист бумаги, на котором указан одним из семи смертных грехов. Нужно написать примерно две страницы или меньше, не пишите мне роман, мы же все прекрасно знаем, краткость – сестра таланта.

Он идет между рядами кресел, раздавая листы, пока говорит. Когда я получаю свой, то раскрываю сложенный лист бумаги. И мое сердце останавливается.

Похорь.

Зачем он дал мне похорь?

Он доканывает меня специально. Пытается поставить меня в неловкое положение, потому что я нагрубила ему и велела не вести себя как мой отец.

Раздражение струится по моим венам, но я стараюсь не допустить того, чтобы оно разошлось по всему телу.

- Если ваш грех – чревоугодие, например, то вам не стоит писать про то, сколько еды вы можете съесть за раз со шведского стола, - поясняет он в ответ на вопрос одного из студентов. – Все грехи вы должны описать метаморфически, так что просто используйте то, что вам дали в качестве отправной точки. У кого-нибудь есть еще вопросы?

Только один: должна ли я описать, насколько сильно вожделею своего профессора? Или это недостаточно метаморфически?

Он смотрит на меня так, будто читает мои мысли. Мое лицо краснеет под его взглядом.

- Все ли довольны грехом, который им достался?

Это не может быть совпадением. Он специально дал мне похорь, потому что знал, что мне станет неудобно.

Мне действительно неудобно, но совсем не по той причине, по которой он мог бы предположить. Это заставляет меня ерзать по сидению, ведь я думаю о нем.

- Мисс Тейлор?

Моя голова дергается. Я осознаю, что весь класс уже расходится. Профессор Райан стоит у доски с сухой тряпкой в руке и смотрит на меня.

Черт. Как долго я просидела здесь, думая о нем?

- Да, - я вскакиваю, начиная убирать свой ноутбук в сумку. – Я просто... эм, думала о задании.

Как только произношу эти слова, я тут же жалею об этом.

- О? – он обходит стол и садится на него так, что одна его нога остается на полу, так же, как он делает это во время занятий. Затем он скрещивает руки и приподнимает брови.

- У вас есть вопросы?

- Нет, - резко отвечаю. – Никаких вопросов.

- Довольны ли вы грехом, который достался вам? – он задает вопрос таким невинным голосом, что на минуту мне кажется, что я чокнулась. Ведь может ли быть такое, что я придаю вещам слишком большое внимание, потому как зачем ему давать мне похоть специально?

Вставая, я закидываю сумку на плечо и разглаживаю руками складки на юбке.

- Ага. Полностью довольна.

Края его рта подергиваются. Он выглядит таким самодовольным, что я убеждаюсь в том, что его «случайный» выбор темы для письменного задания совсем чуть-чуть не случайный.

- Хорошо. Я рад, что вы довольны.

Я совсем не довольна. Мне не нравится писать на тему вожделения, которое я чувствую к этому мужчине. Я определенно не довольна тем фактом, что я испытала оргазм, думая о многих грязных вещах, которые я хочу, чтобы он сделал со мной.

Но я только киваю, и, поворачиваясь, иду к двери. А затем (я не знаю, что на меня нашло), что-то заставляет меня остановиться. Повернувшись, я длинными шагами иду к нему назад, мое сердце бешено колотится.

- Похоть? – злобно спрашиваю, останавливаясь прямо перед ним. – Я не могла получить гордость ... или... гнев?

Гнев подошел бы лучше, учитывая мое нынешнее состояние.

Я в бешенстве от осознания того, что тема моего задания была выбрана не случайно. Я раздражена тем, что этот мужчина считает, будто это смешно – давать мне такую тему лишь для того, чтобы мне стало некомфортно. Но больше всего меня бесит то, что нахождение в такой непосредственной близости от него прямо сейчас, вызывает во мне дрожь возбуждения.

- Вам досталась похоть? – спрашивает он, беспечно пожимая плечами.
– Боюсь, темы были выданы в случайном порядке.

Он выглядит таким самодовольным, что мне хочется ударить его, чтобы стереть ухмылку с его лица. Эта картинка так ясно проигрывается в

моей голове, что я плотно обхватываю ремешок моей сумки, который пересекает мою грудь, потому как боюсь, что действительно ударю его.

До этого я никогда не была настолько зла, чтобы мне захотелось ударить кого-то.

- Вы дали мне похоть, - повторяю я шепотом. Ты дал мне похоть, потому что именно тебе так захотелось.

Профессор Райан приподнимает брови.

- В ваших последних работах не хватало страсти, Пьюрити, - отвечает он. – Даже после вашего маленького шоу в ресторане, отрывок, который вы написали, был плоским. Может быть, как я и просил вас раньше, это добавит огня в ваши работы.

- Мое *шоу* в ресторане? – спрашиваю я, ощетинившись. В кои то веки, я не робею перед кем-то, и прошу его перестать относиться ко мне как к ребенку так, как относился ко мне мой отец, а он абсолютно игнорирует это. Он ведет себя со мной так, будто я ребенок, устроивший истерику в общественном месте.

- Вот именно. Помню, тогда были использованы такие слова, как «*самовлюбленный*» и «*властный*».

Я сужаю глаза.

- Вы забыли «*высокомерный*».

- Моя ошибка. Самовлюбленный, властный, высокомерный.

Его рот снова дергается.

- Используйте свое воображение, Пьюрити.

Я смотрю на него. *Использовать воображение?* Прямо сейчас, используя свое воображение, я, возможно, хочу продумать способ его скоропостижной кончины.

- Одна из составляющих хорошего писателя – это умение воображать, для того, чтобы передать читателю вещи, которые вы не обязательно испытывали сами, - продолжает он, не дожидаясь моих вопросов. – Люди, пишущие детективы прежде, чем написать об убийстве, не должны никого убивать. Вы можете писать о похоти, не имея...

Его голос стихает, окончание его фразы очевидно.

Не имея какого-либо сексуального опыта.

Мои руки цепляются за ремень моей сумки еще крепче, а я выпрямляюсь. Гнев проходит сквозь меня. Этот мужчина совсем не слушал меня тогда в ресторане, когда я сказала ему, что я не наивная маленькая девочка. Потому что он продолжает думать, что я именно такая.

- Вы понятия не имеете, есть ли у меня опыт или нет, - говорю ему, с неожиданностью понимая, насколько я озлоблена на него.

- О? – дурацкая ухмылка появляется на его лице. Злость бушует внутри меня. Я понятия не имею, почему я так злюсь. Даже больше, я понятия не имею, почему беспокоюсь о том, что он думает о моем опыте или его отсутствии.

- Именно, - обороняюсь. – Вы не знаете меня. Может, у меня обширный сексуальный опыт.

Его улыбка исчезает. Теперь он смотрит на меня с каким-то непонятным выражением лица.

- Идите, Пьюорти, - рычит профессор Райан. Он не двигается. Он стоит там же, где и стоял, неподвижно, как статуя, со скрещенными руками.

Мое сердце колотится.

- Идите и что?

Желваки пульсирует на его лице, когда он сжимает челюсть.

- Идите и опирайтесь на свой обширный... опыт... в вашем задании.

- Может быть, так и сделаю, - язвлю я.

- Отлично. С нетерпением жду, - его голос жесткий, а слова кратки.

- Отлично, - повторяю прежде, чем развернуться и выйти из класса.

Пока я иду в свою комнату в общежитии, мысли всю дорогу роятся в моей голове.

Что угодно, но не отлично. Почему мне нужно было сказать об «обширном сексуальном опыте»? У меня ровно противоположный опыт, когда дело доходит до практически всего, но особенно, когда дело касается секса. Теперь он ждет, что я напишу так, будто знаю, о чем говорю, но я не смогу этого сделать.

Почему я вообще отрыла свой рот?

Вернувшись в нашу комнату, я вижу, как Луна, растянувшись на своей кровати, листает учебник и ест печенье.

- Как дела?

Я закатываю глаза.

- Литературный класс, - произношу, вздыхая более драматично, чем мне хотелось это сделать.

- Ооо... Литературный класс *профессора Райана*.

Я бросаю на нее раздраженный взгляд, когда она подчеркивает его имя.

- Начинаю ненавидеть этот класс.

Она смеется.

- Ты ненавидишь класс, который преподает профессор Красавчик? Хотя я и презираю литературу, даже я взяла бы у него парочку уроков. Черт, я бы пошла на его занятия, даже если бы он просто сидел перед студентами

и читал вслух электронную книгу.

- Он не... я имею в виду... не обращала внимания, - заикаюсь я. Ложь за ложью.

Она выгибает бровь. – Не *обращала внимания* на то, что человек привлекательный?

- Нет, в смысле... само собой... нет.

Мне следует рассказать ей, что он дружил с моим отцом, что я знала его, когда была маленькой. Я должна объяснить ей, что было бы невероятно неправильно с моей стороны заметить то, насколько он горячий.

Было бы еще более неправильно фантазировать о нем. Забудь про разъяснения Луне, лучше объясни это себе.

- Ну? – она зовет меня, смеясь. – Я хочу услышать, как ты скажешь, что он не горяч.

- Ты считаешь, что он действительно красивый? – спрашиваю я, мой голос становится громче, по крайней мере, на октаву.

Совсем не подозрительно.

Прочищая горло, я поворачиваюсь и притворяюсь очень занятой. Вынимаю блокнот и книги из сумки и кладу их на кровать, чтобы отвлечь себя от этого разговора.

- Да, – отвечает она. – У меня есть глаза, знаешь ли. Твой профессор – объективно привлекательный. Я имею в виду, хотя он и совершенно не в моем вкусе – потому что он «костюм», а я не встречаюсь с такими, он точно симпатичный. Он похож на одного из тех голливудских актеров, Джорджа Клуни или типа того. Я почти уверена, что это единственная причина, по которой те сучки с нашего этажа, которые назвали тебя амишкой, хотели попасть в его класс. На самом деле, я совершенно уверена в том, что у них нет мозгов, чтобы хотеть заниматься чем-то серьезным.

Меня осеняет: если Луна думает, что "Профессор Красавчик" – привлекательный, то есть шанс, что она не единственная. Профессора Райана, наверняка, постоянно преследуют женщины. Наверное, у него много красивых девушек. И студентки, такие, как с нашего этажа, постоянно бросаются на него.

Внезапный прилив ревности пронизывает меня, и я ненавижу себя за это. Это чувство совершенно бессмысленно. Я не имею права ревновать. У меня даже нет причин на это. Профессор Райан мне не нужен. Напоминаю себе, что, хотя он может и быть горячим, он еще и напыщенный придурок. И, в конце концов, нет никаких шансов, что он заинтересован во мне. С чего бы ему хотеть такую девушку, с которой он постоянно ругается?

- Ну, думаю, я действительно никогда не замечала этого, – говорю я

тихим голосом. – Плюс, он полная...

Я почти произношу «задница», но по привычке останавливаю себя, прежде чем произнести грубое слово. Не то, чтобы Луна обиделась, если бы я ругалась матом, и не то чтобы, я все еще чтила ценности моего отца. Но это заставляет меня чувствовать себя неправильно. Почти так же неправильно, как это ощущается, когда я вспоминаю профессора Райана и чувствую бабочек в своем животе.

Я в принципе чувствую себя неправильно, говоря плохое о человеке.

Даже если он действительно высокомерная задница.

- Он что?

- Ничего, - лгу я. – Я забыла, что хотела сказать.

- Мне показалось, что ты собирались обхаять профессора Красавчика.

Я раздраженно вздыхаю.

- Просто он задал такое дурацкое задание, что я даже не знаю, как его делать. Хотя, на самом деле оно не имеет большого значения в общем масштабе заданий.

Луна тянется на кровати, и ложится назад на гору подушек у изголовья.

- Итак, развлечи меня.

- Развлечь тебя? Как?

Она показывает книгу компьютерного программирования.

- Ты бы хотела послушать о моем дурацком письменном задании?

Луна смотрит на меня как на идиотку.

- Хм... а ты бы хотела послушать о моем классе программирования?

Потому что я читаю это всего час, а мои глаза уже слезятся. Поверь мне, чтение этого учебника лучше любого сноторвного. Так что отвлечи меня своим дебильным письменным заданием.

Арх. Последнее, чего я хочу, так это признаться Луне, что тема моего задания – это тема, о которой я ничего не знаю.

Ну, почти ничего.

Полагаю, у меня есть небольшой опыт работы с похотью, не так ли?

Фантазии о том, как профессор Райан ласкает меня своими пальцами между моих ног, все еще свежи в моем сознании.

- Неее, это скучно, - говорю небрежно. Сидя на кровати, я пытаюсь придумать другую тему, чтобы поговорить о чем-то другом, пока глажу ладонью свое покрывало. Мое розовое одеяло, которое я привезла с собой, слишком детское. Мне определенно нужно заменить его чем-то более взрослым. В принципе, как и все другое: гардероб, музыку, даже язык. Мне повезло, что именно Луна стала моей соседкой по комнате, потому что я

почти уверена, что кто-то другой считал бы меня деревенщиной из слишком маленького городка, слишком скрытной, и определенно слишком заурядной с моими длинными платьями и глупым розовым покрывалом и отсутствием знаний в поп-музыке.

- Хорошо. Просто помни, что ты сама сказала это. Ты сейчас поймешь, что значит скучно. Зачитаю тебе часть учебника по программированию.

Я не могу не засмеяться, складывая руки в знак протеста.

- Нет, нет, не надо!

- Извини, но я не могу остановиться! – восклицает Луна. – Думала, писать скучнее, чем программировать? Ты должна познать, что скучно на самом деле!

Я хихикаю, когда она начинает зачитывать кучу формул со случайной страницы в своей книге.

Потом она останавливается.

- Боже мой, я засну, читая это, даже вслух. В защиту своего класса скажу, что у нас много практики. Но этот учебник полон теоретического дерьяма.

- Ладно, хватит. Я больше не хочу твоих мучений.

- Хорошо, - заявляет Луна, закрывая книгу. – Теперь, вперед. Рассказывай, что это за задание, от которого ты отказываешься?

- Я не откатываюсь!

Она наклоняет голову к плечу и бросает на меня скептический взгляд.

- Ты чертовски тянешь время. Но я не буду спорить с тобой об этом, потому что знаю, что ты просто пытаешься избежать разговора. Просто расскажи уже. Что это за письменное задание такое, что ты так его ненавидишь?

Я закатываю глаза.

- Мы должны написать об одном из семи смертных грехов.

- Как жадность и прочее дерьмо? – Луна тянется и берет пластиковый контейнер, стоящий рядом с ее кроватью, в котором лежит миллион разных закусок. Она берет пакетик конфет и бросает его на кровать, затем достает конфету, обернутую в цветную фольгу, и кидает ее через всю комнату в меня. Она отскакивает от моей ноги и падает на пол.

- Или чревоугодие, - говорю я многозначительно, поднимая конфету и разворачивая ее.

- Чревоугодие, точно! – восклицает она, смеясь. – Я могла бы подкинуть тебе парочку идей на счет этого.

- Парочку? Я могла бы смоделировать характер персонажа с тобя.

- Это точно, - отвечает она. – Подумай об этом, если ты не напишешь обо мне историю до конца семестра, я чертовски обижусь.

- Может быть, я напишу сцену убийства, - я сама невозмутимость.

- Отлично, я могла бы быть убийцей.

- Скорее жертвой.

- Только если я умру гротескно, - настаивает она. – Обещай, что моя смерть будет ужасной, и я буду главным персонажем в истории.

- Ты в центре внимания? Отвратительно.

Она опять кидает конфету в меня, затем шуршит в пакете и разворачивает еще одну.

- Тебе нужно поставить конфетную вазу на стол, одну из тех маленьких стеклянных чашечек, какие есть у бабушек дома, - предлагаю я.

- Имеешь в виду, вместо вазы презервативов, которую моя мама пыталась заставить нас поставить в нашей комнате?

Я хихикаю, и мой смех звучит как хрюканье. – Твоя мама очень...
увлечена безопасностью.

Луна смеется.

- Это один из способов.

- Способов чего?

- Способов сказать, что она совсем уже чокнулась.

- Что ты все-таки сделала с теми презервативами, которые она оставила у нас?

- О, я их все использовала, - и хотя Луна говорит это с невозмутимым выражением лица, даже я не настолько наивна, чтобы подумать, что это возможно. Ее мать принесла достаточно презервативов для того, чтобы все общежитие оставалось защищенным в течение года. – Щучу. Я отвезла их в студенческий центр здоровья.

- Облом, -sarcastично говорю я.

Луна приподнимает брови. – Облом? Моя маленькая мисс Хорошая девочка хотела, чтобы я припрятала их для нее?

Несмотря на то, что она улыбается и явно дразнит меня, я начинаю ненавидеть все это "Хорошая девочка". У меня никогда не было выбора быть кем-то, кроме хорошей девочки, и я не уверена, что это то, кем я хочу быть на самом деле.

- Я подумала, что на улице еще довольно тепло. Мы могли бы наполнить их водой и бросать из окна общежития на ничего не подозревающих студентов, - шучу я.

Луна смеется.

- Например, на этих сучек в коридоре, - говорит она.

- Ты читаешь мои мысли.

- Маленькая мисс Хорошая девочка оказывается маленькая мисс Зло.

Если бы она знала, насколько я злая на самом деле.

Страсть к мистеру Гейбу, человеку, которого мой отец называл распутником на протяжении многих лет, это, наверное, вершина злодейства – по крайней мере, по словам моего отца.

Может даже по мнению многих людей. Даже университет имеет правила о профессорско-студенческих отношениях. На это есть своя причина, и поэтому, это противоречит морали многих людей.

Так что это говорит обо мне, раз я не могу перестать мечтать об этом?

Голос Луны прерывает мои размышления.

- Итак, какой грех ты получила?

Я стону.

- Похоть.

Она начинает так смеяться, что это звучит так, будто она захлебывается водой. Быстро зажимая свой рот рукой, она делает вид, что спокойна.

Будто я не заметила, что она засмеялась.

- Видишь, - ляпаю я, указывая на нее. – Ты тоже думаешь, что это ужасно!

- Нет, я не думаю, что это ужасно...

- Тебе не утешить меня. Это отстой, и мы обе это понимаем. Профессор Райан сказал, что мой рассказ был плоским и без страсти, а теперь я получаю случайным образом тему, в которой совсем не разбираюсь.

- Но это не плохо. Это может быть шансом, чтобы твой рассказ получился страстным, - говорит она.

Я смотрю на нее, громко вздыхая.

- Я не могу писать о похоти. Я дев...

- *Ox*, - охает она. – Ты все еще девственница.

- Не притворяйся, что ты удивлена.

- Ладно, я не удивлена, - признается Луна. – Но все в порядке. Нужно всего лишь написать о похоти, да? Ты можешь это сделать. Ты ведь ходила на свидания и дурачилась с парнями?

Я смотрю на нее.

- *O-ox*, - снова вздыхает она.

Отлично. Теперь я полностью унижена.

- Ну, ладно. Ты ни с кем не дурачилась. Но, я имею в виду, ты целовалась с кем-то, или... - видимо, мне даже не нужно отвечать на этот

вопрос, потому что она останавливается, скрещивая ноги и наклоняясь вперед. – Даже не целовалась? Никогда??

Мое лицо краснеет.

- Пожалуйста, не говори никому.

- Боже мой. Конечно, я никому не скажу, - говорит она. – Это же личное. Но ты никогда не целовалась? Ты великолепна.

Я не знаю, что сказать ей в ответ, особенно о том, что я великолепна. Я слишком смущена для того, чтобы что-либо сказать.

- Ну, ладно, это не так уж и плохо, - она пожимает плечами, словно каждый день слышит, как старые девы признаются, что никогда не целовались. – Это ведь должен быть не автобиографический рассказ, верно? Это вымысел. Ты можешь просто выдумать что-нибудь.

- Да, но профессор Райан уже прокомментировал одно из моих сочинений как плоское и нереалистичное, а теперь девушка, которая никогда даже не целовалась, собирается написать о похоти? Мне нужно как-то сделать мое сочинительство горячим, страстным, реалистичным, но я никогда даже не была наедине с парнем.

- Господи, - ахает Луна резко, а ее глаза расширяются. – Я тебя оскорбила? Извини.

- Я не мой отец, - говорю я, качая головой.

- Ты разговаривала с ним с тех пор, как поступила в колледж? – спрашивает Луна, кидая еще одну конфету в рот.

Я не говорю ей, что мой отец посыпает мне ежедневные напоминания по электронной почте, с указаниями подружиться с нужными людьми и держаться подальше от моей соседки по комнате.

- Он, типа, совсем напуган тем, что ты учишься в колледже? Ведь в основном здесь учатся парни, Пьюрити. Нам нужно отправить тебя на свидание. Я имею в виду, ты могла бы зарегистрироваться на сайте знакомств в интернете, существует миллион приложений для этого. Или мы могли бы пойти с тобой на какую-нибудь вечеринку, или что-то вроде того.

Она предлагает идею за идеей, едва дыша между словами.

- Он не совсем волнуется из-за того, что я учусь здесь или что-то в этом роде, потому что я... эм... вроде как обещала одному парню вернуться домой и...

- Подожди, - Луна сидит прямо, ее глаза расширены. – Я думала, ты никогда не была наедине с парнем. Так у тебя есть кто-то?

- Он не мой парень, - протестую я, морщась. – Он мне даже не нравится. Просто мой отец обещал меня его родителям, и все в городе ожидают, что мы поженимся. Это одна из причин, почему я уехала из Саус

Холлоу... Почему ты так смотришь на меня?

- О, Боже мой. Это какое-то дермо из восемнадцатого века. Твой отец обещал тебя?? Как? Ты его собственность что ли? – Луна шокирована, и я сожалею, что рассказала ей это.

- Я не собираюсь выходить замуж за Джастина, - говорю быстро. – Я просто... наверное, мой отец думает, что я выйду замуж за Джастина. И Джастин, вероятно, думает, что я выйду за него замуж. Но я никогда, никогда не говорила, что это случится. Он, по крайней мере, на десять лет старше меня, и...

- Как профессор Райан, - дразнит Луна.

Мое лицо, вероятно, покрывается алыми пятнами. Профессор Райан старше меня на двадцать лет. Так почему же мысль о том, чтобы быть рядом с профессором Райаном заставляет мое сердце учащенно биться, а мою голову кружиться, но мысль о том, чтобы быть рядом с Джастином Эвансом, тем, кто ближе к моему собственному возрасту, заставляет меня испытывать тошноту?

- Не понимаю, какое отношение к этому имеет профессор Райан, - начинаю обороняться.

- Расслабься, девочка. Я просто шучу. Профессор Райан очень даже горячий для парня постарше. И, судя по твоему лицу, полагаю, что твой жених не настолько горяч?

- Он определенно не мой жених.

- Просто не могу поверить, что родители на самом деле женят своих детей в наше время и в таком возрасте, - порицает Луна. – Это безумие.

- Теперь я действительно смущена.

- О, я не хотела, чтобы ты так себя чувствовала, - быстро говорит Луна. – Для меня просто безумие, что твой отец это контролирует. Очевидно, тебе не нужен жених.

- Да, это не шутки, - соглашаюсь я.

- А вообще, если честно, твоя жизнь – это очень интересно, - продолжает она. – Словно роман.

- Быть запертой от всего мира, как Рапунцель в башне, не совсем интересно.

- Да нет же, - протестует Луна. Аутсайдеру, вроде меня, это действительно интересно. Тебе следует написать об этом. Вот о чем ты должна написать!

На секунду, я задумываюсь. Профессор Райан сказал, что мы можем описать грех в метафорической форме. Не обязательно буквально. Похоть может быть связана со многими вещами, которые не связаны сексом,

вроде, как мое желание выбраться из тюрьмы моего родного города и моей семьи.

Но это кажется слишком интимной темой, чтобы позволить профессору Райану прочесть это, даже если он может в точности понимать, о чем я говорю, так как он знает Саус Холлоу и моего отца. Тем более что он прошел обе эти тюрьмы. Он понимает, как они могут душить – по крайней мере, я думаю, что он понимал это.

Именно поэтому это ощущается как что-то слишком личное, чтобы писать об этом.

- Нет, я не могу, - шепчу я.

- Ну, хорошо. Похоть, - продолжает Луна. – По крайней мере, ты чувствовала к кому-нибудь влечение, да?

Влечение. К профессору Райану.

Это даже не влечение.

То, что я чувствую к нему – это похоть в чистом виде.

Он потребовал больше огня и страсти от моего сочинения, а я притворилась, будто у меня большой опыт, хотя это совсем не так.

Я должна преподать ему урок за дачу мне такого греха. Если он хочет больше огня и страсти, я дам ему их столько, что он не будет знать, что ему с этим делать. Если он думает, что мне будет неудобно писать о страсти, я должна дать ему что-то настолько пошлое, чтобы ему самому стало неудобно.

Я могу это сделать, говорю себе.

Сделаю.

Итак, я никогда прежде не писала о сексе, поцелуях или о том, как персонажи держатся за руки. Ну и что?

Я могу сделать это, решаюсь я.

- Что за взгляд? – спрашивает Луна.

- Ничего, - отвечаю я автоматически.

- О, ну да. *Это что-то*, - говорит она, смеясь.

- У меня просто есть идея.

Странно неправильная, странно испорченная, странно греховная идея.

14

Габриэль

С нетерпением жду.

Зачем, черт возьми, я побудил ее на нечто подобное, для чего поднажил ее написать что-то вроде...

Что-то вроде этого.

Я смотрю на ее сочинение. Сижу на заднем крыльце моего дома, просматривая задания на неделю. Я оставил ее сочинение напоследок, потому что хотел насладиться им.

В принципе, я специально взбесил Пьюрити, так почему мне стоит ожидать чего-то другого?

Идите и опирайтесь на ваши обширный опыт.

Именно так я и сказал ей.

Теперь я сижу здесь и читаю материал, который она предоставила мне, с твердым, словно гранит, членом, и задаюсь вопросом, какого черта наделал. Возможно, я открыл ящик Пандоры, и это не то, что теперь можно возвратить обратно.

Возможно, я перешел черту.

Определенно перешел черту.

Я играю с огнем, когда дело доходит до этой девушки. Даже если ничего и не произойдет между нами, наши перебранки опасны. Влечение к ней опасно. Я не настолько глуп, чтобы не думать о том насколько это безумно безответственно. Рациональная, взрослая часть меня понимает: будут последствия, если я перешагну черту. Я могу потерять работу.

Но все же это я тогда в классе подтолкнул ее к написанию чего-нибудь сексуального типа этого. Подтолкнул ее к написанию чего-нибудь сексуального типа этого *для меня*.

Именно я побудил ее сделать это, поэтому во всем виновен лишь я.

Но ведь, она сама выбрала способ справиться с заданием, не так ли?

Я думаю о нем ночами. Его губы, словно перышки, скользят по внутренней стороне моего бедра, тепло его дыхания напротив уха, его вкус на моем языке.

Я думаю о нем ночами, пока пальчиками скользжу между ног.

Я думаю о нем, и понимаю, что он никогда не будет моим.

Я думаю о нем, и знаю, что он уже принадлежит мне.

Я просил огня, и сам же напоролся на его пики. Вопрос в том, что мне теперь делать?

Я знаю правильный ответ.

Уместным ответом будет написать девушке объективный отзыв, а затем остановиться на этом. Я должен оставить ее в покое.

Объективно, ее сочинение неплохое. По правде говоря, лучшее из предоставленных учениками класса. Написание поэтическое и лирическое, как и во вступительном сочинении, которое она приложила, подавая заявку в мой класс. В этом отрывке присутствует искра, которой не было в предыдущих работах Пьюрити.

Я должен просто оставить отзыв и остановиться на этом. Всего лишь честный отзыв.

Так будет правильно. Профессионально.

Для этого потребуется проигнорировать то, что она написала это специально для меня.

Я говорю себе, что останусь объективным. Отнесусь к этому как профессионал и буду соблюдать соответствующее расстояние.

Я уверяю себя, что остаюсь объективным, даже когда моя рука ползет к молнии моих брюк. Даже когда читаю ее сочинение, пока моя ладонь движется вверх и вниз по моему члену. Я убеждаю себя, что ключ к успешному завершению этого семестра с ней – это соблюдение профессионального расстояния и объективности.

Говорю себе, что соблюдаю достаточное расстояние, даже когда представляю ее на коленях между моих ног, пока я читаю ей газету вслух. Даже когда представляю, как она оборачивает свои губки – горячие, влажные и идеальные, как и все остальное в ней, вокруг моего члена.

Говорю себе, что фантазии не имеют ни какого значения, даже когда моя рука движется вверх и вниз по всей моей длине, пока другой рукой я держу ее сочинение. Фантазии ничего не значат.

Я говорю себе, что они не так уж и важны.

И это действительно не так уж и важно – по крайней мере, до тех пор, пока я не кончу на сочинение Пьюрити.

Блядь, блядь, блядь.

Как, черт возьми, это произошло?

Я совсем уже, блядь, чокнулся, убеждая себя, что это не так уж и важно. Я просто дрочил, читая ее сочинение... и кончил на бумагу.

Кончить на сочинение студентки – это самый большой красный флаг с огромным предупреждающим знаком «Не приближаться».

Я напоминаю себе, что буду держаться от нее настолько далеко, насколько это вообще возможно. И именно это я имею в виду. У меня никогда не было проблем с самоконтролем, и я не собираюсь начинать развивать их сейчас.

Все это вылетает в чертово окно, когда Пьюрити заходит в класс в сарафане. Я только что закончил писать на доске, и случайно оборачиваюсь именно в тот момент, когда она заходит в дверь.

У меня останавливается сердце. Время смерти: 9:57 утра. Причина смерти: крошечный желтый сарафан.

Длина ее платья не такая, какую она обычно носила в Саус Холлоу в безнадежных попытках ее отца скрыть формы дочери. Сарафан, который надела сегодня Пьюрити, не пытается скрыть ее тело так, как это делали другие платья.

Сама одежда не непристойная. На самом деле, на любой другой женщине этот сарафан смотрелся бы совершенно обычно и невзрачно. Обычный желтый сарафан: такой фасон вы можете заметить на каждой второй студентке в кампусе, пока еще тепло на улице в начале осени или в течение весеннего семестра.

Но Пьюрити – это не какая-то другая женщина. На ней простой сарафан – самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел.

И я не единственный, кто смотрит на Пьюрити, пока она идет по классу. Каждый мальчишка в комнате нагло пялится на девушку. Да как они смеют?

Когда она проскальзывает мимо меня на свое место, хлопчатобумажная юбка развивается, лаская ее сливочного цвета бедра. Прикладывая всю свою силу, я стараюсь не глазеть так открыто на ее длинные ноги.

Но я не могу перестать пялиться.

Когда Пьюрити поворачивается и садиться на свое место, я не могу оторвать глаз от ее фигуры. Я не могу перестать смотреть на ее плечи, думая о том, как легко бы тонкие лямки сарафана порвались, если бы я сорвал его с тела Пьюрити.

Боже, помоги мне.

Верхняя часть платья приспускается на округлой груди, предоставляя мне более чем щедрый вид на ее ложбинку. Я должен приложить усилия, чтобы заставить себя смотреть вверх, а не вниз, потому что если я не сделаю этого, то полностью рассыплюсь – и в середине класса, не меньше.

Когда глаза Пьюрити встречаются с моими, она окидывает меня самодовольным взглядом – как кошка, съевшая канарейку. Если раньше у меня были кое-какие сомнения относительно того, насколько случайным было то, что девушка решила написать о запрещенных отношениях в своем сочинении, то с этого момента эти сомнения полностью испаряются.

То, о чем она написала совсем не случайно.

Она довольна собой, и также знает о том, какое влияние оказывает на меня.

Пытается спровоцировать меня и получить ответную реакцию.

Поворачиваясь к своему столу, я делаю вид, что сильно озабочен письменными заданиями, пока на самом деле пытаюсь собраться и выбраться из ямы, которая появляется, когда дело доходит до Пьюрити. Пролистывая стопку заданий, я обдумываю то, что собираюсь сделать.

Если она хочет реакции от меня, это именно то, что она получит.

Я поднимаю руку, чтобы привлечь внимание класса, прежде чем начать говорить.

- Вашим заданием было написать о семи смертных грехах, - начинаю я. – По большому счету, то, что вы сдали, вполне неплохо, и вы все зачтены. Вы провели действительно хорошую работу. Некоторые из вас поняли задание буквально, в то время как другие писали о своем грехе в переносном смысле. Но было несколько сочинений, на которые я хотел бы обратить особое внимание и обсудить их в классе, потому что они иллюстрируют некоторые моменты, которые мы обсуждали в прошлый раз.

Облокотившись на стол, я смотрю на стопку бумаг в своей руке. Сочинение Пьюрити лежит сверху, и я сделал это намеренно. Я жду пару секунд, чтобы дать классу возможность сосредоточить свое внимание на мне – а также, потому что хочу поймать взгляд Пьюрити. Я хочу увидеть ее лицо, когда она поймет, что я держу.

Спустя пару секунд именно это и происходит. Она отрывается от ноутбука и смотрит на меня.

Она знает, что я читал ее работу.

Это самодовольное, уверенное выражение лица, с которым она вошла в класс, одетая так, чтобы убить меня, наконец, испаряется.

Я мог бы выбрать сочинение другого студента, чтобы сосредоточиться на сегодняшнем занятии. Это было бы правильнее. Но я знаю, она смущена тем, что я собираюсь прочесть именно ее работу, которая, я уверен, предназначалась только для моих глаз.

Я говорю себе, что читаю ее работу вслух только потому, что это лучшее сочинение группы. Оно объективно интересно, и она сдавала его, зная, что существует возможность получить о нем отзыв от всего класса.

Публичное чтение не имеет ничего общего с этим сарафаном, который она надела – или самодовольным хитрым выражением ее лица, с которым Пьюрити входила в класс в этом платье в ожидании реакции от меня.

Ни с чем.

Я молчу еще пару секунд, прежде чем открыть рот и начать читать. В комнате создается тяжелое напряжение, которое появляется только тогда, когда вы слушаете что-то действительно особенное, и это именно то, что представляет собой данная работа. Каждый студент в классе признает это.

Когда я заканчиваю, в комнате так тихо, что можно было услышать, как пролетает муха, пока один из ребят в классе наконец-то не бормочет: «Черт», при этом еще несколько студентов посмеиваются.

- Черт, - поддерживаю его ответ.

- Это все? Здесь собрались красноречивые писатели, и единственный отзыв, который мы можем придумать для автора – это «черт»?

Я называю ее «автором», потому что студенты знают, что если я выбираю сочинение для чтения в классе, то оно будет анонимным. Таким образом, никто не смущается, и студенты оставляют более честные отзывы.

- Это действительно хорошо, - говорит кто-то другой.

- Ладно, «черт возьми» и «очень хорошо», - повторяю я. – Кто-то еще желает оставить отзыв, положительный или отрицательный? Что автор описал хорошо и что нужно дорабатывать? Давайте подумаем о применении некоторых вещей, которые мы обсуждали, когда дело доходит до развития характера. Что мы знаем о персонажах в этой части? Герои повествования положительные или отрицательные?

Я задаю шквал вопросов, чтобы начать обсуждение.

- Это классическая запретная любовь, - предлагает студент.

- Эта? – я бросаю вызов. – В каком месте автор сказал, что она запретная?

- Ну, автор не говорит об этом откровенно, - отвечает студент.

- Здесь используется подтекст, который дает понять, что это именно запретная любовь, - говорит другой студент.

- Какой подтекст? – спрашиваю я.

- Религиозный подтекст, - отвечает он. – Звучит так, будто любить героя – грех.

- Но это не любовь, - рассуждает третий студент. – Это похоть. Смертельный грех, а не любовь. Это делает ее запретной. На данный момент, мы говорим про любовь, но это всего лишь проекция – автор нигде не говорит, что это любовь.

- Все мы занимаемся любовью по собственным причинам, - заключаю я. – Почему? Вам удобнее думать о любви, чем о похоти?

- Нет, я думаю, что в работе есть часть про любовь, - говорит кто-то еще.

- Объясните нам, почему, - подсказываю я. – Обоснуйте свои

рассуждения.

- Конец, - объясняет студент. – Автор говорит, что он уже принадлежит ей. Что означает любовь – она хочет, чтобы он был ее.

Когда мой взгляд встречает Пьюрити, она сжимает челюсть и враждебно смотрит на меня. Ее щеки нежно-розовые, но не ярко-красные, какими бы они были бы, если бы ей было стыдно.

Хорошая девочка.

Я был бы разочарован, если бы ей было стыдно за то, что она написала. Владение собой означает, что, по крайней мере, у нее есть стержень.

- Минуточку, - быстро вмешивается другой студент. – Я не согласен с этим, потому что автор говорит, что героиня хочет, чтобы он был ее, это подразумевает любовную историю. Принадлежность не обязательно означает любовь. Серийные убийцы говорят о своих жертвах, принадлежащих им, но это ведь не значит, что они влюблены в своих жертв.

- Интересно. То есть это может быть чем-то более темным, чем просто историей о запретной любви или похоти, ведь автор не до конца раскрыл нам характер персонажей.

- Мы хотим большего? Это заставляет нас продолжить чтение?

- Абсолютно, - кивает студент.

Я хочу большего?

Мой ответ на этот вопрос, безусловно, является проблемой.

Я нахожусь в своем кабинете все пять минут после окончания занятий, пока из открытого окна офиса доносится рэп. Пьюрити стоит перед кабинетом с сумкой на бедре и плотно прижимает ноутбук к груди.

Я не знаю, какой реакции я ожидал от нее, когда читал ее сочинение в классе сегодня, но я не ожидал, что она появится в моем кабинете.

- Сейчас не мое рабочее время, мисс Тейлор.

- Я в курсе, - отвечает она. – Я просто... я имею в виду... можно я отниму пять минут вашего времени?

Она не знает, о чем просит. Пять минут с этой девушкой наедине в моем офисе могли бы убить меня.

Я смотрю на часы.

- Пять минут и ни секундой больше, - уступаю.

Ни секунды больше, напоминаю себе.

Я опираюсь о стол и наблюдаю, как она входит в мой кабинет и закрывает за собой дверь. Кажется, это происходит в замедленном движении, давая мне более чем достаточно времени, чтобы велеть ей

остановиться и оставить дверь открытой. Рациональная, взрослая часть меня знает, что мне нужно сказать ей, не закрывать дверь.

Я не должен находиться наедине с этой девушкой. Я не могу остаться с ней с глазу на глаз.

И все же я стою здесь, тихо и молча.

Стою совершенно неподвижно, будто приклеившись к полу, потому что я не настолько доверяю себе, чтобы пошевелить хоть одной мышцей. Черт, я едва доверяю себе, чтобы дышать. Не тогда, когда на ней этот сарафан, мы одни, и она написала то, что написала.

Ничего хорошего.

- Почему вы зачитали в классе то, что я написала? – она тут же требует от меня ответа.

Я игнорирую этот вопрос, потому что у меня нет подходящего для него ответа. Вместо этого, я жестикулирую в сторону пустого стула напротив меня. – Не желаете присесть, мисс Тейлор?

Я стараюсь сделать свой голос чрезмерно вежливым и уважительным, совсем не таким, каким я был, когда видел ее в пиццерии. Я был за чертой, когда зажал ее у стены в пиццерии. Я потерял контроль, когда увидел, как тот парень обращался с ней.

Я говорю себе, что сейчас полностью контролирую себя. Вот почему я стою здесь, скрестив руки на груди, не двигаясь. Я спокойный, сдержанный и профессиональный.

По крайней мере, я чувствую, что все под контролем, когда Пьюрити садится на стул, и желтый сарафан движется вверх по бедру, пока она кладет ногу на ногу. Я напоминаю себе, что все под контролем. Мой член ведет себя так, будто у него свой разум, становясь по стойке смиренно прямо перед ней.

На мгновение, она так же пренебрегает моей твердостью, как и тем фактом, что ее юбка задралась, по крайней мере, пока она ловит мой, блуждающий по ее ногам, взгляд.

Затем ее взгляд падает на мою очень заметную эрекцию.

Ее щеки розовеют, а глаза быстро встречаются с моими, когда она простирает горло и смещается на своем сидении. Она понимает, что я твердый из-за нее.

Ее рука движется к подолу юбки, но она не одергивает его вниз. Пьюрити поправляет его, пальцы перебирают ткань, но она не делает ничего, чтобы прикрыть бедра.

Она играет со мной.

- Вы читали мою работу перед всем классом, - повторяет она мягким

голосом.

- Анонимно, - напоминаю я ей. – И вы знаете, что часть класса получает отзывы на свои письменные задания.

- Вы читали мою работу в классе не потому, что хотели оставить отзыв, - утверждает она.

Это неправильно, радоваться тому, что она не согласна со мной? Она совсем не такая, какой, я думал, ее воспитал отец.

- Что же вы думаете, я делал, читая вашу работу классу, мисс Тейлор? – спрашиваю я невинно, как будто это обычный разговор, а не такой, где я сижу перед ней со своим вставшим членом. – Если вы не способны принимать критику, вам не следует находиться в моем классе.

Я веду себя как придурок. Я должен оставить ее в покое, но румянец на щеках Пьюрити становится ярче, и это только заставляет меня хотеть довести ее еще больше.

Ее ноздри раздуваются. Я даже не знаю, догадывается ли она. Ее вспышка раздражения делает мой член только тверже.

- Я не возражаю против критики, - щелкает она.

Пьюрити тоже за словом в карман не полезет. Мне хочется отшлепать ее.

- Что именно вам не понравилось? – спрашиваю я. – Ваш рассказ был более чем хорошим, как и мой отзыв о вашей работе. Вы дали мне именно то, что я искал.

Я произношу последние слова, прежде чем мой мозг осознает то, что я сказал. Это, наверное, самые честные слова, которые я когда-либо говорил, а также самые неуместные.

Пьюрити смотрит на меня, ее глаза расширяются, пока она крутит в руках подол юбки.

- Что вы ищете? – спрашивает она.

Ищите, не искали. Мы больше не говорим о задании. Она спрашивает, что я ищу. *В настоящем времени*.

- Вы не готовы дать мне это, мисс Тейлор, - предупреждаю я ее.

И себя тоже.

15

Пьюорити

Сила его взгляда согревает меня вплоть до кончиков пальцев ног. Он неподвижно стоит, прислонившись к краю стола, не подавая никаких признаков жизни. Ну, кроме одного. Он твердый из-за меня.

Он твердый из-за меня.

Я мокрая из-за него.

Это так неправильно.

Я снова ерзаю и перекидываю одну ногу на другую, потому как пульсация между ними слишком сильная. Я чувствую это с тех пор, как он начал зачитывать мое сочинение в классе. Услышав, как он произносит вслух те слова, которые предназначались только для него, я разозлилась.

Но это также и завело меня.

Словно он читал их мне, как будто разговаривал именно со мной, стоя в середине класса. Слова, написанные мной, звучали из его рта раз в десять насыщеннее, чем когда их проговаривала про себя я. Сексуально, чувственно и наполнено страстью.

Я сидела в классе, крепко сжимая подлокотники сидения, отчаянно стараясь удержаться, чтобы не закрыть глаза и не начать фантазировать, будто он шепчет эти слова мне на ухо.

Так же, как и сейчас.

Я сказала себе, что приду сюда, чтобы высказать ему свое мнение о прочтении моего сочинения перед всем классом. Ведь он не случайно дал мне похоть и не случайно решил прочитать вслух мою работу; он сделал это целенаправленно, потому что знал, у меня нет никакого сексуально опыта.

Когда я заходила к нему в кабинет, мое сердце бешено заколотилось в груди, а адреналин и возбуждение волнами пронеслись по моему телу. Я уверяла себя, что я пришла сюда исключительно, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно его отзыва, а не чего-либо другого.

Например, типа выпуклости в его брюках.

Я почти открываю рот и спрашиваю его, что он имеет в виду под своей фразой, когда говорит, что я не готова дать ему то, что он ищет. Мне кажется, что во мне достаточно храбрости, чтобы сделать это, но это не так. То, как он смотрит на меня сейчас, с темнотой в глазах, заставляет меня сделать паузу. Почему-то я уверена, что если я задам этот вопрос, у нас больше не будет пути назад.

Вместо этого я прочищаю горло и задаю другой вопрос.

- Зачем вы зачитали мое сочинение в классе?

Его глаза сужаются.

- А зачем ты написала его?

- Глупо спрашивать такое. Вы задали мне его. Вот почему я написала его. Зачем еще мне писать о похоти?

Нервно теребя подол сарафана, а затем, снова расправляя его, я скрещиваю ноги, чувствуя себя все более неуютно под его взглядом. Понятия не имею, что с этим делать. Я никогда не попадала в подобную ситуацию раньше. Не находилась мокрой в комнате наедине с мужчиной старше себя, который явно и определенно готовый для меня.

Я разглаживаю подол сарафана на бедре, и на мгновение задумываюсь, как бы он отреагировал, если бы я потянула ткань в противоположном направлении – вверх, а не вниз. Но я никогда не смогла бы сделать столь наглого поступка.

- Вы могли бы написать об огромном количестве вещей, связанных с похотью, мисс Тейлор, - отвечает он. Его глаза поднимаются от моих бедер к моему лицу. – Но вы все же решили написать о неразделенной страсти, о запретных отношениях.

Виновна в предъявленном обвинении.

Я описала свои чувства к нему. Не стоило этого делать. Пока писала, я уверяла себя, что делаю это только потому, что он достал меня. Ведь он велел мне написать что-то страстное, с огнем, только поэтому. Он сам дал мне такую тему, думая, что я маленькая невинная девочка, которая не сможет написать что-то зрелое.

Само собой, я написала это не просто так. Но я бы никогда не призналась в истинной причине.

Прочищая горло, я достаю сочинение из блокнота. Мне нужно что-то, чтобы отвлечь его от выяснения проблемы. Я не собираюсь признавать то, что когда я писала сочинение, мне хотелось, чтобы оно возбудило его.

Бумага грязная – он явно смял ее, а затем обратно разгладил, потому что ее будто сжевали. На поверхности какие-то пятна, словно он что-то пролил на нее. Очевидно, работа совершенно не понравилась ему, раз он пытался выбросить ее. Это заставляет меня убедиться в том, что он посчитал мою работу действительно бездарной и специально зачитал ее в классе, чтобы смутить меня.

- Вы смяли сочинение и хотели выбросить его?

Он приподнимает брови и бросает на меня долгий взгляд.

- Я... выбросил его... - бормочет он, тихо выдыхая и тряся головой. – Не глупите. Если вам кажется, что я смял его, потому что...

Я не даю ему закончить.

- Потому что вы выплеснули на него что-то, поэтому решили скомкать и выбросить. А затем зачитали его в классе, чтобы смутить меня? – я быстро лепечу, потому, как пытаюсь сформулировать свой главный страх – что профессор Райан правда считает меня идиоткой, и, что он действительно пытался унизить меня в классе. Но я путаюсь в словах, излагая их немного иначе, как хотела до этого, что заставляет меня сильно сжать бедра и учащенно задышать.

- Что-то... выплеснул, - бормочет он, задыхаясь от вопроса. – Вы написали подобную работу, и теперь думаете, что я выплеснул что-то на нее...

- А о чем еще я могу думать, кроме как о том, что вы... - начинаю я говорить, останавливаясь, понимая, о чем он говорит, или о чем он, думаю, мог бы сказать. Я быстро хлопаю себя по рту, резко вздыхая и одновременно покрываюсь румянцем. – Ох, боже мой.

Нет. Он не может сказать такого. Это слишком грязно.

Но когда смотрю ему в глаза, я понимаю, что это правда.

- Давай же, Пьюрити, - рычит он.

Я не могу говорить, потому что слова, кажется, застряли где-то в горле. В кабинете уже настолько жарко, словно здесь миллион градусов, но, кажется, становится еще жарче, как только он называет меня Пьюрити, а не Мисс Тейлор, что заставляет испариться последние крупицы формальности между нами.

- Скажи, о чем ты подумала, - говорит он мне.

- Я не знаю... не знаю, о чем я подумала... - он точно сумасшедший, если думает, что я озвучу то, что только что пришло мне в голову. Я не могу произнести это вслух. Даже не знаю, о чем я думала, идя к нему в кабинет, и особенно, сочиняя ту работу.

- Давай же, - настаивает он. Его выражение лица суровое, а в его глазах разгорается огонь. – Вот почему ты покраснела. Ты желала, чтобы я сделал это. Это то, чего ты хотела. Поэтому ты написала что-то подобное.

Нет. Я не думала, что из этого получится.

Я не могу дышать. Мои руки дрожат от одной этой мысли.

Я не была готова к такому. Я никогда не буду готова.

Я быстро встаю, все еще сжимая листы в руке.

Мне нужно убраться отсюда. Мне нужно бежать отсюда.

Но как только я поднимаюсь, то оказываюсь лицом к лицу с ним, и это гораздо ближе к нему, чем мне могло показаться ранее. Мы настолько близко друг к другу, что я ощущаю слабый аромат его лосьона после

бритья, так же, как тогда в пиццерии. От этого запаха, как и тогда, у меня кружиться голова.

Понятия не имею, почему я чувствую головокружение и трепет, когда я рядом с ним. Или почему мысль о том, что он делает *это* из-за моего сочинения, заставляет мои ноги подкашивааться и желать большего.

- Сядь, - приказывает он жестко. – Ты не уйдешь отсюда просто так.

- Я... хм, это не правда. Я не старалась написать это, желая, чтобы вы... ну, вы понимаете, - до сих пор не могу заставить себя произнести эти слова.

- Скажи это, - его глаза темные, а голос повелевает. Он не двигался и даже не протягивал руку, чтобы коснуться меня, но мое тело уже находится в боевой готовности, умоляю его сделать это.

Я отчаянно хочу, чтобы он прикоснулся ко мне, но я стою неподвижно, бездыханно, потому что не могу этого признать.

- Вы ошибаетесь, - шепчу. – Я не знала, что вы сделаете это.

- Бред собачий, - резко говорит он. – Если ты не хочешь, чтобы я относился к тебе как к наивной маленькой девочке, тогда прекрати себя так вести.

- Я не веду себя как маленькая девочка!

- Тогда произнеси это, Пьюрити. Как ты думаешь, что я сделал с этими грязными листами, на которых ты написала для меня? Я хочу услышать, как ты произносишь эти слова. Веди себя как взрослая женщина...

- Вы трогали себя, - перебиваю я, раздражаясь. – Вы читали то, что я написала, и это заставило вас кончить!

Я тут же хлопаю себя ладонью по рту, потому что не могу поверить, что я просто так сказала это. Мое сердце колотится, я возвращаюсь к креслу и сажусь на него, потому что я не знаю, что еще мне делать. Мои мозги окончательно поплыли.

Теперь мои глаза находятся как раз на уровне с крайне очевидной выпуклостью в его штанах. Черт возьми.

Я пялюсь на *него*, а затем смотрю на него.

Мистер Гейб ухмыляется.

- Значит, ты не настолько наивная девочка. Думала, чтение твоей фантазии не сделает меня твердым?

- Это была выдумка, - шепчу я, но мы оба знаем, что это ложь. – Не фантазия.

- Нет? – он скрещивает руки на груди, приподнимая уголок рта. – Значит, я должен быть уверен, что ты не ласкала себя пальцами между ног

и не прикасалась к своей мокрой маленькой киске, думая обо мне?

Он правда только что сказал это? Как будто он умеет читать мои мысли, как будто он точно знает, что я делала, пока лежала в постели, фантазируя о нем.

Я не отвечаю, но знаю, ответ написан на моем лице.

- Не скромничай, - говорит он. – Тебе действительно казалось, что я не буду дроить, читая твою работу? Или что я не осмелюсь этого сделать? Может, ты думала, что я буду джентльменом, и притворюсь, что это адресовано не мне. Так? Потому что, если ты считаешь меня джентльменом, ты глубоко ошибаешься, маленькая девочка.

- Я не маленькая девочка, - отвечаю я, сжимая губы. Его лицо смягчается, но только на мгновение.

- Ох, нет. Ты взрослая женщина, которая играет с огнем.

Я просто призналась, что прикасалась к себе, думая о тебе. Я более чем осведомлена, что играю с огнем.

Я делаю глубокий вдох.

- Может быть, мне нравится огонь.

- Огонь сжигает, - говорит он, его голос жесткий. – Он разрушает и уничтожает, особенно когда речь идет о таких, как ты.

- Вы только что сказали, что я не маленькая девочка, но вы не признаете во мне взрослую женщину.

Я сбита с толку, расстроена, и не могу думать, не тогда, когда он прямо передо мной. Он совсем не стыдится и не пытается этого скрыть.

Разве он не знает, что делает со мной? Я так возбуждена, что не могу сосредоточиться на том, о чем мы говорим. Интересно, как он отреагировал, если бы я дотронулась рукой до его брюк. Интересно, что бы он сделал, если бы я встала на колени перед ним прямо здесь, в его кабинете, расстегнула штаны, и вынула его большой, жесткий...

В этот момент он отходит от стола. Его член вдруг оказывается в нескольких дюймах от моего рта, будто он знает, о чем я думаю, и хочет помочь мне с этим. Я задерживаю дыхание, сердце яростно стучит в груди, ожидая, что что-нибудь случится. Не знаю, чего именно я жду. Часть меня надеется, что он дотронется до ширинки, расстегнет ее, спустит брюки и велит мне открыть рот.

Часть меня боится, что он сделает именно это.

Но нет.

- Встань, - приказывает он.

- Но я...

- Встань, Пьюрити, - его голос не оставляет места для споров.

Мои ноги дрожат, угрожая подкоситься подо мной, но я все равно встаю. Задерживая дыхание, я жду, когда он повернет голову ко мне. Он стоит так близко ко мне, что может легко поцеловать меня. Я жду, что он прижмет свои губы к моим.

Хочу, чтобы он накрыл мои губы своими. Хочу, чтобы он схватил меня и посадил на себя сверху. Хочу почувствовать, как его твердость прижмется ко мне.

Хочу, чтобы он взял меня. Хочу, чтобы он научил меня всему.

Но он указывает на меня пальцем.

- Ты должна уйти прямо сейчас, девочка, - говорит он. У него тяжелое дыхание, а голос густой. Когда он смотрит на меня, его выражение злое, почти угрожающее.

- Что, если я не хочу уходить? – шепчу, смущаюсь от того, что хнычу. Конечно, ведь он вынудил меня остаться.

Часть меня хочет остаться больше всего на свете. Часть меня не уверена, что я готова к тому, что может случиться, если я сделаю это.

- Ты невинна, - его голос низкий, он почти рычит. Дотрагиваясь до моего лица, его палец ласково очерчивает линию челюсти. Рефлексивно, глаза мои закрываются, когда я чувствую его прикосновение.

Думаю, я услышала, как он тихо застонал, пройдясь по моей челюсти, останавливаясь прямо под подбородком, чтобы поднять его вверх. Не хочу, чтобы он прекращал. Хочу, чтобы он продолжил, прошелся пальцами по моей шее и между грудью. Я хочу почувствовать, как его кончики пальцев обводят мои соски. Я хочу, чтобы он прочертил ими у меня по животу и опускался, пока они не окажутся между моих ног.

Хочу, чтобы он вставил пальцы внутрь меня, прикоснулся ко мне там, где никто не прикасался ко мне раньше.

- Может быть, я не столь невинна, как вы думаете обо мне, - спорю я.

Или, может быть, я была невинна все это время, потому что никто никогда не возбуждал меня так, как ты. Может, я все это время ждала такого человека, как ты.

Но я ничего такого не говорю. Я недостаточно храбра, чтобы сказать вслух такие слова.

Недостаточно храбра, чтобы сказать ему, чего я так отчаянно желаю.

- Ты нетронутая, невинная, наивная девочка, которая думает, что хочет чего-то, с чем, она понятия не имеет, как справиться, - его голос жесткий, но он осторожно дотрагивается пальцами до моей нижней губы, пока говорит. Его действия резко контрастируют с жесткостью его слов. Он смотрит на меня так, будто пытается решить, что со мной делать.

- Я могу быть нетронутой, но я не наивная, и я не маленькая девочка, - отвечаю я решительно. Когда его большой палец прижимается к моей нижней губе, я раскрываю губы, чтобы взять его в рот. Я издаю протяжный стон при ощущении его пальца на языке и почти невольно смыкаю веки. Я представляю, что у меня во рту вместо пальца он.

Когда мои глаза, наконец-то, открываются, он практически рычит на меня, как будто он сердится на меня за то, что я сделала. Он выдергивает палец изо рта и отступает до тех пор, пока снова не упирается в стол, затем кладет руки по обе стороны бедер, сжимая край стола, от чего его костяшки становятся белыми. Выпуклость в штанах настолько велика, что, кажется, будто она может вырваться прямо из молнии.

- Сядь, Пьюрити, - приказывает он.

- Но вы только что сказали мне встать, - протестую я.

- Сядь. Сейчас же, - рычит он.

Ну, я делаю то, что мне говорят. Я опускаюсь на сиденье, сжимая бедра в жалкой попытке подавить мое возбуждение.

- Да, сэр.

Я не знаю, откуда взялось «сэр», но когда я говорю это, он издает чувственный стон, и у меня появляется желание слушать, как он издает этот звук снова и снова. Я хочу знать, как делать все то, что могло бы вызвать у этого мужчины этот звук снова.

- Думаешь, ты не наивна? – спрашивает он.

- Нет, - шепчу я. – Я знаю, чего хочу.

- Знаешь, чего хочешь? – он кидает на меня злой взгляд. – Не лги мне на этот раз, Пьюрити. Никакого дерьяма и игр. Ты девственница?

Я молча киваю. Руки у меня на коленях, на бедрах, и я неподвижно сижу, пока он пристально смотрит на меня.

- Конечно же, - бормочет он. – Ты когда-нибудь трогала член?

- Нет. Но это не значит, что я ничего не знаю о нем.

- Тебя кто-нибудь трогал? – его руки крепче сжимают край стола. – Кто-нибудь когда-нибудь заставлял тебя кончить?

- Нет, - шепчу я.

- Но ты прикасалась к себе.

- Несколько раз, - снова шепчу, теребя пальцами подол моего сарафана. – Когда не смогла больше сдерживаться.

- Только когда не смогла больше сдерживаться, потому что тебя учил избегать этого отец, - говорит он. – И при этом ты все-таки сидишь сейчас в моем кабинете, заявляя мне, что ты не наивна и не невинна, и что ты точно знаешь, чего хочешь.

- Это правда. Я хочу... - я останавливаюсь, делая паузу. – Я хочу знать, каково это, испытать то, о чем я фантазировала.

Он издает низкий смех.

- То, о чем ты фантазировала – ничто по сравнению с тем, что я сделал бы с тобой. Ты понятия не имеешь, что я сделаю с тобой, Пьюрити. Ты не хочешь открывать эту дверь.

Дрожь проносится вдоль моего позвоночника, и острые ощущения волной накатывают на меня от его слов. Он думает, что напугает меня, но я все еще здесь. Я на грани и я готова рискнуть.

По крайней мере, я готова.

Прыгнуть.

- Хочу узнать, каково это... - я делаю глубокий вдох и говорю себе, что просто должна произнести это. – Я хочу знать, каково это, быть оттраханной.

Оттраханной. Слово настолько непривычно, настолько чуждо моим ушам, что я резко выбрасываю его, выплевываю, потому что в противном случае я отвлечусь и не скажу его, а я хотела его сказать. Я хотела произнести это, больше чем то, что имела в виду. Это головокружительно и страшно, и мои щеки горят от смущения, потому что я знаю, что слово звучит смешно и неловко.

Понимаю, что я смешна и наивна, и неловка, и невинна. Но я не хочу быть такой. Я устала от этого.

Его рот дергается в уголках, и мое сердце сжимается. Он смеется надо мной. Слезы, которые наполняют мои глаза при мысли, что он сейчас высмеет меня, удивляют меня. Я быстро встаю, чтобы скрыть свое смущение.

- Я пришла сюда не для того, чтобы вы смеялись.

Мистер Гейб ловит меня за запястье, его пальцы обхватывают его и не дают мне уйти.

- Я не смеялся над тобой.

- Я видела, как вы на меня смотрели, - гневно говорю ему. – Словно я ошибка.

- Видишь, как я сейчас, блядь, тверд? – он рычит. – Это из-за тебя, девочка. Думаешь, я смеюсь над тобой? Мой чертов член вот-вот взорвется, слушая, как ты говоришь о том, что тебя трахают.

- Ох, - вздыхаю я.

- Слушать тебя, рассказывающую о том, как никто не трогал тебя... думаешь, будто я воспринимаю это как какую-то шутку? Это ни хуй не смешно. Ты дочь Алана. Ты достаточно молода, чтобы быть моей дочерью.

И ты учишься здесь.

- Знаю, - шепчу я. – Это неправильно.

- Вот почему я говорю тебе развернуть свою маленькую идеальную попку прямо сейчас и выйти за двери моего кабинета. Ты не знаешь, что делаешь сейчас, девочка. Я не тот человек, которого ты хочешь трахнуть.

- Я же говорила уже, что я не маленькая девочка, - недовольно отвечаю. – И вы понятия не имеете, кем я хочу быть оттраханной. Вы понятия не имеете, как я хочу быть оттрахана.

- Я не хороший мальчик, маленькая девочка, - говорит он, его голос хриплый. Он сжимает в кулак мои волосы, дергает мою голову, пока тянет ее назад. Жесткость движения удивляет меня. Что меня еще больше удивляет, так это то, что оно заставляет меня застонать.

- Я не добрый и не нежный, и я уверен, что, черт возьми, для тебя будет не прост твой первый раз или какой-либо другой раз со мной.

Он еще раз тянет мои волосы. Не слишком жестко, но достаточно, чтобы я почувствовала некоторую боль с последующей волной удовольствия. Я хныкаю, настолько возбужденная, что если он просто проведет рукой вниз по моему телу и положит пальцы между моих ног, уверена, что сразу кончу.

Я хочу его коснуться. Я жажду его прикосновений. Все мое тело, кажется, ноет в ожидании его прикосновений.

- Может, я не хочу, чтобы со мной были нежными и добрыми, - говорю я ему.

Он сжимает мои волосы, со страданием на его лице.

- Ты в этом нуждаешься, Пьюрити.

- Не указывайте мне, в чем я нуждаюсь.

Он притягивает меня к себе за волосы, снова посылая острые ощущения сквозь меня. Но это быстро затмевает осознание того, что он тверд, как гранит напротив моего бедра. Он дергает меня за волосы и наклоняется ко мне. Его губы в дюймах от меня, а мои губы раскрываются, ожидая, что он поцелует меня.

Я хочу, чтобы он поцеловал меня.

Он приближает свои губы к моим, но как только они вот-вот прикоснутся друг к другу, он ускользает. Отпустив мое запястье, он возвращается туда, где стоял раньше – позади стола, руками сжимая его края.

- Ты должна уйти прямо сейчас, девочка.

16

Габриэль

Она неподвижно стоит.

Почему она просто не уйдет?

Ее колебания убивают меня. Она уничтожит нас обоих, потому что если она просто стоит там еще хотя бы минуту, я не смогу удержать свои руки в таком же положении, как сейчас, то есть приклеенными к столу. Мне хочется протянуть руку и прикоснуться к ней, но если я сделаю это, все кончено. Я нагну девушку над своим столом и лишу ее девственности прямо здесь, в кабинете.

Я не могу этого сделать.

Не могу этого сделать. Не с ней.

Она понятия не имеет, о чем просит, когда просит трахнуть ее. Она понятия не имеет, что я погублю ее.

Независимо от того, насколько сильно я хочу трахнуть ее, я не собираюсь разбивать ей сердце, а если я пересплю с ней, это непременно произойдет. Я не встречаюсь и не влюбляюсь.

И я определенно не делаю этого с наивными девственницами, которые едва достигли возраста голосования, не говоря уже о том, чтобы заниматься сексом.

- А если я никуда не уйду? – спрашивает Пьюрити. Пальцами она играется с подолом сарафана, приподнимая по бокам, будто собирается снять его.

Я чертовски переживаю, что она так и сделает прямо сейчас.

- Убрайся из моего кабинета, Пьюрити, - слова звучат жестче, чем мне хотелось бы, поэтому, когда она вздрагивает, меня словно ударяют в живот. Я говорю себе, что мне не следует чувствовать вину за то, что накричал на нее. Не следует чувствовать себя виноватым, потому что это для ее же блага. Отношения между студентами и преподавателями запрещены. Я не собираюсь терять работу из-за быстрого траха.

Ее брови хмурятся, а рот открывается, но она не произносит ни слова. Она просто делает вид, будто пытается понять, как я в одно мгновение могу превратиться из Джекила в Хайда (*прим. пер. – речь идет о романе «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», где главный герой страдает раздвоением личности*).

Я сам пытаюсь объяснить себе это, но моим единственным оправданием является то, что я разрываюсь между желанием к ней и

порывом поступить правильно.

Часть меня хочет сказать ей, что я беру слова, которые я только что произнес, обратно. Хочу сказать ей, что все это не может быть всего лишь быстрым трахом, что, как только я почувствую ее губы своими губами, в тот момент, когда я почувствую ее на своем члене, я больше никогда не разрешу ей покинуть мою постель.

Нет никаких сомнений в том, что это будет противоположностью быстрому траху. Я бы никогда ее не отпустил.

Но я не говорю ей этого, потому что Пьюрити не нужно знать о том маразме, который происходит в моей голове прямо сейчас.

Она кидает на меня ледяной взгляд, опуская подол сарафана. Я наблюдаю, как тот колышется вокруг ее бедер. Подбиравая сумку с пола, лежащую рядом со столом, она закидывает ремень на плечо.

- Хорошо, - шепчет она.

Затем она разворачивается и выходит из моего кабинета, закрывая за собой дверь.

Я выпускаю самый длинный, облегченный и пиздец-какой-разочарованный вздох во всей своей жизни. Я стою, кажется, вечность, склонившись над столом, сжимая ладонями деревянную поверхность так, что костяшки пальцев белеют. Стою дольше, чем это нужно, прежде чем начать двигаться.

После этого я еду домой и пишу пять новых глав.

В этом есть действительно что-то ебанутое, потому что я получаю чертовски сильный заряд вдохновения, даже если и веду себя с ней как мудак.

- Утречко, солнце. – Берт смотрит поверх своей шахматной доски на то, как Бенсон прыгает со скамейки и бежит ко мне, виляя хвостом, заставляя свое крошечное тело трястись будто в конвульсиях.

- Ты рано.

Я вручаю Берту стакан кофе, прежде чем плюхнуться на другую сторону скамейки.

- Бессонница, - отвечаю я, делая глоток кофе из стаканчика, осматривая доску. – Проснулся в четыре. Даже побегал с Хэми.

Берт фыркает. – Не думал, что этот бульдог умеет бегать.

- Он плелся.

- Ты ведешь себя так, будто четыре утра – это рано или что-то типа

того. Разве ты не морпех? «Конечно, вам бы, мальчики, позволили бы немного поспать, но не в мой день! Если только вы не хотите, чтобы сержант Ганни прочистил вам дымоходы».

Я смеюсь, передвигая слона. – Сильно сомневаюсь, что что-то изменилось между Корпусом (*прим. пер.: имеется в виду армейский корпус*) твоих времен и моих. Я получал много головомоек, ты же знаешь.

Берт кряхтит в ответ, наклоняясь над шахматной доской.

- Это ты так думаешь, - бормочет он. – Что-нибудь написал?

- Немного, - нечетко говорю я.

Брови Берта приподнимаются.

- Уже лучше, чем до этого, - отмечает он, прежде чем сделать свой ход.

- Точно, - отвечаю я, делая глоток кофе. – На самом деле чуть больше, чем немного.

- Много?

- Много.

- Так что же такого произошло?

- А что-то должно было случиться? – спрашиваю, начиная немного паниковать.

- Не у меня же был творческий кризис, - будто случайно напоминает Берт. – Так что, рассказывай.

Я притворяюсь, что изучаю информационную доску. Я не знаю как, черт возьми, объяснить свои недавние всплески творчества. Не понимаю, черт возьми, что происходит, когда дело доходит до моего творчества, и, конечно же, когда дело доходит до Пьюрити. Так что я просто пожимаю плечами.

- Думаю, ко мне пришло вдохновение. Писательство всегда проходит через фазы вдохновения.

- Ага. – Берт неубедительно хмыкает. – Знаешь ли, я тут столкнулся недавно с одной из твоих студенток.

- О? – спрашиваю я рассеянно, наполовину отвлекаясь на мысли о Пьюрити, и наполовину на то, чтобы хоть немного понять, к чему ведет Берт. Этот мужчина притворяется любителем в шахматах, но он более сосредоточен на игре, чем кто-либо еще. Он очень хорошо играет, я ни разу не побеждал его.

Я кошусь на доску и делаю еще один глоток кофе.

- Дороти.

- Кто?

- Девушка из твоего класса, - объясняет он. – Дороти.

Я хмурюсь. Я знаю имена всех своих учеников; в моем классе нет Дороти.

- Извини, но в моем классе нет никого по имени Дороти. Ты, должно быть, перепутал с каким-то другим классом.

Берт вздыхает.

- Дороти – не ее имя. Не могу вспомнить ее настоящее имя. Я называл ее Дороти, потому что она бродила по тротуару, потерянная и дезориентированная, будто только что прилетела сюда с другой планеты.

Мое сердце пропускает пару ударов. В моем классе есть только одна девушка, подходящая под это описание. Университетская жизнь – определенно не ее стихия.

И когда дело доходит до нее, я тоже не в своей тарелке.

- Хм, - хриплю я, пытаясь сделать так, чтобы мой голос казался обычным. – Не могу вспомнить ни одну студентку, которая подходила бы под твое описание.

- Она та девушка, которую ты обязательно заметил бы, – говорит Берт. Хватит с меня этого дерьяма.

Пора менять тему.

- Так как Глория?

Глории, жене Берта, пятьдесят с лишним лет, и она – одна из причин, почему он проводит свое утро на скамейке, играя в шахматы. Когда он ушел со своей работы в Федеральной службе после двадцатилетнего пребывания в морской пехоте, Глория сказала ему, что она не может впустить его в дом, чтобы исправить все то, что им пришлось пережить. По словам Берта, она приказала ему найти себе хобби, иначе она убьет его. И тогда он попробовал какое-то время потусоваться и попить пиво с друзьями-ветеранами, прежде чем убедиться, что он окончательно пережил свои дни славы. Он сам научился играть в шахматы, чтобы сохранять ум острый, как он говорил, хотя в этом не было никакой необходимости. Нет шансов, что умственные способности Берта когда-нибудь станут заурядными. Когда никто из ветеранов не захотел играть с ним, он начал приносить свою шахматную доску на скамейку в парк кампуса. Теперь он почти часть университетского городка.

Берт пренебрежительно отмахивается от меня.

- Она все еще мучает меня, пытаясь заставить отказаться от сигар, – говорит он. – Утверждает, что они прикончат меня. А я говорю ей, что я и так достаточно близок к смерти, и что сигара и щедрая порция виски не принесут мне никакого дерьяма.

Я закатываю глаза.

- Близок к смерти, - смеюсь я. – Не сказал бы, что ты стучишься к смерти в дверь.

- Я старый человек. Как только я откажусь от виски и сигар, я одной ногой ступлю в могилу. А затем я поговорю об этом уже с Апостолом Петром.

С тех пор как я начал по утрам (плохо) играть в шахматы с Бертом, Глория всегда придирилась к нему на счет отказа от сигар и виски. Он никогда не откажется от них, а она никогда не перестанет докучать ему этой темой. Это один из тех незыблемых фактов жизни, одна из тех вещей, которые постоянны.

Дождливо или солнечно, мы говорим о моем писательстве и внуках Глории и Берта.

Я делаю еще один ход.

- Ты уверен, что человек, с которым ты будешь говорить, будет Апостол Петр, а не человек в красном?

- Смотрю, кто-то сегодня расшумился.

- Ранее утро делает меня жизнерадостным, - я смотрю на свои часы. – Мне надо вернуться домой и принять душ перед занятиями. Сколько у меня осталось ходов до того, как ты меня разгромишь?

- Ну, ты хочешь, чтобы я был добр к тебе или чтобы сказал правду?

Я преувеличенно вздыхаю.

- Я когда-нибудь просил тебя пощадить меня? Выкладывай горькую правду.

- Четыре, - говорит он.

- Блять. Четыре хода? Ты шутишь? Черт возьми, я думал, что становлюсь лучше.

- Твои навыки улучшились, - уверят он, показывая, какими именно ходами он собирался закончить игру.

- Но знаешь, кто действительно хорош? Твоя девушка.

- Моя кто? Какая девушка? – сначала я действительно не понимаю, о ком он говорит.

- Дороти, - объясняет он. – Она умная девочка.

Я и не знал, что она играет в шахматы. Конечно, неудивительно, что я не знаю, играет ли она в шахматы, так как я не знаю ничего о ней. Единственное, что я знаю, это то, что хочу сорвать с нее одежду.

Незнание абсолютно ничего о ней нужно добавить в список примерно миллиона гребаных причин, по которым мне не стоит срывать с нее одежду.

Я прощаюсь с Бертом и, поворачиваясь, ухожу.

Пьюрити должна быть проклятым шахматным гением, если Берт

назвал ее умной девушкой. Но она не может быть умной хотя бы потому, что ее прельщает мысль о том, чтобы связаться со мной.

17

Пьюорити

Я выхожу из примерочной, придерживая за спиной дверь, пока сканирую магазин в поисках Луны. Она стоит около стеллажа с одеждой в другой стороне маленького переполненного секонд-хенда, спиной ко мне.

- Луна, - шепчу я, мысленно надеясь, что она обернется. Последнее, чего мне хочется, так это выйти в центр магазина в этом наряде. Юбка едва прикрывает мой зад, а рубашка даже не достает до пояса на юбке. Не знаю, чем я думала, когда согласилась пойти в фешенебельный секонд-хенд с Луной, чтобы обмыть нашу первую зарплату. Я уже достаточно раздвинула свои границы, купив желтый сарафан, который недавно надевала на пару профессора Райана. Длина сарафана была всего на пару дюймов выше моего колена, совсем не как у этой юбки, которая кажется короче на несколько миль.

Сарафан, который был на мне, когда я ходила в кабинет к профессору Райану, практически монашеская ряса по сравнению с этим нарядом.

На днях я покинула его кабинет, растерянная и немного обиженная, а также возбужденная. Его отказ должен был стать огромным ударом по моей самооценке, но я ушла, чувствуя себя совершенно уверенно. В конце концов, я призналась ему в своих самых сокровенных мечтах, и мир не перевернулся. Я вела себя совершенно противоположно тому, как меня воспитывали, и небо не разразилось, а молния не ударила с небес. Земля не раскололась и не поглотила меня. Все это интересно, потому как, правда в том, что я слишком часто думала о произошедшем в кабинете профессора Райана. И воспоминания о случившемся все еще сильно возбуждают меня.

- Эй, Луна, - шиплю я. Может быть, в каком-то отношении моя уверенность и растет, но не тогда, когда дело доходит до моды. Я не знаю, что модно, и понятия не имею, как одеться так, чтобы подчеркнуть свои формы, но я уж точно не собираюсь выставлять себя напоказ посреди магазина.

Луна с рубашкой в руке кружится вокруг меня. Оценивая меня, она сверху вниз сканирует мое тело глазами. Когда ее взгляд достигает моего лица, она выпучивает глаза.

- Святое. Блядь. Дерьмо.

Я кривлюсь.

- О, нет. Все настолько плохо? – спрашиваю я; мое сердце разбивается. – Я выгляжу глупо, да? Я ведь не смогу ходить в такой короткой юбке и с голым животом...

- Боже мой, заткнись прямо сейчас, - смеется она. – Ты выглядишь потрясающе!

Луна всегда громкая, но сейчас она кажется в десять раз громче, чем обычно. Я шикаю на нее, потому что ее голос разносится по всему магазину.

- Я выгляжу нелепо, на мне будто школьная форма.

Луна фыркает.

- Так в этом и суть, - говорит она. – Ты выглядишь как маленькая горячая католическая школьница, подруга. Тебе нужно добавить обувь. Возможно, ботильоны или армейские ботинки. Какой у тебя размер?

- Восьмой.

- У нас одинаковый размер. Я одолжу тебе парочку.

- Ты точно уверена, что это не слишком... развратно? – шепчу я последнее слово, рукой одергивая край своей рубашки.

- Черт возьми, да, это выглядит развратно. Покупай.

- Но...

Я не могу надеть наряд развратной школьницы.

- Не спорь, - говорит Луна, указывая на раздевалку позади меня. – Возвращайся и примерь следующие вещи. Наряд школьницы определенно «да». Я решительно настаиваю на том, чтобы ты купила его. Поверь мне на этот раз. На самом деле, тебе следует надеть его завтра на пару профессора Райана.

- Что? Зачем мне это? – я перехожу на высокие ноты, почти на визг. По мере того, как мое тело раскаляется, я быстро разворачиваюсь и отступаю, практически бегу, обратно в раздевалку, прежде чем Луна сможет заметить мою реакцию.

Интересно, чтобы сделал мистер Гейб, если бы я пришла на его пару, одетая в юбку, едва прикрывающую мой зад.

Вы не можете знать, кем я хочу быть оттраханна. И вы понятия не имеете, как я хочу быть оттрахана.

Я сказала ему это. Я все еще не могу поверить в те слова, которые вырвались из меня, или в те вещи, которые он сказал мне, пока я находилась в его кабинете.

Я использовала нецензурные слова, будто постоянно ругаюсь матом. Я говорила о трахе, будто мне было совершенно комфортно думать о сексе в таком ключе. Дело в том, что я не могу перестать думать о сексе, например, как в данный момент, но я представляю себе что-то грубое, жесткое и страстное, а не нежное и медленное.

Вот в таком ключе я думаю о сексе.

После того момента, произошедшего в кабинете, я сразу же вернулась в комнату в общежитии. И, слава богу, Луна все еще была на занятиях, поэтому я просто захлопнула дверь. Я даже не прошла в комнату дальше дверного проема. А просто облокотилась на дверь, задрала юбку и скользнула пальцами в трусики. Я была настолько возбуждена тем, что произошло в кабинете, что кончила в тот же момент, когда коснулась себя.

То, что случилось в его кабинете, заставило меня кончить.

Я не такая уж милая и нежная, чтобы думать, будто будет легко в первый раз.

То, что он сказал, должно было отправить меня в другом направлении от него. Он четко дал понять, что не будет милым и нежным – ни со мной, ни с моим телом, и, предполагаю, ни с моим сердцем.

Это было его подтекстом.

Большинство девушек убежало бы от мужчины, который сказал бы им такое. Плюс, к этому списку можно добавить еще пару вещей, которые должны отвести меня от него: он слишком стар и слишком опытен для меня.

Далеко-далеко отвести.

Но, проблема в том, что я хочу его еще больше.

Тебе нужно уйти прямо сейчас, девочка.

Он продолжал называть меня маленькой девочкой, даже после того, как я снова и снова говорила ему, что взрослая. Мне нужен мужчина, который будет думать обо мне как о женщине, а не о маленькой девочке, даже если я и вправду наивна, неопытна, а также, иногда, стеснительна.

Беда в том, что когда он так назвал меня, это прошлось необъяснимым потоком сквозь меня. Это напомнило о том, насколько мы разные, насколько он старше меня.

Напомнило о том, насколько он запретен.

Не знаю, почему не могу перестать думать о нем в таком ключе. Я должна избавиться от этих мыслей, ведь, в конце концов, у меня много опыта в подавлении своих желаний. И если существует что-то, в чем я эксперт, так это избавление от плохих мыслей и умение вести себя как хорошая маленькая девочка.

Тебе нужно уйти прямо сейчас, девочка.

Я должна была остаться. Мне не хотелось уходить, но я все-таки повернулась и ушла. Я повела себя, как хорошая девочка.

Но в душе я не совсем хорошая девочка. Это не то, кем я хочу быть. Это не то, кем я собираюсь быть.

В прошлый раз я струсила и не сделала того, чего хотела. И если

будет следующий раз, я больше не отступлю.

Я сомневаюсь, смотря на себя в зеркало.

- Ты уверена в том, что мне нужен макияж? Я имею в виду, ты точно уверена, что это хорошо выглядит?

Луна закатывает глаза.

- Здесь нет ничего такого. Ты вообще вряд ли заметила что-то.

- Мои глаза выглядят... реально заметно, - протестую я, снова смотря в зеркало. Я не привыкла видеть себя такой. Мой отец никогда не позволял мне краситься, и я никогда не смела бросать ему вызов. Странно видеть себя с тенями на веках и тушью для ресниц. Я будто совсем другой человек.

- На тебе всего лишь чуть-чуть туши, - рассуждает Луна. – Ты даже не позволила мне нанести подводку для глаз или помаду. Поверь мне, это даже не базовый макияж. Тебе только кажется, что это слишком, потому что ты никогда не красилась раньше; во что мне просто сложно поверить, кстати.

- Я выгляжу совсем по-другому.

Я не могу оторвать глаз от своего отражения. Удивительно, что делает немного туши для ресниц, румян и блеска для губ, не говоря уже о клетчатой юбке и топе, которые я купила в секонд-хенде.

- Я выгляжу почти... круто.

Луна усмехается.

- Приму за комплимент, - гордо говорит она. – А если серьезно, ты выглядишь великолепно. У тебя длинные модельные ноги. Ты должна показывать их.

- Это нормально, что я чувствую себя немного глупо и неловко?

- Если ты назвала мой модный совет глупым и неловким...

- Ой, я не это имела в виду, Луна! – восклицаю я. – Я ценю...

- Боже мой, успокойся - говорит она, смеясь. – Я знаю, что ты не стерва. Кроме того, ты не будешь чувствовать себя глупо, как только поймешь, как хорошо ты выглядишь.

- Сколько времени мне понадобится на то, чтобы понять это?

- Все в твоей голове, куколка, - отвечает она. – В любом случае, просто иди на пару в этой одежде, и если ты почувствуешь себя неуверенно, ты всегда сможешь вернуться и переодеться. У тебя ведь нет ничего после пары по письму, да?

- Нет. У меня перерыв перед занятиями по политики.

- Тогда отлично.

Луна хватается за ремешок сумки и забрасывает ее на плечо. – Мне тоже нужно идти на пары. Бери свою сумку, я провожу тебя из общежития. Ты хорошо выглядишь, не переодевайся.

Я глубоко вздыхаю.

Я не маленькая девочка, напоминаю я себе. Профессор Райан может и настаивает на том, что это так, но пришло время показать ему (и себе), что я изменилась.

Пришло время перестать одеваться как серая мышь и перестать вести себя как какая-то сиротка.

Пока я иду через кампус, моя решимость и моя уверенность только растут. Ведь на меня никто не показывает пальцем и не кричит: «Самозванка! Деревенщина пытается показаться крутой в своей суперкороткой юбке!»

Никто даже не оборачивается, что странно обнадеживает. В конце концов, похоже, я даже не выделяюсь, словно белая ворона. На самом деле, кажется, что на меня пялилось больше людей, когда я была одета в свои длинные платья, чем в этот наряд.

Моя уверенность вновь начинает колебаться, когда я добираюсь до аудитории профессора Райана. У меня не было занятий с ним после инцидента в его кабинете.

Инцидента.

Как бы мне ни хотелось думать, будто это не имеет большого значения, это определенно инцидент. Я никогда ранее не была так близко наедине с мужчиной. Я в принципе никогда не находилась так близко к мужчине.

Хуже того, он отверг меня, выгнал из своего кабинета и велел идти домой.

Мне не следует давать ему второй шанс.

Мне не хочется тех бабочек в животе, которых я ощущаю, заходя в аудиторию. Или сотни мыслей, которые у меня появились с тех пор, когда я видела его в последний раз.

Глубоко вздохнув, и избегая зрительного контакта с ним или с кем-нибудь еще, я пробираюсь к своему месту. Я проскальзываю в кресло, достаю блокнот и ручку из сумки, притворяясь, что занята. Я быстро понимаю, что мне не нужно было даже пытаться избежать зрительного контакта с мистером Райаном, поскольку он находится в передней части класса и что-то пишет на сухой доске, спиной к классу.

Я стараюсь не смотреть на него. Старюсь, чтобы мои глаза не задерживались на его спине, пока он пишет. Проблема в том, что на нем эти серые брюки, которые, должно быть, сшиты на заказ, потому что ткань прямо-таки обхватывает его идеальную накаченную задницу.

Я слишком сильно на него пялюсь.

Так сильно, что даже не замечаю, что со мной кто-то разговаривает.

- Пьюрити?

- А, что? Да? – я перевожу свой взгляд от профессора Райана к парню, который, по-видимому, сел в кресло рядом со мной. Я узнаю его, обычно он сидит на другом конце аудитории рядом с одним из его друзей. Я не могу вспомнить их имен, потому что я никогда ранее не говорила с ними, и меня никогда не ставили ни с одним из них в пару во время наших классных упражнений. Они старшеклассники, скорее всего, второкурсники. Этот курс открыт для всех, и он, определенно, популярен.

От парня веет той уверенностью, которая свойственна всем богатым и красивым. И, само собой, на нем шорты цвета хаки, рубашка с воротником и закатанными рукавами, а также сандалии.

Я понятия не имею, почему он сидит рядом со мной и почему знает мое имя.

- Меня зовут Рэндолф. Я хотел сказать, что мне понравилось то, что ты написала на прошлой неделе во время занятий.

На секунду мое сердце перестает биться, потому что я понимаю: он говорит о моем сочинении про похоть. Почти бездумно я ляпаю.

- *Как ты узнал, что это я написала?*

Затем я понимаю, что он говорит не об этом. Он имеет в виду все наши задания.

- О, - выдыхаю я. – Эм... спасибо.

Возможно, он не знает, что то задание на тему похоти было моим, но это смущает не меньше. У меня ведь нет практики ведения разговоров с мальчиками.

- В субботу у нас будет вечеринка, - говорит он мне. – Ну, точнее, у нас всегда проходят домашние вечеринки по субботам, почти каждые выходные. Но в эту субботу будет особенная. Ты должна прийти.

- О... Эм, - заикаюсь я. Как вежливо отвечать, когда кто-то приглашает тебя на вечеринку? Это часть студенческой жизни, к которой я вообще не готова. Давайте взглянем правде в глаза, я никогда не думала, что меня пригласят на вечеринку. Не то, чтобы я собираюсь пойти, потому что разговоры с толпой людей, которых я не знаю, находится в списке моих самых больших кошмаров, но я не хочу грубить. – Ну... может быть, да.

Он вручает мне лист бумаги.

- Вот адрес и мой номер, если ты захочешь написать мне или что-то еще. Приводи подругу или типа того, окей? В любое время.

- Эм, да, конечно, хорошо, - я заикаюсь, вкладывая бумагу в свой блокнот, как только профессор Райан оборачивается. Рэндолльф все еще что-то говорит, но я не могу сконцентрировать внимание на том, о чем он говорит, потому что меня отвлекает выражение лица профессора Райана. Думаю, вряд ли кто-то еще, кроме меня, заметил его, так как черты его лица почти не меняются. Но на мгновение он хмурит брови и сужает глаза, а его взгляд становится темным.

Чувство вины сразу же вспыхивает во мне, хотя я говорю себе, что мне не за что чувствовать себя виноватой. Рэндолльф всего лишь парень из моего класса по письму, который был милым, пригласив меня на вечеринку.

Кроме того, у нас с профессором Райаном ничего не было. Ну, не совсем. Он выгнал меня из своего кабинета раньше, чем что-либо могло произойти.

Но чувство вины не единственное, что я чувствую. Его взгляд также посыпает горячую волну сквозь меня, которая не имеет ничего общего со смущением, виной и всем, что связано с произошедшим в его кабинете.

В последний раз, когда я видела его, он был тверд из-за меня.

И я хочу, чтобы он возбудился снова.

18

Габриэль

В течение всего занятия, я – гребаная развалина: рассеянная, раздражительная, и в общем, пребывающая в дерьямовом настроении. Впрочем, никто из моих студентов не замечает этого. Полагаю, я хорошо притворяюсь, раз они не обращают внимания.

Все из-за нее.

Это ее чертова вина. Той, что пробралась в мой класс в этом гребаном наряде школьницы.

Из всех тех вещей, которые она могла надеть, Пьюрити выбрала это, чтобы напомнить мне о том, кто она, черт возьми. Чертова школьница.

Даже еще не женщина.

Едва ли совершеннолетняя.

Короткая плиссированная клетчатая юбка синего цвета едва прикрывает ее ягодицы, не говоря уж об идеальных бедрах. Когда в середине моей лекции она раздвигает ноги, я улавливаю под юбкой вспышку белого и полностью забываю о том, о чем говорил.

Белые хлопковые трусики.

Это то, что она носит под юбкой.

Этого достаточно, чтобы свести любого мужчину с ума, и она это знает.

Тем не менее, она сидит, держа блокнот на коленях и ручку в одной руке, пока другим локтем опирается на край своего стула, похоже, записывая каждое мое слово, словно примерная студентка колледжа. Она невинно моргает глазками, будто понятия не имея о том, что я заметил ее трусики.

Возможно, она не понимает, что делает. Возможно, девушка на самом деле наивна, невинна и чиста.

Или, быть может, она – это похоть, желание, искушение, яблоко в саду Эдема.

Черт, может она и есть змея.

Но, в чем я точно уверен, она – моя смерть.

Еще до начала занятия, я подумал об этом, когда повернулся к классу после того, как сделал запись на доске и увидел ее, разговаривающую с одним из других студентов; студентов мужского пола. Моя голова чуть ли не взорвалась. Я разрывался между желанием завернуть ее в одеяло, чтобы скрыть от всех посторонних глаз, и надрать задницу тому парню, который осмелился заговорить с ней. Каждая часть меня хотела схватить ее и унести

прямо по коридору из класса в мой кабинет, чтобы нагнуть над столом и трахнуть ее, пока она бы не получила урок о том, как не смотреть на кого-либо другого, кроме меня.

Но я ничего из этого не сделал. Вместо этого я напомнил себе, что я профессор, а она студентка. Восемнадцатилетняя студентка.

Я не имею права считать ее своей.

Должен сохранять свой разум. Я сказал себе: то, что произошло в моем кабинете, больше никогда не повторится. Я уже и так перешел черту, задав ей те вопросы. Я зашел слишком далеко, схватив ее за волосы и притянув к себе. Зашел слишком далеко, с трудом сдерживая себя, когда практически разрешил ей прикоснуться ко мне.

О чем, черт возьми, я думал? Что, если бы она прикоснулась ко мне?

Я предупреждал не только ее о том, что она играет с огнем, но и самого себя.

То, что она делает, сидя в задней части класса, просто пытка. Она сидит передо мной, в этом наряде, ее невероятно длинные ноги вытянуты и скрещены в лодыжках, а гладкие бедра выставлены напоказ для меня.

Это более чем достаточное мучение для любого мужчины.

Но тут она берет кончик своей ручки в рот, обхватывая его своими пухлыми, глянцевыми и манящими губками, смотря на меня своими большими глазами, и я не могу думать ни о чем другом, кроме того, как выкинуть ручку и заменить ее своим членом.

Мне казалось, мои фантазии о ней под контролем.

Я думал, что все под контролем. Если и есть одна вещь, которой меня научили в морской пехоте, так это взятие чего угодно под контроль. У меня это хорошо получается. Это просто еще одно упражнение по самодисциплине.

Вот что я должен сказать себе, чтобы пройти через этот семестр.

Проблема приходит в конце. Парень, сидящий рядом с ней, снова что-то говорит ей, его взгляд перемещается вверх и вниз по ее телу. Тот факт, что он осмелился даже взглянуть в ее сторону, заставляет меня захотеть задушить его.

Пьюрити смеется. Мне хочется верить, что это нервный смех, и то, как она откидывается от него и заправляет волосы за ухо лишь потому, что она нервничает из-за того, как он разговаривает с ней, а не потому, что она флиртует с ним.

Парень встает, когда класс начинает выходить, но Пьюрити все еще сидит, держа сумку на коленях.

- До встречи, профессор Райан, - говорит она мне.

- Увидимся в эти выходные, верно, Пьюрити?

Я отворачиваюсь от них обоих и не слышу, что она говорит ему в ответ, потому как мой пульс так громко стучит в моих ушах, что я вообще ничего не слышу. Когда я обратно поворачиваюсь, Пьюрити и я остаемся единственными людьми в комнате.

Она встает и закидывает ремень своей сумки на плечо, задирая при этом примерно на дюйм свою рубашку, давая мне представление о ее упругом животе. Когда ее глаза встречаются с моими, розовый румянец покрывает ее щеки, пока она дергает низ рубашки. Ее попытка вообще не помогает мне. Жест напоминает мне о том, как она сидела в моем кабинете, теребя подол своего сарафана, в то время как я думал о том, как сильно мне хочется, чтобы она потянула его в противоположном направлении.

Она быстро пробегается глазами по аудитории, как будто она не совсем уверена, что мы одни.

- Это... минуту назад с Рэндолльфом ... ничего такого.

Услышав имя другого мужчины из ее уст, я иррационально злюсь. Мне все равно, чем она может заниматься с кем-то еще.

А еще я не должен делать того, что я делаю дальше.

Я подхожу к ней, и она резко вздыхает, приподнимая грудь. Я стою слишком близко, чтобы объяснить нашу близость, если кто-то сейчас войдет в класс.

Играю с огнем.

Дверь в класс широко раскрыта, и студенты ходят по коридору по пути к своим следующим парам. Любой может войти. Через пятнадцать минут здесь начнется пара. Студенты придут сюда в любой момент. Черт, профессор, ведущий пару, придет в любой момент.

Это выходит за рамки приличия.

Это самоубийство.

Но мне все равно.

Я полностью поглощен жаждой к ней.

- Иди в мой кабинет, - приказываю я. – Дверь уже открыта. Иди прямо туда, не останавливаясь, и ни с кем не разговаривая. Сядь в кресло у моего стола, сложив руки на колени, и жди меня.

- Мистер Гейб, я...

- Ни слова больше, Пьюрити, - говорю я ей, мой голос низок от возбуждения, которое я отчаянно пытаюсь скрыть в этой публичной обстановке.

- В мой кабинет. Быстро.

Она заправляет за ухо прядь волос и закусывает зубами нижнюю губу.

Я заметил, что она делает так, когда нервничает.

- Да, сэр, - шепчет она.

Затем она поворачивается и идет в направлении двери; ее маленькая клетчатая юбка мягко покачивается вперед и назад.

Юбка также сильно дразнит, как и сама Пьюрити, угрожая выставить напоказ ее попку во время ходьбы.

Я закрываю глаза и пытаюсь успокоиться, чтобы дать ей небольшую фору, прежде чем пойти за ней в свой кабинет.

Также я пытаюсь докричаться до своей рациональной части. Части, которая знает, что это совершенно неправильно. Части, которая понимает, что мне не следует этого делать, что я рискую своей работой, своими связями, своей репутацией.

И что самое главное, я рискую уничтожить ее, взять эту маленькую невинную штучку и полностью осквернить ее.

Но проблема в том, что безрассудная часть меня считает мысль о том, чтобы осквернить эту девушку, абсолютно неотразимой. Я не могу договориться с этой частью, потому что она поглощена желанием к Пьюрити.

И эта часть побеждает. Именно она выходит из класса и проходит по коридорам, кишащих студентами и преподавателями, которые перемещаются с места на место, совершенно не подозревая о тех аморальных действиях, которые я собираюсь совершить.

Часть меня совершенно зациклилась на том, что Пьюрити Тейлор назвала меня сэром. Я никогда не был парнем, к которому нужно так обращаться. Тем более, я даже отчитываю студентов, которые пытаются назвать меня как-то еще, кроме «Габриэль» или «профессор Райан». «Сэр» слишком формально для меня, не совсем в моем стиле.

За исключением тех случаев, когда именно *она* называет меня сэром.

Это происходит уже во второй раз. Оба раза это заставило меня захотеть поставить ее на колени и приказать ей называть меня сэром, пока я бы погружал свой член в ее горло.

Эти мысли пугают меня. Я не такой парень. И никогда не был таким парнем.

Но то, что я хочу сделать с ней...

То, что я хочу сделать с ней – совсем не то, чем я должен заниматься с дочерью проповедника.

Проходя через кабинет английского отдела, я останавливаюсь, чтобы сказать Джине.

- Отвечай на мои звонки, пожалуйста.

- Пойдешь сочинять? – спрашивает она, глядя на меня из-за экрана компьютера.

Нагибать невинную дочь проповедника над моим столом.

- Сочинять, - повторяю за ней. – Да. Именно это.

- Без проблем, профессор Райан, - щебечет она.

Я задерживаю дыхание, поворачивая ручку на двери моего кабинета. Какова вероятность того, что Пьюрити внутри кабинета? На самом деле, она могла бы просто проигнорировать мое требование и вернуться в свою комнату в общежитии.

Для нас обоих было бы куда лучше, если бы она так поступила.

Но она этого не сделала.

Девушка сидит на краю стула; спина прямая, ноги на полу, а ладони на бедрах. Она ждет в той позе, в какой я и сказал ей ждать меня, в этой ее короткой клетчатой юбке и топике развратной маленькой школьницы.

Я испускаю длинный выдох. *Я все еще могу отказаться от этого, говорю я себе. Разум и рациональность все еще могут возобладать.*

Затем она через плечо смотрит на меня, ее губы слегка раскрываются, а щечки краснеют. И я без сомнения убеждаюсь: эта девушка будет моей.

И только моей. Моей собственностью.

Оскверненной мною.

19

Пьюорити

Кажется, я не могу вздохнуть.

Моя грудь поднимается и вновь опадает, пока мистер Гейб медленно и целенаправленно подходит к своему столу. Опирается на него так же, как он всегда это делает – небрежно, будто перед обычным студентом.

Только я не обычная студентка, и это не обычная встреча студента и профессора. Плюс, только что я слышала, как он запер дверь кабинета.

Я жду, пока он что-нибудь сделает, но он даже не говорит. Он не говорит ни слова; лишь смотрит на меня. Я чувствую его взгляд на себе – на лице, на груди, на бедрах, на ногах. Мои щеки горят от его пристального внимания.

Наконец, он произносит.

- Встаньте, мисс Тейлор, - приказывает он властным голосом.

Мое сердце колотится, пока я выполняю то, что он велит мне. Он приказывает мне, и я, подчиняясь, в результате лишь подогреваю бассейн меж своих ног. Мне не хочется, чтобы он приказывал мне, ведь, в конце концов, я уже устала от того, что мне вечно говорят, что делать. Всю свою жизнь я только и делала, что выполняла прихоти своего отца; именно поэтому я поступила в этот колледж, а не осталась в Саус Холлоу.

Так почему же, когда мистер Гейб говорит, что мне делать, я становлюсь мокрой? Почему его приказы выбивают из меня весь воздух, заставляя цепляться за каждое его слово?

Он встает и подходит ко мне, останавливаясь всего в паре сантиметров от моего лица. Но не прикасается. Медленно и тихо он проходится вокруг меня. Я чувствую его взгляд на своем теле – его глаза повсюду, будто он сканирует меня. Я прикусываю губу, чтобы подавить хныканье, которое ускользает из моего рта, пока я жду его вердикта.

Я чувствую его позади себя, его горячее дыхание струится по моей шее и уху.

- Это что? – шепчет он.

В смысле?

- Эм... - бормочу я, не понимая, о чем он.

- Этот наряд, - рычит он мне в ухо. Он сердится, его тон низкий, а голос сдержанный. – Чем, по-твоему, ты занимаешься?

- Я не понимаю.

Я не понимаю многих вещей. Ничего не смыслю в одежде, не знаю, что делаю здесь в его кабинете.

Из него вырывается смех, который звучит как низкий гул, смешанный с рычанием. Звук вибрирует рядом с моим ухом, посыпая мурашки по коже. Когда я дрожу от этого ощущения, он громко выдыхает, заставляя меня задрожать еще больше, в тот момент, когда жар его дыхания достигает меня.

Если бы он только прикоснулся ко мне. Слегка, только кончиком своего пальца к моей коже...

Я закрываю глаза.

Ожидая. Желая.

- Не понимаешь? – спрашивает он. – Думаю, ты лжешь мне, Пьюрити.

- Но я не вру...

- Я думаю, ты точно понимала, что делала, вальсируя в аудитории, одетая в эту короткую маленькую юбку, едва прикрывающую твою задницу.

- Ничего не понимаю...

- Ты специально пыталась отвлечь парней во время занятий, девочка? – спрашивает он. – Это то, что ты пыталась сделать? В моем классе? Прямо передо мной?

- Нет, я ... - паника вцепляется в мое горло, а чувство вины вспыхивает во мне при воспоминании о том, что Рэндолф пригласил меня на вечеринку. Я пытаюсь развернуться, чтобы все объяснить. Мистер Гейб должен знать, что я не флиртовала с Рэндолфом. Я даже не хочу идти на эту дурацкую вечеринку. – Я не...

Он хватает меня за запястье.

- Не смей поворачиваться, - рычит он. – Стой на месте.

Я задерживаю дыхание.

- Отвлечь парней и меня этой маленькой юбкой. Эту цель ты преследовала, не так ли?

Прохладный воздух касается моего зада, и я понимаю, что мистер Гейб приподнял юбку. Мое сердце бьется миллионом ударов в секунду, пока я стою и жду от него дальнейших действий. У меня кружится голова, и я так напугана и возбуждена, что не могу трезво мыслить.

Единственная мысль в моей голове о том, что мистер Гейб только что задрал мою юбку. Он видит мой зад.

И сразу же, как только он поднимает юбку, он тут же резко отпускает ее. Я глубоко вздохаю, разочарование мчится сквозь меня. Он даже не тронул меня, ни пальцем.

Его губы у моего уха.

- Ты отвлекала меня этой маленькой юбкой, - ругается он.

- Может быть, и да, - прерываю я, до слез разочарованная. – А может быть, это я хотела отвлечься в вашем классе. Или, возможно, мне хотелось, чтобы вы с трудом смотрели на меня, как тогда в вашем кабинете.

- Какой у тебя маленький грязный ротик, - произносит он лукаво. – Жаль, что такая хорошая девочка говорит такие грязные вещи.

- Я уже говорила вам, что я не маленькая девочка, - отвечаю я, стиснув зубы.

- Сэр, - резко горит он.

- Что?

- Я уже говорила вам, что я не маленькая девочка, сэр.

- Сэр, - скорее стон, чем нормальное слово. Почему то, как я называю его, еще больше возбуждает меня?

- Уже лучше, - рычит он. – А теперь скажи мне, как ты думаешь, должен ли я наказать грязную маленькую девочку за то, что она очень сильно пыталась отвлечь своего профессора во время занятия?

Я хнычу.

Наказать меня??

Мои ноги слабеют в коленях при мысли о каком-либо наказании от мистера Гейба.

Я сильно закусываю губу, пытаясь не заплакать от тоски, потому что он стоит позади меня. Он достаточно близко для того, чтобы провести рукой по моим бедрам, скользнуть между моими ногами, и, используя свои пальцы, избавить меня от моих страданий, но он этого не делает. Думаю, ему нравится мучить меня. Думаю, он может специально связать меня и даже пальцем не тронуть, чтобы довести меня до агонии.

Прямо сейчас я ненавижу его. Больше всего на свете.

- У меня нет целого дня для этого, девочка, - говорит он. – Как думаешь, как мне следует наказать тебя?

- Откуда мне знать? – отгрызаюсь я. Моя наглость застает меня врасплох, и я добавляю: «Сэр», как будто это сделает мой ответ более уважительным.

Я чувствую, как он отходит от меня, и мне хочется заплакать, но вместо этого я тихо стону. Он вообще не собирается меня трогать. Мое наказание – его игнорирование.

Я больше не могу терпеть такое наказание.

С его стороны очень жестоко довести меня до края, заставить хотеть его, а потом просто уйти.

Я жду, когда он откроет дверь и прикажет мне уйти. Снова.

Но вместо этого он обходит свой стол и, открывая ящик, достает

оттуда чистый лист бумаги и ручку. Он смотрит на меня, медленно снимая колпачок с ручки. Затем он скользит бумагой и ручкой по столу, кладя их передо мной.

Он заставит меня писать?

Не говоря ни слова, он обходит стол и встает позади меня. Я чувствую его присутствие. Волосы на моей шее встают дыбом, и когда он шепчет мне на ухо, я дрожу.

- Наклонись и положи руки на чертов стол.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, но он опускается в кресло, где я сидела ранее. Я смотрю на него, пока он откидывается назад с широко раздвинутыми ногами. Небрежно, он расстегивает свой ремень, приподнимая брови.

- Я сказал тебе повернуться и посмотреть на меня, или я сказал тебе нагнуть свою маленькую задницу над столом?

Дыхание перехватывает в горле. Я стою и смотрю на него, когда его пальцы движутся к его молнии. Не хочу отворачиваться, потому что хочу посмотреть. Он собирается расстегнуть штаны. Я понимаю, что это значит, и я хочу увидеть его член.

Я никогда такого не видела.

Я нервная, возбужденная и полностью напуганная. Молча стою, и желаю того, чтобы он расстегнул штаны.

- Наклонись над столом, или пожалеешь, девочка, - приказывает он, его голос грозен.

- Я бы предпочла посмотреть на то, что вы делаете, - говорю я сдержанно. – Я могу... помочь вам.

Он смеется, при этом его глаза темнеют. Не могу сказать точно: он забавляется или сердится. Я испытываю шок, когда он расстегивает молнию и опускает руку прямо в штаны.

Мое дыхание учащается. Его рука находится у него в брюках, и он держит свой член. Однако он не вытаскивает его. Не показывает его мне.

Разве он не знает, насколько я хочу этого? Он вообще понимает, как сильно я хочу попробовать его?

Я хнычу. В отчаянии от того, что не могу помочь.

Уголок его рта дергается.

- Ты ведь раньше никогда не видела член, верно, девочка?

Я качаю головой.

- Нет, - шепчу я.

Он выглядит самодовольно. Это даже бесит, насколько он выглядит самодовольным, пока сидит там, положив руку на переднюю часть брюк, и

глядя на меня, как на свою маленькую игрушку; как на кого-то, с кем он может поиграть. То, как он возбуждает меня, при этом сохраняя контроль, особенно бесит. Я хочу накричать на него за то, с какой легкостью он контролирует себя и не касается меня, в то время как все, чего хочу я – это оседлать его колени.

Хочу опуститься на его член и позволить ему пронзить меня, позволить ему забрать мою девственность и сделать меня женщиной. Я хочу почувствовать, как он вонзается в меня, подводя меня к краю. Хочу почувствовать, как он выходит из меня и вновь наполняет.

- Ты не увидишь его прямо сейчас, - говорит он, его глаза мерцают, пока я тихо стону. – К сожалению, только хорошие девочки могут смотреть на члены своих преподавателей. Но ты не хорошая девочка, да, Пьюрити?

- Не знаю, - шепчу я, добавляя, - сэр.

- Могу сказать, что это не так. Ты носишь короткую юбку, и делаешь член своего преподавателя твердым. Заставляешь своего преподавателя думать о том, как бы нагнуть тебя и трахнуть посреди класса, в момент, когда он должен преподавать. Все парни класса хотят тебя. Ничего из того, как ведут себя хорошие девочки, верно?

Он не ждет моего ответа.

- Все это требует наказания, не так ли?

- Все зависит от того, каким будет наказание, - отвечаю я. – Сэр.

- Непослушные девочки не могут выбирать свое наказание, - говорит он, указывая на стол за мной. – Плохие девочки нагибаются над столом и пишут на листе бумаги пятьдесят раз: «Я больше никогда не буду возбуждать своего преподавателя посреди класса». Именно такое наказание существует для плохих девочек, которым нужно поучиться дисциплине.

- Во мне достаточно дисциплины.

- *Повернись*, Мисс Тейлор, - говорит он, его голос жесткий. – Повернись и наклонись к столу. Выстави свою попку так, чтобы я мог смотреть за тем, как ты пишешь. Смотри на бумагу и следи, чтобы твой почерк был аккуратным.

Да кем он себя возомнил, приказывая мне развернуться?

На мгновение, я смотрю в сторону двери, пока мое сердце гулко бьется в груди. Проблема в том, что скорость моего сердцебиения – ничто по сравнению с той, требующей внимания, пульсацией между ног. Так что я уступаю.

Медленно разворачиваюсь, я наклоняюсь над столом, одной ладонью держась за поверхность стола.

Беру ручку в другую руку. Моя рука дрожит, и я не уверена, от чего

больше – от того что возбуждена или из-за того, что нервничаю.

Я больше не скромничаю. Наклоняюсь так, чтобы мистеру Гейбу представился полный обзор на мои трусики. Глубоко взыхая, я выгибаю спину, выпячиваю свою попку и выпрямляю ноги так, чтобы было видно как можно больше.

- Не вижу, чтобы твоя рука двигалась, девочка. Напоминаю: «*Я больше никогда не буду возбуждать своего преподавателя посреди класса*», - повторяет он.

Касаясь ручкой бумаги, я одновременно ощущаю себя невероятно глупо и ужасно возбужденно, пока медленно и методично вывожу фразу.

И следи за тем, чтобы твой почерк был аккуратным.

Мои соски напрягаются под лифчиком, и я так возбуждена, что готова отодвинуть пальцами чашку своего бюстгальтера, чтобы прикоснуться к себе. Но я не делаю этого, поскольку не знаю, что сделает мистер Гейб, если я вновь ослушаюсь его. Он положит меня на свои колени? Или, что хуже, он не прикоснется ко мне?

- Что будет, если мой преподаватель снова возбудится из-за меня? – спрашиваю я невинным голосом.

- Все еще такая пошлая, мисс Тейлор, - говорит он. – Тебе нужно поучиться хорошим манерам. Дерзость может далеко завести тебя в жизни. Теперь положи ручку.

Интересно, что он скажет мне делать дальше; и почему я выполняю все так, как он говорит.

- Да, сэр.

- Подними заднюю часть своей юбки до талии и покажи мне свои трусики, - приказывает он.

Я делаю так, как он говорит. И понимаю по его рычанию: он одобряет то, что видит.

- Сидя в кресле, там, в классе, и положив ногу на ногу, ты притягивала мой взгляд прямо к своей юбке. Ты знаешь об этом?

- Нет, сэр.

Мне ужасно неловко. Если он обратил внимание на мою юбку, это значит, что все остальные тоже?

- Я не думала, что вы вообще смотрели.

- То есть ты не пыталась показать мне свои маленькие влажные трусики? – спрашивает он, продолжая, прежде чем я успеваю что-либо ответить. – Ты мокрая, не так ли, девочка?

- Эм... - я на мгновение колеблюсь, а мое сердце гулко стучит. Ответом будет однозначное да. Но я не поэтому останавливаюсь. Я

сомневаюсь, потому что вопрос застает меня врасплох. Никто, кроме него, не говорил мне таких пошлых вещей.

- Раздвинь ноги, - приказывает он. – Оставаясь в том же положении, просто раздвинь ноги. Хочу посмотреть, мокрая ли ты. Мне *нужно проверить*, мокрая ли ты.

Я не могу дышать, пока отставляю одну ногу в сторону, прогибаясь еще сильнее, чтобы предоставить ему лучший вид на свою киску.

- Что ж, мисс Тейлор. Ты не послушная маленькая штучка, не так ли? – спрашивает он. – Твои трусики насквозь мокрые. Я отсюда вижу мокрое пятно. Скажи, привыкла ли ты ходить все время в мокрых трусиках?

- Нет, сэр, - шепчу я. – Только когда...

- Громче, мисс Тейлор, - перебивает он. – Только когда что?

- Только когда они влажные из-за вас.

Кажется, я снова слышу его рычание.

- Станут ли они мокрыми после того, как ты узнаешь, что я делаю прямо сейчас?

Я закусываю губу.

- Не знаю. Я не знаю, что вы делаете.

- Спроси же меня. Мисс Тейлор.

- Что вы делаете?

- Я смотрю на мокрое местечко по посреди этих белых хлопковых трусиков, и вожу своей рукой вверх и вниз по своему жесткому члену. Мой член очень жесткий из-за тебя, мисс Тейлор.

Я издаю тихий стон.

- Могу ли я... могу я посмотреть на это?

- Хм. Нет, не думаю. Не сегодня. Видишь ли, тебе придется усвоить урок, прежде чем ты сможешь посмотреть на это, а я не думаю, что ты уже усвоила свой урок, верно?

Кажется, я действительно не до конца усвоила урок. Я хочу найти больше его кнопок, нажать на них и посмотреть на его реакцию. Мне интересно, какие еще формы наказания я могу получить за невыполнение уроков.

Интересно, они включают в себя его руки на моей попке?

Интересно, смогу ли я разозлить его так, чтобы он использовал свой член?

- Нет, сэр, - отвечаю я. – Я была очень плохой девочкой.

- Да, это так, - соглашается он. – Плохие девочки, которые показывают свои трусики своим профессорам, остаются без них. Сними свои трусики и кинь их на пол позади себя.

- Желаете, чтобы я отдала вам свои трусики?

- Это допрос, мисс Тейлор? – спрашивает он. – Возьми свои трусики и сними их. Затем нагнись над столом так, чтобы я мог видеть твою голую киску.

Ох, хорошо.

Я подцепляю края трусиков и тяну их вниз по заднице и бедрам. Когда я отпускаю их, они падают на пол вокруг моих лодыжек, и я не оглядываясь, отбрасываю их от себя. Когда мистер Гейб поднимает их, его рукав задевает мою левую ногу. Жар от его прикосновений расходится по мне, и так как он наклонился, я чувствую тепло его дыхания задней частью своих ног. Он так близко, что если подвинется ко мне еще чуть-чуть, его губы окажутся между моих ног.

Мои глаза практически закатываются при мысли о его губах между моих ног.

Но он не пододвигается. Вместо этого он отступает от меня, забирая с собой мои трусики.

- Я оставлю это себе, - решает он. – Продолжайте писать, мисс Тейлор.

- Вы не можете просто забрать их, - протестую я, пока вывожу на бумаге «...не буду возбуждать своего преподавателя посреди класса». С каждым написанным словом я все острее ощущаю пульсацию между ног. – Я не смогу выйти отсюда, не надев ничего под юбку.

- Именно это ты и сделаешь, - говорит он хрипло. – Хочешь и дальше соблазнять меня мельканием своего нижнего белья во время занятий? Тогда ты можешь отдавать их мне, зная, что они в моем распоряжении.

- Может быть, мне стоит просто не надевать ничего под юбку в следующий раз, - дерзко отвечаю я.

- Ты гораздо более болтлива и менее уступчива, чем я думал, - отмечает он. – Очевидно, тебе нужно больше дисциплины.

Мое сердце замирает.

- Может, вам стоит дисциплинировать меня.

Он игнорирует мой комментарий.

- Раздвинь для меня ноги. Я не вижу эту мокрую киску так хорошо, как хотелось бы.

Я делаю именно то, что он просит, расставляя ноги так широко, как только могу, чтобы предоставить ему идеальный обзор. Я наклоняюсь до тех пор, пока мое лицо не касается стола, выпячивая назад свою задницу так, чтобы он мог все видеть. Он прав насчет того, что я не хорошая девочка. Хорошие девочки не наклоняются и не выставляют себя голышом

перед своим профессором.

Он прикасается к себе, пока смотрит на меня, распростертую и демонстрирующую себя ему. Это самое грязное, что я могла себе когда-либо представить. Это даже грязнее, чем заниматься сексом. Все это должно заставить меня стыдиться себя, но что странно, это лишь больше возбуждает меня.

Мистер Гейб издает низкий стон. Закрыв глаза, я позволяю своим фантазиям поглотить меня; я представляю, как он смотрит на меня, пока гладит себя. Интересно, насколько он большой и жесткий для меня.

Интересно, хочет ли он меня так же сильно, как и я его.

- Только взгляните на эту мокрую киску, - говорит он хриплым голосом. – Ты понимаешь, насколько ты мокрая? Я вижу блеск на твоих губках.

- Понимаю, - я почти задыхаюсь, произнося это слово.

- Я отсюда слышу твой запах, - рычит он. – Уверен, на вкус ты как мед.

Я хнычу при мысли о том, как он проводит своим языком между моих ног так же, как я и представляла это, лаская себя ночами.

- Может, вам стоит попробовать меня, - предлагаю я.

Я не могу поверить, что я сказала ему это.

Мистер Гейб снова рычит.

- Не искушай меня, Мисс Тейлор. Если ты продолжишь соблазнять меня, мне придется положить тебя к себе на колени, и отшлепать твою маленькую попку за то, что она искушает меня.

Стон, ускользающий с моих губ, звучит так громко, что удивляет меня.

Видимо, это тоже удивляет, поскольку он смеется.

- Это то, чего ты хочешь, Пьюрити? Ты хочешь, чтобы я перебросил тебя через свое колено, чтобы ты почувствовала, как я тверд из-за тебя? Хочешь почувствовать, как мой член прижимается к твоим упругим маленьким сиськам, трется о твой живот и касался киски, пока я буду шлепать тебя по этой непослушной, соблазнительной, идеальной миниатюрной заднице?

Моя киска так сильно пульсирует, что я не могу думать. Я так сильно хочу прикоснуться к себе, но я не должна делать этого перед ним. Правильно?

Мне не должно быть неловко от желания протянуть руку между ног и коснуться клитора, в тот момент, когда он, очевидно, трогает себя прямо сейчас. Кроме того, не похоже, чтобы моя киска сейчас была не голая и не

блестела из-за него.

Просто я никогда раньше не прикасалась к себе перед кем-либо. Никто никогда не видел меня такой – мокрой, возбужденной, готовой и ожидающей.

Я почти уверена, что если бы он подошел ко мне сзади и прижал свой член ко мне, я бы не стала возражать. Я бы его поприветствовала.

Кладя ручку на стол, я решаюсь. Он стонет позади меня, вместо того, чтобы что-либо сказать. Очевидно, он занят своим облегчением, так почему мне нельзя? Если я слегка прикоснусь к себе, я очень быстро кончу.

Но как только я скользжу пальцами к ногам, я слышу его голос.

- Трогаешь себя, Мисс Тейлор?

- О, Боже, да, - стону я. Он сильно разозлится. Он четко сказал мне не делать этого – и вот я делаю это, а мои пальцы находятся между моих ног. Но в свою защиту скажу – я сойду с ума, если не дотронусь до себя. Слечу с катушек, если не кончу.

- Разве я сказал тебе, что ты можешь потрогать свою киску, Пьюрити?

Я слышу, как он гладит себя, и я хочу, чтобы это моя рука была обернута вокруг члена вместо его собственной.

- Ты попросила разрешения потрогать эту маленькую мокрую пизду?

Это слово. Так запретно, я впервые слышу, как кто-то говорит так грубо в мою сторону. Это почти перебрасывает меня через край. Делает меня сильнее, потому что я не могу остановиться. Не хочу останавливаться. Я хочу, чтобы он вошел в меня, вставил свой член, пока я не закричу.

- Ты спросила разрешения? – повторяет он.

- Нет... Сэр. – Я задыхаюсь, говоря слово «Сэр», но не раскаиваюсь.

- Ты когда-нибудь трогала себя перед кем-нибудь?

Он уже спрашивал меня об этом.

- Нет, сэр. И вы знаете это.

Я выгибаю спину и поднимаю бедра выше, выставляя себя напоказ. Есть что-то в том, чтобы демонстрировать себя так, как я делаю это для него; это заставляет меня впервые почувствовать себя сексуальной, будто он наблюдает за мной лишь как за сексуальным объектом и никем более. Для девушки, которой никогда не разрешалось быть хоть чуточку сексуальной, это очень важно.

- Но ты думаешь, это уместно прикасаться к себе передо мной?

- Нет, сэр, - я задыхаюсь, зажимая свой клитор пальцами. – Это не... уместно... вообще. Но я ничего не могу поделать.

Мой голос звучит, как нытье.

- Ты когда-нибудь вставляла в себя пальцы, малышка?

- Никогда, - вздыхаю я. – Никогда этого не делала.

- Значит, ничего не было внутри этой тугой девственной киски? – голос мистера Гейба напряжен, и он слегка фыркает, гладя себя. В этот момент я почти поворачиваюсь. И хотя он приказал мне оставаться в том же положении, я отчаянно хочу видеть то, как он трогает свой член.

- Ничего, сэр, - шепчу я. Моя влага смазывает клитор, и пальцы кружат над маленьким комочком, пока я все сильнее и сильнее возбуждаюсь. Я хочу почувствовать что-то внутри себя. Хочу почувствовать внутри себя его член.

- Я не собирался трогать тебя, малышка, - стонет он. – Ты хотела соблазнить меня своей короткой юбкой и этими трусиками, но я не собирался к тебе прикасаться. Я хотел сидеть здесь, пока ты стояла бы там.

- А теперь?

- Перестань трогать себя, - рычит он. – Сейчас же. Убери пальцы подальше от своего клитора. Ты не кончишь, пока я не разрешу тебе сделать этого.

Мучительно делать то, что он велит мне, но я повинуюсь.

- Я собирался быть порядочным, - говорит он хриплым голос. – Собирался быть хорошим и держать свои руки подальше от тебя. Думал, что буду в безопасности здесь, вдали от тебя.

Он думал, что будет в безопасности? Это я девственница с отсутствием опыта, а он беспокоится о своей безопасности?

- И что теперь?

Я спрашиваю, ожидая в тишине комнаты.

- Теперь? – усмехается он. – Теперь все ставки отменены.

20

Габриэль

Все ставки отменены.

Я сказал это не просто так. Не просто так заявил, что собираюсь дотронуться руками до девушки.

Или губами.

Или своим членом внутри нее.

Наклониться, чтобы поднять ее трусики с пола, было ошибкой, одной из серии ошибок. Моя рука едва ли коснулась ее ноги, но я еле смог сдержать себя.

Я не должен этого делать.

Я заперт в своем кабинете с ней, распростертой над столом с выставленной голой киской. Я поглаживаю свой член, собираясь кончить, пока смотрю на нее.

Дочь Алана.

Младше меня на двадцать лет.

Едва ли совершеннолетняя.

Моя студентка.

Существует бесчисленное количество причин, по которым я не должен этого делать. Особенно с ней, среди всех остальных. Есть миллион причин, по которым я не должен к ней прикасаться.

Однако я нашел этому оправдание, сказав себе, что сидеть здесь в кресле и не прикасаться к ней – вполне нормально. Трогать себя – это приемлемо; в конце концов, я же не прикоснусь к ней.

Я должен был знать, что не смогу оторвать от нее руки. Должен был знать, что она окажется слишком соблазнительной, чтобы сопротивляться ей.

Пьюрити оборачивается, чтобы посмотреть на меня. Ее надутые губки слегка приоткрываются, формируя идеальную «О», пока ее глаза движутся от моего лица к моему члену. Ее рука летит к губам, пальцы прижимаются к ним, будто она пытается удержаться от комментариев.

Не хочу, чтобы она молчала. Я определенно хочу знать, что происходит в ее голове в данный момент.

Хочу знать, что она думает, когда смотрит на меня, сидящего здесь в кресле с расстегнутыми штанами и рукой, обернутой вокруг моего члена. Сперма практически сочится из кончика, член пульсирует в моей руке. Кажется, вся кровь из моего тела устремилась к члену, а не к мозгу.

Это единственное оправдание тому, что происходит в кабинете. Мой

IQ резко упал из-за этой проклятой клетчатой юбки, маленькой рубашки и... черт, этих трусииков, которые она сняла, потому что я велел ей сделать это.

И того, как она дышит, пока отвечает.

- Да, сэр.

Того, как она наклоняется над моим столом вместе со своей девственной киской и хнычет.

И того факта, что она прикасается к себе, пытаясь помочь себе даже тогда, когда я сказал ей не делать этого.

Пьюрити воспитывали хорошей девочкой, но она гораздо менее хорошая девочка, чем я ожидал. Под этой внешностью скрывается плохая девчонка. Просто ей нужен кто-то, кто выпустит ее. И я не должен быть этим человеком, но я не могу думать ни о чем другом.

- Что вы имеете в виду? – шепчет она. – Когда вы говорите, что все ставки отменены, что вы имеете в виду?

Я могу прекратить все это прямо сейчас. Могу застегнуть брюки с ремнем, а затем сказать ей, что ничего не может быть и ей следует уйти.

Если бы я был хорошим человеком, именно так я бы и поступил.

Но когда она с раскрасневшимися щечками смотрит на меня своими большими глазами, я понимаю, что попал, еще до того, как она что-либо произносит. Мой самоконтроль рушится. Мой член готов взорваться, мои шары тяжелые и болят, а эта девушка стоит передо мной в своем школьном наряде и спрашивает, что я имею в виду, когда говорю, что все ставки отменены.

Я покажу ей, что именно я имею в виду.

Я пододвигаюсь вперед в кресле, так, чтобы мой жесткий член был выставлен напоказ. Она никогда не видела такого. Это трудно представить в эпоху интернета, но ее отец огородил девушку от всего. Я должен чувствовать себя отвратительно от того, что собираюсь сделать с этой маленькой невинной девочкой, но я хочу ее слишком сильно, и мне трудно сопротивляться.

- Подойди сюда, Пьюрити, - приказываю я.

Она выполняет, робко подходя ко мне, с нервным выражением лица. Кроме ее глаз. Они сосредоточены на моем члене. Она облизывает губы, когда смотрит на него. Я даже не уверен, что она осознает, как делает это. Мой член дергается при мысли о том, что она хочет попробовать его.

- Я никогда... Ну, вы понимаете, никогда не делала ничего такого, - произносит она мягко.

Только не это гребаное дермо.

Я более чем осознаю этот факт. Я прекрасно понимаю, что у этой девушки нет опыта. Мне следовало бы делать все медленно, держать ее за руку и водить на свидания. А также сказать «Я люблю тебя», прежде чем нагнуть и трахнуть ее.

Но я не такой парень.

- Я предупреждал тебя не играть с огнем, - говорю я ей, - но тебе было просто необходимо взять и прикоснуться к себе, не так ли?

- Я... Я так... - она смотрит на меня раскаивающимся взглядом.

- Ты так возбуждена, - заканчиваю я за нее. – И никто не трогал эту мокрую киску, кроме тебя.

- Нет, сэр.

- Я собираюсь стать первым. Понимаешь? И я собираюсь быть единственным.

Я не знаю, почему говорю последнюю часть. Меня не должно волновать, буду ли я единственным. Но она все равно согласно кивает.

- Ты прикоснулась к себе до того, как я дал тебе разрешение. Плохие девочки, которые не могут контролировать себя, должны быть наказаны, верно?

Она отвечает лишь тем, что приказывает губу. Я хочу укусить ее.

- Боюсь, мне придется вынести приговор вам, мисс Тейлор.

Протягивая к ней руку, я тяну ее к себе на колени. Когда ее попка приземляется на мое бедро, она слегка взвизгивает.

- И каково мое наказание, сэр?

Ее голая киска прижимается к моим штанам, и тепло ощущается на моем бедре, когда она извивается, раздвигая ноги, чтобы оседлать меня. Она такая крошечная, что было бы очень легко положить руки на ее талию, приподнять ее и пододвинуть к себе на несколько дюймов ближе к моему члену. Она достаточно мокрая (я чувствую это через ткань моих брюк), чтобы так просто скользнуть в нее, даже при том, что она тугая маленькая девственница.

Но как бы мне ни хотелось трахнуть ее прямо сейчас, я не могу. Я не настолько животное.

По крайней мере, у меня еще осталось чувство ответственности.

Вместо этого я отрываю ее от своих коленей и переворачиваю на живот, плотно прижимая к себе. Ее бедро прижимается к основанию моего члена, и я завороженно смотрю, как с моего конца капает сперма, угрожая пролиться на ее кожу.

Я хочу увидеть свою сперму на всем ее теле. Я хочу рисовать ею на нем.

- Девочек, у которых отсутствует самообладание и которые не могут удержаться от прикосновений к себе перед своими преподавателями, шлепают, - говорю я ей строгим голосом.

Она пищит, поворачивая голову, чтобы посмотреть на меня.

- Ты... собираешься отшлепать меня?

Одной рукой я твердо сжимаю ее талию, крепко прижимая к себе, и, используя другую, задираю ее клетчатую юбку школьницы, обнажая голую попку. Я гладжу ладонью кремовую кожу, наблюдая за тем, как она вздрогивает от моих, ласкающих ее формы, прикосновений.

- О, я планирую сделать гораздо больше, чем просто отшлепать тебя.

Она всхлипывает, когда я прижимаю ладонь между ее бедрами, стараясь не задеть ее блестящую киску. Приподнимая руку, я с силой опускаю ее на задницу Пьюрити. Звук от шлепка, появляющийся, когда моя ладонь соединяется с ее плотью, почти заглушает низкий стон, который она издает.

Стон. Не хныканье, не визг и не оханье.

Невинная девственница, дочь проповедника, блядь, *стонет*.

Пьюрити приподнимает свою попку, шевелясь на моих коленях, словно умоляя о большем. И я даю ей это, резко опуская руку с другой стороны. Ее грудь подпрыгивает, пока я ударяю ее, лежащую на моих коленях. На секунду я чувствую вину, когда она хныкает, но это быстро проходит, когда она снова начинает извиваться.

- Сколько раз я должен шлепнуть вас, мисс Тейлор?

Я снова шлепаю ее по попке. Не знаю, почему порка с ней так хороша, но я не могу остановиться.

- Я... Я не знаю.

Шлепок.

- Почему бы мне не отшлепать тебя за каждую грязную мысль о тебе?

Шлепок.

- Сколько, - она задыхается, пока я ударяю ее снова, - сколько их было?

Шлепок.

- Чертовски много, чтобы сосчитать.

Мое сердце колотится, пока я гладжу ее по попке, успокаивая разгоряченную кожу. Ярко-красные следы от рук, мои отпечатки, горят на ее коже.

Я оставил свой след на ней.

Эта мысль должна ужасать. До сих пор я никогда прежде не чувствовал ничего такого ни с кем в своей жизни.

Собственничество и контроль – не те качества, к которым я когда-либо стремился, но теперь, кажется, они выплыли на поверхность, будто скрываясь до этого. Хуже того, прямо сейчас они направлены на нее – последнего человека, к которому я должен это чувствовать.

Я снова опускаю на нее руку, еще сильнее, словно наказывая ее за свое отношение к ней.

Шлепок.

Она стонет.

- Может, тебе стоит отшлепать меня за каждую мою грязную мысль о тебе?

- Сколько шлепков будет получено из-за этого, мисс Тейлор? – я останавливаюсь, убирая руку. При мысли о том, как она фантазирует о нас, лежа ночью в постели, с пальцами между ножек, из моего члена вытекает еще больше спермы.

- Слишком много, чтобы сосчитать, - шепчет она.

Шлепок.

- Плохая девочка.

Моя рука ласкает ее ярко-красную половинку попки.

- Я жду, пока ты расскажешь все свои грязные фантазии обо мне, которые у тебя были. Ты поняла?

- Что, если они... *действительно* очень плохие? – заикается она.

Я мог бы прямо сейчас кончить от той мысли, что у этой хорошей малышки были очень, очень грязные фантазии обо мне. Вместо этого я скользжу рукой по ее ногам, готовый поощрить ее за это. Прижимаясь кончиками пальцев к ее клитору, я наслаждаюсь, когда она, вздыхая, выпускает длинный стон.

- Если они действительно такие плохие, разве это не еще одна причина для того, чтобы рассказать мне?

- Никто не трогал меня раньше, - шепчет она.

- Мне остановиться? – я делаю паузу, мои пальцы прижаты к ней. Я знаю, она не хочет, чтобы я останавливался, но мне нравится дразнить малышку. Она шевелится на моих коленях, ее бедра отодвигаются назад, а ее задница двигается вверх и вниз, пока она пытается ерзать напротив моих пальцев, чтобы получить удовольствие.

- *Пожалуйста*, - всхлипывает она.

- Желает ли маленькая девственница остаться чистой и невинной, или она хотела бы, чтобы в первый раз кто-то другой заставил ее кончить?

Она скулит, раскачивая бедрами на мне, касаясь своей задницей моих пальцев.

- Я хочу кончить.

Когда я отвечаю, мой голос резок.

- Я не собирался прикасаться к тебе сегодня, Пьюрити. Я собирался быть хорошим. Проблема в том, что ты заставляешь меня быть очень плохим человеком.

- Я тоже хочу быть плохой, - всхлипывает она. Я зажимаю ее клитор между пальцами, и она стонет, трахая мою руку, когда начинает терять контроль. Сперма капает с моего члена, оставляя следы на ее рубашке. Я в реальной опасности от того, чтобы кончить из-за этой девушки без единого прикосновения.

Это просто смешно.

Я теряю рассудок из-за нее.

Я стону, пока снова и снова вывожу круги на ее клиторе своими пальцами.

- Твой клитор такой мокрый и набухший. Бьюсь об заклад, твоя тугая киска такая же мокрая и опухшая, верно? Уверен, ты умираешь от желания почувствовать мои пальцы внутри себя, я прав?

Она громче стонет.

- Да, сэр.

- Ну, тебе нужно быть хорошей девочкой, если ты хочешь, чтобы я трахнул тебя пальцами. Только хорошие девочки могут кончать на пальцы своим преподавателям.

- Я буду хорошей, - молит она. Ее всхлипывания учащаются.

- Обещаешь? Быть хорошей – значит то, что единственным, кто будет заставлять тебя кончать, буду я. Ты кончишь из-за моих пальцев, моего языка и моего члена. Ничьих других, даже твоих собственных. Ты не прикоснешься к себе. Это только для меня.

- Да, да, да!

Она сильнее трется о мою руку. С моей стороны это действительно несправедливо – заставить ее пообещать мне такие вещи. Она так отчаянно хочет кончить, что обещает мне весь мир.

- О, боже, да. Я не могу дышать.

- Тогда мне следует остановиться, - дразню ее, останавливаясь. – Не хотелось бы, чтобы ты задохнулась.

- Нет, нет, - умоляет она. – Пожалуйста, не останавливайся. Не останавливайся.

- Ну, не знаю.

Я притворяюсь, что раздумываю над этим, пока она непокорно извивается на мне, все еще пытаясь использовать меня, чтобы кончить

самой, хотя я и сказал ей, что только я решаю, когда она может испытать оргазм.

Она все еще пытается контролировать ситуацию.

Мне нравится, что она уступчива лишь с виду.

- Пожалуйста, мистер Гейб, - умоляет она.

- Расскажи мне о тех грязных вещах, которым ты хотела бы, чтобы я научил тебя, - рычу я. Мой член близок к тому, чтобы взорваться. – Расскажи мне, чему ты хочешь научиться у меня, и я дам тебе кончить.

- Эм... - колеблется она. Я даже не уверен, что она достаточно знает о сексе, чтобы понимать, чего она вообще желает, но я хочу услышать, как она попытается рассказать мне об этом.

Хочу услышать, как она озвучивает ранее запрещенные мысли.

- Я жду, мисс Тейлор, - напоминаю ей.

- Я хочу научиться... *ну, ты знаешь*, - скучит она, потираясь бедрами об меня. Кладя руку на ее нижнюю часть спины, я крепко прижимаю ее, чтобы она не двигалась ни на дюйм.

- *Не знаю*, Пьюрити, - говорю я. – Скажи мне, чего ты хочешь.

- Я хочу узнать... узнать, как прикасаться к мужчине.

Я чувствую низкий гул в горле.

- Ты должна быть более конкретной, малышка, - рычу я. – Ты хочешь, чтобы я научил тебя, как обернуть свою ручку вокруг моего члена и подроцить мне? Хочешь, чтобы я кончил в твоей руке?

Она резко вздыхает.

- Да.

- Что еще?

- Хочу узнать, как использовать мой... как доставить тебе удовольствие моим ртом.

Я не могу сдержать свой громкий рык на этот раз. Мысль о том, как эта девушка берет меня в рот, заставляет захотеть трахнуть ее не раздумывая ни секунды о последствиях.

Вместо этого я начинаю кружить кончиками пальцев над ее клитором, вознаграждая за честность.

- Хочешь, чтобы я научил тебя, как сосать мужской член, Пьюрити?

- Да.

- Скажи мне, что бы ты сделала, если бы я позволил тебе.

- Я бы... О, боже, - стонет она, двигаясь на мне. – Я бы обхватила губами твой... твой член... дотронулась бы языком до него, и попробовала твою...

Ее голос затихает.

- Скажи это, Пьюрити, - приказываю я, пока моя пальцы двигаются вокруг ее клитора все быстрее и быстрее. Ее бедра ерзают в нарастающем ритме. Она не знает, как комично она выглядит прямо сейчас, трахая мою руку, перекинутая через мои колени с раздвинутыми ногами и задранной юбкой, выставляющей ее голую попку. Она выглядит растрепано и глупо, но при этом она самая сексуальная штучка, которую я когда-либо видел.

- Что бы ты попробовала?

Я так чертовски близок к тому, чтобы кончить, что не могу нормально мыслить.

- Я хочу попробовать... твою... о, боже... твою сперму.

Затем это случается. Все ее тело бьется в конвульсиях, и она начинает кричать. Я тяну ее за волосы своей свободной рукой, дергаю ее голову назад и рычу, говоря замолчать, прежде чем все английское отделение услышит ее. Она не останавливается, поэтому я зажимаю своей ладонью ее рот, чтобы заставить замолчать, и она стонет в мою руку.

Я смотрю на Пьюрити, полностью загипнотизированный при виде ее, содрогающейся на моих коленях, стонущей в мою руку с плотно закрытыми глазами.

Я не позволю ей успокоиться. Я не могу больше ждать. Яшел слишком далеко, чтобы думать сейчас о том, что должен вести себя с ней как джентльмен. Если бы я был джентльменом, я бы позаботился о ней и позволил оправиться после оргазма.

Но я не такой.

Все ее тело дрожит и, когда я поднимаю Пьюрити со своих колен в стоячее положение, она еле держится на ногах.

- Встань, Пьюрити, - приказываю я низким голосом. – Ногами по обе стороны от меня. Ее ноги трясутся, и она неустойчива, поэтому я беру ее за руки и кладу их себе на плечи, а затем двигаю ее ножки так, чтобы она встала надо мной, чтобы оседлать.

Она слишком потрясена своим оргазмом, чтобы возражать против чего-либо, что я говорю ей сделать. Она без сомнений садится на меня, точно так, как я ей говорю. Она как послушная куколка.

Моя маленькая куколка.

Я приподнимаю переднюю часть ее юбки, чтобы обнажить сверкающую влагой киску. Мой рот наполняется слюной при мысли о том, какая она на вкус, но я воздерживаюсь от этой затеи.

- Подними юбку, куколка, - говорю я. – Хочу видеть эту киску.

- Что ты собираешься делать? – она тихо спрашивает. Но ее рука направляется к юбке, и она задирает ее для меня.

Она знает, что я собираюсь сделать. Пьюрити стоит здесь, с ногами, расставленными по обе стороны от меня, и смотрит вниз, прекрасно зная, что я собираюсь сделать. Я быстрыми движениями поглаживаю свой член, целясь прямо между ее ног.

Направляю его на ее голую невинную киску.

- Я собираюсь кончить на твою девственную киску, - стону я. – Ты впервые почувствуешь сперму на своей девочке, а затем пойдешь домой, зная, что заставила кончить меня на себя. Моя сперма – единственная сперма, которую ты когда-либо почувствуешь между своих ног.

Не уверен, почему я добавляю последнюю часть предложения.

- Да, сэр, - вздыхает она.

Это «сэр» перебрасывает меня через край, заставляя взорваться по всей ее киске, как я и обещал. Я задыхаюсь, и мой пульс так сильно колотится в ушах, что сначала мне кажется, будто стучащий звук, который я слышу, находится внутри моей головы.

А затем Пьюрити смотрит на меня с паникой на лице своими большими глазами.

- Кто-то стучится в дверь.

- А? – я держу свой член, сперма забрызгала мне руку. Пьюрити окружает меня своими растрепанными волосами, яркими глазами и отсутствием трусиков. В моем кабинете пахнетексом.

Можно с полной уверенностью сказать, что мы в полной заднице, если сейчас кто-нибудь застукает нас.

Она молниеносно вскакивает с моих коленей, хватает трусики с пола и бросает их через всю комнату за мой стол. Если бы я не спешил засунуть свой член в брюки, это было бы смешно.

Но в данный момент это совсем не шутка.

Я кладу руку на дверь, задерживаясь, так как Пьюрити кидает на меня пронзительный взгляд, умоляя.

- Подожди секунду! – она поправляет свою юбку.

Когда я открываю дверь. Пьюрити сидит в кресле, в котором пять минут назад она стонала на моих коленях, с задранной до талии юбкой и голой попкой. Сейчас у нее скрещены ноги, а на коленях лежат блокнот с ручкой – само целомудрие.

- Знаю, вы сказали не беспокоить вас, профессор Райан, но я забыла, что вы должны подписать открытку на день рождения профессора Гилберт. Мы отнесем ей подарок, который... Ох, прошу прощения. – Джина, все более раздражающая и надоедливая ассистентка английского отделения, смотрит на Пьюрити. – Я не знала, что у вас встреча со студенткой.

- Все в порядке, - Пьюрити, прижимая блокнот к груди, поднимается, прежде чем я могу остановить ее. – На самом деле мы уже закончили. Спасибо за помощь в выполнении задания, мистер Райан. Мне стало гораздо понятнее, что я должна сделать, чтобы улучшить свою работу.

Я скрываю улыбку.

Честно говоря, я слегка ошеломлен (и впечатлен) спокойствием и небрежным поведением Пьюрити. Дочь проповедника была отшлепана и впервые получила оргазм не от своих рук. Кажется, что она должна быть более несобранной, чем сейчас, особенно учитывая то, что обычно эта девушка краснеет по любому поводу.

Но она лишь слегка кивает мне, пока проходит мимо Джини, вручающей мне открытку, которую нужно подписать на день рождения, будто здесь вообще не произошло ничего необычного.

- Увидимся в понедельник, профессор Райан, - говорит Пьюрити. Затем она исчезает в коридоре.

- Увидимся, мисс Тейлор.

Что еще страннее, чем то, каким образом Пьюрити ушла из кабинета, так это тот факт, что я все выходные не могу перестать думать о девушке.

А также я пишу.

Пишу, пишу, и пишу, и пишу. И впервые за год, с того момента, когда я свалился с гриппом и буквально не мог встать с кровати, я пропускаю бранч (*п.п. бранч – второй завтрак*). Я притворяюсь больным и вру своему брату. Когда Анджело выхватывает телефон и настаивает на том, чтобы приехать с домашним куриным супом ко мне домой, я вру второй раз, решительно настаивая на том, что не хочу заразить ни одного из них своими микробами.

Думаю, Нейт не поверил, но он ничего не сказал.

Я буду обвинять писательство в своем дурацком поведении, когда снова увижу с ними. Но если бы я пошел на бранч, Нейт захотел бы разузнать обо всем, что я пишу. Он взглянул бы на мое лицо и сразу понял, что это не имеет ничего общего с писательством.

Но он не должен узнать о том, что произошло со мной и Пьюрити. Никто не должен.

21

Пьюрити

По пути в мою комнату в общежитии, я чувствую себя так, словно плыву в облаках; моя голова кружится на протяжении всей дороги. Не знаю почему, но я не могу стереть эту глупую улыбку со своего лица. Не то чтобы это был мой первый оргазм. В конце концов, я прикасалась к себе и раньше. Я даже кончала, думая о мистере Гейбе. Так что я не знаю, почему сияю, чувствуя себя легкой, как перышко лишь потому, что испытала оргазм от рук мистера Гейба.

Если я так чувствую себя, когда кто-то доставляет мне удовольствие, даже не вставляя в меня пальцы, то я не представляю, что будет во время секса. Думаю, моя голова, скорее всего, взорвется.

Одной из причин, почему я не часто мастурбировала, является то, что я не ощущала такого желания, которое я чувствую с тех пор, как мистер Гейб вернулся в мою жизнь. Мой отец вечно кричал о сексе в рекламе и СМИ, о том, что соблазн прямо-таки суют нам в лица каждый раз, когда мы обращаем внимание на телевизор, но я никогда не замечала этого ранее. До мистера Гейба я не знала соблазна, не более чем несколько раз я чувствовала покалывание между ног и прикасалась к себе ночью, чтобы утолить желание.

Но сейчас...

Я начинаю понимать значение слова «искушение». Своей кожей я все еще чувствую прикосновения мистера Гейба. Мой зад все еще пульсирует там, где он отшлепал меня. Я иду по кампусу с его липкой спермой между ног.

Мне следует чувствовать себя грязной.

Ведь меня учили, что секс до свадьбы – это неправильно. Меня учили, что я не должна даже за руки держаться с мальчиком, пока не выйду за него замуж, не говоря уже о том... что мы сделали с мистером Гейбом.

Я должна чувствовать себя грязной после того, как нагнулась над его столом. Должна чувствовать себя использованной после того, как лежала на его коленях, позволяя ему шлепать себя и скользить пальцами между моих ног. Должна чувствовать себя оскверненной после того, как он, гладя свой член, кончил на меня.

Только вот это не так.

Я совершенно не чувствую себя грязной. Вместе этого, я чувствую себя так, словно у меня есть сладкий маленький секрет, о котором больше никто не знает. Чувствую, что стала взрослой, будто прошла обряд

посвящения.

Я парю по воздуху.

По крайней мере, до звонка мобильного телефона.

- Это уже третий раз, когда мой звонок чуть ли не отправляется на голосовую почту, - мой отец отчитывает меня, до того как поздороваться.

- Всю неделю я была на занятиях.

Его голос – эквивалент булавки, прокалывающей воздушный шарик. Мое хорошее настроение мгновенно сдувается. Я напоминаю себе, что все могло бы быть хуже; по крайней мере, он не проявил инициативу и не прикатил сюда, чтобы проводить меня.

Это подсознательный поток страха, который бежит на заднем плане у всего, что я делаю. Я постоянно боюсь того, что он решит проверить меня.

Я даже не хочу думать о том, что бы он сделал, увидев меня в одежде, которая сейчас на мне, или если бы он узнал о том, что я делала с мистером Гейбом.

- Ты ходила в церковь? – резко спрашивает он.

Тебе тоже привет, папа. У меня все хорошо, занятия в колледже сложные, но я многому учусь. Спасибо, что спросил.

- У меня еще не было времени найти церковь.

Это моя жалкая попытка противостоять ему. Что я действительно хочу сказать ему, так это то, что я вообще не хочу следовать этим его церковным «предложениям». Но я не делаю даже маленькой попытки постоять за себя.

- Я звонил в одну из церквей из того списка, что дал тебе, и предупредил пастора, чтобы он ожидал тебя в воскресенье.

Я сердусь на него за его наглость и его, даже издалека, настойчивый контроль.

- Ты можешь просто сказать мне, где...

- Не желаю ничего слышать, Пьюрити, – орет он. – Ты будешь там в воскресенье. Я напишу тебе адрес церкви; надеюсь, что ты найдешь там друзей. Подходящих друзей, а не твою соседку по комнате.

- На самом деле, она хорошая...

- Достаточно, – обрывает он. – Мне нужно идти.

На заднем плане я слышу знакомый голос.

- Это Джастин? – мой желудок тут же скручивает в узлы. Зачем ему видеться с Джастином? Если он пытается заключить какое-то соглашение между мной и Джастином, или отправит Джастина сюда, чтобы тот навестил меня – это будет даже хуже, чем моя фальшивая помолвка с этим мужчиной.

- Конечно, нет.

- Я слышу его голос.

Зачем он отрицает это, если он ничего не планирует? Меня сейчас вырвет.

- Почему Джастин там, пока ты говоришь со мной о...

Мой отец снова перебивает меня.

- Это церковный бизнес. Позаботься о том, чтобы быть там в воскресенье. Я напишу тебе адрес церкви.

Он вешает трубку.

Трудно представить, что всего несколько минут назад я чувствовала себя хорошо, потому что сейчас я определенно себя так не чувствую. На самом деле, мне плохо. Я открываю дверь в комнату.

Мысленно я ругаю себя за то, что не постояла за себя перед отцом. Как так получилось, что я могу наклониться над столом мистера Гейба, и, даже не вздрогнув, снять с себя трусики, но не могу послать своего отца в ад? Почему я не могу придумать, как сказать ему, что я не хочу ходить в церковь, которую он выбрал для меня, что не буду носить ту одежду, которую он хочет видеть на мне, и что я точно не выйду замуж за мужчину, за которого, как он решил, я должна выйти?

Я могу надеть юбку для мистера Гейба, но я не могу сказать отцу, что я взрослый человек, который не нуждается в его участии в моей жизни.

Какая ирония.

- Как дела, Пьюрити? – Джезибель, мама Луны, плавно двигается ко мне в облаке пачули и ладана. На ней полуопрозрачная туника с маленькими оранжевыми кисточками на рукавах и подоле, которая струится по ней, пока она идет, и которая сочетается с ярко-оранжевой юбкой до пола. Она не дает мне возможности ответить, заключая мое лицо в свои руки, чтобы оценить меня. Она тут же хмурится.

- Так плохо, дорогая? Твое лицо пепельного цвета. И ты не захочешь узнать, как выглядит твоя аура.

Подталкивая меня к кровати Луны, она жестикулирует ей, чтобы та переложила кучу книг.

- Мам, оставь Пьюрити в покое, - ругается Луна. – Серьезно, она не бродячая кошка, которую ты подобрала на улице. Извини меня за мою мать, Пьюрити. Я приношу свои бесконечные извинения.

На самом деле, Луне не за что извиняться. Джезибель чудноватая, но она действительно очень приятная. Я не говорю им, как невероятно классно, когда о них кто-то заботится, или, когда Джезибель обнимает и притягивает меня к себе, как приятно, когда тебя обнимает такая мама, как

у Луны. Когда ты растешь без матери, такая добрая мама, как Джезибел – это сплошное удовольствие.

- Все в порядке, - уверяю я. Слишком крутая Луна до сих пор выглядит ужасно смущенной своей матерью. Я не могу не хихикнуть, видя дискомфорт Луны; на мгновение это помогает мне забыть о разговоре с отцом.

Луна не знает, как ей повезло. Ее мать настолько противоположна моему отцу, насколько это вообще возможно.

- Милая, расскажи мне все, - настаивает мама Луны.

- Я в порядке, правда, - отвечаю я. – Как поживаешь, Джез?

- У меня все по-старому, - говорит она, отпуская мои плечи и поворачиваясь лицом ко мне. Взяв мои руки в свои, она смотрит мне в глаза. – Но я приехала сюда, чтобы узнать о том, чем вы, девочки, занимаетесь, а ты тут расстроена, Пьюрити.

- Границы, мам, - предупреждает Луна. – Помнишь, о чем говорил семейный терапевт? Границы и уместность?

- О,тише, - говорит Джез. – Мои границы совершенно уместны.

Луна фыркает.

- Не стесняйся сказать ей, что она нарушает твоё личное пространство, Пьюрити.

Джез игнорирует свою дочь.

- Почему ты расстроена? – спрашивает она меня.

- Это не очень важно, - говорю я ей, закатывая глаза. – Мне только что звонил отец.

Джез морщит нос, словно она учゅяла плохой запах.

- У него черная аура, - заявляет она, покачивая головой.

Не знаю, что это означает, но то, как она произносит это, звучит как что-то очень плохое.

Я громко вздыхаю.

- Думаю, он хочет, чтобы я придерживалась тех же ценностей, что и он. И дело в том, что он никогда не спрашивал меня, чего желаю я.

- Подруга, это должно быть, ужасно – иметь родителя, который ни во что не ставит твоё мнение, - презрительно говорит Луна.

- Ты помнишь, что сказал семейный терапевт о пассивно-агрессивных высказываниях, Луна Мун? – спрашивает Джез.

Я пытаюсь подавить смех из-за насмешки Джез.

- Мой комментарий вряд ли был пассивным, - говорит Луна, бросая на мать многозначительный взгляд, прежде чем посмотреть на меня.

- Я умираю с голода, и моя мама хотела пригласить нас в кафе,

Пьюрити. Куда ты хотела бы пойти? Мам, тебе понравится та маленькая пиццерия, в которую мы ходили с Пьюрити...

- Нет! – говорю я громче, чем собиралась. – То есть, эм, как насчет того веганского ресторана, в который вы до этого ходили? Разве ты не говорила, что там круто?

Джез снова морщит нос, а Луна издает рвотный звук.

- На самом деле он был ужасным, - отвечает Луна. – Полное разочарование.

Ее мать кивает.

- Катастрофа, - соглашается она. – Пицца действительно звучит хорошо.

Последнее, чего я хочу, так это столкнуться с мистером Гейбом где-нибудь на публике, после того, как покинула его кабинет. Не похоже, чтобы между нами могло произойти что-нибудь серьезное, несмотря на то, что ассистентка английского отдела прервала нас. Он может сожалеть о случившемся: в конце концов, он профессор, а я студентка. Занятие со мной такими вещами может стоить ему работы. Если бы я столкнулась с ним в пиццерии вместе с Луной и ее мамой, я уверена, что Джез смогла бы определить, что именно произошло между нами, просто взглянув на выражение моего лица. Все-таки, мать Луны умеет считывать мою ауру.

- О, сладкая, ты снова выглядишь слабой, - говорит Джез. – Ты в порядке? Может, пицца – плохая идея? У тебя месячные? Это может быть анемия. Тебе, скорее всего, нужно больше железа в твоем рационе. Как на счет стейка, Луна?

- Я думала, что вы веганки, - говорю я.

- Потому что мы ходили в веганский ресторан? – спрашивает Джез, покачивая головой и смеясь. – Или из-за всего этого хиппи-стиля?

- Эм... из-за того и другого.

- О нет, дорогая, - говорит она. – Я родилась и выросла в Техасе. Я не могу не любить хороший стейк. Так ты не против, Пьюрити?

- Я люблю стейки, - признаюсь я.

Мне гораздо более комфортно в стейк-хаусе, чем в пиццерии, в которой существует огромная вероятность столкнуться с мистером Гейбом. Точнее, до того, как я кладу кусочек стейка в рот, и Джез спрашивает меня и Луну.

- Так те презервативы, которые я оставила вам, хороши в использовании?

Кусок стейка застревает прямо посреди моего горла, и я начинаю задыхаться. В общем, похоже, вопрос про презервативы, будет последним,

что я услышу, прежде чем задохнусь.

Я стараюсь прокашляться, лихорадочно жестикулируя в воздухе, указывая на горло, в то время как мои глаза, кажется, вылезают из моей головы.

- Черт побери! Мама, она задыхается! Она задыхается! – Луна кидается ко мне, обхватывает меня под грудной клеткой и выполняет прием Геймлиха прямо за столом. Кусочек стейка попадает прямо в середину тарелки с картофельным пюре.

Луна спокойно идет обратно и садится рядом с матерью, пока я пытаюсь отдохнуться. Официант бросается ко мне, спрашивает, все ли со мной в порядке, но я более смущена, чем что-либо другое. Все в ресторане пялятся на нас, а мои щеки горят от сочетания унижения и адреналина. Поднимая руку, я заявляю.

- Я в порядке! – достаточно громко, чтобы несколько столов, стоящих рядом с нами, услышали это, прежде чем откинуться назад и захотеть исчезнуть из этого места.

- Ничто не сравниться с этим публичным унижением, – бормочу я.

Джез фыркает, прикрывая своей рукой рот, а Луна в ужасе смотрит на свою мать.

- Мама, ты смеешься? Она могла умереть!

- Извини, Пьюрити, – говорит Джез, хихикая. – Иногда я смеюсь над неподходящими вещами, можешь спросить Луну, она расскажет тебе. Не думала, что вопрос о презервативах приведет Пьюрити к тому, чтобы попробовать поиграть со смертью.

- Смерть от презервативов, – наотрез говорю я. – Вполне подходящий способ кончить для дочери проповедника.

Джез смеется еще громче.

22

Габриэль

Я писал все выходные. Что бы это ни было тогда с Пьюрити, это подпитывает мое творчество, как никогда раньше. Я сексуально неудовлетворенный мальчик-подросток, возбужденный, мысленно переживающий то, что произошло в моем кабинете снова и снова.

Думаю, именно это стимулирует мое творчество. Думаю, это она подпитывает мое писательство.

Или моя одержимость.

Когда в понедельник утром Пьюрити заходит в аудиторию, я осознаю, насколько зацикленным становлюсь на этой девушке. Она влетает в класс в обрезанных шортах и черной майке. Ее волосы собраны в конский хвост; первый раз я вижу, чтобы она уложила свои волосы каким-либо другим способом, кроме как распущенными.

Я стою перед всем классом и не могу думать ни о чем другом, кроме как о ней. Как сильно хочу держаться за этот хвост, пока буду трахать ее сзади.

Мои мысли развратны. Мне это прекрасно известно. У меня никогда не было таких извращенных мыслей о студентках, особенно прямо в классе. Но у меня возникают эти мысли о ней. О дочери Алана.

Это делает их еще более извращенными.

Когда Пьюрити садится на свое место, она смотрит на меня, а ее щеки ярко-красного цвета. Не знаю, означает ли этот розовый оттенок, что она смущена произошедшим, или он означает, что она думала об этом, как и я, все выходные. В любом случае, цвет ее щечек напоминает мне то, как они розовеют после оргазма, и это тут же заставляет меня захотеть доставить ей еще один.

Я прочищаю свое горло и стараюсь сосредоточиться на своей работе, а не пялиться на девушку, как влюбленный юнец.

- Давайте обсудим задания с прошлого раза, хорошо?

Я выкидываю все из головы и остаюсь профессионалом во время лекции. Я даже убеждаю себя, что могу до конца быть профессионалом, пока не замечаю ее в конце класса – то есть до тех пор, пока тот же студент, который разговаривал с ней в начале прошлого урока, не подходит к ней снова.

Как только я вижу, что он разговаривает с ней, мне хочется задушить его. Я хочу задушить его за то, что он смотрит на нее. Хочу задушить за то, что он явно пытается подкатить к ней.

Но я ничего не делаю, потому что я их профессор.

Когда Пьюрити смотрит в мою сторону, я пожимаю плечами и собираю свои учебные материалы. Я взрослый человек, говорю я себе. Я не должен ни капли ревновать к тому, что один из моих учеников разговаривает с другим из моих учеников. Но я ревную как черт, потому что это она.

По пути из аудитории я прохожу мимо них двоих, мысленно поздравляя себя с воздержанием от убийства Рэндольфа.

- Через пять минут в этой аудитории будет другая пара.

- О, извините, да, - Рэндольф говорит что-то Пьюрити про свой номер телефона, но я не слышу ее ответа, потому что уже вышел.

Это абсурд, говорю я себе, пока выхожу из здания. Ты взрослый мужчина. Девушке восемнадцать, черт возьми. Она провела всю свою жизнь, защищенная от всего мира. Она должна ходить на свидания. Должна поиграть на этом поле. Должна набраться проклятого жизненного опыта.

Мысль о том, что она получит опыт от кого-то, кроме меня, делает меня злее, чем должна.

- Профессор Райан! – голос Пьюрити звучит позади меня, когда я иду через школьную площадку.

Я могу продолжить путь и полностью проигнорировать ее. Неохотно, я останавливаюсь посреди хаоса площадки. Когда Пьюрити достигает меня, она еле дышит.

- Профессор Райан!

Я приподнимаю брови.

- Могу я чем-то помочь вам, Мисс Тейлор? – спрашиваю я. – Вы знаете, когда у меня рабочие часы; боюсь, я уже ухожу домой.

Пьюрити украдкой оглядывается на студентов, проходящих мимо нас в разных направлениях по пути в свои классы. Этот жест почти заставляет меня рассмеяться. Девушка не смогла бы быть более очевидной, даже если бы попыталась. У нее явно нет опыта во вранье, и это было бы очаровательно, если бы она не стояла здесь, собираясь поговорить о произошедшем между нами.

Мне нужно быть осторожнее.

- Я просто хотела поговорить с тобой, - заикается она.

- У вас вопрос по поводу задания? – спрашиваю раздраженным голосом. Я обычный профессор, разговаривающий с одной из моих учениц. Ничего более.

Поддерживай профессионализм.

Пьюрити заправляет волосы за ухо.

- Да, - говорит она, оглядываясь вокруг, прежде чем понизить голос. – Случившееся в пятницу. Я хотела поговорить о...

- Другие мужчины могут быть более заинтересованы в твоем времени, - отвечаю ей я.

- Какие мужчины? – начинает она, а затем делает паузу. – Рэндольф?

- Возвращайся в свою комнату.

Она возмущенно скрещивает руки на груди.

- Нет.

- Нет?

- Нет, - повторяет она. – Я не собираюсь возвращаться в свою комнату.

Ты можешь поговорить со мной прямо здесь, посреди площадки, или...

- Или что?

- Или, - она делает паузу. – Или я не знаю что. Но я знаю, что ты грубишь.

- Я говорил тебе, что не джентльмен.

Она сужает глаза.

- Ну, не обязательно вести себя как мудак только потому, что ты ревнуешь к тому, как какой-то парень разговаривал со мной.

- Ты пожалеешь, что сказала это, малышка.

- Сомневаюсь, - отвечает она; ее руки все еще скрещены.

Я склоняюсь близко к ней, слишком близко, чтобы это было уместно, но я убеждаю себя, что это займет лишь мгновение.

- Ты чертовски дерзкая для девушки, которая была перекинута через колено, когда видела меня последний раз.

Когда я отхожу, ее щеки краснеют.

- Я...

- У тебя закончились занятия?

- У меня еще одна пара, - отвечает она.

- Какая?

- Политика.

- Посещаемость не важна?

- Да.

Я уже сожалею о том, что собираюсь сделать. Взрослая часть меня понимает это.

- Тогда у тебя достаточно времени для другой пары.

- О чём ты?

- О моем доме, мисс Тейлор, - говорю я низким голосом. – Я преподам тебе урок.

Она закусывает губу.

- Что, если я необучаема?

Я издаю низкий смех.

- Ты научишься, - обещаю я, вновь, на свой страх и риск, подходя ближе. Прямо сейчас я чертовски безрассуден.

Я шепчу ей на ухо свой адрес. Мой дом в нескольких минутах ходьбы от кампуса, но достаточно далеко от студенческих общежитий, находящихся вне кампуса, и студенческих домов, поэтому она не привлечет к себе внимания. Тем не менее, это охренеть как опасно – позвать ее туда.

Я говорю себе, что все может быть невинно, словно два старых друга из одного города встретились снова. Между нами ничего не должно произойти. За тем исключением, что мы не старые друзья, и я когда-то дружил с ее отцом, но не с ней.

Приглашать ее ко мне – неправильно.

Говорить ей, что я научу ее – неправильно.

И вещи, которые я собираюсь сделать с ней, самые неправильные из всего этого.

23

Пьюрити

Мое сердце колотится, а мысли скачут.

Я не уверена, чего ожидаю, идя домой к мистеру Гейбу.

«*Ты большая девочка, Пьюрити, - напоминаю я себе, несмотря на то, что у меня спирает дыхание в горле. – Когда такой мужчина, как он, зовет тебя к себе домой, что, по-твоему, произойдет?*»

Готова ли я к этому?

Не совсем уверена.

Тем не менее, я стою здесь, на крыльце его дома, делая глубокий вдох, прежде чем постучать в дверь. Когда она открывается, он смотрит мне за спину, чтобы проверить – не наблюдает ли кто-то за нами, а затем жестикулирует мне, приглашая войти внутрь.

Есть в этом что-то тайное, темное, то, что заставляет мое сердце биться сильнее. Это делает происходящее еще более скандальным и захватывающим, ведь я знаю, что он – запретная зона.

Это неправильно.

Заходя в парадную дверь, я останавливаюсь, чтобы осмотреться вокруг и почувствовать атмосферу его дома. Мне даже не нужно идти дальше для того, чтобы знать то, что все это – отражение его самого: от деревянных полов до огромной библиотеки, от пола до потолка справа от входа. Его дом пахнет как он – как его парфюм, сандаловое дерево и что-то еще, что я не могу распознать.

- Для чего ты пришла сюда, Пьюрити? – спрашивает он.

Как я могу ответить ему на вопрос, если я сама не знаю ответа на него?

Он не двигается, не предлагает мне присесть или остаться. Он не прилагает никаких усилий, чтобы быть хоть чуточку вежливым. Он просто стоит и смотрит на меня, будто хочет поглотить.

- Я пришла сюда, потому что ты попросил меня об этом.

Потому что я хочу тебя. Потому что хочу, чтобы то, что случилось в пятницу, повторилось.

Хочу, чтобы это повторялось снова и снова, но в этот раз я хочу, чтобы это зашло дальше.

- Ты пообещал, что научишь меня сегодня, - напоминаю я ему, вместо того, чтобы произнести вслух какую-нибудь из моих мыслей.

- Это то, чего ты хочешь? – он подходит ближе ко мне и кладет ладонь рядом со мной на дверной проем, глядя на меня так же, как тогда в

пиццерии. – Когда ты остановила меня, ты сказала, что хочешь поговорить. *Поговорить или заняться чем-нибудь?*

Это обязательно должно быть что-то одно? Разговор или что-то еще?

Я могу выбрать и то, и другое?

- Да, - шепчу я. – Я имею в виду не только поговорить.

Его рука остается неподвижной, пока другая рука поднимается к моей груди, пальцем играя с моим декольте, а затем зацепляется за V-образный вырез и тянет ткань вниз. Моя грудь приподнимается, когда я делаю глубокий вдох. Мне хочется, чтобы мистер Гейб прикоснулся не только к моей рубашке. Я хочу, чтобы он провел своими пальцами по моей груди, скользнул ими под мою рубашку и внутрь моего лифчика, так, чтобы я почувствовала его кончики пальцев на своих сосках, как чувствовала их на своем клиторе.

Мысль о том, что он сделал со мной в пятницу после занятий, заставляет меня желать его, а голову кружиться.

Мне нужно, чтобы он сделал это снова.

- Да или нет?

- Да, я хочу поговорить о том, что произошло в пятницу, - я произношу слова, когда он прикасается пальцем к моей груди и двигается вдоль ключицы, пока не достигает лямки моей майки, зацепляя ее. Думаю, он, скорее всего, собирается снять ее с моего плеча.

Думаю, я хочу, чтобы он снял ее с моего плеча.

Вместо этого он кладет руку на мою щеку, большим пальцем оттягивая нижнюю губу, приближаясь ко мне.

- У тебя есть рот, малышка, - говорит он хриплым голосом. – Очень красивый ротик. Так что говори, если хочешь поговорить.

- То, что случилось в пятницу, когда... - начинаю я, но затем останавливаюсь, раздражаясь. Почему я должна быть той, кто говорит, когда это он явно ревновал, когда Рэндолльф разговаривал со мной?

- Да?

- Нас прервали, - заканчиваю я. – Я покинула твой офис, не понимая, что это было.

Я думала об этом все выходные. Думала о тебе все выходные.

- Чем это было для тебя? – спрашивает он; его глаза сосредоточены на моих губах. *Хочу, чтобы он обрушил свой рот на мой.*

- Я не уверена...

- Очевидно, что ты не уверена, поскольку разговаривала сегодня утром с Рэндолльфом, - мрачно говорит он.

- Я не разговаривала с ним. Он разговаривал со мной, - я протестую. – И ты просто ревнуешь.

Я могу быть наивной, когда дело доходит до мужчин, но я не слепая. Его ревность написана на его лице. Я должна ненавидеть это, ведь ревность идет рука об руку с контролем, и я уехала из Саус Холлоу, чтобы избавиться от указаний, что мне делать.

Но я совсем не ненавижу его.

Его большой палец покидает мои губы, рука поднимается к моей голове и хватает за хвост. Он дергает мои волосы – не сильно, просто тянет, чтобы повернуть мое лицо к себе.

- Ты чертовски права, я ревную, - произносит он грубо. – Я говорил тебе это еще в кабинете. Я рассказал тебе, что будет, если я коснусь тебя.

- Что будет? –зывающе спрашиваю я.

Он отпускает мой хвост и скользит рукой по моим шортам.

- К тебе не прикоснется никто другой, и ты в свою очередь тоже не сделаешь этого. Ты – моя.

Жар проходит сквозь меня и распространяется между моих ног, там, где он касается меня. Мне хочется, чтобы он разорвал шорты прямо на мне, чтобы он выполнил свое обещание. Хочу, чтобы он скользнул в меня пальцем, потому как я уверена, что, если бы он это сделал, я бы кончила прямо сейчас. Даже через шорты, его прикосновения грозят подтолкнуть меня к этому.

- Это Рэндольф дал мне свой номер телефона, а не наоборот, - шепчу я. Я даже не пытаюсь объяснить, что несмотря на то, что Рэндольф должен привлекать меня, ведь мы с ним почти ровесники и он не мой преподаватель, это не так.

Хмурый взгляд появляется на его лице.

- Дай мне свой телефон.

- Зачем?

Он не отвечает. Он просто поднимет с пола мою сумку, и, залезая внутрь, вытаскивает мой телефон, а затем передает его мне.

- Разблокируй его.

- Ты ведешь себя как сумасшедший. Я не добавляла его номер в свой телефон, если ты об этом.

- Мне все равно, внесен ли у тебя в телефон номер какого-то мальчишки, Пьюрити. Я добавляю свой чертов номер телефона в твой мобильный, чтобы он был у тебя.

Он снова кладет телефон в мои руки. Он даже не написал своего

имени, просто «Саус Холлоу».

- Мне следовало записать тебе его раньше, еще тогда, когда твой отец попросил меня присмотреть за тобой.

- Он просил об этом? – несмотря на то, что я знаю о просьбе моего отца, слышать, как мистер Гейб признает это, после всего того, что у нас уже было, удивительно.

Он виновато смотрит на меня.

- Твой отец попросил меня приглядывать за тобой, и я... Ну, давай просто скажем, что я присматриваю за тобой не так, как он хотел бы того.

- Так тебе действительно все равно, что какой-то парень дал мне свой номер телефона?

- Ты намеренно пытаешься заставить меня ревновать?

- Не думаю, что мне нужно пытаться, - дразню я. – Думаю, что ты уже и так проделал хорошую работу для того, чтобы вдоволь поревновать.

Он наклоняется близко ко мне; его рот у моего уха.

- Я не делаюсь кисками. Тебе бы лучше помнить об этом.

Дрожь проходит по позвоночнику.

- Ну, тогда, может быть, меня следует отшлепать за плохое поведение? – предлагаю я, чувствуя себя неожиданно смело.

- Хочешь снова оказаться у меня на коленях?

- Возможно.

- Я знаю другие вещи, которым я могу научить тебя. Кроме порки.

- Какие вещи? – шепчу я, мое сердце снова колотится.

- Ну, о чем ты знаешь, Пьюрити?

- Ни о чем, - шепчу я.

- Тогда я научу тебя всему.

24

Габриэль

Я смотрю на свои часы.

- У тебя есть полтора часа, прежде чем тебе нужно будет идти на следующую пару. Верно?

- Я всегда могу прогулять ее, - начинает она.

- Ты не будешь пропускать пары. Ты будешь делать домашние задания, посещать занятия и учиться. И, конечно же, ты не будешь пропускать пары, потому что хочешь с кем-нибудь перепихнуться.

Пьюрити подносит свою руку ко лбу, насмешливо отдавая честь.

- Да, сэр, - произносит она, делая паузу. – Но это не просто кто-нибудь. *Это ты*.

- Ты также не пропустишь занятия для того, чтобы переспать со мной, - говорю я ей. – Ты уже обедала?

- Я собиралась перехватить что-нибудь в столовой между парами.

- То есть, *нет*? – я поворачиваюсь в сторону кухни. – Пошли.

Она следует за мной на кухню, где я, открывая холодильник, понимаю, что понятия не имею, что девушка предпочитает из еды. Когда я оборачиваюсь, чтобы спросить ее, она стоит у кухонного островка, проводя ладонью по серой мраморной столешнице.

- Твой дом такой... ты, - мягко говорит она. – В хорошем смысле, я имею в виду. Не понимаю, почему я сказала, что это ты. Точнее знаю, просто...

Она перестает болтать; ее ладони идут вверх по рукам.

- Тебе холодно? – спрашиваю я.

- Нет, - отвечает она. – Я... Я нервничаю. Я думала, мы собираемся...

Ну, ты понимаешь.

Вздыхая, я закрываю холодильник и иду к ней. Вытаскиваю одну из табуреток из-под островка и сажаю на нее Пьюрити, а затем помещаю свои руки по обе стороны ее бедер, обхватывая края сиденья, заглядывая в ее глаза.

- О чем именно ты думала?

Она прикусывает нижнюю губу зубами.

- Знаешь... О том, чем мы занимались в твоем офисе.

- Значит, ты думала о том, что пробудешь в моем доме всего пять минут, прежде чем я сорву эти маленькие шорты, отшлепаю твою маленькую задницу и заставлю кончить на мои пальцы?

Прерывистый вздох.

- Возможно.

- Терпение – это добродетель, Пьюрити, - шепчу я. Ее щечки снова окрашивает этот розовый оттенок, немедленно заставляя мой член дернуться в ответ. Через две секунды я буду твердым, как камень, если не буду острожен. Я прочищаю горло.

- Ну, так чего бы ты хотела съесть?

Ее губы дергаются в уголках.

- Тебя.

Я выпускаю долгий вздох.

- Не искушай меня, Пьюрити, - предупреждаю я.

Она невинно моргает глазками.

- Я тебя искушаю?

- Я сегодня очень стараюсь быть джентльменом, - говорю я ей. – Так что, если не хочешь, чтобы я прямо сейчас на этой кухне поставил тебя на колени и насадил тебя прямо на свой член, и если ты не думаешь, что готова к тому, что я кончу в этот маленький ротик, я бы перестал шутить о вещах такого характера.

Она заливается более глубоким оттенком красного.

- Может быть, я *готова* к этому.

- Ты далеко не готова принять меня целиком, - произношу я ей, даже несмотря на то, что мой член твердеет от простого предположения оказаться внутри этого девственного рта.

Ее брови приподнимаются.

- Тогда чему ты собирался научить меня?

Я прямо сейчас могу взять ее на островке или холодном плиточном полу. Могу взять ее, и думаю, она позволила бы. Но я не хочу, чтобы она позволила мне это; я хочу, чтобы она умоляла меня взять ее, потому что жаждет меня.

- Ты же знаешь, что мне восемнадцать, - заявляет она. – Мне восемнадцать; ко мне прикасался только один мужчина. И это было в *твоем кабинете*.

Я издаю рычание.

- То есть, один оргазм и теперь ты готова умереть за него?

Ее лицо краснеет. Она явно смущена.

- Возможно, - признается она. – Это плохо?

Мое сердце смягчается.

Я напоминаю себе, что этой девушке всю ее жизнь вдалбливали, что ее желания неправильны. И я пытался сделать хоть что-нибудь, кроме того, как сорвать с нее одежду в тот момент, когда она вошла в мою дверь,

потому что я старался сохранить хотя бы некоторое подобие самоконтроля, а не подразумевать, что ее желания плохи.

Приподнимая пальцем ее подбородок, я склоняю голову, чтобы посмотреть на нее.

- Никогда не думай, что все, что тебе хочется, или что тебя заводит, это плохо, девочка. Ты идеальна. Все в тебе идеально.

- Я не знаю, что меня заводит.

- Нет? – я сжимаю боковые стороны табуретки, на которой она сидит, и тяну ее, пока сиденье не касается моих бедер. Затем я наклоняюсь и губами касаюсь ее уха.

- Слышать, как я шепчу тебе на ухо?

Она извивается.

- Думаю, да.

- Ты так думаешь? Ну, мне придется сделать что-то лучше. Может, грязные словечки заведут тебя?

- Может быть, - шепчет она.

- Тебе понравилось, когда я поднял юбку к твоей заднице, прикасался пальцами между ног и ласкал твой клитор?

Она не громко хныкает, и это то подтверждение, которое мне было нужно.

- Тебе понравилось узнать, что ты делаешь меня твердым?

Она стонет.

- Знаешь ли ты, что делает со мной осознание того, что я – единственный мужчина, который кончал на эту маленькую девственную киску?

Ее дыхание учащается, а глаза закрываются.

- Я видел только часть тебя в своем кабинете. И я хочу посмотреть на всю тебя. Разденься для меня.

- Здесь? – ее веки приоткрываются. – На твоей кухне? Средь бела дня?

- Я хочу посмотреть на тебя при свете дня. В это так трудно поверить?

- Я чувствую себя немного неловко, – при этом ее пальцы все равно скользят к кнопке на шортах.

Я отступаю, прислоняясь к противоположной стойке рядом с плитой, чтобы наблюдать за ней.

- Знаю, но тебе нечего стесняться. Сними одежду, чтобы я мог полностью видеть тебя.

Сделав глубокий вздох, она тянется к своей рубашке и снимает ее через голову, на мгновение, задерживая между пальцев, прежде чем кинуть

на пол. Она стоит около островка, держа одну руку на бедре, одетая только в светло-розовый бюстгальтер и джинсовые шорты. Ее полная грудь выглядывает из лифчика, и мой член твердеет при виде ее налитой в чашках груди.

- Я чувствую себя глупо, когда ты так смотришь на меня.
- Урок первый: ничто из того, пока ты раздеваешься передо мной, не глупо. Ничего. Видишь, какой я сейчас твердый?
- Да, - отвечает она; ее взгляд прикован к тому, как мой стояк, очевидно, оттягивает брюки.
- Заведи руки за спину и расстегни лифчик, - приказываю я, мой голос жесткий. – Я хочу посмотреть на эти идеальные сиськи.

С застенчивым выражением лица, она делает то, что я говорю ей. Ее бюстгальтер присоединяется к рубашке на полу, и теперь она стоит передо мной топлесс. Ее грудь так же совершенна, как и все остальное в ней. Полная и дерзкая, с крошечными розовыми сосками, заставляющими меня захотеть пробежаться вокруг них языком.

Думаю, я мог бы заставить ее кончить, пройдясь языком по груди.

- Нет ничего сексуальнее, чем наблюдать, как ты делаешь именно то, что я тебе говорю, - произношу я. – Смотреть, как ты снимаешь свою одежду на моей кухне просто потому, что я попросил тебя сделать это, напоказ выставляя свое идеальное маленькое тело для меня – это самая горячая вещь, которую я когда-либо видел. В этом нет ничего глупого. Урок предполагает, что тебе комфортно, когда я наблюдаю за тобой.

Она расстегивает верхнюю пуговицу на своих джинсовых шортах.

- Существует ли план занятий?
- Каким бы я был преподавателем без плана занятий? – я смотрю, как она по бедрам стягивает шорты. Они падают на пол, собираясь вокруг ее лодыжек, и она откидывает их в сторону. Теперь она стоит здесь, на моей кухне в своих розовых хлопковых трусиках, простом нижнем белье, которое вообще не должно быть сексуальным, но каким-то образом это самая горячая вещь, которую я когда-либо видел. – Раздвинь для меня ноги. Хочу узнать, мокрые ли у тебя трусики.

Она отводит одну ногу в сторону, а потом вопросительно смотрит на меня.

- Как мне это показать тебе?
- Приложи палец между ног, девочка.

Я смотрю, как она скользит пальцем по передней части нижнего белья и трогает себя. Ее глаза на мгновение закрываются, но затем снова открываются, когда она отводит палец, чтобы показать его мне. Я удивлен,

что на моих штанах еще нет мокрого пятна, когда она вот так стоит здесь голая передом мной.

- У вас есть на меня план, сэр? – спрашивает она.

- У меня много на тебя планов.

Черт, мои планы не ее заставят и моряка покраснеть.

- Но сейчас я хочу, чтобы ты показала мне свой мокрый пальчик.

- Да, сэр, - шепчет она, поднимая руку.

- Тебе повезло, что у меня достаточно самообладания, чтобы оставаться на месте, мисс Тейлор, иначе я бы уже стоял на коленях, дегустируя тебя.

В ответ она издает короткий стон, и я перебиваю ее, прежде чем потерять контроль.

- Теперь я хочу увидеть тебя голой в свете дня на своей кухне и кончающей передо мной.

Она сильно краснеет.

- Я никогда раньше не раздевалась перед кем-либо. И никогда не трогала себя перед кем-то.

- Ты задрала для меня юбку в моем кабинете, мисс Тейлор, - напоминаю я ей. – И в тот момент у тебя, само собой, не было проблем с тем, чтобы прикасаться к своему маленькому опухшему клитору, не так ли?

- Это другое, - шепчет она.

Но ее руки проходятся по бокам бедер; ее движения неуверенные. Она хочет прикоснуться к себе. И до смерти хочет сбежать. У нее на лице написано.

- Насколько другое? Было ли это чем-то другим, потому что ты думала, что я не мог видеть, как ты скользила пальцами между ног, пока была наклонена над столом?

- Тогда ты на меня не смотрел, - отвечает она. – Сейчас ты прямо передо мной и смотришь на меня.

- За тобой нужно наблюдать, - говорю я ей. – Было бы преступлением не посмотреть на то, как ты кончаешь, какое у тебя выражение лица в тот момент, когда ты падаешь через край. Теперь я собираюсь посмотреть, как ты снимаешь свои трусики и трогаешь себя так же, как лежа в постели ночью. Ведь это то, чем ты занимаешься по ночам, верно?

- Иногда, - шепчет она. – Но с тех пор, как ты сказал мне не делать этого, пока не дашь мне своего разрешения, я не притрагивалась к себе.

Мой член твердеет при мысли о том, как она лежит в постели, одетая в симпатичную маленькую пижамку или футболку и шорты, и тянется между ног, чтобы коснуться себя, думая обо мне.

Я посмеиваюсь над ней, изображая сочувствие.

- Поэтому ты так отчаянно нуждаешься в этом прямо сейчас? Ты уже несколько дней не кончала?

Она, зубками закусывая нижнюю губу, кивает.

- Так ты совсем не прикасалась к себе с тех пор, как мы виделись в последний раз?

Она качает головой.

- Совсем нет, сэр. Я очень хорошая.

- Ну, это заслуживает награды. Хорошие девочки получают вознаграждение. Я должен позволить тебе кончить для меня?

- Да, - вздыхает она.

- Да, пожалуйста, сэр, - поправляю ее.

- Да, пожалуйста, - она делает паузу. – Сэр.

- Засунь пальцы в трусики и прикоснитесь к себе. Покажи мне, как ты заставляешь себя кончить.

- Мне больше нравится, когда ко мне прикасаешься ты.

Я быстро пересекаю пространство между нами, останавливаясь, когда подхожу так близко к ней, что мы почти соприкасаемся. Она смотрит на меня, ее губы раскрываются, когда она резко вдыхает. Этот вдох превращается во вздох, когда я использую свой палец, чтобы коснуться одной груди, а затем другой, при этом не отводя от нее взгляд.

Когда я веду пальцем по соску, он превращается в жесткий маленький камушек. Она стонет, и этот стон заставляет меня захотеть обойтись без всех этих прелюдий и трахнуть ее прямо сейчас на полу кухни.

Я рычу, разочарованный своей потребностью в том, чтобы быть сдержанным.

- Не испытывай меня, Пьюрити, - предупреждаю я ее, мой голос жесткий, - иначе я вообще не позволю тебе кончить. Теперь приложи пальцы между ног и трахни себя.

Ее глаза расширяются, но она делает именно то, что я ей говорю. Она засовывает пальцы в трусики.

- Да, сэр.

- Видишь, как это легко? – спрашиваю я. – Теперь я не могу видеть, что делают твои пальцы внутри трусиков, поэтому тебе придется описать это для меня.

- Я трогаю себя, - произносит она тихо. Ее язык пробегается вдоль нижней губы, пока она смотрит на меня.

- Ты можешь описать лучше, Пьюрити. Где ты себя трогаешь?

- Я прижимаю палец к клитору.

Услышав, как она говорит слово «клитор», я чертовски доволен.

- Продолжай, - поощряю ее я. – Чем лучше ты опишешь мне то, что делаешь, тем лучше я вознагражжу тебя.

- Каким образом ты наградишь меня? – спрашивает она; но взгляд, который я посылаю ей, заставляет ее замолчать. – Я имею в виду, я потираю пальцами свой клитор, и это ощущается действительно хорошо.

Ей так неловко, что это очаровывает.

- Хорошая девочка. Вот каким образом ты получишь вознаграждение.

Кончиком пальца я дразню ее сосок, по кругу поглаживая его, пока он не становится маленьким камушком.

- Приятно ощущается?

- Очень приятно, - говорит Пьюрити, ее голос подрагивает, когда она начинает ласкать себя быстрее.

- Очень приятно что, Пьюрити?

- Очень приятно трогать свой клитор, - стонет она. – Очень приятно, когда ты ласкаешь мой сосок. Это делает меня мокрой.

- Покажи мне, какая ты мокрая.

- Я очень мокрая.

Она вытаскивает пальцы, кончики ее пальцев блестят.

- Ты когда-нибудь пробовала себя?

Она качает головой.

- Я не могла такого сделать.

Отрывая пальцы от ее груди, я берусь за запястье Пьюрити и поднимаю пальцы к ее губам.

- Открой рот. Я хочу, чтобы ты поняла, какая ты сладкая.

- Но ты никогда не пробовал меня, - протестует она. – Ты говоришь, что я сладкая, но что, если я невкусная, как...

Отпуская запястье, я падаю к ее ногам. Она громко вздыхает от удивления, когда я, придерживая ее одной рукой за бедро, быстро отодвигаю в сторону нижнее белье, обнажая киску. Без предупреждения, я накрываю ее своим ртом, мой язык прикасается к ее щели и движется вверх до клитора.

На вкус она даже лучше, чем я мог себе представить, сладкая, как мед и сахар. Если я останусь между ее ног на минуту дольше, я кончу прямо здесь, не касаясь своего члена.

Черт, если она сейчас кончит у меня на лице, игра окончена. Я лишу девушку девственности прямо на кухонном полу, все остальное в мире будет проклято. С отчаянным стоном я отрываю от нее свой рот так же быстро, как коснулся ее. Когда я поднимаюсь, я вижу шок на ее лице.

Прежде чем Пьюрити начинает протестовать, я целую ее.

На долю секунды ее руки касаются моей груди, будто она собирается оттолкнуть меня. Ее ладони прижимаются ко мне, и ее тело застывает, когда она пробует себя с моих губ.

Потом ее язык находит мой, и она тает.

Я хотел поцеловать ее, чтобы она почувствовала свой вкус. Я всего лишь хотел, чтобы она знала, какая она невероятная на вкус. Вот и все, ничего больше.

Но когда она тает напротив меня, практически растекаясь, я не могу перестать целовать ее. Меня удивляет, как сильно я не хочу останавливаться.

Это тот тип поцелуя, который разрушает все. Такой поцелуй, который сбивает вас с пути, сверкая неоновой вывеской перед вашим лицом, показывая вам, что то, что вы делаете прямо сейчас, что-то значит. Поцелуй, лишающий вас силы.

Именно поэтому я отрываю свои губы от нее.

Это не тот поцелуй, который я ожидал от этой девушки. Мой первый поцелуй не был таким. Он был неуклюжим, неловким, и даже отдаленно не сексуальным.

Этот же поцелуй был охренеть-каким-разрушительным.

Меня не часто застают врасплох. И, само собой, я не ожидал, что меня удивит восемнадцатилетняя девственница, которая ничего не знает о поцелуях, сексе или жизни. Но теперь я стою здесь с сердцем колотящемся в горле, пытаясь собрать себя – и стараясь не казаться таким неспокойным, каким я являюсь на самом деле.

Пьюрити касается кончиками пальцев своих опухших губ и несколько раз подряд моргает. Она прочищает горло.

- Это было...

Я должен закончить ее предложение чем-то умным, но я не могу заставить себя сделать это.

Мне нужно восстановить контроль и самообладание. Мне не нужно говорить с ней об этом проклятом поцелуе.

К черту наблюдение за тем, как она трогает себя передо мной. Я сам заставлю эту девушку кончить.

- Я собираюсь трахнуть тебя пальцами, Пьюрити, - говорю я ей. – Собираюсь скользнуть пальцами в эти трусики, и ты кончишь на мою руку. Ты пойдешь на следующую пару, пахнущей сексом. Ты поняла?

Ее руки поднимаются к моим рукам, и она цепляется за меня пальцами, прижимаясь к моим бицепсам. Она кивает, закусывая свою

нижнюю губу.

- Да, сэр.

Я просовываю пальцы в ее нижнее белье, прижимая их к ее опухшему клитору. Пьюрити хнычет, ее лицо в дюймах от моего. Я мог бы с легкостью поцеловать ее снова, но я не делаю этого, потому что я не позволю этой девушке застать меня врасплох, как она это сделала, когда я поцеловал ее.

Так не пойдет. Это я сохраняю контроль и разгадываю ее, а не наоборот. Сохранение контроля – именно тот фактор, из-за которого я прямо сейчас не сажаю ее на кухонный островок и не трахаю.

Она издает маленькие стонущие звуки, ее дыхание прерывистое, пока она цепляется за мои бицепсы. Я нахожу ее вход кончиками пальцев. Она мокрая, ткань ее трусиков уже промокла.

- Я собираюсь скользнуть пальцами внутрь этой тугой маленькой киски, - рычу я. – Мои пальцы будут первыми пальцами внутри тебя.

Она всхлипывает и кивает, прижимаясь к моей руке. Девушка настолько возбуждена, что ее легко довести до края. Разумеется, я и сам словно мальчик-подросток, так же, как и она, могу кончить прямо в свои гребаные брюки.

- Это «да», Пьюрити?

- Да, - скучит она. Ее голова откидывается назад, волосы падают на плечи, а глаза слегка прикрываются. – Да.

- Да, что?

- Да, сэр, - произносит она. – Пожалуйста, введи в меня пальцы.

Слышать мольбу в ее голосе, то, как он переходит в небольшой скучеж, заставляет меня захотеть ввести внутрь нее себя.

- Ты точно уверена?

Я дразню ее вход, чтобы убедиться, что она готова к этому. Ее влажность говорит мне, что она более чем готова; и есть в этом что-то, что чувствуется привычным. Назад пути нет. Несмотря на то, что внутри нее не мой член, это все ощущается как секс. Никто никогда не был внутри нее, и я буду первым.

Она хнычет.

- Пожалуйста.

Я осторожно ласкаю ее, используя средний палец, аккуратно вводя его в нее. Я дохожу до кулака и останавливаюсь, чтобы перевести дыхание, осознавая то, насколько чертовски тугая эта девушка.

Ее глаза открываются, и она с удивлением смотрит на меня. Затем она издает низкий стон, который почти что заставляет меня подумать, что она

кончит прямо сейчас.

- Ты чертовски тугая, Пьюрити, - шепчу я у ее уха.

Она раскачивается напротив меня, и я толкаю свой палец в нее до тех пор, пока моя ладонь не прижимается к ее клитору. Она еще крепче сжимает мои руки.

- Проклятье, ты такой большой, - стонет она.

Ох, блядь. Я пытаюсь дать девушке минутку и позволить ей привыкнуть к чему-то внутри нее, а она берет и говорит такое.

О моем *пальце*.

- Это всего лишь мой палец, малышка, - напоминаю я ей.

Когда я начинаю гладить ее внутри, она отвечает взаимностью, бедрами раскачиваясь напротив ладони в ритм моих движений.

- Это и должно так ощущаться? – стонет она. Она становится еще влажнее, из ее киски влага буквально капает на мою ладонь. Даже на моих пальцах, она лучшее, что я когда-либо чувствовал в этом мире.

- Как?

- Так... о, боже... так... Я не знаю, - ее голос затихает, когда она ерзает на моей руке.

Я поглаживаю ее быстрее, нажимая на то место в ней, которое, думаю, заставит ее потерять контроль. Она сжимает меня все крепче и крепче, раскачиваясь на моей ладони, опасно близко к тому, чтобы кончить. Она откидывает голову назад и издает маленькие хныкающие звуки, пока ее волосы рассыпаются по плечам.

Если бы я прижал губы к ее губам, она бы кончила.

Как и я.

- Опиши мне, каково это – голой стоять на моей кухне, пока мой палец трахает эту тугую маленькую киску, - требую я низким голосом. – Каково это, когда моя рука находится в твоих трусиках средь бела дня? Знаешь, если бы мои соседи стояли на балконе и смотрели вниз в мое кухонное окно под правильным углом, они бы увидели, как ты стоишь здесь вот так, а я трахаю тебя пальцем.

Возможность такой ситуации практически нулевая, потому что для этого они должны смотреть под точным углом, плюс мой сосед допоздна работает. Я просто хочу посмотреть, как она отреагирует на идею быть пойманной.

Ее глаза открываются, и выражение ее лица становится удивленным, но в то же время ее киска плотно сжимается вокруг моего пальца.

Перспектива быть пойманной заводит ее.

Девушка еще более развратна, чем я когда-либо мог подумать, и едва

осознает это. Мы лишь слегка задели верхушку айсберга из ее желаний.

- Мы должны пойти куда-нибудь, - ей как-то удается простонать все эти слова.

- Думаю, мы должны остаться здесь, - отвечаю я ей, глядя ее снова и снова. — На самом деле, кажется, возможность того, что кто-то может наблюдать за нами, возбуждает тебя.

- Нет, - стонет она.

Боже, мне чертовски нравится слышать ее стоны.

Поднимая другую руку к ее груди, я ласкаю розовый сосок. Она начинает стонать громче, толкаясь на мою ладонь синхронно тому, как я довожу ее до оргазма пальцем.

Мне хочется, чтобы она полностью отпустила себя. Хочу, чтобы она кончила подо мной, когда я войду в нее.

- Представь, что это мой член, Пьюрити. Представь, что я трахаю тебя прямо здесь, на кухне. Ты хочешь кончить на моем члене?

- Да, - кричит она, умоляя.

- Когда я трахну тебя, я трахну тебя без защиты, - обещаю я ей. – Я хочу чувствовать всю тебя без препятствий, и когда я кончу, я хочу, чтобы ты почувствовала каждую каплю меня, теплую и...

- О боже, боже, боже, - кричит она, когда кончает. Ее мышцы пульсируют вокруг моего пальца, а затем, сжимая его, ее киска доит мой палец, будто это мой член.

Мысль о том, что она доит каждую последнюю каплю спермы из меня, так сильно возбуждает, что я больше не могу это терпеть.

Я вытаскиваю палец. Моя рука покрыта ее влажностью, и это еще сильнее заводит меня.

- Расстегни брюки и достань мой член, Пьюрити, - требую я.

- Да, сэр.

Расстегивая мои штаны, она выглядит опьяневшей своим оргазмом, все еще ошеломленной и слегка замедленной.

Пока ее пальцы заняты, я поднимаю свои и прижимаю их к ее губам.

- Слижи себя с моего пальца, сладкая, - я приказываю, и она открывает рот, чтобы взять мой палец. Когда она смыкает губы вокруг моего пальца, я стону. – Оберни свою руку вокруг моего члена, это будет твоим первым уроком как правильно дрочить мне.

- Я не знаю, что делать, - начинает протестовать она, но вскоре ее рот занимается моим пальцем, а рука скользит прямо к основанию моего члена, где она останавливается, очевидно, не зная, что делать дальше.

Чего она не знает, так это того, что ее неопытность – самый большой

гребаный афродизиак.

- Погладь мой член, - говорю я ей. – Не слишком сильно. Води рукой вверх и вниз, пока сосешь мой палец. Слижи все соки с моего пальца, детка. Представь, что тысосешь мой член. Соси мой палец, будто делаешь мне минет.

Ее глаза закрываются, и она берет мой палец глубже в рот, выпуская низкий стон. Ее рука движется вверх и вниз по моему члену, и хотя ее движения отрывистые и неуклюжие; неумелый способ, которым она дрочит мне, горячее, чем любое более опытное прикосновение.

Если я продолжу смотреть на выражение ее лица прямо сейчас, пока она сосет кончик моего пальца, я засуну ей в горло свой член и преподам ей настоящий урок. Вытащив палец из ее рта, я убираю ее руку от своего члена и подставляю свою. Мне нужно срочно кончить, чтобы она не поняла своей силы.

Я поглаживаю свою длину, моя рука двигается быстрее, чем ее. Я уже на грани взрыва.

- Я кончу на тебя, Пьюрити, - предупреждаю я. – Скажи мне, куда ты хочешь, чтобы я целился.

Она закусывает свою чертову губу, и пока жду ее ответа, я вот-вот сойду с ума.

- Я хочу попробовать... - начинает она, но затем останавливается, когда ее щеки становятся розовыми.

- Сейчас не время скромничать.

- Я хочу попробовать тебя, - говорит она. – Хочу попробовать твою сперму.

Что я сделал, чтобы заслужить эту женщину?

- Встань на колени, Пьюрити, - приказываю я. – Прямо сейчас.

- Да, профессор Райан, - скромно говорит она, опускаясь на пол. Она поворачивает свое совершенное, чистое, невинное, наивное лицо ко мне. Открывает свои очаровательные, пухлые, в форме сердца губки и высовывает язык.

Она представляет себя мне, ожидая.

И я даю ей именно то, о чем она попросила. Я довожу себя, поглаживая быстрее, пока не кончу ей в рот. Моя сперма капает с ее губ и вниз по подбородку, но она даже не вздрагивает.

Она сидит на коленях, и принимает все, что я ей даю. Когда я заканчиваю, она глотает, самодовольно улыбаясь мне, вытирая рукой губы.

Я поднимаю ее на ноги, и она хихикает, когда падает на меня. Ее тело идеально вписывается в мои объятия, и я тяжело вздыхаю, ощущая ее

напротив себя. В моих руках она чувствует себя слишком правильно.

Слишком совершенно.

Слишком близко.

Я отодвигаю эти мысли в сторону и прочищаю горло.

- Итак, чего бы ты хотела на обед?

25

Пьюрити

- Доброе утро, Берт, - зову я, мой голос звонкий. С того дня, проведенного на кухне с мистером Гейбом, я чувствую себя бодрой, летящей и наполненной солнцем. Бенсон бежит ко мне, писая по пути. Когда я наклоняюсь, чтобы погладить его, он прямо-таки зарывает себя в мои руки. Извиваясь, он пытается лизнуть меня, но быстро отвлекается, когда я лезу рукой в свою сумку. Он уже привык к лакомству, которое я приношу для него.

Я вытаскиваю собачье угощение и приседаю до его уровня.

- И тебе тоже доброе утро, Бенсон. Хочешь кое-что вкусненькое? Ты выполнишь команду «сидеть» для меня, как хороший мальчик?

Бенсон откладывается на задние лапки. Виляя хвостом, он трясется всем телом. Когда я бросаю лакомство, он прыгает в воздухе, чтобы поймать его и слопать.

- Только одно печенье, Дороти, - говорит Берт. – Не откармливай мою собаку, слышишь?

- О, Бенсон, твой владелец не очень рад, - говорю я ему, пряча оставшееся лакомство в свою сумку. – Завтра я принесу тебе еще одно.

- Ты и все остальные здешние студенты, после которых Бенсон мучается.

- Бенсон, ты что, изменяешь мне? – воркую я, почесывая его за ушками. – Скажи, что это не так.

- Настоящий сердцеед, вот он кто, - ворчит Берт. – Кстати о других похитительницах сердец, что у тебя в рукаве на этот раз, девочка? Собираешься ли ты разбить мне сердце одним из своих мастерских шахматных ходов?

Я смеюсь.

- Думаю, вы намеренно мне льстите, чтобы выкинуть меня из игры.

Берт отмахивается от меня.

- Ты одна из моих лучших соперниц, и ты знаешь это.

Я опускаюсь на скамейку напротив него. У меня достаточно времени перед следующей парой, чтобы сыграть с Бертом. На самом деле, сегодня утром я проснулась ни свет ни заря, и собираясь, напевала в душе и подпрыгивала по комнате. Это было так не похоже на мою привычную утреннюю рутину, что Луна даже сказала мне заткнуться, или она прибьет меня за то, что я такая бодрая.

Я чуть не проскочила свою дорогу к кампусу.

Должно быть, так случается, когда ты с кем-то дурачишься. Встречаешься с кем-то – думаю, именно так говорят студенты колледжа.

Я с кем-то встречаюсь.

Звучит так по-взрослому и зрело.

Я встречаюсь со своим профессором.

Это звучит... как нечто совершенно другое. Звучит слишком по-взрослому. Скандально.

Так не похоже на мое привычное поведение, насколько это только возможно.

Оргазм всегда заставляет чувствовать себя, словно ты плывешь по жизни, летая в облаках? Если такое происходит со мной после того, как мистер Гейб засунул в меня пальцы, не могу представить, что произойдет после того, как мы займемся сексом.

Думаю, что мой уровень гормонов, должно быть, как-то изменился, поскольку все, о чем я могу думать, это то, как сильно я хочу снова почувствовать его руки на себе.

- Думаешь о Волшебнике Оз?

Голос Берта пробивается сквозь мои мечты.

- А? – спрашиваю я рассеянно, пока пытаюсь сосредоточиться на шахматной доске.

- Твой разум находится вне игры, Дороти.

- Позвольте с вами не согласиться, Берт. Моя голова находится там, где она и должна быть, – говорю ему я, двигая фигуру.

Он цыкает.

- Любительский ход, Дороти.

Вот что я получаю за то, что отвлекаюсь, думая о мистере Гейбе и его волшебных пальцах.

- Ну, я и есть любитель.

- Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что самоунижение не является добродетелью?

- Меня учили, что гордыня является перед падением.

Берт фыркает.

- Херня. Или ерунда, как сказала бы моя бабушка.

Мой мобильный телефон звенит в кармане, и Берт поднимает брови, когда я провожу по экрану телефона.

- Знаешь ли, в некоторых культурах тебя могли бы казнить за использование мобильного телефона в середине шахматной игры, – говорит он.

- Думаю, вы только что сами придумали этот факт, Берт, – говорю я,

смеясь, а затем смотрю в телефон. Мои щеки начинают гореть от сообщения мистера Гейба.

Ты все еще в постели, ленивая девочка? С пальцами между ног и фантазиями обо мне?

- Тебе кто-нибудь говорил, что ты всезнайка? – спрашивает Берт.
- Если вам интересно знать, то не так много людей говорили мне это, Берт, - я печатаю ответ мистеру Гейбу:

Некоторым из нас есть чем заняться, поскольку мы очень занятые люди.

- Новый парень? – спрашивает Берт.
- Не совсем.

Мистер Гейб определенно не парень. В любом случае пока мне не нужен парень. Мне восемнадцать лет, я первокурсница, и вся моя жизнь еще впереди. Я провела всю свою жизнь взаперти от мира. Только сейчас я начинаю пробовать что-то новое.

Берт приподнимает брови.

- Не совсем? Ты принарядилась.
 - Ну, чтобы вы знали, я делаю это для себя.
- Мой телефон снова звенит.

Ты сделала домашнее задание? Собираешься на пары? Если ты была хорошей девочкой, я преподам тебе еще один урок.

Я закатываю глаза от его сообщения, но также и от того, как тепло разносится по моему телу от его слов.

Ты проведешь для меня еще один урок? Как великодушно с твоей стороны.

Я нажимаю *отправить*. Когда я смотрю вверх, Берт смотрит на меня.

- Что? У меня *нет парня*.
- Ага, конечно, нет. Я знаю этот взгляд. Так выглядела, как моя жена, когда впервые встретила меня.

Я берусь за шахматную фигуру.

- Так она выглядела красивой, умной и *недоступной* женщиной?
- Да, по всем пунктам, - отвечает он. – И сейчас такая. Она выглядела так же, как ты сейчас – не могла перестать улыбаться. Само собой, я тоже

все время ходил с глупой улыбкой на лице.

- Ну, это *определенно* не про меня, - говорю я ему, преувеличенно нахмурившись. – Видите? Не улыбаюсь.

- Ты ужасная лгунья, Дороти.

- Вы же знаете, что мое настоящее имя Пьюрити.

- Дороти тебе больше подходит.

- Значит, вы решили сменить мне имя? – дразню я, ожидая, пока он изучает доску. – Как долго вы женаты, Берт?

- Пятьдесят лет. Пятьдесят один год отметили в марте, - поправляет он. – Я ведь не показывал тебе фотографию моей Глории, не так ли?

Мой телефон гудит, но на этот раз я игнорирую его, когда Берт тянется к заднему карману и вытаскивает потрепанный кожаный бумажник, доставая из него еще более потрепанную фотографию его и его жены. Он протягивает ее мне дрожащими руками.

- Она такая красивая, - говорю я ему. – И вы были очень красивым. Это ваша военная форма?

- Да, мэм. Двадцать лет в морской пехоте Соединенных Штатов. – Он делает паузу. – Так же, как твой профессор письма. Как его зовут? Профессор Райан.

Мне нужна секунда, чтобы понять, что Берт говорит о мистере Гейбе, как будто он его знает.

- Как вы узнали это о мистере... Я имею в виду, профессоре Райане?

Берт пожимает плечами.

- Просто откуда-то знаю. Может быть, мы и живем в большом городе, но колледж – это маленький городок.

- Ох.

Я смотрю вниз на доску. Интересно, а что если Берт сказал о колледже как о маленьком городке в качестве предупреждения? Маленькие города полны сплетен. Последнее, что мне нужно, это чтобы кто-то сплетничал о нас с мистером Гейбом, поэтому я быстро меняю тему.

- У вас есть дети, Берт?

- О господи, Дороти, - говорит он, снова потянувшись за своим кошельком. – Ты все-таки спросила об этом. У меня лежат фотографии детей и внуков в этой штуковине.

Берт показывает мне фотографии и рассказывает забавные истории о своих внуках между шахматными ходами до тех пор, пока часы в школьном дворе не начинают звенеть, и я осознаю, что я просидела здесь с ним целый час. Вскакивая, я закидываю свою сумку на плечо.

- Мне нужно идти на занятия!

- Жми на газ, Дороти, - кричит Берт через плечо, когда я убегаю.

26

Пьюрити

- Ты сделала свое домашнее задание по моему предмету?

- Ты пытаешься управлять мною? – игриво отвечаю я. – Потому что если это так, я напоминаю тебе, что я взрослая, а не ребенок, и могу сама контролировать свой собственный график и решать, когда выполнять свои домашние задания.

- То есть, это означает «нет».

Я следую за мистером Гейбом в его домашний кабинет, где он указывает мне в сторону огромного кожаного кресла. Положив сумку на пол, я погружаюсь в большое кожаное сидение. Я впервые нахожусь в его кабинете, и, несмотря на мои протесты, чувствую себя ребенком в этом гигантском кресле.

Я смотрю на книжные полки, на которых книги расставлены по размеру и сгруппированы по цвету. Эта странноватая причуда заставляет меня улыбнуться.

Мистер Гейб замечает это, стоя на другой стороне комнаты, наливая себе напиток с барной тележки.

- О чём эта улыбка?

Он пересекает комнату и садится в кресло напротив меня, ставя свой напиток на стол. То, как он смотрит на меня сейчас, кажется чрезмерно формальным, будто он мой профессор, а я его ученица, встречающаяся с ним в рабочее время.

Будто я не стояла на коленях на полу его кухни с широко раскрытым ртом, пока он дрочил на мой язык.

Я прочищаю горло, неудобно ерзая на своем месте, когда это воспоминание заставляет меня смутиться.

- Ни о чём.

Почему я улыбнулась, прежде чем отвлечься, вспомнив кухню? Ах, да.

- Я смеялась над твоими книгами.

- Моими книгами? Что в них такого смешного?

- Они очень... организованы, - говорю я ему. – Они расставлены по цвету и размеру; не очень удобно, чтобы сразу найти какую-то одну.

- Это потому, что я знаю, где стоит любая из них. Мне не нужно расставлять их по алфавиту.

- У тебя тысячи книг.

Он пожимает плечами.

- И хорошая память.

Моя собственная память молниеносно напоминает мне о кухне. Я скользжу вперед по моему креслу, пока он откидывается назад и расслабляется в своем. Расставляя и снова перекрещивая ноги, я жду, пока он сделает свой ход. Он спокоен и непринужден, в то время как мое тело возбуждено, ожидая, что что-то произойдет между нами снова.

Я бы хотела быть одной из тех уверенных в себе девушек, которые могут подойти к мужчине и сказать, чего они хотят. Но я не такая. Вместо этого я все еще нерешительная и робкая, ожидаю, пока он первым сделает свой шаг, поскольку я не знаю, какой бы шаг сделала я, даже если бы могла.

Первый раз, когда я дотронулась до мужского члена, был на кухне мистера Гейба. Он был настолько большим, что мои пальцы едва могли обернуться вокруг него. И *это* может поместиться в меня? Мысль об этом пугает меня... Но также посыпает покалывание возбуждения прямо в мой центр. Вчера, когда я ходила в студенческий центр здоровья, чтобы впервые позаботится о контрацепции, я чувствовала себя также неловко, как и когда мистер Геб велел мне раздеться на его кухне.

- Я вспоминаю кухню, - неловко выпаливаю я.

Он приподнимает брови.

- *Надеюсь*, ты ничего не забыла.

Жар опаляет мои щеки.

- Не думаю, что это возможно.

- Так ты сделала домашнее задание по моему предмету, Пьюрити? – он снова спрашивает. – Ты пришла сюда накануне вечером, все еще не выполнив свою работу?

Я вздыхаю и закатываю глаза.

- Я не сделала домашку.

Он делает глоток из своего стакана, когда я внезапно выпускаю смешок, который превращается в кашель.

- Ты действительно только что закатила глаза? Разве не ты говорила мне, что уже не ребенок?

- У меня есть целая ночь, чтобы выполнить домашнее задание, – протестую я. – Я слежу за своим временем.

Он долго смотрит на меня.

- Может быть, у меня были планы на эту ночь, малышка.

Его слова высасывают весь воздух из комнаты.

- Ох, – вздыхаю я. – Я не ожидала... Точнее, я имею в виду, что в прошлый раз я была здесь не очень долго и...

- И ты думала, что ты пробудешь здесь до тех пор, пока мы не кончим,

а затем я вышвырну тебя за дверь? – его лоб хмурится, и он выглядит искренне оскорбленным этой идеей.

- Нет, - отвечаю я на автомате. – Я имела в виду... Ну, на самом деле, да. Я не сказала своей соседке куда иду, меня не должны видеть уходящей отсюда, и я не брала с собой никакой одежды или что-нибудь еще... Ты просишь меня остаться на ночь? Поскольку я не думала, что у нас будет секс, плюс я только вчера ходила в студенческий медицинский центр, чтобы взять таблетки, а...

Я останавливаюсь, потому что мистер Гейб смотрит на меня.

- Ты попросила выписать тебе таблетки? – спрашивает он, его голос грубый. Он смещается на своем месте, делая глоток напитка. Затем он ставит стакан на столик рядом со своим креслом.

- Я раньше не принимала таблетки, а они сказали, что это займет некоторое время, прежде чем я действительно буду защищена или что-то типа того, поэтому, - я глубоко вздыхаю, - я просто хочу, чтобы ты знал это.

- Потому что ты думала, что ты придешь сюда сегодня, и я трахну тебя?

- Я не знаю чего ожидать, когда дело доходит до тебя.

- Я не собираюсь трахаться с тобой, пока ты не будешь готова к этому, Пьюрити, - говорит он твердым голосом. – Ты поняла меня? Пока не будешь готова. Когда бы это ни было, сколько бы времени это ни заняло.

Проблема в том, что мне кажется, что я готова прямо сейчас. Я была определенно возбуждена и готова, когда он ввел свой палец внутрь меня на своей кухне пару дней назад. Я могла бы с легкостью начать умолять его вставить свой член внутрь меня вместо его пальца. Я сходила с ума от похоти.

- Это из-за того, что ты говорил ранее, что не хороший человек... - начинаю я. – Я просто предполагала...

Я предполагала, что ты будешь давить на меня, чтобы трахнуть как можно скорее.

Я хочу переспать с тобой как можно скорее.

- Я не хороший человек, Пьюрити, - говорит он хриплым голосом. – Хороший человек не стал бы нагибать тебя и шлепать в своем кабинете. Хороший человек не сказал бы дочери человека, с которым он вырос, раздеться догола на его кухне после того, как пообещал ее отцу, что он присмотрит за ней. Хороший человек не согласился бы держать ее подальше от неприятностей, пока она будет в колледже, одновременно думая о разных позициях, в которых он намерен трахнуть ее. Хороший человек не воспользовался бы ею.

- Но ты не пользуешься мной, - протестую я. – Это смешно.
Он смеется, покачивая головой.

- Это не то, каким образом администрация школы смотрит на подобные вещи, Пьюрити. Или как многие другие люди понимают подобные вещи. Они видят в тебе наивную восемнадцатилетнюю девочку, а во мне – мужчину, достаточно взрослого, чтобы быть твоим отцом. Мужчину, возраста твоего отца, на самом деле.

- Мне все равно, как администрация или кто-либо еще понимают подобные вещи. Я достаточно взрослая, чтобы делать свой собственный выбор, и я сделала выбор, прияя к тебе сегодня вечером.

Мистер Гейб поднимает руку.

- Я не буду с тобой спорить. Я понимаю, что ты сделала выбор, прияя сюда сегодня вечером, а также сделав несколько предположений об этом вечере и о том, как он пройдет.

- Нет, - настаиваю я, разочарованная поворотом, который занял весь этот разговор.

- Я пришла сюда сегодня вечером, ожидая...

- Продолжай, Пьюрити, - говорит он, слегка улыбаясь. – Скажи мне, чего ты ожидала, идя сюда. Подробно. Предпочтительно с чертовски откровенными деталями.

Ему нужны детали, не так ли? Теперь у меня есть возможность попросить у него то, чего я хочу. Дыхание перехватывает в горле. Я сажусь прямо в своем кресле, полная решимости и уверенности, не боясь показаться дерзкой и определенно не нервничающей.

Говори все, чего ты желаешь, Пьюрити.

- Я пришла сюда, потому что хочу... - я прочищаю горло. – Хочу снова потрогать твой член.

Хочу потрогать твой член.

Хочу, чтобы ты трахнул меня.

Я говорю разные вещи, которые обычно не сказала бы. Ну, и само собой, я делаю много вещей, которые обычно не делаю.

Мистер Гейб выглядит позабавленным.

- Правда?

Я снова прочищаю горло, пытаясь вести себя беззаботно, как будто я делаю такие заявления каждый день.

- Правда, - настаиваю я, выпрямляясь в кресле, внезапно осмелевшая.

– Я пришла сюда, потому что ты обещал преподать мне урок. На самом деле, если я правильно помню, ты сказал, что научишь меня, как обернуть мою маленькую руку вокруг твоего большого твердого члена. Думаю, что

это именно те слова, которые ты использовал. А еще, кажется, ты сказал, что трахнешь мой влажный ротик? Ты обещал «наполнить мой рот своей спермой».

Я использую воздушные скобки для последней фразы о заполнении моего рта.

Мистер Гейб откидывает голову назад и смеется.

Я впервые вижу, как он смеется настолько легко. Звук теплый и замечательный, перекликается с пространством в его кабинете, но в то же время я не совсем уверена, смеется ли он со мной или надо мной.

Я скрещиваю руки и смотрю на него.

- Это в основном твои слова, а не мои. Просто для ясности.

- Ох, я определенно помню это, - отвечает он. – Но слышать, как они выходят из твоих уст... Блядь, Пьюрити. Какого черта я собираюсь с тобой сделать.

Я с наглостью смотрю на него.

- Кажется, я только что сказала тебе, что со мной делать.

Он приподнимает брови.

- Что это, малышка? Я доставил тебе пару оргазмов, а ты теперь полностью испорчена?

- Не полностью.

Он ворчит.

- Ты права. Есть чертовски много вещей, которые я должен сделать с тобой, чтобы полностью испортить тебя.

- Итак... Значит, урок второй?

Его рот снова дергается.

- Ты жадная маленькая штучка, - отмечает он. – У меня такое чувство, что ты будешь требовать все больше и больше, пока мы будем продвигаться.

Моя киска пульсирует в ответ на его слова, словно соглашаясь с ним.

- Я постараюсь смягчить свои требования.

- Я был бы разочарован, если бы ты сделала это. Я бы предпочел тебя во всей твоей жадности. Теперь будь хорошей девочкой и вытащи свой ноутбук из сумки.

- Прости?

- Ты еще не сделала домашнюю работу, не так ли?

Хватит уже этого домашнего дермана. Разве он не слышал, как я сказала ему, что я взрослый человек, который может управлять своим собственным расписанием?

- Мне казалось, что ясно дала понять, что я пришла сюда не

домашнюю работу делать.

Он смеется.

- Я проигнорирую это последнее маленькое умное замечание, так как минуту назад ты хорошо описала то, чего желаешь. Но если ты снова будешь болтать, мне придется наказать тебя вместо того, чтобы преподать тебе еще один урок. Понятно?

Я кладу свой ноутбук на бедра и воздерживаюсь от того, чтобы закатить глаза, хотя я очень, очень хочу это сделать.

- Хорошо, - говорю я, останавливаясь. – Сэр.

- Хорошая девочка, - он поднимается и двигается в сторону стула. – Теперь встань и подойди сюда.

Мое сердце бьется быстрее, когда я делаю то, что он говорит мне делать, держа свой ноутбук в руках. Когда я достигаю его, то вызывающее смотрю на него.

- Итак, что Вы хотите, чтобы я сделала, сэр?

- Такая внешне уступчивая, но строптивая внутри, - говорит он, вздыхая, пока приподнимает заднюю часть моей юбки и скользит под нее рукой, а затем сжимает мою задницу. Жар проносится сквозь меня при его прикосновении. Я хочу, чтобы он скользнул рукой между моих ног. Хочу снова почувствовать его палец внутри себя.

- Не думаю, что вы действительно желаете, чтобы я была уступчивой, мистер Гейб, - шепчу я.

- Ты умная девочка, Пьюрити, - отмечает он. – Умная, наблюдательная и не очень покорная.

- Я назвала тебя сэром, - напоминаю ему. – И ты отшлепал меня.

Он делает шаг позади меня, его дыхание теплое на моей шее.

- Обе эти вещи истинны, - признает он. – И ты сделаешь то, что я скажу тебе прямо сейчас, не так ли?

У меня сдавливает горло, поэтому я сглатываю.

- Да, сэр.

- Иди, поставь свой ноутбук на стул.

Я иду к стулу и устанавливаю его. Когда я начинаю разворачиваться, он останавливает меня.

- Засунь руку под юбку и сними трусики, а затем брось их на пол.

Итак, он собирается научить меня чему-то. Он не заставит меня сидеть здесь и работать.

- Но... - я протестую.

- Пьюрити, - предупреждает он. – На твоем месте я бы выбрал сделать то, что тебе велят, чем быть наказанной.

Великолепно.

Я закрываю рот и послушно подхожу к стулу, прежде чем опуститься на колени и открыть ноутбук на сидении. Затем я открываю документ, над которым я работала: начало, которое я написала для его предмета.

- Раздвинь бедра по обеим сторонам стула.

- Зачем? – спрашиваю я, все равно раздвигая ноги. Что он собирается делать со мной?

- Мне понадобиться много места, чтобы скользнуть между ними, – отвечает он. – Теперь будь хорошей девочкой и начинай домашнюю работу. Не забудь выгнуть спину и поднять свою задницу вверх, потому что я засуну свое лицо между твоих ног и вылижу киску, пока ты будешь печатать.

- Ты что? – восклицаю я, но он не трудился объясняться снова. Я сразу понимаю, что он делает, когда сжимает заднюю часть моих бедер и подтягивает к себе, чтобы я оседлала его лицо. Его голова лежит у ножек стула, и я располагаюсь так, что стою на коленях над ним.

Я практически сижу на его лице.

И хотя он еще не прикоснулся ко мне языком, его теплое дыхание ощущается на моей киске. Я не могу видеть его лица, потому что моя юбка скрывает его, поэтому я могу только чувствовать.

Это кажется чем-то непристойным. Грязным.

- Посмотри, какая ты мокрая, – бормочет он. – Ты сидела в моем кресле, разговаривала со мной так, как будто все нормально, пока твоя киска истекала влагой. Сидела там и представляла то, чем я собираюсь заняться с тобой, не так ли?

- Да, – признаю я. Я очень хочу, чтобы он прикоснулся ко мне, но он этого не делает. Он разговаривает со мной, лишь продлевая мои мучения.

- Ты делаешь домашнее задание? Я не слышу клавиатуры.

Как я могу писать, когда он у меня между ног? Это невозможно.

- Да, сэр.

Я пытаюсь сосредоточиться, глядя на страницу. О чем я собираюсь написать в этот раз?

- Я хотел бы слизать всю эту влажность с твоей киски, но боюсь, что не смогу сделать этого, пока не услышу, как ты печатаешь, – сообщает он мне. – Так что начинай делать домашнюю работу. Если я услышу, как ты перестанешь печатать, я перестану лизать.

- Да, сэр.

Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на моем задании, начиная печатать, когда он проводит своим языком по моей щели.

Я чуть ли не сажусь на стул, когда кричу.

- Боже мой!

Его руки сжимают мою задницу, удерживая меня на месте.

- Домашнее задание, грязная девчонка. Продолжай писать.

Продолжай писать. Сосредоточься.

Он лижет меня, медленно и методично, его язык скользит между моих ног, будто он решил провести там всю ночь. Когда он прижимает язык к моему клитору, я стоны.

- Я не могу думать, когда ты прямо между моих ног.

- Ну, я бы на твоем месте подумал бы как начать делать это, пока я лижу тебя, поскольку в противном случае твой следующий урок будет включать в себя несколько оргазмов.

По моему позвоночнику проходит покалывание. Интонация его голоса звучит так, будто он угрожает, но перспектива испытывать оргазмы, пока я не закончу свое задание, совсем не похожа на пытку.

- Я буду продолжать трахать тебя своим языком, пока ты не закончишь писать, и я не остановлюсь, пока ты не сделаешь домашнюю работу.

Его рот накрывает мою киску, и я едва могу дышать.

- Как я смогу сосредоточиться на своем задании, когда ты делаешь это?

- Ты умная девочка, - говорит он, посмеиваясь. – Надеюсь, что ты это осознаешь. Возвращайся к заданию.

Я начинаю снова печатать, но успеваю напечатать лишь пару слов, как язык мистера Гейба вновь начинает свою работу. Его рот теплый и влажный, и это самое удивительное, что я чувствовала в своей жизни. Я не понимаю, как он может думать, что я способна работать, пока его язык щелкает мастерскими штрихами по мне, вверх и вниз по моей шелке и вокруг клитора до тех пор, пока экран ноутбука не начинает размываться. Когда он всасывает мой клитор в рот, волна возбуждения ударят по мне так сильно, что я почти падаю на стул.

Он делает паузу, руками держа мои бедра.

- Я не слышу печатания, Пьюрити. Ты пишешь?

- Пишу? – я бормочу.

Точно. Я должна работать.

Щурясь, я смотрю на экран, пытаясь сформировать целостную мысль, но это невозможно, пока это пульсирующее ощущение между ног отвлекает меня.

Он не вернет свой рот на мою киску, пока я не начну писать, поэтому

я начинаю печатать глупые бессмысленные слова. Но даже это требует концентрации, которая едва приходит ко мне.

- Продолжай писать, - бормочет он.

Затем он вставляет свой язык внутрь меня.

Внутрь моей киски.

- О, боже мой, - стону я. Любая попытка что-либо написать вылетает в окно, вместе с любым подобием хладнокровия, которым я хоть чуть-чуть обладала до этого. Сжимая подлокотники на стуле, мои ногти врезаются в кожу, когда он толкает свой язык дальше. Мои бедра прижимаются к его лицу считай по собственной воле, и я начинаю ритмично двигаться, пока он трахает меня своим языком.

Мистер Гейб трахает меня своим языком.

Это самое грязное, что я когда-либо делала в своей не слишком насыщенной жизни. А также самое горячее.

Я закрываю глаза и откидываю голову назад, позволяя удовольствию, которое он доставляет мне сейчас, полностью поглотить себя. Если бы я узнала раньше, что это может быть так хорошо...

И тут он останавливается.

- Грязная девчонка, я чувствую, как ты трахаешь мое лицо, но я не слышу, чтобы ты печатала.

Мое дыхание затруднено. Я хочу кричать о том разочаровании, когда меня почти доводят до оргазма, а затем отказывают в нем.

- Это потому, что я не могу печатать.

- О, ты можешь, - настаивает он.

Моя киска сжимается.

- Я знаю, что у тебя достаточно самодисциплины, ведь ты та девушка, которая говорила мне, что она почти никогда не касалась себя.

- Но это было раньше, - скулю я.

- До чего?

- До того, как ты начал...

До того, как ты начал меня возбуждать, заводить и проникать в мысли, так, что я не могу думать ни о чем, кроме тебя.

Как я могу объяснить ему, что то, что он сделал, каким-то образом изменило меня? Я не знала раньше, как хорошо все это может ощущаться. Теперь я жажду его прикосновений. Пара оргазмов от него, и теперь я желаю испытать все оргазмы в мире.

Я боюсь того, что произойдет, когда он использует свой член вместо языка. Я могу сойти с ума, стать сумасшедшей нимфоманкой, которая не сможет встать с кровати.

- До того, как я начал что? – он щелкает кончиком языка по моему клитору.

- Прекрати делать это, - отрезаю я, мои руки тянутся к его голове. Я склоняюсь над ним; я должна руководить процессом.

Но у него волшебный язык.

И волшебные пальцы.

И, вероятно, волшебный член.

- Прекрати делать что? – он обхватывает мой клитор своим ртом, и мне кажется, что я могу заплакать от облегчения, снова ощущая его язык на мне. Мои глаза смотрят на экран моего ноутбука, и я сдерживаю себя, чтобы не засмеяться. Я набрала три предложения, и ни одно из них не имеет смысла.

С такой скоростью я могу провести всю ночь на его лице.

Думаю, я мечтаю провести всю ночь на его лице.

Язык мистера Гейба перестает двигаться, и я слышу жужжащий звук, но не могу понять, что это.

- Пьюорити, - бормочет он между моих ног.

- Ммм, - я не могу отдохнуть, голова кружится от возбуждения.

- Это у тебя вибрирует?

- Что? Это не у меня.

- Думаю, это твой телефон, - говорит он, поднимая меня с себя. Я стону от разочарования, когда он выскользывает из-под меня.

- Все в порядке. Я отправлю звонок на голосовую почту.

- Отвечай, - говорит он мне, забавляясь.

Телефон продолжает вибратором. Как долго эта чертова штука будет звонить?

- Возьми свой телефон прямо сейчас, - настаивает мистер Гейб. – Ответь и сядь своей киской мне на лицо. Сейчас же сделай это или больше не будет никаких оргазмов.

Он хочет, чтобы я ответила на звонок, пока он будет лизать меня? Он не посмеет.

Когда он смотрит на меня, а уголки его рта дергаются, я понимаю, что это именно то, что он собирается сделать.

- Быстрее, грязная девчонка, - говорит он мне. – Если он перестанет звонить, больше никаких оргазмов.

Я иду, чтобы взять телефон, но как только я понимаю, кто звонит, мое сердце останавливается. Держа мобильный, я шиплю на мистера Гейба.

- Я не могу ответить на этот звонок. Это мой отец.

Но мистер Гейб просто посмеивается. Ублюдок.

- Отвечай, Пьюрити.

К счастью, телефон перестает звонить.

- Звонок перешел на голосовую почту.

- Неси его сюда и садись мне на лицо, - приказывает мистер Гейб. – Мы оба знаем, что он не перестанет звонить.

- Я не могу, - слабо протестую я. Я не должна этого делать. Мистер Гейб между моих ног, пока я разговариваю с отцом – это слишком грязно. И все же я так заведена, так близка к оргазму...

Я выпускаю длинный выдох и возвращаюсь в свое положение.

Боже помоги мне.

Менее чем через тридцать секунд телефон снова начинает вибрировать. Я сыплю проклятия, скрывая их под своими тяжелыми вздохами.

- Не смей игнорировать телефон, - произносит мистер Геб, пока его язык изучает мою киску.

- Это так...

- Неправильно? – он заканчивает за меня. – Переходит все границы?

- Да, - я задыхаюсь, когда он прикасается пальцем к моему входу. Моя голова кружится.

- Именно поэтому ты ответишь на чертов звонок, Пьюрити. Включи громкую связь.

- Громкую связь? – возмущаюсь я. Это неправильно. Я не могу сделать этого.

Но мистер Гейб скользит пальцами по моей дырочке, и я не хочу, чтобы он останавливался. Я хочу, чтобы он заставил меня кончить.

Мне нужно, чтобы он заставил меня кончить.

Я определенно попаду в ад, но сейчас я готова продать душу, чтобы кончить на лицо мистера Гейба.

- Сделай это, Пьюрити, - говорит он грозным голосом. – Ты взрослая женщина, которой нужно перестать позволять своему отцу контролировать себя.

Я почти что снова начинаю протестовать, но он прав.

Я нажимаю на кнопку.

- Мы больше не отвечаем на звонки? – глубокий голос моего отца разносится по всей комнате, пока мистер Гейб вставляет два пальца в меня до тех пор, пока они полностью не входят.

Сжимая боковые стороны стула, я отчаянно стараюсь не закричать, смотря на экран телефона, на котором жирными буквами написано «Алан Тейлор».

- Конечно, я отвечаю на звонки, отец, - говорю я. Мой голос дрожит, и я молюсь, чтобы он не услышал никого, кроме меня, в этой комнате.

- Чем ты занимаешься? – спрашивает он подозрительно.

- Я? – пищу я, мой голос на октаву выше, чем обычно. – То есть, я? Ничем. Я ничем не занимаюсь.

Плечи мистера Гейб трясутся между моих ног. Этот засранец смеется.

Я шлепаю его по затылку, и взамен он так сильно засасывает мой клитор между своих губ, что я издаю стон.

- Что это было? – спрашивает мой отец.

- Ох, это просто телевизор, - вру я.

- Я надеюсь, что ты не смотришь ничего из того, что я бы не одобрил, - цыкает он.

- Конечно, нет, - я снова вру, а мистер Гейб усмехается, тем самым посылая вибрацию между моих ног, и это сводит возможность нормально притворяться, будто ничего не происходит, к нулю.

- Как прошла служба? – спрашивает мой отец.

Мистер Гейб проводит языком по моему клитору.

Боже.

Я определенно попаду в ад.

- Служба была... - мой голос пропадает, когда мистер Гейб толкает в меня кончики своих пальцев в то же место, которое почти мгновенно привело меня к оргазму тогда на кухне.

Нет, нет, нет.

Паника поднимается к моему горлу, когда удовольствие начинает волнами омывать меня.

Я не могу сделать это прямо сейчас. Не пока я разговариваю по телефону.

Разговариваю о церковной службе.

- Она была... - я не могу отдохнуть. – О боже... Божественной, я имею в виду. Ох, какой божественной.

- Не лги мне, Пьюрити, - щелкает он. – Я знаю, что ты делаешь.

- Что? – мой голос хрипит. Кажется, у меня паническая атака. Он услышал мистера Гейба? *Откуда он знает?*

- Я знаю, что ты лжешь мне о посещении церкви, - продолжает он.

Ложь о посещении церкви – наименьший из моих грехов.

- Я... - начинаю я, но пальцы мистера Гейба продолжают ласкать меня прямо в *том самом* месте. Я не могу придумать разумную ложь, что уж говорить тогда о признании моему отцу, что я не просто не ходила в ту церковь, которую он выбрал для меня, но я вообще не собираюсь ходить в

какую-либо другую.

- Что, Пьюрити? У меня нет на это времени. Выкладывай.

- Я ходила в другую церковь, - говорю я быстро, мои пальцы еще крепче сжимают стул, пока пальцы мистера Гейба в постоянном темпе двигаются внутри меня, будто он совершенно не догадывается о том, что в данный момент я разговариваю со своим отцом-проповедником.

Будто не происходит ничего страшного и это не полный провал.

- В какую церковь ты ходила? – требует ответа мой отец. – Я выбрал ту по нескольким причинам, и я говорил с пастором. Он ждал тебя.

- Хм.... Церковь, в которую я ходила... - я сильно кусаю губу, чтобы хоть как-то удержать свое дыхание, потому что сейчас оно звучит, будто я бегу марафон.

Мистер Гейб еще быстрее трахает меня своими пальцами. Он крутит языком вокруг клитора. Мое тело распалено, мое лицо покраснело, мой лоб влажный, а голова напряжена, поскольку я прямо сейчас пытаюсь удержать себя от крика. Мне хочется стонать и кричать так, чтобы весь мир услышал меня, но я не могу. Вместо этого я сжимаю стул до тех пор, пока мои пальцы не немеют, и я больше не чувствую их. Я кусаю губу, чувствуя вкус крови.

Какой был вопрос?

- Ты не знаешь в какую церковь ходила?!

- Эм, да. Я... - я задыхаюсь.

- Ты лжешь мне, Пьюрити Тейлор? Бог ненавидит лжецов.

Мистер Гейб нажимает на то местечко внутри меня, а затем начинает гладить его быстрее. Мне кажется, что температура в его доме достигла тысячи градусов, а мое сердце бешено колотится в груди, пока я пытаюсь не закричать.

- Церковь... Хм... - слова выскользывают между вздохами. – Святого...

- Святого кого?

Черт возьми, я сейчас кончу.

Я издаю громкий вздох, когда понимаю, что я прямо сейчас испытываю оргазм, пока мой отец читает мне нотации. Я уверена в этом, так как ощущения усиливаются во мне, словно волны цунами.

Я знаю, что не смогу сдержать себя.

Я больше не могу контролировать это.

Я собираюсь испытать оргазм. Я собираюсь кончить, это будет очень интенсивно и это случится на лице мистера Гейба.

Его рот и язык щелкают по моему клитору снова и снова.

Его пальцы трахают меня все быстрее и глубже.

Моя киска набухает вокруг них, пока он вставляет и вынимает свои пальцы из меня. Звук моей влажности, пока он трахает меня, оглушает.

- Святого... Эм... О, боже, - я издаю длинный стон, тут же зажимая рот рукой.

Я же не простонала вслух? Я не могла этого сделать.

- Что происходит? – кричит мой отец.

- Ничего! – я едва произношу это слово, прежде чем снова застонать.

Проклятье.

- Ты больна? Ты плохо говоришь.

- Да! – всхлипываю я, мой голос слишком громкий и восторженный.

Мистер Гейб трахает меня все сильнее и жестче. – Больна. Я очень.... О, боже мой...

Я сейчас кончу.

Я пытаюсь успокоиться.

Старюсь быть хорошей девочкой.

- Я сейчас такая, такая, такая больная... - стону я.

Такая больная.

Такая больная, грязная и разверащенная.

Возбуждение все растет и растет, и уже слишком поздно. Я не могу остановить это, как бы ни старалась. Я задыхаюсь, сжимая бока стула, пока облизываю лицо мистера Гейба.

Я трахаю лицо своего профессора, пока разговариваю по телефону со своим отцом.

Отцом-проповедником.

И я отпускаю все.

- Да, да, да!

Я падаю через край, взрыв моего оргазма уничтожает весь мир.

Я не знаю, что произношу, пока кончаю. Насколько мне известно, я могу выкрикивать имя мистера Гейба.

Я полностью теряю контроль.

Когда я открываю глаза, я осознаю, какая вокруг тишина. Мое сердце все еще колотится, кровь громко стучит в ушах, но в комнате тишина.

Я начинаю паниковать.

Задирая юбку, я смотрю вниз на лежащему между моих ног мистера Гейба, молча пытаясь передать свой ужас. Он смотрит на меня, его глаза наполовину закрыты и пьяны от похоти; он посыпает мне самую самодовольную улыбку, которую я когда-либо вообще видела.

Задница. Должно быть, для него это все – игра.

Громкий голос моего отца разносится по комнате.

- Что это было?

Боже. Меня сейчас стошнит.

Смущение убивает меня, пока я ломаю голову в поисках ответа. Не могу поверить, что я сделала это. Не могу поверить, что мистер Гейб захотел, чтобы я сделала такое.

Это неправильно, неправильно, неправильно.

Вставая на ноги, я хватаю свой мобильный. Выключаю громкую связь и прижимаю его к уху; мое сердце колотится.

- Извини, отец, - говорю я быстро. – Мы смотрели футбольный матч по телевизору в общей гостиной. Здесь много людей.

- С каких пор ты смотришь футбол?

- Ох, с недавних пор, - я с трудом произношу слова, слишком униженная, чтобы говорить.

Мне нужно убраться отсюда прямо сейчас.

Когда я смотрю на мистера Гейба, в ответ он посыпает мне теплый взгляд. Я игнорирую это. Смущение от того, что я только что сделала слишком сильно, чтобы ответить ему. Я не могу смотреть ему в глаза, и уж тем более не могу говорить перед ним с отцом.

Я хватаю сумку и ноутбук, а затем бегу к входной двери.

27

Габриэль

По крайней мере, девушка пришла сегодня на пары.

Пьюрити зашла в класс и сдала свое задание, то, которое она должна была написать прошлой ночью, сидя на моем лице. Я намеревался удерживать свой рот между ее ног, пока она все не допишет.

Так и было, пока она не выбежала из моего дома, как испуганная маленькая девочка.

Я поехал на машине вслед за ней, надеясь, что увижу ее идущую по тротуару обратно в кампус, но это не сработало. Мои сообщения ею игнорировались.

Сегодня она одета в одно из своих платьев до пола, которое она носила в начале семестра.

Она пытается ускользнуть из моего класса, будто я не замечу, как она делает это. Она пытается протиснуться сквозь толпу студентов в коридоре, очевидно, пытаясь избежать меня, но она сталкивается с другим студентом, роняя на пол тетрадь. Когда я поднимаю ее и вручаю Пьюрити, ее лицо бледнеет.

- В мой кабинет, - мягко говорю я ей.

- Я не могу.

Я разозлен на девушку за то, что прошлой ночью она, запаниковав, убежала из моего дома вместо того, чтобы поговорить со мной о том, что она чувствовала. Я ужасно раздражен из-за того, что она не доверяет мне настолько, чтобы поговорить со мной прямо сейчас.

- В кабинет, - рычу я, наклоняясь к ней, делая вид, что просто отдаю ей тетрадь. Я притворяюсь профессионалом, несмотря на то, что я самый непрофессиональный человек в мире. – Немедленно неси свою задницу ко мне в кабинет, или, клянусь, я протащу тебя туда за волосы прямо у всех на глазах. И мне все равно, уволят ли меня за это или нет. Затем я нагну тебя, задеру это платье и трахну на своем столе.

Пьюрити смотрит на меня своими огромными, словно блюдца, глазами, но я разворачиваюсь и ухожу.

Я веду себя, как чертов дикарь.

И я прекрасно осознаю, что веду себя как безумный. Мне сейчас просто наплевать.

Прошлой ночью я переживал, и не только потому, что она ушла от меня, но и потому, что девушка оставила меня с самым грандиозным случаем посинения шаров в истории Вселенной. Я был раздавлен и

находился на грани, потому что слишком далеко зашел.

Я понял это, как только увидел выражение ее лица после того, как она кончила.

Действительно ли меня можно обвинить в том, что я перешел черту? Я теряю свой гребаный разум рядом с этой девушкой. Каждый опыт с ней совершенно новый, а когда мы встречаемся, каждый раз будто первый. Я дам ей миллион первых раз, и это сведет меня с ума.

Мысль о том, как она преодолевает свои запреты и испытывает оргазм при других людях – при своем отце, находящемся по ту сторону телефона, мудаке, который продолжает настойчиво контролировать ее жизнь издалека, толкнула меня через край, не меньшее. Я не мог перестать хотеть, чтобы она сделала это.

Не мог не想要, чтобы она отпустила себя.

Возможно, я не должен был делать этого, но мои намерения были хорошими... В самом извращенном понимании.

Само собой, минуту назад мои намерения были такими же испорченными, когда я сказал ей, что протащу ее за волосы в мой кабинет и трахну ее. Но я не логичен, когда дело касается этой девушки. Я действую не здраво и не рационально. Ничего из того, что я делаю с ней, не имеет обоснования.

Честно говоря, я не был уверен, что она вообще когда-либо теперь появиться в моем кабинете, но она делает это. Она входит в дверь со сложенными вместе руками, выглядя, как нервный и потерянный маленький ягненок.

Из-за этого я испытываю чувство вины. Я не хочу нервную, робкую маленькую девочку. Я хочу женщину, которая способна перевоплотиться в кого-то более уверенного в себе, чувствуя себя при этом комфортно.

Более безрассудную.

Я хочу женщину, которая может пуститься в омут с головой.

Пьюрити закрывает за собой дверь, с болезненным выражением на лице.

- Я не хотела сбегать.

Я подхожу ближе к ней. Она пахнет клубникой, как будто у нее новый шампунь или гель для душа, поэтому я хочу притянуть ее к себе и уткнуться носом в ее волосы.

Блять, я хочу похоронить свое лицо между ее сисек и ног.

Хочу узнать, вся ли она сегодня пахнет клубникой.

- Ты поменяла свое мнение? – спрашиваю я.

- Я не знаю... - шепчет она. – Это было так... Так безумно... И мой

отец говорил о церкви, а я...

- А ты кончила, пока он говорил по телефону.

Розовый румянец окрашивает ее щечки.

- Это было так...

- Плохо? – шепчу я. Ртом я прислоняюсь к ее уху, и она в ответ извивается, наклоняя ко мне голову, выпуская негромкий стон. – Чем-то, что хорошенькая маленькая дочурка проповедника никогда бы не сделала?

- Вот именно, – бормочет она. – Это... Самое худшее, что я могла бы придумать.

- О, я могу придумать гораздо худшие вещи.

Блядь, я такие вещи могу себе представить с этой девушкиой...

Непристойные вещи.

Все, что я хочу с ней сделать – непристойно, из-за того, кто она, из-за того, кто я. Из-за того, насколько она молода. Из-за дерзких отношений с ее отцом.

Я не могу не думать об этом. И я не могу изменить то, что хочу сделать с ней еще множество непристойных вещей.

- Я не уверена, – начинает она, делая глубокий вдох. Ее щеки краснеют. – Не уверена, что смогу сделать это с тобой.

- Поэтому ты сегодня оделась так? – спрашиваю я. Мой палец скользит по краю декольте ее платья; Пьюрити тихо хнычет. – Ты пыталась скромно одеться, чтобы это сделало тебя непривлекательной? Ты пыталась не возбудить меня?

Она смотрит на меня.

- Я пыталась... Пыталась удержать саму себя, – мягко объясняет она. – Старалась не...

- Не *что*? – я сжимаю ее грудь, и она выгибает спину, прижимаясь к моей руке.

- Старалась не выйти из-под контроля.

- Если ты хочешь, чтобы я остановился, просто скажи, Пьюрити. Я остановлюсь, а ты сможешь развернуться и уйти.

- Не останавливайся, – умоляет она. Я сжимаю ее полную грудь через ткань платья, а она кладет свою ладонь на мою грудь. Когда я сжимаю ее ягодицу рукой, она цепляется за мою рубашку, комкая материал, как будто боится, что упадет.

- Почему ты сбежала?

- Из-за того, что произошло. Ты заставил меня говорить по телефону с моим отцом.

- И тебе было стыдно?

Когда она закусывает губу и кивает, мое сердце смягчается. Черт, эта девушкиа убьет меня своими большими печальными глазами, своей нервозностью и своей проклятой озабоченностью быть хорошей.

Я беру ее лицо в свои руки, желая выцеловать всю ее неуверенность.

- Прости, Пьюрити, - говорю я ей. – Если я завел тебя слишком далеко... Если это было слишком... Прости меня.

Сейчас я бы отдал все, что угодно, лишь бы не быть такой гребаной размазней. Не знаю, что со мной не так.

- Это не ты виноват, - ее щечки краснеют. – А я. Я слишком сильно кончила.

- Не понимаю, - говорю я ей. – Тебе стыдно за то, что ты слишком сильно кончила?

Она кивает.

- Я разговаривала с отцом. Должно быть, со мной что-то не так, раз я так сильно кончила, разговаривая с ним по телефону. Что-то точно не так...

- Стоп. С тобой все в порядке, Пьюрити, - я отрезаю ее протесты, прислоняя свои губы к ее губам. Ее тело смягчается напротив моего. – Ты совершенство.

- Ты говоришь так, потому что хочешь засунуть свой член в меня.

Я не могу не засмеяться.

- Это правда. Но это не единственная причина, по которой я говорю, что ты идеальна. Я говорю это, потому что так и есть. И тебе нечего стыдиться, - прислоняясь к ней, я шепчу ей на ухо. – Прошлой ночью ты так сильно кончила мне на лицо. Ты представляешь, как сильно это заставило меня захотеть, чтобы ты так же жестко кончила на мой член?

Она хнычет.

- Я тоже хочу этого.

- Вместо этого ты трахнула мое лицо и убежала, оставив меня с огромным стояком, о котором я должен был позаботиться сам, - говорю я ей строго.

- Прости, - бормочет она.

Я преувеличенно вздыхаю.

- Подумать только, ведь я собирался научить тебя тому, что делать с эрекцией.

Она кусает губу.

- Может быть, ты все еще можешь рассказать мне?

- Даже не знаю, - я притворяюсь, что должен рассмотреть это предложение. – Можешь пообещать мне, что на этот раз не убежишь с криками?

На ее губах начинает формироваться улыбка.

- Даже не знаю. А это большая эрекция?

Взял ее за руку, я прижимаю ее ладонь к своей промежности.

- Это ты скажи мне. Думаешь, твой маленький ротик справится?

- Я не уверена, - шепчет она, глядя на меня. – Я действительно не знаю. Я никогда не делала этого раньше.

- Я знаю, - рычу я. – Но тебе придется наверстать упущенное за прошлую ночь, не так ли?

- Что именно я должна сделать, чтобы компенсировать это? – спрашивает она, смотря мне в глаза. Ее пальцы тянутся к моему поясу, и я позволяю ей расстегнуть пряжку. Она расстегивает мои штаны и берется за молнию. Я стону, когда она стягивает мои брюки и боксеры.

Затем она берет мой член в руку, охватывая его пальцами. Она резко вдыхает, когда пробегается своей ладонью вверх по моей длине.

- Как думаешь, что ты можешь сделать, чтобы компенсировать это, малышка? – мне действительно нужно перестать называть ее так. Женщина передо мной совсем не маленькая девочка.

- Я думаю... - ее голос сбивается, когда она касается кончика моего члена большим пальцем, ловя каплю спермы. Затем она подносит палец ко рту и пробует меня. – Я просто не уверена.

Она дразнится.

Я зажимаю горсть ее волос.

- Прошлой ночью ты сбежала, но на этот раз тебе не убежать. Ты распахнешь для меня эти сладкие губки. Я собираюсь трахнуть этот идеальный рот так сильно, как ты обвязала мое лицо прошлой ночью. Я собираюсь кончить в этот мокрый ротик так же сильно, как ты кончила мне на лицо, милая, и ты проглотишь все. До единой капли.

- Да, сэр, - шепчет она.

Но прежде чем она становится на колени, кто-то стучит в дверь. Глаза Пьюрити расширяются, и паника отражается на ее лице.

- Одну секунду, - говорю я, понимая, что никто из нас не запер дверь, и я стою здесь с расстегнутыми штанами.

В присутствии студентки.

- Это я, профессор Райан.

Я закатываю глаза. Ассистентка кафедры английского языка всегда подбирает худшее время в мире. Джина уже однажды видела здесь Пьюрити. Второй раз был бы крайне подозрительным.

Но у меня появляется идея. Дурная, ужасная идея.

- Залезай под стол, - говорю я Пьюрити.

- Я не буду этого делать, - шипит она.

- Еще как будешь, - приказываю я, указывая на огромный предмет мебели. Это один из тех старинных рабочих столов; уродство, которое захламляет мой кабинет, но он достался мне вместе с кабинетом. Также под ним имеется большое пространство, которое идеально подходят для Пьюрити: его передняя часть закрыта, так что ничего не будет видно.

- На колени под стол.

Кажется, что Пьюрити хочет послать меня к черту, но Джина снова стучится, и Пьюрити залезает под стол. Я следую ее примеру, садясь на свой офисный стул, подталкивая его к столу, пока Джина открывает дверь.

Включая компьютер, я притворяюсь, что работаю, когда Джина заходит в кабинет. Я делаю вид, что устал на работе, когда на самом деле я просто возбужден и сижу с расстегнутыми под столом брюками с Пьюрити между своих ног.

Когда дело касается Пьюрити, я не знаю, когда все начинает выходить из-под контроля, но я бы сказал, что нынешний сценарий входит в топ «Совершенно ужасно».

Все становится еще ужаснее, когда Пьюрити обхватывает свою руку вокруг основания моего члена. Ее прикосновение удивляет меня, заставляя меня подскочить, и это замечает Джина.

- Вы в порядке, профессор Райан? – спрашивает Джина, кидая на меня озадаченный взгляд.

Я прочищаю горло, когда Пьюрити проводит своей рукой вверх и вниз по моей длине.

- Конечно.

Часть меня не может поверить, что это происходит. Да, это я сказал Пьюрити спрятаться под моим столом, и да, это я не убрал обратно свой член, но я не ожидал того, что та же девушка, которая прошлой ночью в смущении убежала из моего дома, будет сидеть под моим столом и ласкать меня, пока ассистентка английского департамента будет находиться в моем кабинете.

Затем ее теплый и влажный рот обхватывает кончик моего члена. Это лучшее ощущение, которое я когда-либо испытывал.

Мои глаза закрываются, и мне нужно время, чтобы насладиться этим. Это очень приятно.

- Профессор Райан?

Черт, эта женщина, должно быть, имеет самый раздражающий голос в мире.

- Да? – я задыхаюсь, мой голос хриплый и осипший, как будто у меня

есть привычка курить по две пачки в день. Когда я прочищаю горло, Пьюрити глубоко вбирает меня в свой рот.

Я, блядь, сойду с ума.

Моя ладонь автоматически сильно ударяет по столу, и «взрыв» эхом разносится по кабинету. Мои глаза вылезают из орбит, и я представляю, что выгляжу сейчас как один из тех персонажей из старых мультфильмов, когда восклицаю: «Святое дермо!»

- Простите? – Джина выглядит пораженной.

Пьюрити поглощает меня. Девушка обхватывает пальцами основание моего члена и заглатывает так глубоко, что я чувствую заднюю стенку ее горла. Кажется, я услышал, как она издала рвотный звук, который был бы чертовски горячим, если бы Джина не стояла в двух футах от нас. Я громко кашляю, чтобы скрыть это, а также отвлечь себя от того, чтобы не кончить девушке в горло прямо сейчас.

- Профессор Райан! – говорит Джина, ее голос резкий.

- Да! – я отвечаю слишком громко, поскольку Пьюрити обхватывает меня своими великолепными губками.

Я сейчас умру.

Эта девушка так горячо отсасывает мне, что я чуть не падаю со стула. Я хочу трахнуть ее рот, а затем навернуться с этого стула прямо перед очень впечатлительной ассистенткой английского департамента.

- Ну, я просто хотела, чтобы вы знали, что профессор Эрдингер сказал, что вы хотели бы присутствовать на межведомственном совещании вместо него, – сообщает она мне. – Совещание состоится завтра.

Джина говорит что-то о расписании и чем-то еще, в чем я сейчас совершенно не заинтересован, потому что, о-боже-блядь, какого черта девушка делает своим ртом то, что она делает? Если бы я не был знаком с ней так долго, сколько я знаю ее, и если бы я не знал ее отца, и не знал бы, что она самая оберегаемая девушка в мире, я бы никоим образом не поверил бы в то, что она девственница.

Ни при том, как она сосет мой член прямо сейчас. Она уверена в своих движениях, ее язык ласкает и кружит вокруг меня, словно она – профессионал в этом деле.

Ее рот настолько чертовски теплый и влажный, что я практически фонтанирую спермой. Она начинает сосать сильнее, заглатывая его до конца. Если бы Джина все еще не бубнила о том, что ожидается на совещании, я бы схватил Пьюрити за волосы и насадил на свой член так сильно, что это заставило бы ее глаза заслезиться.

Я бы спустил ей в горло и сделал бы ее своей. Научил бы ее никогда

больше не убегать от меня.

Как бы то ни было, я полностью нахожусь в милости Пьюрити, мои руки лежат на столе не в состоянии каким-либо образом управлять ею.

- Профессор Райан? – голос Джини настойчив.

Какого хрена тебе надо?

Мне тяжело не закричать на нее.

- Да? – я задыхаюсь, когда Пьюрити вытаскивает мой член изо рта, а ее рука ласкает вверх и вниз мою длину, пока она неуверенной хваткой дрочит мне. Девушка понятия не имеет, как близко она к тому, чтобы получить сперму на лицо из-за того, как она пробегается своим языком по головке моего члена. Мои яйца тяжелые и полные, и я пытаюсь сосредоточиться на Джине, когда они напрягаются.

Я должен взять себя под контроль.

Я определенно не собираюсь кончить, пока Джина разговаривает со мной. Дело не в том, что у меня есть какие-то моральные запреты на это. Просто я хочу избавиться от Джини.

Я хочу, чтобы она ушла, чтобы я мог насладиться девственным ртом Пьюрити. Здесь, в моем кабинете. Хочу иметь возможность трахнуть рот Пьюрити так, как я того хочу. Хочу сказать девушке, насколько мне это нравится.

- Так вы будете присутствовать? – спрашивает Джина. – Я могу сказать профессору Эрдингеру, что вы замените его?

Пьюрити выбирает именно этот момент, чтобы снова взять мой член в рот. Она дрочила мне, пока почти не довела меня до взрыва, а теперь плотно обхватывает меня губами и берет в горло.

Затем она сосет мои тяжелые, полные яйца.

Все это происходит в считанные секунды, и застает меня врасплох. Я отчаянно пытаюсь держаться, отчаянно пытаюсь не кончить, отчаянно пытаюсь быть сдержанным.

А потом эта девчонка жестко заглатывает мой член, и я кончаю.

- Блять, да! – громко восклицаю я, а моя ладонь сильно хлопает по столу. Мои яйца плотно сжимаются, а потом я отпускаю все. Я кончаю настолько сильно, что мои глаза плотно закрываются, и я теряю связь с миром. Со всем, кроме ротика Пьюрити.

Я кончаю, и кончаю, и кончаю, а Пьюрити глотает все до единой капли.

- Не сердитесь, - Джина фыркает. – Я просто спросила. Мне показалось, что это будет хорошая возможность для вашей карьеры, и кроме того, доктор Эрдингер спрашивал конкретно про вас.

- Да? – мой член пульсирует. Я не могу расслышать то, что говорит Джина, потому что кончаю, сидя за столом. Я не могу перестать кончать. Это просто смешно. – Я не злюсь на тебя. Я просто, святое дермо, я в середине *еб...* Ебаной главы. Главы.

Джина смотрит на меня, пока Пьюрити продолжает сосать. Я словно чертов фонтан.

- Это не оправдывает вашу грубость, - бурчит она, прежде чем отмахнуться.

- Я буду счастлив сделать это, - говорю я ей, когда она что-то бормочет про избалованных творческих див, выходя из кабинета.

За ней захлопывается дверь.

- Святое дермо, - вздыхаю я, отодвигаясь от стола.

Под столом сидит Пьюрити, ее руки на коленях. Она смотри на меня, краснея, пока улыбка расползается на ее лице. Она поднимает руку, чтобы вытереть рот, а затем хихикает.

- Это было так...

- Горячо? – заканчиваю за нее я.

Она снова хихикает, когда ударяется головой об столешницу, пока выползает, опираясь на мою руку. Я сажаю ее к себе на колени, задницей прижимая к моему голому члену, а она откидывается на мою грудь.

- Я хотела сказать «весело», но «горячо» тоже подходит.

- Так ты думаешь, что было весело – отсосать у меня в присутствии постороннего человека? – шепчу я ей на ухо, когда она извивается на моих коленях.

- Может быть, - мягко признает она.

Девушке нравятся небольшие извращения. Вот почему она сбежала прошлой ночью. Она не испытала отвращения от того, чем мы занимались. Она просто возбудилась, и ее это напугало.

Я медленно тяну ткань ее длинного платья, пока она не собирается над ее бедрами. Затем я отставляю одну ногу в сторону, а затем другую, располагая их так, чтобы ее ноги были расположены по обе стороны от моих.

- Скажи это, - приказываю я. – Отсосать мне и проглотить каждую каплю моей спермы, в то время как Джина стояла рядом с нами, было жарко, как ад. Не так ли?

- Да.

Я задираю ее платье выше, обнажая киску.

На ней нет трусиков.

- Ох, блядь, - я вдыхаю ей в ухо. – Ты притащила свою маленькую

попку в мой класс в этом платье, притворяясь скромной, и настаивая на том, будто ты паинька. Но при этом ничего не надела под это платье.

- Да, сэр, - шепчет она.

- Скажи мне почему, - рычу я, пальцами скользя между ее ног. – Скажи мне, почему ты голая под этим платьем.

- Потому что я все еще хотела...

- Все еще хотела чего? – спрашиваю я ее. Мои пальцы легко скользят по ее набухшему клитору, потому что она очень мокрая. – Отсосать мне и намокнуть для меня, верно, маленькая девочка? Знаешь что, я больше не буду называть тебя так.

- Я все еще хотела... – она резко вдыхает, когда я кружу пальцами над ее клитором. Моя другая рука скользит по верхней части ее платья под ее бюстгальтер, а пальцы направляются прямо к ее соску. – Почему ты не собираешься называть меня маленькой девочкой?

- Потому что ты не маленькая, – говорю я ей. Она выгибает спину, покачиваясь на моей ноге, пытаясь заставить меня скользнуть в нее пальцами. Она жадная, требовательная, и всегда пытается взять все под контроль.

- Тогда кто я? – она тихо стонет, когда я прижимаю кончики пальцев к ее входу, чтобы подразнить ее. Она мокрая и готова для меня, и мой член начинает твердеть, когда она ерзает на мне, а ее бедра выгибаются, пока она пытается заставить меня вставить в нее пальцы.

- Грязная девчонка, – говорю я ей. Я больше не дразню ее.

Не мучаю ее. Без предупреждения я вонзаю два пальца в ее тугую, влажную киску.

На долю секунды я почти сожалею о том, что не был нежен с ней.

Но затем она стонет и корчится у меня на коленях, и я понимаю, что ей это чертовски нравится.

- Грязная маленькая девочка, – шепчет она.

Я издаю низкое рычание ей в ухо, которое не могу контролировать. Толкая пальцы глубже, я в то же время щипаю ее сосок.

- Я думал, ты ненавидишь, когда тебя называют маленькой девочкой.

Она двигается против меня, когда я трахаю ее пальцами. Она издает протяжный стон.

- О-о, вот оно, не так ли? – спрашиваю я, ссылаясь на то место, которое я поглаживаю внутри нее кончиками пальцев, а еще и на ее прозвище. – Маленькая девочка... Маленькая девочка... Тебе нравится, когда тебя так называют?

Она качает бедрами быстрее, синхронно с моими движениями. Ее

киска быстро сжимается вокруг моих пальцев, а затем все больше и больше, когда я шепчу ей на ухо:

- Моя грязная маленькая девочка.

Черт, я не могу остановиться, когда она сидит на моих коленях с задранным платьем и с широко расставленными ногами, но ее голая киска обращена к проклятой двери кабинета.

Незапертой двери кабинета.

Любой может зайти прямо сейчас.

Любой может ворваться, обнаружить нас и разрушить мою карьеру. Уничтожить меня.

Но я настолько безрассуден, что мне все равно.

- Твоя грязная маленькая девочка, - стонет она.

Мои пальцы трахают ее жестче, когда я шепчу ей на ухо.

- Неужели грязной маленькой девочке понравилось сосать член своего профессора?

- Да, да, да, - всхлипывает она. Я чувствую приближение ее оргазма с каждым ударом пальцев. Я чувствую это с каждым движением, благодаря которому она сжимается вокруг моих пальцев.

- Осторожно, - предупреждаю я. – Не стоны так громко, или кто-нибудь может зайти в кабинет и увидеть тебя в таком виде.

Она хныкает.

- Я собираюсь... О, Боже.

Я не перестаю шептать ей на ухо.

- Любой может открыть эту дверь и увидеть тебя, сидящую у меня на коленях с моими пальцами внутри тебя. Что бы сказал твой папочка, если бы узнал, что мои пальцы находились в киске его маленькой девочки?

Она стонет. Грязная маленькая девочка стонет.

Несмотря на ее протесты, несмотря на ее реакцию прошлой ночью, ее это возбуждает.

То, что мы делаем, заводит ее.

- Поторопись, сладкая, - говорю я ей. – Если ты не кончишь в ближайшее время, кто-то может войти сюда.

- Я... Так близко, - всхлипывает она. Она начинает сильнее ерзать на мне, трахая мою руку, когда я засовываю пальцы глубже. Ее дыхание рваное, ее плечи прижимаются к моей груди, когда она выгибает бедра, чтобы снова и снова встречать мою руку.

- Эта мокрая маленькая киска моя, - рычу я. – Твое тело принадлежит мне. Я собираюсь брать его снова, и снова, и снова. Ты вся принадлежишь мне, маленькая девочка.

- Да, - стонет она. Ее киска сжимается вокруг моих пальцев.

- Кто ты? – я спрашиваю.

- Твоя грязная маленькая девочка, - задыхается она. Затем она выгибается и все ее тело трястется, когда она на короткое время поднимается с моих коленей, взрываясь на моих пальцах. Ее оргазм разрывает ее так сильно, что мне кажется, что она может сломать мои пальцы.

Она закрывает рот рукой, чтобы заглушить визг, который вырывается из нее. Благодаря руке, это больше похоже на писк, чем на стон, и это почти заставляет меня засмеяться вслух. Я не могу смеяться, не над этой девушкой, испытывающей оргазм на моих коленях.

Она слишком горячая из-за того, что она делает сейчас, поэтому не может быть смешной.

Когда она падает на меня, я сижу, слушая, как ее грубое и рваное дыхание разносится по комнате. Сижу с пальцами глубоко внутри нее и жду, пока она придет в себя.

- Моя грязная маленькая девочка, - напоминаю я ей.

Моя.

28

Габриэль

- Итак, что с тобой происходит в последнее время? – Нейт дождался, пока Анджело сел на свое место, и мы передали ему блюдо, приготовленное специально для бранча, прежде чем начал говорить со мной.

Я знал, что это случится. Мой брат не глупый. Он умный и наблюдательный, и он знает меня слишком хорошо, чтобы поверить, что я отказывался от бранча в течение нескольких недель только потому, что писал книгу.

Проблема в том, что это единственное оправдание, которое у меня есть. Единственное, что я могу ему сказать.

- Я же говорил вам, что я писал, - прикидываюсь я святошей. – Много. Мой писательский кризис испарился, поэтому я пытался извлечь из этого выгоду.

Анджело смотрит на Нейта.

- Видел?

- Почему вы так на меня смотрите? – спрашиваю я.

- Просто так, - невинно говорит Анджело, пожимая плечами, пока протягивает мне тарелку. – Домашние пончики.

Мой желудок в ответ издает урчание, достаточно громко для того, чтобы даже в другом городе услышали.

- Похоже, я немного проголодался, - признаюсь я, беря пончик. – Но не думай, что я не заметил того взгляда, который ты только что кинул Нейту.

Когда я опускаю тарелку, Анджело кладет еще один пончик на мою растущую кучу еды.

- Ты ел? – Он не ждет, пока я отвечаю, прежде чем склонится к Нейту. – Твой брат выглядит так, будто похудел. Он похудел, верно?

Нейт закатывает глаза.

- Он не потерял в весе, а даже если это так, он поправится на двадцать фунтов за один лишь сегодняшний бранч.

- Ну, пропуск бранчей, очевидно, не пошел ему на пользу.

- Вы закончили говорить обо мне, как будто меня здесь нет, или вы хотите продолжить этот разговор между собой, как будто меня не существует? – спрашиваю я, кусая темный шоколадный пончик, наполненный малиновым сливочным сыром, который, думаю, может быть чем-то самым удивительным, что я когда-либо ел в своей жизни. – Я просто

спокойно посижу здесь, пока не доем всю вашу потрясающую еду.

- Я не уверен, - размышляет Нейт. Он шепчет Анджело. – Я хочу просто продолжить говорить о нем, как будто его здесь нет.

- Разбирайтесь сами, - я пилю еду в рот и делаю глоток своей «Мимозы».

Я пропускал бранч с Нейтом и Анджело. Избегал поездок сюда, потому что боялся, что мой брат сможет увидеть меня насквозь и сразу же поймет, что я встречаюсь с кем-то, из чего посыпится целый ряд вопросов, на которые я не уверен, что готов ответить.

Такие вопросы, типа, черт возьми, как я называю то, что происходит с Пьюрити?

Встречаться с ней – это не совсем та фраза, не так ли? Я не собираюсь с ней встречаться. Мы не пара. Черт, я ведь не какая-нибудь гребаная девчонка.

Дурачиться? Перепихиваться?

Какую фразу используют сегодняшние дети? *Тусоваться*.

Это звучит гораздо более дипломатично и непринужденно, чем позволять отсасывать ей или трахать ее пальцами на моей кухне.

Мы просто *тусуемся* вместе. Это звучит так, как будто не имеет большого значения; конечно, нет причин чувствовать себя виноватым за то, что не сказал об этом моему брату и Анджело. Это не то, чтобы я скрываю Пьюрити, просто нет причин, чтобы они знали о ней.

Это то, что я говорю себе.

Нейт скептически смотрит на меня.

- Значит, ты пропускал бранч только потому, что скрывался в своем доме?

- Здорово, что ты снова пишешь, Гейб, - говорит Анджело, кидая на Нейта злобный взгляд.

Нейт ворчит.

- На прошлой неделе он говорил, что у него грипп.

- Ох, да оставь его в покое, Нейт, - ругается Анджело. – Мы выносили ему мозги за то, что он не писал, а теперь, когда он пишет, мы все еще достаем его.

- Ага, Нейт, - поддакиваю я, издеваясь над своим братом.

Нейт смеется.

- Я выношу ему мозг, потому что я знаю, когда мой брат лжет. И сейчас он точно врет. Я просто хочу знать, почему.

Я кусаю свой пончик.

- Тебе кто-нибудь говорил, что тебе нужно было стать копом? Или

детективом? Ты упустил свое призвание со всей этой линией козьей одежды. Кстати, как она?

Анджело светится, обхватывая ладонь Нейта своей рукой.

- Я так горжусь твоим братом, - хвастается он. – У него так много заказов, это просто безумие. Одна из фотографий козьего свадебного смокинга стала вирусной.

- Да не стала она вирусной, - вздыхает Нейт.

- Стала, - повторяет Анджело. – Почему ты все преуменьшаешь, Нейт? Ты знаешь, как я ненавижу, когда ты сводишь к минимуму свои успехи. Просто прими это.

- Я не минимизирую свой успех, - говорит Нейт. – Я просто пытаюсь убедиться, что мой младший брат знает, что он не сможет отвлечь нас от его допроса.

- Допроса? Какого допроса? – Анджело невинно спрашивает. – Мы не допрашиваем его. Мы просто обеспокоенные брат и шурин.

- Вам следовало бы поступить по-другому, - невозмутимо говорю я. – Нужно было собрать здесь всех моих друзей с семьей. Это было бы гораздо более тонко, чем ваши вопросы.

Нейт делает глоток своей мимозы.

- Перестань, - говорит он, выражение его лица забавное. – Мы же знаем, что мы твои единственные друзья.

- О, это было грубо, - говорит Анджело.

- Это было честно, - отвечает Нейт.

- Я знаю других людей, - протестую я. – У меня есть друзья.

- Тем не менее, ты никогда не приводил ни одного человека на бранч, - отмечает Нейт.

- Он тебя подловил, - указывает Анджело.

- Ну, может быть, я стесняюсь тебя, - дразню я его. – Тебе это когда-нибудь приходило в голову?

Анджело тянется к моей тарелке и отставляет ее на край стола.

- Теперь ты остался без пончиков.

- А вот это правда грубо.

Анджело с усмешкой обратно скользит тарелкой в мою сторону.

- Тогда расскажи нам о книге. Ты снова пишешь, это повод для праздника.

- Я хочу услышать о том, как фото козла стало вирусным, - настаиваю я.

- Не поддавайся, Анджело, - предупреждает Нейт. – Мой брат не заинтересован в рассказе о фотографии козы. Он буквально избегает

говорить о книге – или о том, что он пытается скрыть от нас.

- Почему ты думаешь, что я пытаюсь что-то скрыть о вас? Козы смокинги по своей сути веселая вещь, так почему бы мне не поговорить о них, а не о моей скучной книге?

Анджело смотрит на Нейта.

- У него неплохое оправдание, знаешь ли.

Нейт закатывает глаза.

- Ты всегда попадался на его выходки.

- Это не выходки, - заявляю я, кусая следующий пончик. – Анджело, это чертовски вкусно, между прочим. Меня слишком отвлекла необходимость защищаться, чтобы сказать тебе это.

Анджело самодовольно улыбается Нейту.

- Это пончик с корицей и яблоком, а также с вишневой глазурью с добавлением бурбона, - говорит он.

- Святое дермо, - бормочу я, мой рот полон еды.

- Я живу, чтобы кормить тебя, - говорит он мне.

- Мне казалось, что ты живешь, чтобы кормить меня, - протестует Нейт.

Анджело шевелит бровями в сторону Нейта.

- Я накормлю тебя позже.

Нейт наклоняется вперед.

- Он говорит о своем члене.

Я давлюсь пончиком.

- Я ем!

Нейт смеется, откидываясь на спинку стула.

- Я тоже говорю о еде.

Я издаю рвотный звук.

- Всегда мечтал услышать о сексуальной жизни моего брата на бранче, спасибо.

- Ну, говоря о сексуальной жизни... - Анджело направляет свое внимание на меня.

Я стону.

- Мы уже говорили об этом.

- Твой брат настаивал на том, что ты пропускал бранч, потому что трахался, а не писал, - продолжает он. – А я думаю, что это неправда.

- Спасибо, Анджело. Я рад, что хоть кто-то верит в мою честность.

- Ну, я думаю, что это неправда, потому что тебе суждено быть грустной старой девой, - заканчивает он.

Нейт фыркает.

- По крайней мере, я считаю, что ты способен на секс.
- Кто сказал, что я не способен потрахаться?
- Так кто ты – грустная старая дева или любовник? – спрашивает Анджело.

- Ты такой поэт, - говорит Нейт.
- Это одно из моих многочисленных умений, - отвечает Анджело.
- Я не трахался, - говорю я им. Мне даже не нужно врать об этом. У нас еще не было секса. Мы делаем все, кроме этого.
- Нет, я не верю тебе, - заявляет Нейт, вытирая рот салфеткой и бросая ее на стол в насмешливом отвращении ко мне.
- Я верю ему, - настаивает Анджело.
- Это потому, что ты хочешь выиграть, - отвечает Нейт.
- Выиграть в чем? – спрашиваю я.
- Ни в чем, - быстро говорит Анджело.
- Подождите секунду. Вы поспорили на меня?
- *He-e-e-t*, - говорит Анджело.
- Пари, - спокойно произносит Нейт. – Крошечное. Совсем небольшое.

Я смотрю на их двоих.
- Это пари о моей сексуальной жизни или моей книге?
Нейт пожимает плечами.
- О том и другом.
- И вы говорите, что у меня нет жизни?
- Ну, это то, о чем идет речь, на самом деле, - говорит мне Нейт.
- Давайте поговорим о козлах, - прерывает Анджело.
- Я хочу поговорить о пари, - настаиваю я.
- Ты хочешь участвовать в нем? – услужливо предлагает Нейт.
- Итак, ставка делается на то, чем я занимался в течение последних нескольких недель? – спрашиваю я. – Я присоединюсь, если вы добавите «планирование убийства моего брата» в список вещей, которые я, возможно, сделал.
- Это кажется чем-то правдоподобным, - размышляет Анджело.
Взгляд Нейта сосредоточен на мне.
- Это бывшая жена, не так ли?
- Что бывшая жена? – спрашиваю я.
- Это не бывшая, - заявляет Анджело, хмуря брови. – Он ненавидел эту сучку. Он никогда не вернется к ней. Это профессор истории.
- Я не вернусь к бывшей жене, - говорю я им, ощущая отвращение при одной только мысли. – Серьезно, Нейт?

- Это обоснованная теория, - настаивает он
 - И зачем я вообще прихожу на бранч? – размышляю я.
 - Потому что ты любишь нас, - говорит Нейт.
- Я притворяюсь, что на мгновение рассматриваю эту возможность.
- Нет, это определенно не так.
 - Потому что ты любишь мою кухню, - добавляет Анджело.
 - Тебе лучше радоваться, что ты хорошо готовишь, - говорю я ему.
 - Я хорошо играю в футбол, готовлю и трахаюсь, - заявляет Анджело.

– Если ты скажешь нам, с кем ты спишь, мы оставим тебя в покое. Отвяжись от Анджело.

Я смеюсь.

- Вы можете себе представить, что произойдет, если я признаюсь, что спал с кем-то? Вы бы на этой же недели смастерили пару козьих смокингов для моей свадьбы.

Глаза Анджело расширяются, и он рукой хлопает себе по сердцу.

- Эй, Нейт, ты сможешь сшить такое? Явижу целую козью свадьбу, со смокингами и платьями для козочек-невест.

- Обуздай своего мужа, Нейт.

- Как раз хотел взяться за вожжи сегодня вечером, - лицо Нейта каменное.

Я стону.

- Вы сегодня просто в ударе.

Анджело пожимает плечами.

- У нас накопилось много сарказма, потому что мы не видели тебя в течение нескольких недель. Мы тебя почти забыли. Сегодня ты как будто воскрес из мертвых.

- Говоря о восстании из мертвых... - вмешивается Нейт. – Как там дочка проповедника?

Oх, черт.

Я давлюсь своей «Мимозой», не переставая кашлять, по крайней мере, целую минуту, пока они оба смотрят на меня.

- Интересно, - хмурится Анджело.

Я кашляю сильнее.

- Нет, все в порядке, я в порядке, правда. Не помогайте мне. У меня все нормально.

- Ты что, шутишь? – спрашивает Нейт.

- Почему ты так смотришь на меня?

- Ого-го! – восклицает Анджело, широко открывая глаза, пока тянется к круассану. – Дочка проповедника? Разве ей не восемнадцать?

Нейт хмурит брови.

- Нет. Дочь Алана?! Ты, должно быть, издеваешься, Гейб.

- Я не понимаю, о чем вы говорите, - вру я, а мое лицо краснеет.

- Ты не... - Нейт быстро моргает. – Я имею в виду... ты бы не стал...

Часть меня хочет сказать ему, что я не то, чтобы не стал, я уже сделал.

Но, к счастью, у меня чуть больше, чем капля мозгов. Я близок к тому, чтобы просто отказаться от своего секрета, но потом я понимаю, что это не только мой секрет. Он принадлежит и ей тоже.

Это наш общий секрет, и я не хочу препарировать его с моим братом и Анджело – или с кем-то еще, если на то пошло. Я хочу удержать его при себе. Я никогда не чувствовал этого раньше ни к кому, тем более к девушке, которую я едва знаю и даже еще не трахнул.

Я хочу держать ее при себе. Всю.

- Ты сошел с ума? – спрашиваю я, отвлекая их внимание, беря очередной пончик. – Она студентка.

Я добавляю отвращения в свой тон, а затем быстро запихиваю кусочек пончика в рот, снова почти задыхаясь.

Нейт выпускает тяжелый выдох.

- Боже правый, на секунду я подумал, что ты скажешь, что спишь с одной из своих студенток.

Анджело смеется.

- Можем ли мы сказать, что это «кризис среднего возраста», и все?

Нейт шлепает его по руке.

- Ему нужен кабриолет.

- И пересадка волос, - добавляет Анджело.

Моя рука автоматически касается моих волос.

- Мои волосы в порядке!

- О, дорогуша, - говорит Анджело чересчур успокаивающим тоном. –

Это пока.

- Вы двое такие сучки, - раздражаюсь я. – Как будто никто из вас не переспал бы с кем-нибудь вдвое моложе вас.

- Так ты встречаешься с кем-то вдвое моложе себя? – спрашивает Анджело.

- О, черт. Ты встречаешься со студенткой? – продолжает Нейт.

- Нет! – восклицаю я, расстроенный их продолжающимся допросом. – Это профессор истории, черт возьми!

- О, боже мой, я знал это! – Нейт громко кричит, хлопая ладонью по столу. – Плати, засранец!

Анджело фыркает.

- Я знаю, что это я дал ему ее номер, но я действительно не думал, что он позвонит ей.

- Ну, а я позвонил, - вру я. – Пошел до конца.

Нейт смотрит на Анджело.

- Я не могу поверить, что мы действительно подумали, что он трахнул плоть и кровь Алана, - смеется он. – После того, как церковь этого человека пикетировала нашу свадьбу? Мой родной брат не тронет эту девочку даже десятифутовым шестом. Я имею в виду, действительно, я мог бы долго выносить Гейбу мозг, но он самый преданный человек, которого я знаю.

Самый преданный человек, которого он знает.

Я залпом выпиваю «Мимозу».

Да, это я: преданный моему брату и Анджело, не имеющий кризиса среднего возраста, и уж точно не трахающий восемнадцатилетнюю дочь Алана, человек.

29
Габриэль

Я лгу всем подряд.

Я лгу своему брату и Анджело, двум самым близким людям в своем мире, говоря им, что встречаюсь с профессором истории, а не с дочерью Алана. Я лгу своим коллегам, притворяясь, что между мной и одной из моих студенток нет никаких неуместных отношений. Я лгу всем своим ученикам, притворяясь, что между мной и одной из их сверстниц ничего не происходит.

С тех пор, как я побывал на бранче, я не могу выкинуть из головы то, что сказал Нейт. Его реакция воспроизводится в моей голове, проигрываясь снова и снова.

Кризис среднего возраста.

Плоть и кровь Алана.

Сейчас четыре утра, и я бегу по городу, потому что не смог уснуть. На улице холодно, туманно и сырьо, что хорошо соответствует моему угрюмому настроению. Музыка не делает ничего, чтобы помочь заглушить осуждающие слова моего брата, которые, кажется, снова и снова повторяются в такт моих шагов, пока я бегу по тротуару.

Кризис среднего возраста.

Пикетировал нашу свадьбу.

Не тронул бы ее даже десятифутовым шестом.

Гейб — самый преданный человек, которого я знаю.

Я набираю скорость, пытаясь заглушить чертовы мысли, которые приходят быстрее, чем я бегу.

Кризис среднего возраста.

Едва ли совершенолетняя.

Непристойные отношения.

Я бегу до тех пор, пока желание проблеваться не становится непреодолимым. Бегу до тех пор, пока не начинаю задыхаться, и мне приходится остановиться на обочине дороги, складываясь пополам, потому что меня тошнит. Я стою, задыхаясь, но мысли все еще не уходят.

Мне нужно остановиться, пока это не зашло куда-либо дальше.

Еще есть время остановиться. Я еще не прошел весь путь с Пьюрити. Я не лишил ее девственности.

Она бы отдала ее тебе. Она даст тебе все, о чем бы ты ни попросил.

Ты уже сказал ей, что заберешь все. И ты сделал все, разве что не переспал с ней. Будет ли трахнуть ее действительно плохо?

Это было бы совсем не плохо. Это было бы потрясающе.

Из всех людей в мире, я думал, что мой брат поймет меня. Он всегда был моим лучшим другом. Он знает, что я не подонок. Знает, что я не стал бы использовать молодую девушку в своих интересах. Но, к сожалению, даже Нейт, который знает меня лучше, чем кто-либо еще, видит все в ином свете.

Я знаю, что это неуместно и непрофессионально, но я пытался убедить себя, что это нормально.

Мне нужно остановиться, прежде чем это зайдет дальше, прежде чем я сделаю что-то, чего не смогу вернуть. Остановиться будет правильно.

В понедельник я избегал Пьюрити. Когда она написала мне в тот день, прося поработать над домашним заданием у меня дома, эта просьба чуть ли не подкосила меня, но я заставил себя проигнорировать сообщение. Когда она написала мне во вторник, спрашивая, все ли в порядке, я ощутил вину за то, что заставляю ее думать, что я мудак. Я быстро отправил ей ответ: «сегодня вечером занят, увидимся завтра на уроке», и почувствовал себя полным хреном.

В последний раз, когда я видел ее, я сказал ей, что она моя грязная маленькая девочка.

Теперь я обращался с ней, как с грязным маленьким секретом.

Она заслуживает большего, чем пошлый роман с ее профессором в колледже, большего, чем встречаться тайком, большего, чем сосать мой член, сидя под столом. Она должна встречаться с кем-то ее возраста, с кем-то, кто сможет принять ее и относится к ней как к чему-то лучшему, чем маленький грязный секрет.

Для нее было бы лучше прекратить все это. Следует поступить благородно, точно.

Завтра поговорю с ней.

Я нахожусь не более пяти минут в своем кабинете после того, как закончил занятие, когда Пьюрити заходит в него так, будто владеет этим местом. Она закрывает за собой дверь и говорит, прежде чем я могу что-либо сказать ей.

- Что-то не так?

- Потому что я занят? – я стараюсь произнести это спокойным тоном, хотя на самом деле я хочу обрушить свой рот на нее, схватить ее, и сказать всем остальным в мире, чтобы они пошли на хер, потому что это не их

дело, с кем я сплю.

Логически, я понимаю, что это взволновало бы многих людей, если бы они узнали, что я сплю с ней, потому что она студентка.

Моя студентка.

Вот почему я должен прекратить это.

- Нет, это не потому, что у тебя не было времени пригласить меня к себе, - говорит она. – Это потому что ты ведешь себя как мудак.

- Я когда-нибудь говорил, что я не мудак? Кажется, я предупреждал тебя, что я не хороший человек.

- Это было по-другому. Ты предупреждал меня об этом в контексте...

Ее голос затихает.

- В контексте чего?

- Секса, - шепчет она, краснея.

- Мы не занимались сексом, - поправляю ее я.

- Пока еще, - говорит она, а затем останавливается, когда я не соглашаюсь с ней. – Ох. Ты не хочешь этого? Я имею в виду, я думала, ты хотел... Когда ты говорил все эти вещи о том, что я твоя...

Я хочу тебя больше всего на свете.

Вот я мудила.

Я пожимаю плечами.

- Ты говоришь подобное, когда...

Она меня перебивает.

- Когда пытаешься заставить кого-то заползти под стол и отсосать тебе?

Черт, нет.

- Это то, что ты говоришь, когда хочешь обладать кем-то. То, что говоришь, когда хочешь овладеть каждым восхитительным, неотразимым гребаным дюймом кого-то, и ты не хочешь, чтобы кто-либо еще даже смотрел на него. Это то, что ты говоришь, когда хочешь поглотить его целиком.

Я выдыхаю, стараясь не сказать ничего из этого, потому что, если я это сделаю, наш разговор закончится, а я распластаю ее на своем столе и трахну прямо здесь с полным пренебрежением к тому, где мы и кто мы.

Судя по выражению ее лица, она заметила мой выдох. Она кривится, а ее рука тянется ко рту.

- На днях ты был заодно со мной, а теперь ты говоришь совершенно другое. Что-то случилось?

- Слушай, Пьюрити... - начинаю я.

Она поднимает свою руку.

- Ты расстаешься со мной?

- Мы не были вместе, - говорю я ей. Странно даже говорить подобное, зная, что это истина. Мы едва ли зашли дальше, чем подростковые развлечения.

- О. Понятно, - она хмурит брови, как и всегда, когда расстроена. – Да, конечно. В смысле... Не велико дело.

Это большое дело.

Ты первая женщина за долгое время, с которой я был.

- Я так решил, - говорю я.

Она усмехается.

- Эм, серьезно. Все нормально. Я большая девочка. Не нужно подбирать слов, чтобы отшить меня.

Я совсем не хотел тебя разочаровать. Я хотел бы поднять тебя на руки, прислонить к стене, и чертовски сильно трахнуть тебя, а потом отвезти домой и уложить в мою кровать, а затем связать и больше никогда не отпускать.

- Мы действительно не должны идти дальше, Пьюрити. Я твой профессор. Я позволил этому зайти слишком далеко, и продолжить это было бы ошибкой.

- Точно, - говорит она убитым голосом.

- Ты должна встречаться с кем-то своего возраста, - говорю я ей. – С кем-то, кто может вывести тебя на публику, кто не будет прятать тебя у себя дома.

- Конечно, - ее лицо каменное. – Вам нужно что-нибудь еще, профессор?

Я худший человек в мире.

30

Пьюрити

- Ты скрываешься здесь уже несколько дней, и я знаю, что это не из-за работы, - Луна опускает руки на бедра и смотрит на меня. – Либо рассказывай все, либо вылезай из своей пижамы и пошли со мной.

- Я не скрываюсь, - протестую я. – Уже девять вечера. Я надела пижаму, потому что ложусь спать.

Все в порядке. Просто профессор, с которым мы развлекались, решил, что встречаться со мной – это полный отстой, поэтому нам нужно прекратить все это. Само собой, он принял это решение после того, как полностью разрушил меня, показав, какими потрясающими и крышеносными могут быть оргазмы, и заставил меня пристраститься к ним. Теперь я точно хочу потерять с ним свою девственность, но я не могу этого сделать, поскольку у него имеется какое-то устаревшее представление о том, что он якобы должен меня защитить, обозначив между нами границы.

- Ты ходила только на занятия и работу.

- Ты что, не знаешь меня? Это мое обычное расписание.

Луна выгибает бровь.

- Не думай, что я не замечала, как ты уходила по ночам. И это было не время для похода в библиотеку. Я не собираюсь вмешиваться, потому что это не мое дело, но вот что я скажу: что бы ни происходило, ты можешь поговорить со мной об этом, если хочешь. Я считаю нас подругами.

- Мы с тобой подруги, - если я и расскажу кому-нибудь о мистере Гейбе, так своей соседке. Луна волевая и независимая, и она не станет трепаться об этом с кем-нибудь еще. Проблема в том, что это слишком большой секрет даже для Луны. Мистер Гейб может потерять работу из-за интрижки со мной.

Кроме того, ничего такого не произошло, и это делает всю ситуацию несколько странной.

- Серьезно, все в порядке. Просто у меня завал по учебе.

- Угу, - бормочет Луна. – Ну, сегодня вечер пятницы, а завтра я еду на выходные домой к маме. Хочешь поехать со мной, повидаться с ней?

- Думаю, я займусь учебой на этих выходных.

Луна стонет.

- Отлично, ботан. Я переживу то, что ты не поедешь со мной на выходные, но сегодня ты не работаешь.

- Уже поздно. Я скоро лягу спать.

Луна жестикулирует мне, призывая подняться с кровати.

- Нет, это не так. Вставай и быстро беги в душ, потому что ты пойдешь со мной.

- Вообще-то, я довольна тем, что ложусь спать в пятницу рано вечером, - раздражаясь я. – Ну что ты делаешь?

- Вставай, - говорит она. – Просто сходи в душ и надень что-нибудь милое. И накрасься.

- Я не встану, пока ты не скажешь мне, куда мы пойдем.

Она вздыхает.

- На вечеринку. Тебе нужно куда-нибудь выбраться, а там устраивают вечеринку, на которой будет играть один из моих друзей.

Я поднимаю брови.

- Один из друзей?

Луна краснеет. Я никогда не видела, чтобы она краснела.

- Просто друг. Он вокалист крутой группы.

Я тут же вскакиваю на середину кровати.

- Ты вся покраснела! Тебе кто-то нравится?!

Мне казалось, что Луна слишком крута для отношений, а оказалось, что она влюблена в кого-то.

- Нет, - смеется Луна, корча рожицу. – Он просто... Классный. И довольно горячий.

- Но ты же не планировала брать меня с собой. Я не крутая, и я никогда не бывала на домашней вечеринке. Ты лишишься своего имиджа крутой девчонки, если возьмешь меня с собой.

Луна смеется.

- Прекрати. В любом случае, это же не вечеринка братства. Она не будет дикой. И я буду рядом с тобой, обещаю.

- Ну, не знаю...

- Я твоя соседка по комнате, - настаивает она. – Кодекс этики соседа по комнате обязывает тебя пойти со мной. Больше никто, кого я знаю, не пойдет.

Теперь я стону громче.

- Да хватит, это низко. Ты же знаешь, что мной легко манипулировать. Мой отец – пастор.

Луна усмехается.

- Знаю. И ты будешь чувствовать себя ужасно, если не пойдешь со мной. Я иду одна, а потом со мной происходит что-то страшное. Что, если меня ограбят, когда я буду возвращаться домой?

Я хмурюсь.

- Ты ужасный человек.
- Быстро в душ.
- Ладно, - тяжело вздыхаю я, сбрасывая одеяло и выпрыгивая из кровати.

Моя первая вечеринка. Я разрываюсь от волнения и тревоги.

В этом есть и моя вина. Мистер Гейб был так раздражен, когда я разговаривала с Рэндолфом в классе. Он, вероятно, рвал и метал, если бы узнал, что я была на вечеринке, где было много парней.

Но он бросил меня, так что теперь это не его дело, верно?

- Ура! – визжит Луна.

- Ты сейчас завизжала, - отмечаю я. – Как болельщица или типа того. Тебе, должно быть, очень нравится этот парень.

- Заткнись.

Я смеюсь, собирая вещи для душа.

- Я быстро, - говорю я ей.

- Обещаю, что вечеринка не будет ужасной.

- Не рекламируй ее так хорошо, - саркастично отвечаю я.

Час спустя, мы на вечеринке в доме, находящемся в квартале от района мистера Гейба, а это означает, что я не могу перестать думать о том, что я так близко к его дому, и как легко я могу сливя с вечеринки и пойти прямо туда.

Я говорю себе, что этого не случится. Я вообще не должна думать об этом.

Поэтому я фокусируюсь на веселье.

Проходит всего лишь минута, и я решаю, что вечеринки – это не мое. Это не ужасно, но и не попадет в список десяти моих любимых занятий. И хотя это не вечеринка братства, музыка достаточно громкая, чтобы оглушать, и здесь так много людей, что это заставляет меня беспокоиться. Это чувство не проходит и даже усугубляется, когда Луна берет меня за руку, пока подтягивает нас ближе к группе людей, чтобы потанцевать.

Я чувствую себя самой неловкой девушкой в мире. Я никогда раньше не танцевала, ни разу. Я понятия не имею, как правильно двигаться, и это делает меня настолько неуверенной в себе, что я хочу просто спрятаться или убежать от всех.

Луна не замечает моего дискомфорта. Она наклоняется ко мне и кричит мне на ухо.

- Видишь? Я же говорила, что будет весело. Ты отлично выглядишь!

Я пытаюсь унять свой дискомфорт и кричу.

- Какой из парней тебе нравится?

- Солист!

- О, он симпатичный!

Щеки Луны снова розовеют. Я стону про себя. Она была так добра ко мне, поэтому мне нужно собраться и пережить эту вечеринку, так как ей очень нравится этот парень. После всего, что она для меня сделала, это меньшее, что я могу сделать для нее.

Я неуклюже танцую до тех пор, пока группа не заканчивает петь. Мне нужно отдохнуть от толпы.

- Я пойду в туалет, - говорю я ей.

- Я с тобой! – кричит Луна, но затем ее видят солист группы и машет ей. Поскольку он ей явно нравится, я подталкиваю ее в его сторону.

- Иди, поздоровайся, я буду ждать тебя здесь, - успокаиваю ее я. – Я могу одна сходить в туалет.

- Ты уверена в этом?

- Иди!

- Хорошо, я буду наверху, поболтаю с ним.

Направляясь к концу комнаты, я пробираюсь по коридору в поисках ванной комнаты. Кто-то врезается в меня сзади.

- Эй, Пьюрити.

Я оборачиваюсь на звук знакомого голоса. Рэндольф из моего класса по письму стоит передо мной, держа два красных пластиковых стаканчика, и выглядит довольно привлекательно в выцветшей зеленой футболке и джинсах. Он именно тот парень, которым я должна интересоваться: хороший, почти мой ровесник. *Вполне уместный.*

Противоположность мистера Гейба.

Но он меня совершенно не привлекает.

- Мне казалось, ты не ходишь на вечеринки, - дразнится он.

- Моя соседка по комнате притащила меня сюда. Она знает одного парня из группы.

- То есть, игнорирование моей вечеринки не было попыткой оскорбить меня?

Я краснею.

- Существует ли правильный ответ на этот вопрос?

- Наверное, нет, - он смеется, вручая мне один из стаканчиков, которые он держит.

- Держи. Я купил это для своего друга, но ты выглядишь так, будто тебе нужно выпить.

Я колеблюсь, желая сказать: «Я не пью». Я никогда не пила, и я несовершеннолетняя, но, кажется, если скажу, что я не пью, это в

считанные секунды заклеймит меня как супер лузершу, поэтому я беру стаканчик.

Я сделаю лишь один глоток, вот и все.

- Спасибо, - говорю я ему, пытаясь выглядеть непринужденно, но я чувствую себя очень неловко.

Он делает глоток из своего стаканчика.

- Это кола, но она смешенная, - говорит он, останавливаясь. – Я имею в виду, смешенная с ромом, не чем-нибудь еще. Я ничем таким не занимаюсь.

Боже. Я даже не подумала о том, что мне могут что-нибудь подсыпать.

Он выглядит застенчивым, когда проводит рукой по волосам.

- Черт, все идет не очень хорошо, не так ли? – спрашивает он, протягивая стаканчик. – Хочешь поменяться? Я только что выпил из этого, так что ты будешь уверена, что я не напичкал его чем-то сомнительным. Я имею в виду, я бы в любом случае не стал этого делать, - он неловко смеется. – Клянусь, что ты не первая девушка в моей жизни, с которой я разговариваю.

Я смеюсь.

- Ты почти такой же неловкий, как и я.

- Клянусь Богом, есть люди, которые считают меня крутым.

Я делаю глоток коктейля и начинаю задыхаться. Срань Господня. Алкоголь обжигает, когда разливается по моему горлу, даже смешанный с газировкой.

- Слишком крепкий? – спрашивает Рэндолльф. – Извини. Этот коктейль был для моего друга, поэтому он чуть крепче, чем обычно. Плюс, в нем не лучший ром. Но это лучше, чем дерьяное бочковое пиво, которое здесь стоит.

- Все в порядке, - я непринужденно пожимаю плечами, как будто я просто не привыкла к вкусу алкоголя низкого качества, а не потому, что никогда в своей жизни не пробовала его.

Мы немного болтаем, а я делаю еще один глоток. На этот раз вкус не такой уж и ужасный. После еще нескольких глотков, алкоголь начинает греть мой живот, и я расслабляюсь. К тому времени, как я наполовину выпиваю его, я чувствую себя лучше, чем ожидала. Алкоголь сильно снижает мое беспокойство и заставляет меня хихикать.

Вскоре я выпиваю весь стаканчик.

- Хочешь еще? – спрашивает Рэндолльф.

Моя голова кружится, и я тупо хихикаю.

- Если бы я выпила еще один, я бы, вероятно, потеряла сознание.

Рэндольф приподнимает брови.

- Ты выпила его так быстро, что мне показалось, будто ты умеешь пить.

Я слишком громко смеюсь.

- Эм... Нет. Совсем не умею.

- О, черт. Там было довольно много выпивки.

Как раз в этот момент возвращается Луна.

- Боже мой, я искала тебя повсюду! У меня чуть сердечный приступ не случился!

- Я встретила кое-кого из своего класса! – громко восклицаю я. Мои губы кажутся онемевшими. Я ясно выражаясь?

Выражаться. Интересно, кто придумал это слово?

Луна смотрит на Рэндольфа, по крайней мере, мне кажется, что она делает это, но я не могу быть полностью уверена, потому что сейчас вокруг меня все немного нечеткое, что по какой-то причине веселит меня и заставляет хихикать. Луна ведет себя как строгий родитель, расстроенный моим плохим поведением и весельем.

- Ты в порядке? – спрашивает она меня.

- Я напилась! – я хотела прошептать это, но фраза больше похожа на крик.

Луна выхватывает пустой стаканчик из моей руки и нюхает его, прежде чем обратиться к Рэндольфу.

- Ты дал ей выпивку?

Он пожимает плечами.

- Успокойся, мамочка.

Она пихает в него пустой стакан.

- Она не пьет, идиот.

- Я никогда раньше не пробовала алкоголь, - решительно соглашаюсь я, - но это так круто!

Луна хмурится и хватает меня за руку.

- Пошли, - говорит она, начиная тащить меня. Я машу Рэндольфу, пока мы уходим.

- Куда мы идем? Ты идешь слишком быстро, Луна!

Выходя из дома, она останавливается, кладя руки на мои предплечья.

- Посмотри на меня, - требует она, и, хмурясь, смотрит мне в глаза.

- Ты ужасно ведешь себя, - хихикаю я.

- Я смотрю на свою воспитанницу, - отвечает она. – Зачем ты взяла напиток у незнакомца?

- Он не чужой человек. Он в моем творческом классе! – громко восклицаю я. Все, что я говорю, звучит очень громко и радостно. Все вокруг меня кажется таким веселым, жизнерадостным и красочным; даже Луна, которая хмурится, глядя на меня. – Я знаю его! Это Рэндолф!

Луна стонет.

- Во-первых, ты несовершеннолетняя, турица. Во-вторых, никогда ни у кого не бери открытую выпивку. Тебя никто никогда этому не учил?

- Кто научил бы меня этому? – спрашиваю ее я.

Она вздыхает.

- Хорошо, считай это уроком. Никогда не бери ни у кого, блядь, открытый напиток. В него могут подсыпать что угодно.

- О, он сказал, что ничего не подсыпал.

Теперь она стонет еще громче.

- Черт, Пьюрити, давай же.

- Я в норме, - уверяю ее я, спотыкаясь, когда она тянет меня. Мое тело чувствует себя тяжелым и усталым, а мои ноги кажутся менее скоординированными, чем обычно. – Мы можем вернуться обратно? Мне так весело!

- Ты выпила только один коктейль, верно?

Я киваю.

- Ну, тогда ты недолго будешь чувствовать себя хорошо, - говорит Луна. – Если только ты не пьяничка и просто никогда не рассказывала мне о своей пагубной привычке.

- Нет, это был мой первый раз, - с гордостью заявляю я. – Видишь, я могу пробовать новое! Я пошла на вечеринку и напилась. Я пробую разные вещи из моего списка желаний!

Луна смеется и закатывает глаза.

- Давай же, моя уставшая подружка. Давай вернемся в общежитие, пока тебя не арестовали за распитие алкогольных напитков.

- О, нет! Меня могут арестовать? Где полицейские, Луна?

- Успокойся! Здесь нет никаких копов. Но тебе нужно идти прямо, девочка.

- Девочка, - я стону, мой голос капризный. Я слишком сильно опираюсь на Луну, когда она перекидывает свою руку через мою. Почему я не могу рассказать ей? У меня не было этой проблемы несколько минут назад, хотя я и не могла встать ровно. – Девочка, девочка, девочка, маленькая девочка. Меня тошнит от того, что люди называют меня маленькой девочкой.

- О чём ты говоришь? – Луна смеется, пытаясь удержать меня, когда я

натыкаюсь на нее. – Черт, завтра у тебя будет такое похмелье. Тебе нужно будет выпить галлон воды, когда придем в общежитие.

- Мое первое похмелье! – я громко восклицаю. – Некоторые называют меня маленькой девочкой. Ну, один человек называет меня маленькой девочкой – один человек, которого я ненавижу каждой клеточкой моей души. Ну, на самом деле, не совсем. Я его не ненавижу. Точнее, раньше я его не ненавидела. Теперь я его ненавижу.

Луна только смеется, пока мы идем по тротуару.

- Окей. Вместо этого я буду называть тебя пьяной девочкой. Давай вернемся в общагу, пьяная бормочущая девочка.

- Да, - ворчу я. – Вернемся в общагу. В нашу комнату в общежитии, СРОЧНО! На старт, внимание, марш! Вперед в общагу.

Мне нужно перестать говорить. Особенно мне нужно перестать говорить о мистере Гейбе.

Но моему мозгу кажется, что поговорить с Луной о мистере Гейбе было бы ЛУЧШЕЙ. ИДЕЕЙ. В МИРЕ.

Я как раз собираюсь сказать, что встречаюсь со своим профессором. Я собираюсь рассказать Луне все, ничего не утаивая. Это кажется отличной идеей в моем очень нечетком сознании. Луна обязательно будет знать, что делать со всей этой ситуацией с мистером Гейбом.

Она разбирается в таких вещах.

Я открываю рот, готовая во всем признаться, когда вижу, как он идет по тротуару к нам со своим псом Хэми. По крайней мере, мне кажется, что это они. Но также они могут быть лишь плодом моего пьяного воображения.

- Хемингуэй! – бормочу я.

Луна смеется.

- Ты только что сказала Хемингуэй? Напиваешься и говоришь о Хемингуэе? Да уж, ты точно писательница.

- Собака, - бормочу я. – Ты видишь собаку?

- Да, я вижу мужчину, выгуливающего собаку, - медленно произносит она, как будто разговаривает с ребенком. Она останавливается, смотря на меня. – Погоди. Это твой профессор?

- Ты ведь тоже его видишь?

- Да, и тебе, блядь, нужно сейчас же собраться, если ты не хочешь, чтобы твой профессор увидел тебя в таком виде, - шипит она, пока они приближаются к нам. Она держится за мою руку. – Уверена, что ты не первая студентка из его класса, которую он увидит в нетрезвом состоянии, но я знаю, что ты хорошая девочка, и ты не хочешь, чтобы...

- Профессор Райан! – приветствую я его, когда он подходит к нам.

Ничего страшного, говорю я себе. Веди себя, будто ты совершенно не напряжена и крутая, и он подумает, что мы всего лишь две подружки, гуляющие ночью по городу. Я совершенно не расстроена тем, что он был придурком и сказал мне, что он не хочет иметь со мной ничего общего, очевидно, потому что я только что пришла с вечеринки и не могу думать о взаимоотношениях с мистером Гейбом.

- Пьюорити? – спрашивает он.

Волна головокружения бьет по мне. Меня шатает в сторону Луны, которая изо всех сил пытается удержать меня.

- Ты что, пьяна?!

31

Габриэль

Девушка мертвецки пьяна.

Если бы я не был так удивлен, когда увидел ее, я бы вышел из себя. Последним человеком, с которым я ожидал столкнуться во время прогулки с Хэми в пятницу вечером возле моего дома, была Пьюрити. По миллиону причин, самая незначительная из которых – это ее пребывание вне кампуса.

Тем не менее, она здесь, и она пьяна, как сапожник, идет, спотыкаясь, с какой-то вечеринки братства в общежитие.

Нет, я определенно взбешен.

- Ты пьяна, Пьюрити?

Мне следовало просто поздороваться и пройти мимо них. Следовало позволить Пьюрити вести себя как обычной студентке колледжа – бегать на вечеринки и прочие штуки. Но мысль о том, что она потенциально может отправиться на какую-либо вечеринку в этом штате, заставляет меня испытывать тошноту.

- Что? – кричит она, а затем хихикает. – Пьяна? Кто пьян? Я не пьяна!

Ее подруга вздыхает.

- Мы возвращаемся домой.

- Это ты ее напоила? – спрашиваю я жестким голосом. Мне не следовало бы задавать этот вопрос, но я не могу удержаться.

- Эм, я выгляжу как полная идиотка? – ощетинивается подруга. – Я бы не стала этого делать.

Пьюрити начинает сильнее хихикать.

- Не волнуйся, Луна. Он защищает меня только потому, что я росла на его глазах.

Глаза Луны становятся большими.

Черт побери.

- Это правда? – спрашивает Луна, многозначительно смотря на меня. Затем Пьюрити опирается на нее, а я протягиваю руку, чтобы поддержать ее.

Блядь. Не могу поверить, что я действительно собираюсь это произнести.

- Вы не сможете вернуться обратно в общежитие – вас заметят копы. Они дежурят по выходным рядом с кампусом. О чем вы только думали?

- Ну, я не думала, что мне придется тащить Пьюрити обратно на себе,

- жестко произносит Луна.

- Мой дом находится менее чем в квартале отсюда.

- Нет, нет, нет, - кричит Пьюрити, указывая на меня. – Ты не можешь командовать ею, и ты не можешь командовать мной. Ты мне больше не нравишься.

- Извините, она заговаривается, - говорит Луна, пожимая плечами. – Мы не пойдем к вам домой, потому что мы вас не знаем, а еще потому что, по-видимому, вы нам не нравитесь.

Пьюрити пренебрежительно фыркает.

- Ох, я знаю его.

Черт возьми, у этой девушки язык как помело, когда она пьяна.

- Я знаю его с шестилетнего возраста, - продолжает она. – Мистер Гейб. *Ми-и-стер Гейб*. Он не серийный убийца или типа того. *Oх, подруга*, у меня действительно кружится голова.

- О боже, тебя тошнит? – спрашивает Луна. – Я ненавижу блевать.

- Никакой тошноты! – восклицает Пьюрити. – Я тоже ненавижу блевать! У нас есть с тобой кое-что общее! Соседки навсегда!

Луна смотрит на меня.

- Хорошо, где ваш дом?

К тому времени, как мы добираемся до моего дома, Пьюрити кажется даже пьянее, чем она была несколько минут назад. Когда она спотыкается, проходя через дверной проем, я наклоняюсь и, поднимая ее на руки, несу в кабинет.

- Не поднимай меня, - протестует она, но ее голова откидывается на мое плечо, а глаза закрываются. – Ты мне больше не нравишься.

Последнюю часть она едва слышно бормочет.

Она справедливо злится на меня, но, черт возьми, мне ненавистно слышать, как она говорит, что я ей больше не нравлюсь – особенно, когда держу ее так, как сейчас, свернувшуюся на моих руках.

- Это *не взаимно*, - мягко говорю я ей.

Она бормочет что-то еще, чего я не могу понять, пока кладу ее на бок на диван. Она слегка поджимает под себя колени, и ее дыхание становится равномерным.

Когда я оборачиваюсь, Луна стоит в дверях кабинета и скептически смотрит на меня, положив руку на бедро.

- Просто проверяю, что вы не делаете никаких глупостей, - говорит она прямо. – Вы часто приводите пьяных девушек к себе домой?

- Впервые, - признаюсь я. – Принести тебе воды или кофе?

- Газировку в неоткрытой банке, пожалуйста. И я останусь здесь с Пьюрити, если вы не против.

Я прячу улыбку, пока поворачиваюсь и направляюсь к кухне. Я не

уверен, оскорбил ли меня тот факт, что подруга Пьюрити думает, что я могу быть Чарльзом Мэнсоном или меня впечатлило то, что она действительно защищает ее.

Когда я возвращаюсь с газировкой, Луна сидит на другом конце дивана, где лежит Пьюрити, несмотря на то, что в комнате есть еще два стула. Она как будто решила убедиться, что я не коснусь девушки.

- Вы действительно знали Пьюрити, когда она была ребенком? – спрашивает она.

- Мы из одного маленького городка, – говорю я ей.

Луна заметно расслабляется, как будто тот факт, что я из того же города, что и Пьюрити, означает, что я скорее всего, не собираюсь убивать их обоих, по крайней мере, не прямо сейчас.

- Просто чтобы вы знали: я не спаивала Пьюрити, – сообщает она мне.
– Какой-то парень напоил ее на вечеринке. Я не должна была оставлять ее одну, но она всего лишь пошла в туалет. Я не думала, что она собирается пуститься во все тяжкие. Даже не могла подумать, что она сможет выпить столько алкоголя, тем более, что она никогда до этого не пила.

- Да, понимаю.

- Значит, вы знаете отца Пьюрити?

Я выдыхаю.

- Да.

- Он тот еще фрукт.

Я фыркаю от смеха.

- Мягко сказано.

- Она никогда не рассказывала мне о том, что знает вас.

- Мы с ее отцом росли по соседству, – говорю я ей. Не знаю, почему я рассказываю это соседке Пьюрити, должно быть, мне просто нравится Луна. Пьюрити нуждается в ком-то типа Луны, в ком-то, кто будет яростно защищать, и верить в нее. – Я покинул город давным-давно.

- Тем не менее, она оказалась здесь, в вашем классе.

- Мир тесен.

Луна ставит газировку на край стола и скрещивает руки.

- Я не собираюсь оставлять ее здесь с вами. Если это то, чего вы добиваетесь, я хочу сказать.

Я вздыхаю. Это было бы смешно, если бы Луна не была так серьезна, думая, что я какой-то козел.

- У меня нет гнусных намерений. Просто чтобы ты знала.

Она ворчит.

- Да, но с другой стороны, никому нельзя доверять, – отвечает она. –

И у меня есть перцовый баллончик. Просто чтобы вы знали.

Я не могу не засмеяться. Мне все больше и больше нравится соседка Пьюрити. Я хватаю пульт от телевизора и бросаю его ей.

- Вы можете оставаться здесь столько, сколько захотите. А если хочешь, я могу вызвать для вас такси или отвести вас сам.

- Затащить мою полусознательную соседку по комнате в общежитие может быть сложновато даже для меня, - говорит она, вздыхая. – И я не думаю, что вы захотите, чтобы вас увидели в нашей комнате.

- Верно, не самая лучшая идея, - соглашаюсь я.

- Она выпила только один коктейль, так что... Может быть, она быстро придет в себя.

- Может быть.

Я подхожу к столу и достаю ноутбук.

- Посмотри телевизор, а я пока поработаю. Я могу пойти в другую комнату, если тебе так будет удобнее.

Ее лицо смягчается, пока она перещелкивает каналы по телевизору.

- Было бы лучше, если бы вы остались.

- Хорошо.

Я сосредотачиваюсь на написании, пока Луна удобнее устраивается на диване, чтобы посмотреть телевизор.

Позже я просыпаюсь, лежа головой на руке, склонившись над столом. Луна свернулась на диване, а Пьюрити сопит, закинув свои ноги на колени Луны. Я выключаю телевизор и, взяв пару одеял, прикрываю их, прежде чем уйти наверх в свою комнату.

На следующее утро две девушки все еще крепко спят, даже после того, как я возвращаюсь с Хэми с прогулки, а затем переодеваюсь после душа. Я стою на кухне и делаю кофе, когда слышу шаги.

Луна стоит в дверном проеме кухни.

- Пьюрити все еще спит, - сообщает она мне. – Но она дышит. Я проверила.

- Хорошо, - говорю я, приподнимая свою кружку. – Хочешь кофе?

- На самом деле, мне скоро нужно идти, - отвечает она. – На этих выходных я тусуюсь с мамой.

Пьюрити появляется позади Луны, ее одежда помята, а волосы растрепаны.

- Мне плохо, - признается она, ее голос хриплый.

Я хочу завернуть девушку в одеяло, отнести ее в постель и обогреть.

Луна смеется.

- Это первый раз, когда ты напилась. Ты учишься в колледже. Считай

это обрядом посвящения, так что... Поздравляю, - она смотрит на свои часы. – Мне следует вернуться в общежитие и принять душ. Я же собиралась к маме в эти выходные.

Пьюрити строит гримасу.

- Извини, что тебе пришлось заботиться обо мне, - говорит она, а затем смотрит на меня. – Вам обоим.

- Тыфу, не извиняйся, - бормочет Луна. – Не велико дело.

- Думаю, я останусь на несколько минут, и поговорю с профессором Райаном.

Луна приподнимает брови.

- Ты уверена?

Ага, уверена ли ты, маленькая девочка?

Мне следует настоять на том, чтобы она ушла. Я должен настоять на том, чтобы она вернулась в свою комнату в общежитии вместе со своей соседкой. Нам не следует оставаться наедине.

Но видеть ее в таком состоянии после прошлой ночи, осознавая, что она пошла и напилась, и что с ней могло случиться что угодно...

Я хочу наказать девчонку.

Хочу защитить ее.

- Уверена, - настаивает она.

Луна смотрит то на меня, то на Пьюрити. Затем она кивает.

- Хорошо, но если только ты знаешь, что делаешь.

- Я знаю, что делаю, - отвечает Пьюрити.

Не думаю, что Луна говорит это ей. Я уверен, что это предупреждение предназначалось мне.

Я совсем не уверен в том, что знаю, что делаю.

32

Пьюрити

- Спасибо, что позволил нам остаться здесь прошлой ночью, - я заправляю непослушный локон за ухо. Моя голова раскалывается, а во рту такое ощущение, будто я съела губку.

И для чего только люди пьют? Ведь последствия ужасны.

- Это наименьшее, что я мог сделать, - говорит мистер Гейб.

- Потому что ты бросил меня? – даже не задумываясь, выпаливаю я. Я сваливаю это на свое похмелье, которое, кажется, лишило меня способности мыслить рационально.

- Черт, Пьюрити, - рычит он. – Ты студентка. Прошлой ночью ты занималась тем, чем и должна заниматься, пока ты в колледже.

Моя рука прикасается ко лбу, как будто это поможет справиться с головной болью.

- Да уж, было весело.

Мистер Гейб подходит к шкафу, достает пузырек, высыпает пару таблеток и протягивает мне со стаканом воды.

- Это поможет от головной боли. Тебя тошнит?

Я качаю головой.

- Если бы меня тошило, я бы уже плакала. Ненавижу тошноту больше всего на свете.

Уголки его рта дергаются.

- Больше, чем ненавидишь меня?

- Я не совсем уверена. Сомневаюсь, что ты хуже тошноты.

- Я не хотел причинить тебе боль.

Я кашляю от смеха.

- Ты выбрал странный способ показать это.

- Я плохо разбираюсь в подобном дерьме, Пьюрити.

- В потрахивании студенток?

Его глаза сужаются.

- Не помню, чтобы я трахал тебя.

- Это так просто потому, что ты бросил меня, решив, что каким-то странным образом должен защитить меня от непонятно чего.

- Черт возьми, маленькая девочка, - он упирается ладонями в столешницу кухонного островка. – Ты слишком, блядь, молода. И неопытна.

Если бы у меня не было похмелья, я могла бы проигнорировать это. Может быть, я бы не стала возмущаться по поводу этого дерьма. Оставила

этую ситуацию в покое и приняла его глупое объяснение за чистую монету. Но я устала, раздражена и у меня ужасно болит голова, а еще я уже действительно сыта по горло этими его «я-делаю-это-для-тебя» штучками.

- Я говорила тебе, что мне не нужно, чтобы ты обращался со мной как мой отец, - чеканю я. – Но ты не можешь перестать обращаться со мной, как с маленькой девочкой.

- Тебе восемнадцать, - рычит он. – У тебя нет жизненного опыта, но ты хочешь...

- Я хочу трахаться кем-то старше и опытнее, чем парни из колледжа, - заканчиваю за него я.

- Черт возьми, Пьюрити.

- Может быть, я сама знаю, чего хочу, - настаиваю я. – Может быть, сидеть на коленях под столом и сосать твой член – это именно то, чего мне хотелось. Может быть, мне хотелось кончить, пока я разговаривала по телефону со своим отцом, потому что это самая грязная вещь в мире, которую я только могла себе представить. Может, мне хочется, чтобы ты трахнул меня, именно потому, что ты не студент.

- Ты должна перестать говорить о том, что хочешь трахнуться со мной, маленькая девочка. Разворачивайся и уходи. Встречайся с кем-нибудь своего возраста.

- Отлично. Ты хочешь, чтобы я встречалась с другими парнями? Хочешь, чтобы я трахалась с ними вместо тебя? Хочешь, чтобы я потеряла девственность с ними, а не с тобой? Должна ли я вернуться, когда у меня появится больше жизненного опыта? Тогда ты трахнешь меня?

Он издает низкий рык.

- Перестань говорить о других парнях.

- Почему? –зывающее спрашиваю я. – Мне показалось, ты хочешь, чтобы я набралась «жизненного опыта» - после всех этих разговоров о моей киске, принадлежащей тебе.

Прежде чем я успеваю сказать что-либо еще, его пальцы окружают мои запястья, и, дергая, он прижимает меня к своей широкой груди. Его член прижимается к моему бедру, и сквозь меня, даже через дымку моего похмелья, проносится покалывание.

- Чего ты хочешь, Пьюрити? Хочешь продолжать прятаться, потому что мы не сможем выйти вместе куда-нибудь на публику? Это то, чего ты действительно хочешь?

- Я хочу быть твоим маленьким грязным секретом, - шепчу я. Не знаю, почему эта мысль меня так возбуждает, но она того делает. – Хочу быть твоей грязной маленькой девочкой.

- Черт возьми, Пьюрити. - рычит он, прижимая пальцы к моим запястьям. – Если я тебя трахну, назад пути не будет.

Мое сердце бешено бьется в груди.

- Я не захочу возвращаться.

Больше он не говорит ни слова.

Он подхватывает меня на руки так же, как и прошлой ночью, неся меня по коридору наверх в свою спальню, где кладет меня на кровать и исчезает в ванной. Он возвращается через минуту.

- На раковине лежит зубная щетка. Я буду там через пару минут.

В антикварную ванну на ножках течет вода, формируя пузырьки. Я на минуту останавливаюсь, чтобы осмотреться. Главная ванная комната, как и остальная часть его дома, выполнена в классическом стиле: здесь черно-белая плитка и антикварная сантехника. Все это так похоже на него.

Несколько минут спустя мой рот ощущает себя гораздо менее похожим на губку, и я чувствую себя гораздо менее отвратительно. Пузырьки и вода достигают верхней части ванны, поэтому я выключаю кран. Мистер Гейб стучится в дверь.

- Входи, - зову я, мой живот трепещет.

Дверь открывается, а мистер Гейб стоит и смотрит на меня. Когда он говорит, его голос хриплый.

- Тебе следует пойти домой.

- Тебе следует перестать указывать мне, что делать.

Он ухмыляется, пересекая пространство между нами.

- Тебе следует научиться быть более уважительной, или мне придется вымыть этот нахальный маленький ротик.

- Ну, если ты скажешь мне, что вымоешь мой рот своей спермой, это только раззадорит меня, - отвечаю я.

Его глаза слегка расширяются, и это именно та реакция, на которую я надеялась.

- Вечеринка и выпивка сделали тебя маленькой хулиганкой.

- А мне кажется, что сначала получение оргазмов, а затем их лишение сделало меня капризной.

Его глаза на мгновение сужаются, но потом выражение его лица смягчается, пока он тянет меня на себя. В ответ на его прикосновения по моему телу разливается тепло. Прошла неделя без него, без ощущений его прикосновений, и мое тело скучало по нему.

- Я не должен был так поступать, - признается он. – Все это для меня ново.

- Ты никогда раньше не трахал восемнадцатилетнюю дочь своего

друга детства? – дразнюсь я.

- Продолжай умничать, и ты больше никогда не получишь от меня извинений.

- Надеюсь, что ты больше никогда не сделаешь ничего, за что будешь должен извиниться, - с наглостью говорю я ему.

Он целует меня в макушку.

- Мы оба, маленькая девочка.

Кладя ладони ему на грудь, я толкаю его назад. Снимая блузку через голову, я бросаю ее на пол, а затем расстегиваю джинсы.

- Я говорил тебе раздеться, маленькая девочка?

- Нет, - я выхожу из своих джинсов и снимаю нижнее белье, бросая бюстгальтер на плитку. – Я не спрашивала твоего разрешения.

Уголки его рта подергиваются.

- Ты пытаешься найти приключений на свою попку?

Я пожимаю плечами.

- Может быть, - говорю я ему. – Ты уже слишком долго угрожаешь мне.

- Правда?

- Ага, - отвечаю я. – Ты сказал, что не трахнешь меня, пока я не буду готова. Ну, теперь я готова. Может, тебе стоит трахнуть меня уже, наконец-то?

- Правда?

- Правда.

- Ох уж этот, блядь, ротик, - рычит он. – Залезай в ванну.

Подавляя улыбку, я делаю то, что он велит. Я опускаюсь в ванну на ножках, и позволяю теплой воде и пузырькам окружить меня, окутав мое тело прямо до подбородка.

Я закрываю глаза. Теплая вода ощущается просто удивительно, вероятно, в миллион раз лучше, чем в любой другой день, так как у меня все болит, и я плохо спала. Когда я открываю глаза, мистер Гейб ставит тиковое кресло к изголовью ванны.

- Ты не присоединишься ко мне?

- Не-а.

- Что ты собираешься делать? – спрашиваю я, мое дыхание замирает в горле, когда он садится на кресло.

- Я собираюсь помыть тебя, а затем уложить в постель.

Адреналин проносится сквозь меня.

- То есть, мы собираемся... Ну, ты понимаешь?

Он включает воду, берет ручную насадку и мочит мои волосы.

Медленно, он начинает мыть мои волосы, пальцами массируя кожу головы, пока мои глаза практически не закатываются внутрь черепа. Затем он трет мою шею и плечи, пока я не становлюсь подобием кашицы, а мое тело превращается в желе.

К тому времени, как он прислоняет свои губы к моему уху, я забываю, о чем мы вообще разговаривали.

- Значит ли это, что мы собираемся... Что? – спрашивает он. – Мне хочется услышать, как ты говоришь это.

- Это значит, что мы будем *трахаться*? – шепчу я.

Он снова включает воду и, не торопясь, ополаскивает мои волосы.

- Скажи это еще раз, грязная девочка.

- *Трахнуться*, - шепчу я. – Ты собираешься трахнуть меня?

- Готова ли ты для меня? – он выключает воду и кладет ручную насадку обратно.

- Более чем готова, - отвечаю я ему. Кажется, моя киска между ног, пульсирует, соглашаясь со мной.

Он рычит мне на ухо, его руки продвигаются от моих плеч к груди, настолько медленно лаская меня, как будто им больше нечего потрогать. Мои соски твердеют в ответ на его прикосновения, и возбуждение струится сквозь меня.

Я слегка стону. Я так скучала по ощущениям его рук на своем теле.

- Твой первый раз... Не должен произойти с кем-то, кто годится тебе в отцы, - говорит он.

Как он может чувствовать вину за то, что трахнет меня после того, как я сама практически бросилась на него?

- Значит, ты хочешь, чтобы кто-то моего возраста научил меня всему?

Он зажимает мои соски между пальцами, посыпая небольшую боль с последующим возбуждением сквозь меня. Я издаю низкий стон, когда он грубо говорит мне на ухо.

- Никто, кроме меня, не прикоснется к тебе. Никогда.

- Ты же говорил, что...

Он скользит рукой между моих ног, его пальцы сразу же находят мой клитор, и он сжимает его так же, как он щипал мои соски минуту назад. Я громко кричу, но потом он начинает гладить меня, и я чувствую, что таю.

- Если ты переспишь со мной, ты станешь полностью моей, маленькая девочка, - заявляет он. – Этот клитор будет моим. Поняла?

- Да, сэр, - шепчу я, выгибая бедра, чтобы заставить его прикоснуться ко мне. Я страдаю от того, как сильно желаю его. Я хочу, чтобы его пальцы были внутри меня.

Хочу, чтобы он был внутри меня.

Он недолго дразнит меня, прежде чем засовывает пальцы глубоко в мою киску. Они с легкостью скользят в меня, потому что я настолько влажная для него, что это ощущается даже в воде.

- Эта тугая, мокрая маленькая киска принадлежит мне, - говорит он. – Понятно?

- Да, сэр, - я задыхаюсь, когда он трахает меня пальцами, кончиками гладя прямо то самое местечко внутри меня, которое он, кажется, нашел без какого-либо труда. Его другая рука сжимает мою грудь, он прижимает меня к ванне, а его щека близко к моей. Его пальцы растягивают меня, двигаясь внутрь и наружу, до тех пор пока мое дыхание не становится прерывистым.

- Сэр, - бормочет он. – Почему мне так сильно нравится, когда ты называешь меня так?

- Потому что ты грязный старикишак, - дразню его я.

В ответ он сильно прижимает кончики пальцев к тому местечку внутри меня и гладит там, пока я не начинаю задыхаться.

- Если это твой способ... помучить меня за то, что я болтаю... тогда ты совершенно не отговариваешь меня от того, чтобы быть... болтушкой, если ты понимаешь, о чем я.

Его низкий голос звучит рядом с моим ухом.

- Это мой способ извиниться за то, что я был мудаком.

Я стону громче, когда он гладит меня.

- Продолжай извиняться.

- Моя, - рычит он. – Моя навсегда. Ты поняла?

- Твоя, - шепчу я. Слово переходит в стон, и я повторяю его снова и снова, пока он подводит меня к краю. Мои бедра, кажется, двигаются по собственной воле, когда я трахаю его руку.

После этого больше нет слов. Никто из нас ничего не говорит. Он лишь ласкает меня до тех пор, пока я почти что дохожу до пика, мое дыхание становится рваным, а тело вялым, податливым и готовым на все, чего бы он ни попросил от меня.

Затем он перестает гладить меня, оставляя мою киску пульсировать вокруг своих пальцев.

- Это были мои извинения, - говорит он. – А это твое наказание за то, что ты ходила на вечеринку и вела себя как маленький ребенок.

Он вытягивает пальцы из меня, оставляя мою киску пустой и желающей. Я в разочаровании хнычу, когда он вынимает пробку из ванной.

- Я не вела себя как ребенок, - протестую я.

Он держит пушистое полотенце.

- Вылезай из ванны, хулиганка, - приказывает он, улыбаясь уголком рта.

- Тебе следует быть добре ко мне, - говорю я ему. – У меня похмелье.

- Ох, я буду очень добр к тебе, - обещает он, заворачивая меня в полотенце и плотно прижимая к себе.

- Очень-очень?

- Очень-очень, - говорит он, подхватывая меня, завернутую в полотенце, на руки. Он несет меня в спальню и укладывает на кровать.

Затем он раздевается передо мной, все это время его глаза сосредоточены на моих. Наблюдение за тем, как он раздевается, должно было отвлекать меня от ноющей пустоты между ног, но это не так. Это лишь напоминает мне, как сильно я хочу его.

Он потрясающий. Его грудь широкая, а пресс жесткий и выделяющийся из-за его регулярных пробежек.

Я никогда не видела его полностью обнаженным. Все, чем мы занимались до сих пор, было страстным и поспешным, бешеным и скрытым – прямо противоположным тому, что происходит сейчас.

Я резко вздыхаю, когда вижу его полностью раздетым.

Он великолепен.

И он мой.

- Ты точно уверена, маленькая девочка?

Да ты издеваешься?

Я фыркаю от смеха.

- Эм, да.

- Тебе смешно?

- Нет, - я задыхаюсь, когда он пересекает пространство между нами и стягивает мое полотенце, досуха вытирая меня. Он прямо передо мной: голый, с большим и твердым членом. – Совершенно не смешно.

Мои руки поднимаются к нему, и я позволяю себе ладонями пробежаться по его прессу. Я вожу руками по его бедрам и ягодицам.

Он мой. Каждый его дюйм – мой.

С первого взгляда все в нем неправильно. Я осознаю это. Он старше меня. Он мой профессор. Все это – ужасная затея.

Но я хочу его больше жизни.

Мистер Гейб приподнимает меня за талию и толкает обратно на кровать, как будто я легче перышка.

- Я предупреждал тебя, - говорит он, а его голос хриплый. – Я не джентльмен.

Его слова посылают мурашки по рукам и бедрам. Темный взгляд

заставляет мои волосы встать дыбом. Мои соски превращаются в твердые маленькие камешки, и все мое тело находится на краю, предвкушая его следующий ход.

- Я не хочу джентльмена.

Он издает низкий гул.

- Я порву тебя, если не буду осторожен, маленькая девочка.

Мой желудок совершают маленькие кульбиты. Его темное обещание делает меня мокрой.

- Я хочу, чтобы меня трахнули, - шепчу я.

Помогите мне небеса, я хочу принадлежать ему.

Я лежу на спине, когда он спускается вниз, и, кладя ладони на внутренние стороны моих бедер, раскрывает их. Он опускает голову и прижимает губы к внутренней стороне одного бедра, а затем другого. Моя спина рефлекторно выгибается в ответ на ощущение его губ на моей коже.

- Каждый твой дюйм станет моим, - бормочет он. – Эти бедра... - его рот проходится между моих ног, и мне кажется, что я могу умереть от этих ощущений. – Эта киска...

- Твои, - стону я.

Губами он обхватывает мой клитор.

- Этот клитор... Мой.

- Твой, - шепчу я. Мои руки ложатся на грудь, и я беззастенчиво трогаю себя перед ним, большими пальцами гладя свои соски, пока он лижет меня. Обычно я слишком робкая, чтобы делать что-то подобное, но в данный момент мне плевать.

Я слишком возбуждена, чтобы заботиться об этом.

Он одной рукой удерживает себя надо мной, а другой ласкает меня между ног, снова вставляя в меня пальцы.

- Эта тугая маленькая киска... - говорит он, глядя на меня. – Моя.

- Твоя, - стону я.

- Посмотри на меня, Пьюрити, - приказывает он. – Не смей кончать, пока мой член не окажется внутри тебя. Ты поняла?

- Но я нуждаюсь в этом, - скулю я. Разве он не понимает, насколько я близка к оргазму?

- Ты должна кончить на мой член.

- Но я не могу больше ждать, - протестую я. Мне все равно, что я практически умоляю его. – Прошло столько времени...

Он вынимает пальцы, и я чуть ли не плачу. Он хватает одну из моих рук и поднимает ее над моей головой, прежде чем дотянуться до другой и сделать то же самое. Мои руки прижаты к голове, он кладет одну из своих

ладоней на мои руки и парит надо мной, пока его член прижимается к моему входу.

Он так близко ко мне, что если бы я немного приподняла бедра и направила бы свою киску под правильным углом, думаю, он скользнул бы прямо внутрь меня. Я слишком возбуждена, чтобы ждать.

- Прошла уже неделя. Неужели ты так сильно пристрастилась к оргазмам, что одна неделя без моих пальцев или моего рта привела тебя к тому, что ты умоляешь меня заставить тебя кончить?

- Да, - я хнычу.

Мне должно быть стыдно за свою жадность, но этого не происходит. Чревоугодие – это грех, так учил меня думать мой отец. Но мне не кажется, что когда-нибудь я смогу насытиться этим мужчиной.

- Скажи мне, как сильно ты хочешь, чтобы мой член оказался внутри этой тугой маленькой киски, - требует он, протягивая свободную руку между моих ног и направляя свой член к моему входу. Его другая рука прижимается к моим ладоням, и мои пальцы сжимаются в его руке, когда его член толкается в меня.

- Пожалуйста, - шепчу я.

- Скажи мне, Пьюрити, - требует он, вводя кончик члена внутрь меня.

- Пожалуйста, трахни меня, мистер Гейб, - я умоляю. – Трахни меня.

Его губы резко опускаются на мой рот, его язык находит мой, когда он погружается в меня. Вспышка боли ослепляет меня, и я наполовину плачу, наполовину стону ему в рот. Он останавливается там, глубоко внутри меня, но его губы остаются на моих, унимая боль.

Он целует и целует меня, пока я не начинаю задыхаться.

Когда он, наконец, отрывается от моего рта, его глаза пробегаются по мне.

- Ты в порядке? – спрашивает он низким голосом.

Я с трудом могу говорить. Моя киска пульсирует, болит и ноет странной смесью боли и удовольствия. Наполненная им, я пытаюсь приспособиться к нему, но мне кажется, что он порвал меня на две части.

- В порядке, - задыхаюсь я.

- Я стараюсь быть нежным, Пьюрити, - стонет он. – Я действительно стараюсь. Ты чертовски узкая.

- Ты обещал, что не будешь нежным, - я выгибаю свои бедра напротив него, делая акцент на своих словах, и через меня проносится боль, но уже не такая сильная, какой была минуту назад. А после за этим быстро приходит возбуждение, когда мой клитор трется об него.

- Блять, я не хочу тебя порвать, - грубо говорит он. – Ты просто

чертовски узкая.

Обеими руками прижимая мои руки к моей голове, он начинает раскачиваться напротив меня, и я встречаю его крошечными толчками.

Он настолько огромный, что, кажется, будто он проткнет меня насеквоздь, но уже скоро боль проходит, и остается одно лишь удовольствие, когда я растягиваюсь, чтобы соответствовать ему. Вскоре я стону и выгибаю спину, чтобы поцеловать его, пока он движется внутри меня. Его рот накрывает мой, и я растворяюсь в нем, а мое тело, кажется, плавится под ним.

Его руки на моих плечах, он медленно начинает глубже трахать меня. Мы двигаемся в едином ритме, который кажется мне самым знакомым в мире. Такое чувство, что я была создана, чтобы находиться под ним.

Чувство, что я была создана, чтобы принадлежать ему.

Все это время он бормочет, рассказывая мне, какая мокрая моя киска, насколько я тугая, как сильно я сжимаю его член, будто я была создана специально для него. Тепло медленно заполняет каждый дюйм моего тела, пока я не теряюсь в нем. Я двигаюсь вместе с ним, мои глаза находятся напротив его глаз, и, несмотря на то, как сильно я хочу взорваться, мне хочется, чтобы это никогда не заканчивалось.

Я слышу, как говорю грязные слова; слова, которые я никогда не ожидала произнести своими устами.

- Трахни меня сильнее, - я умоляю. – Трахни свою грязную маленькую девочку.

- Блядь, этот грязный маленький ротик, - предупреждает он. – Я вымою его своей спермой.

Я так близко. Я так близко, так близко, так близко.

- Кончи внутри меня, - умоляю я, каждое слово перемежается его толчками. – Наполни мою тугую маленькую девственную киску своей...

- Грязная, - рычит он.

Толчок.

- Маленькая, - говорит он.

Толчок.

- Девочка.

И я кончу. Ничего не могу поделать с собой.

Интенсивность ощущений захватывает дух. Я кричу, взрываясь вокруг него, а он снова и снова входит в меня, громко рычит и выкрикивает мое имя. Тепло наполняет меня, и я обнимаю его своими ногами, чтобы притянуть еще сильнее, когда выкрикиваю свой оргазм до тех пор, пока у меня не остается сил даже на то, чтобы застонать.

Когда он падает на меня, кажется, что проходит целая вечность, прежде чем кто-то из нас приходит в себя.

Наконец, он мягко прижимает свои губы к моим.

- Ты в порядке? – шепчет он.

Смех вырывается из моего тела.

В порядке ли я?

Я чувствую себя в равных частях легкой, как перышко, которое вот-вот улетит, и как полностью истощенная девушка, тело которой вот-вот срастется с кроватью. У меня кружится голова, тело будто парит в воздухе, а я ужасно уставшая.

- В порядке.

Его палец ложится на мою щеку.

- Ты плачешь, - говорит он мне.

Я даже не подозревала об этом.

33

Габриэль

Я сказал ей, что не буду нежен. Пообещал, что не буду хорошим.

Мне потребовалась каждая унция силы, чтобы не оттрахать девушку до полного забвения, даже зная, что она девственница.

Разрази меня гром, если то, как она лежала на кровати в куче подушек после того, как я вымыл ее, было не самым великолепным зрелищем, которое я когда-либо вообще видел в своей жизни.

- Я испортила твои простыни, - говорит она, и ее щечки краснеют.

Ох, этот проклятый румянец, которого я ждал каждый раз с тех пор, как впервые увидел ее. Ее кожа влажная, а сама она выглядит иначе, не такой, какой была до того, как я ее трахнул, а старше, и, внезапно, более зрелой.

Как будто то, что она больше не девственница, написано у нее на лбу.

Это заставляет меня хотеть трахать ее снова и снова.

- Простыни – последнее, что меня волнует, - успокаиваю ее я.

- Мне кажется, что мне может понадобиться пакет со льдом, - шутит она.

- Я сделал тебе больно? – чувство вины скручивает мой желудок.

- Нет, - отвечает она. – Ну, то есть, да. Но мне было хорошо.

И тогда ко мне приходит осознание. Мы не пользовались презервативом.

Я лишил девственности эту девушку, даже не подумав о контрацепции. Я никогда не был таким безответственным, ни разу. Даже со своей бывшей женой я всегда использовал защиту. Вдруг, у меня появляется внезапный порыв рассказать Пьюрити о моей бывшей жене-изменнице. У меня появляется внезапное желание поделиться с ней такими вещами обо мне, которые я ни с кем никогда не обсуждаю.

Но это безумие. Секс явно подорвал мои мозги.

- Мы не использовали защиту, Пьюрити, - предупреждаю я ее. – Мне кажется... Точнее, я никогда ранее не делал ничего подобного.

- Я принимаю таблетки, - говорит она мне. Ее щеки краснеют. – Ты же не спишь ни с кем другим, не так ли? Я имею в виду...

- Блядь, Пьюрити. Думаешь, я бы занялся этим с тобой, если бы спал с кем-то еще?

- Очевидно, я никогда не делала этого раньше, - заикается она. – Поэтому я не знаю, как это все устроено.

- Я тоже.

- Значит, ты тоже был девственником? – она высовывает свой язык в мою сторону. Этот дерзкий жест заставляет меня засмеяться.

- Если бы ты стояла, я бы тебе по заднице дал.

Пьюрити смеется, ее голос мелодичный. Затем она подталкивает себя, опираясь руками и коленями об кровать, и выставляет свою попку в моем направлении.

- Ну, давай.

Обрушивая свою руку на ее ягодицу, я наслаждаюсь треском, а затем красным отпечатком, который быстро проявляется на ее коже.

- Ты голодна?

Она ухмыляется, глядя на меня через свое плечо.

- Зависит от того, что в меню.

Мой член дергается, и я снова хлопаю ее по заднице, но на этот раз чуть легче.

- Не это, грязная девочка.

Она выпячивает губки, и, поворачиваясь, снова опускается на кровать. Ее желудок издает громкое урчание.

- Ладно, все ясно, - говорю я ей. – Сначала в душ, а затем за едой – настоящей едой, иначе тебе станет плохо после того алкоголя, который ты выпила прошлой ночью. А если тебе станет хуже, ты не сможешь провести остаток дня, трахаясь со мной.

Она вскакивает, улыбка распространяется по ее лицу.

- Мы собираемся провести остаток дня в постели?

Я оставляю еще один отпечаток руки на ее ягодице, пока направляюсь за ней в ванную.

- Твоя соседка по комнате уехала на все выходные, верно?

- Она поехала навестить свою маму.

- Так никто не узнает, если ты не вернешься в общагу?

Она поворачивается, и я, обхватывая руками, прижимаю ее миниатюрное тело к себе. Она чувствует себя слишком хорошо в моих руках, слишком комфортно, слишком, блядь, приятно.

- Мистер Гейб, вы меня похищаете?

- Я предупреждал тебя, что если я уложу тебя в свою постель, то никогда больше не отпущу, - я имею в виду именно то, что говорю. Должно быть, это секс заставляет меня говорить подобные вещи. Похоже, у меня поехала крыша.

Пьюрити лишь смеется и встает на цыпочки, чтобы чмокнуть меня в губы, делая это так, как будто это самая естественная вещь в мире.

- Может быть, я не хочу, чтобы ты отпускал меня. Может, мне хочется,

чтобы меня удерживали здесь целую вечность.

- Из-за этого я и переживаю.

Стоя в душе, она скользит своим обнаженным телом по мне. Я притягиваю ее к себе и намыливаю, наблюдая, как мыльная вода стекает по нашим телам. Она откидывает голову на мою грудь и всхлипывает, когда я кладу руку ей между ног.

- Ты такая возбужденная маленькая штучка, да? – я шепчу ей на ухо.

Она поворачивается и прижимает свое тело ко мне, а свою грудь к моей груди.

- Ничего не могу с собой поделать.

Я издаю стон. Все в этой девушке на каждом шагу проверяет мой самоконтроль. Она родилась, чтобы мучить меня. Шлепая ее по попке, я выключаю душ.

- Я собираюсь накормить тебя (*n.p. игра слов; - to feed you* здесь может переводиться как «*попробовать//съесть тебя*»).

Она широко улыбается.

- Обещаешь?

- Ага, но чуть позже.

Когда мы спускаемся вниз, она садится на диван в моей гостиной, не надевая на себя ничего, кроме одной из моих старых футболок.

- Я могла бы сходить в общежитие за одеждой, - предложила мне она, когда мы выходили из душа, но я сказал ей, что в эти выходные ей не понадобится одежда.

Я включаю свой ноутбук, напевая себе под нос.

- Тебе нравится тайская кухня?

Она пожимает плечами.

- Не знаю. Я никогда не пробовала ее.

- Суши?

Она кусает губу.

- Тоже не пробовала.

- Ты никогда не пробовала суши? – спрашиваю я с недоверием.

- В Саус Холлоу нет суши-ресторанов.

- Тогда мексиканская кухня?

Она смотрит на меня овчным взглядом.

- Я делала тако дома...

Я разрываюсь между шоком от того, как мало всего она видела в жизни, и раздражением к ее отцу, который укрывал ее от всего мира. Но и я не собираюсь выводить ее с собой в город.

- Остановись, - говорит она.

- В смысле?

- Я знаю, о чем ты думаешь, - она смотрит на меня. – Я первый раз выехала за пределы Саус Холлоу, и я не пробовала миллион разных блюд, а также нигде не бывала. Но я не безмозглая дурочка, которая не способна сделать свой собственный выбор, так что ты можешь перестать испытывать вину за то, что трахнул меня сегодня. Понятно?

Ее дерзость и уверенность сводят меня с ума, и я не могу не засмеяться.

- И перестань смеяться надо мной! – восклицает она. – Я не шучу! Серьезно тебе говорю!

- Да, мэм, - отвечаю я, возвращаясь к ноутбуку и щелкая по меню ресторана. Если у нее нет жизненного опыта, меньшее, что я могу сделать, это предоставить ей столько возможностей, сколько смогу.

- Так-то лучше, - ворчит она, откидываясь на диван и переключая канал на телевизоре. – Мэм – намного лучше.

- Я заставлю тебя заплатить за твой грязный ротик, - обещаю я ей, отвлекаясь, делая заказ через сайт ресторана. – Хулиганка.

- Я надеюсь на это. В противном случае, было бы очень досадно.

Пока я набираю заказ, она скручивается на диване, поджимая под себя ноги. Сматривая на телевизор, она выглядит такой расслабленной и чувствующей себя так комфортно, что создается впечатление, будто это место должно принадлежать ей.

Она ощущает себя так хорошо в моем доме. В моей постели.

Отправляя заказ, я подхожу к дивану с единственной целью на уме. Никак не предупреждая ее, я просто хватаю ее за лодыжки и поворачиваю лицом к себе. Ее кожа скрипит по кожаной обивке, когда задница ерзает по дивану, и она хихикает, отпуская пульт. Я располагаю Пьюрити таким образом, что ее попка оказывается прямо с краю подушки, а колени расставлены по бокам.

- Ты сказал мне смотреть телевизор, - протестует она.

- Извините, могу ли я прервать ваш просмотр, мэм? – спрашиваю я, ладонями раздвигая ее бедра. Футболка, которую она надела, сбилась вокруг ее талии, обнажив голую киску. Не знаю почему, но, одетая в мою старую футболку, она выглядит сексуальнее, чем в чем-либо еще, что она носила, включая школьную форму, которая заворожила меня, когда я увидел ее в первый раз.

- Поскольку, если вы предпочитаете, - я смотрю через плечо, - завтрак у Тиффани... Тогда мне придется оставить вас наедине с ним.

- Что это? – спрашивает она. – Мой отец никогда не позволял мне

смотреть телевизор. Он называл его дьявольской работой.

- А я-то думал, он зовет его развратом, - замечаю я.

Она хихикает.

- И так тоже, - говорит она. – Он и тебя раньше называл дьяволом, знаешь ли.

Я фыркаю, опускаясь вниз, чтобы провести языком по ее щелке. Она издает тихий стон, падая на диванные подушки.

- Ну, я занимаюсь действительно дьявольской работой. И я очень хорош в своей профессии.

- Ох, это так, - шепчет она, когда я накрываю ее киску своим ртом, а мой язык на мгновение исследует ее, прежде чем подразнить, а затем снова начать ласкать.

- Мне бы не хотелось, чтобы ты пропустила свой фильм.

- Ничего страшного, - шепчет она.

- Это классика.

Она смеется.

- Как и ты, старик.

Выпуская рычание, я продолжаю со злостью поглощать ее киску, делая это совершенно не нежно и не плавно. Поднимая руки вверх по ее телу, я сжимаю ее грудь и щиплю соски, пока она выгибается напротив моего рта. Я жестко трахаю ее своим языком до тех пор, пока она ни начинает стонать и двигать бедрами, а ее руки хватаются за мой затылок, прижимая меня сильнее к себе.

Я пожираю ее, не отпуская ни на минуту, даже когда она кричит, кончая мне на лицо. Я продолжаю трахать ее киску своим языком, облизывая, пока она ни дергает за мои волосы, а ее бедра ни прижимаются к моему лицу. Когда я отдаляюсь от нее, она задыхается.

- Ты должен остановиться, или я умру, - шепчет она.

Поднимаясь, я стягиваю боксеры и располагаю свои колени по ее бокам, толкая ее на диван. Мой член оказывается на одном уровне с ее губами, и ее рот раскрывается, чтобы взять меня.

- Мне показалось, ты назвала меня стариком, маленькая девочка, - говорю я, хватая ее за волосы.

Она смотрит на меня полузакрытыми глазами.

- Старик, - шепчет она.

Сжимая ее волосы в своей руке, я натягиваю ее на свой член.

- Если бы я был стариком, я бы не смог трахнуть твой сладкий маленький ротик так, как я собираюсь трахнуть его сейчас.

Она открывает рот, заглатывая меня, когда я начинаю глубже

вонзаться в ее горло, усиливая хватку на ее волосах. Когда она издает небольшой давящийся звук, я говорю себе, что должен остановиться, но затем она выпускает низкий стон, который посыпает настолько интенсивные вибрации по моему члену, что я не могу остановиться.

- Тебе нравится, когда я трахаю твой ротик, да? – спрашиваю я. – Именно так я хотел тебя: жестко, глубоко и грубо.

В ответ она стонет, и ее щеки втягиваются, пока она сосет меня. Она смотрит на меня, ее глаза умоляют о большем, вместо того, чтобы умолять меня остановиться. Сжимая заднюю часть моих бедер, она глубже вбирает меня в рот.

Я толкаюсь в нее до тех пор, пока ее глаза ни наполняются слезами, и она начинает жаловаться и хныкать, а я больше не уверен, желает ли она, чтобы я продолжил, или она хочет, чтобы я остановился.

Я продолжаю трахать ее рот, пока ни дохожу до края.

- Ты хочешь, чтобы я кончил в этот маленький ротик? Думаешь, ты сможешь проглотить все?

Она кивает, ее рот так сильно заполнен моим членом, что она не может говорить. Это настолько чертовски приятно, что заставляет меня кончить. Я взрываюсь с громким криком, снова и снова наполняя ее рот, спуская все, что у меня есть.

- Хорошая девочка, - я бормочу, рукой крепко сжимая ее волосы, пока заполняю ее.

Она глотает, ее глаза наполняются слезами, которые должны заставить меня чувствовать себя виноватым, но когда я выхожу из ее рта, она вытирает глаза и улыбается.

- У меня очень хорошо получилось, - гордо говорит она.

Я не могу не засмеяться.

- Ты быстро учишься.

Она посыпает мне еще одну дерзкую ухмылку.

- У меня хороший учитель.

Я стону про себя.

Хороший учитель. Очень плохой профессор.

34

Пьюрити

Мои губы распухли и болят, и я растрепана, когда звонит дверной звонок.

- Это наша еда, - мистер Гейб встает, натягивает свои боксеры и джинсы, прыгая на одной ноге, пока пытается засунуть другую ногу в штаны, а затем мчится в сторону двери.

Я снова надеваю футболку и подсовываю под себя ноги. Когда он появляется в дверном проеме, несколько пакетов свисают с его пальцев.

Я смеюсь.

- Ты уверен, что заказал достаточно?

Он кладет пакеты на журнальный столик.

- Остался еще один, - говорит он, исчезая из гостиной.

- Ты же знаешь, что нас всего двое, верно? – кричу я. – Если только ты мне не рассказал о своем брате-близнеце.

Он возвращается с пакетом, ставя его на журнальный столик рядом с другими пакетами.

- У меня нет близнеца. Но есть брат.

Он никогда не говорил о своей семье, и я не помню из детства его родственников.

- Я не знала, что у тебя есть брат.

- Не думаю, что вы когда-либо встречались, - говорит он мне. – Он старше меня. Итак, ты хотела бы есть как цивилизованный человек с тарелкой и столовым серебром, или желаешь поесть из контейнеров?

- Как нецивилизованный, - отвечаю я. – Что это?

Мистер Гейб бросает в меня пластиковую вилку, и я ловлю ее.

- Это обед.

- Твой брат живет не в Саус Холлоу, да? – у меня появляется ноющая мысль о том, что я действительно не так много знаю о Гейбе, несмотря на то, что он вырос с моим отцом. И даже несмотря на то, что мы занимались одними из самых интимных вещей в мире.

Мистер Гейб извлекает контейнер за контейнером из пакетов, ставя их все на журнальный столик и по одному открывая.

- Он и его муж живут примерно в часе езды отсюда, - объясняет он.

- Твой брат-гей, - говорю я.

- Да, - он открывает крышку контейнера с едой, а затем смотрит на меня. – Имеются какие-то мысли на этот счет?

Мое лицо краснеет.

- Ты задаешь мне этот вопрос, потому что ожидаешь, что я такая же мелочная, как мой отец?

- А это не так?

Я щетинюсь.

- Мне кажется, что люди любят тех, кто любит их. Конец истории.

Может, я и дочь своего отца, но у меня есть свое мнение.

Он ворчит.

- Так как ты не пробовала ни одно из этих блюд, я взял и заказал кучу всего.

- Ты заказал каждый пункт в меню?

- Не совсем, - говорит он. – Я заказал свои любимые блюда из множества разных ресторанов, и их доставили сюда. Погоди, у тебя ведь нет ни на что аллергии?

- Эм, нет, никакой аллергии.

- Есть что-нибудь, что ты ненавидишь?

- Ничего не могу вспомнить.

- Ну, ты недостаточно старалась для того, чтобы понять, что ты ненавидишь.

- Я знаю, что мне нравится.

Он ухмыляется.

- Знаю я, что тебе нравится.

Он знает, что мне нравится, по крайней мере, когда дело доходит до спальни. Или кабинета. Или занятий. Кажется, у него шестое чувство, когда дело доходит до того, что мне нравится.

- Ага, правда, я, кажется, не припоминаю, чтобы ты жаловался на то, что я делала, - говорю я ему дерзко.

- Ты не получишь от меня никаких жалоб, - говорит он, поднимая руки. – Итак, у нас есть блюда тайской, мексиканской, китайской, японской, вьетнамской, французской и немецкой кухонь.

- И ты заказал все это только потому, что я никогда ранее не пробовала тайскую кухню?

Он садится на пол рядом с журнальным столиком спиной к дивану и скрещивает ноги.

- Я заказал это, потому что ты ничего не пробовала. Тебе нужно попробовать что-то новое.

Я сажусь рядом с ним.

- Моя голова взорвется от всего нового, чему я учусь.

Он вручает мне бумажную упаковку.

- Палочки?

Я посылаю ему овечий взгляд.

- Я не знаю, как ими пользоваться, мистер Гейб.

- Знаешь, после того, как в спальне ты называла меня Богом, мне кажется, ты можешь называть меня Гейбом за ее пределами.

- Я никогда не называла тебя Богом, - я протестую, покачивая головой. Он имитирует мой голос.

- О, Боже! О, Боже!

Я хихикаю и мягко толкаю его в плечо.

- Это не значит, что я имела в виду тебя.

- О, ты имела в виду меня, - говорит он. – И поклонялась моему члену, а также моему горячemu телу. Поэтому я отказываюсь верить в обратное.

- Твоему горячemu телу? – смеюсь я.

Он разламывает пару палочек и использует их, чтобы положить кусочек суши в рот.

- Точно. Даже не притворяйся, что это не так.

Я смотрю на контейнер с суши.

- Что это?

- Это острый рулет из тунца. Я заказал простые блюда, чтобы ты попробовала и решила, нравится ли тебе, - он подхватывает кусочек своими палочками и погружает его в пластиковый контейнер с соевым соусом.

- Вот, позволь мне.

Я открываю рот, и он кормит меня, с нетерпением наблюдая за моей реакцией.

- Вкусно, - заявляю я.

- И все? Вкусно?

- Что? Я, в отличие от некоторых, не известная писательница. В моем запасе лишь простые слова, а не красноречивые фразы профессора.

Он фыркает и указывает на меня палочками.

- Ты, кажется, забыла, что я читал твое сочинение, Пьюрити. В твоем репертуаре больше слов, чем просто «вкусно».

- Хорошо, - я показываю язык. - Это было... Восхитительно.

Гейб закатывает глаза.

- Попробуй что-нибудь тайское. Я выбрал то, что заказывают большинство людей, но это не самое мое любимое блюдо.

- Я думала, ты заказал только свои любимые, - дразню его я. – Какое твое любимое блюдо?

- Я заказал штуки, которые, как мне показалось, стоит попробовать, - отвечает он. – Мое любимое – Кao Сои.

Он кормит меня кусочком тайского блюда.

- Что такое Кao Сои?

- Это карри-суп.

- Ты бывал во всех этих странах?

- В некоторых из них.

- Мне всегда хотелось куда-нибудь съездить, - говорю я задумчиво. –

Это первый раз, когда я выехала за приделы Саус Холлоу.

- Ты должна путешествовать. Это было бы очень хорошо для тебя.

Я кидаю на него взгляд.

- Это прозвучало как нечто снисходительное. Я не хотел обидеть тебя.

Я лишь хотел сказать, что путешествия – это хорошо для любого человека.

- Миссис Купер – библиотекарша в Саус Холлоу собирала путеводители. Если подумать об этом, это кажется действительно чем-то странным, потому что кто в Саус Холлоу, когда куда-нибудь идет, нуждается в путеводителе? Так что мне кажется, они должны были быть пожертвованы куда-нибудь или что-то вроде того. Но в любом случае, когда я смотрела на фотографии в них, я мечтала о путешествиях во все эти далекие места.

- Начиная с Пенсильвании, - дразнится он.

- Надо же с чего-то начинать, - Я задумываюсь о том, как много сделала миссис Купер для того, чтобы помочь мне поступить в колледж. – Она позволила мне прочитать все книги, которые мой отец никогда бы не разрешил. Типа как «На дороге», например. Мой отец охренел бы, если бы узнал, что я читала эту книгу.

Гейб фыркает.

- Миссис Купер уже долгое время живет в Саус Холлоу. Она всегда была довольно строптивой. Пыталась заставить меня читать, но в детстве я ненавидел это дело. Она бы охренела, если бы узнала, что я вырос и стал писателем, а затем профессором.

- Она знает, что ты писатель, - говорю я ему, удивляясь, что он думает, будто в Саус Холлоу каким-то образом могут не знать о его успехе. – Я миллион раз перечитывала все твои книги, потому что она давала их мне.

Он выглядит ошеломленным.

- Ты читала их?

Мое лицо розовеет.

- Ну, может быть не миллион раз.

- Нет, продолжай, - говорит он, улыбка играет на его губах. – Расскажи мне больше о том, насколько ты одержима моими книгами и насколько они восхитительны.

- Пошел ты, - говорю я, смеясь.

- Так ты преследовала меня, не так ли?

- Ничего подобного, - протестую я. – Это миссис Купер заставила меня подать заявление. Ну, точнее, она заставила меня подать заявления в разные колледжи. Я собиралась попробовать поступить лишь в государственный колледж. Это то, к чему я стремилась. А она сказала мне, что мне следует выбрать колледж далеко от Саус Холлоу, где будет хороший курс творческого письма.

- Ну, курс будет таковым, если только его будет преподавать профессор, который будет настолько же хорош, - пафосно утверждает он.

- Ты такой скромный.

- Лучший из лучших в скромности.

Я хихикаю, когда он использует палочки для еды, чтобы накормить меня лапшой.

- Ты рад, что покинул Саус Холлоу? – спрашиваю я.

Он громко смеется.

- Что за вопрос? А ты рада, что покинула Саус Холлоу?

Я снова хихикаю.

- Я... в гребаном восторге.

Он улыбается.

- Ну, а я, блядь, еще в большем восторге, чем ты.

- Когда я только приехала сюда, мне казалось, что у меня ничего не получится, - признаюсь я. – Город казался таким большим, а кампус представлялся чем-то типа зоопарка с людьми. Мысль о том, чтобы зайти в класс, не говоря уже о том, чтобы учиться и работать, вызывала у меня ужасный страх.

- Да. Честно говоря, я тоже не думал, что у тебя получится.

Я хриплю от смеха.

- Серьезно? Ты пытался убедить меня, что я не справлюсь.

- Это не так! – в этот раз, как мне кажется, он кладет мне в рот что-то из немецкой кухни. – Шпецле.

- Ты пытался заставить меня уйти! Был так груб со мной. Мне казалось, ты ненавидишь тот факт, что я попала в твой класс.

- Я действительно ненавидел это.

- Я знала!

- Это не имеет ничего общего с ненавистью к тебе, Пьюрити, - объясняет он. – Неужели ты не понимаешь, после всего того, что между нами произошло? Я не хотел находиться рядом с тобой, потому что не мог перестать думать о том, что мне хотелось сделать с тобой. А тут ты,

приезжая из Саус Холлоу, такая наивная, невинная, и я – мудак, который не может перестать думать о том, как бы развратить тебя.

- Ты думал о том, как бы развратить меня?

- Ты это серьезно? Я хотел тебя с тех пор, как только увидел.

- Я этого не понимала.

- Я не хотел обращаться с тобой как с дерьмом, Пьюрити. Поверь мне, я сожалею об этом, - он тяжело выдыхает. – Меня убивало это, но я очень старался не пересекать линию. Я воевал с самим собой. Это неправильно.

Я стону, расстраиваясь.

- Ты ведешь себя так, будто у меня нет своего выбора. Будто только потому, что ты старше и мой профессор, мне самой нельзя выбирать: переспать с тобой или нет.

- Я не из того типа профессоров-мудаков, которые спят со своими студентками. Просто, чтобы прояснить.

- Все ясно, - уверяю его я. – Так ты научишь меня пользоваться палочками, или будешь вечно кормить меня?

- Ладно, всезнайка. Я был честен и уязвим в течение целых двух секунд, а теперь я научу тебя как правильно использовать гребаные палочки для еды, - он игриво тыкает меня в руку своими палочками, прежде чем открыть новую упаковку и вложить их мне в руку. Его пальцы прислоняются к моим, пока он демонстрирует, как их использовать.

- Раздвинь пальцы вот так.

Пока я пытаюсь сделать это самостоятельно, суши распадается.

- Я буду вечным лузером в этом деле, - заявляю я, смеясь.

- Это твой первый раз. Со временем у тебя получится.

- Это касается моих первых раз и в других вещах?

Он ворчит.

- Не уверен, что тебе нужна помощь в других вещах. В некоторых ситуациях ты очень естественна.

Мои щеки розовеют.

- В самом деле?

Он приподнимает брови.

- Некоторые вещи получаются сами собой, милая. Не сомневайся в этом, просто плыви по течению.

Он говорит о постели, потому что, само собой, ничего другого не произойдет вне его дома.

Не выйдет за пределы этих стен.

35

Габриэль

- Так ты собираешься удерживать меня здесь все выходные? – Пьюрити лежит животом на мне с задранными ногами.

В этой позе ее обнаженное тело просто неотразимо. Я пробегаю ладонью по ее голой заднице и думаю о том, как сильно мне хочется заявить свои права и на эту ее часть. Мой член начинает твердеть в ответ на простую мысль о том, чтобы претендовать на ее попку как на свою собственность.

- Я собираюсь удерживать тебя здесь, - заявляю я. – Я предупреждал, что никогда не отпущу тебя.

- Я почти уверена, что ты должен будешь отпустить меня на учебу, - она скатывается на бок и, прикладывая палец мне на грудь, ведет им ниже. – Иначе мой профессор накажет меня.

- Я слышал, что он охренеть какая задница.

Она скользит рукой по моему бедру и сжимает мою задницу.

- М-м-м. Может быть, не такая уж и «охренеть какая».

- Значит так, да? – я перекатываюсь на спину и сажаю ее верхом на себя, разводя колени по обе стороны своих бедер. Ее волосы свисают вокруг ее лица, лаская мои щеки. Одной рукой я поддерживаю ее за заднюю часть спины, а другой направляю кончик своего члена к ее входу.

- А мне она казалось вполне охренительной. А как тебе такое?

Она такая мокрая. Девушка все время мокрая для меня. Я превратил робкую девственницу в женщину, которой всегда мало.

- Не уверена, - говорит она застенчиво, медленно опускается на меня. Я специально не контролирую ее, в восхищении наблюдая, как она раскачивается на моем члене. Я мог бы схватить ее за талию и опустить вниз, но мне нравится позволять ей контролировать себя.

Выражение ее лица зачаровывает.

Зачаровывает.

Секс явно что-то делает, и не только с Пьюрити. Он также мешает моему разуму трезво мыслить. Делает меня гребаным идиотом, тем, кем я обычно не являюсь.

Правда, в данный момент, меня чертовски завораживает силуэт ее фигуры в вечернем свете, который просачивается сквозь шторы в моей спальне и создает мягкое свечение вокруг нее.

Она делает паузу со мной глубоко внутри нее, ее ладони ползут к моей груди. Она такая тугая, что у меня захватывает дух.

- Ты в порядке? – спрашиваю ее я.

Она кивает и закусывает нижнюю губу между зубов, начиная медленно раскачиваться на мне. Есть что-то увлекательное в том, как меняется выражение ее лица, когда она начинает набирать обороты, получая удовольствие. На ее лице отражается все больше страсти, пока она облизывает меня.

Когда она, наконец, начинает по-настоящему скакать на мне, она откидывает голову назад и закрывает глаза. Я хватаю ее за волосы и тяну на себя, заставляя ее открыть глаза и вернуться ко мне. Мне не хочется терять с ней связь.

Используя ее волосы, я тяну ее на себя, когда она начинает трахать меня сильнее. Мне трудно поверить в то, как хорошо она мне подходит, какая она чертовски тугая, мокрая и гладкая.

- Тебе нравится скакать на моем члене, грязная девочка?

Она сильнее прыгает на мне и стонет.

- Нравится.

- Это то, что ты представляла, лежа в своей комнате в общежитии ночью, в тот момент, когда ласкала себя?

Я хочу узнать обо всех ее фантазиях – о том, чем мы вместе можем заняться с ней.

Хочу знать все об этой девушке.

- Думала ли ты о том, чтобы опуститься на мой член и трахнуть меня так, как ты делаешь это прямо сейчас?

- Думала... Ох... О, Боже, - она стонет, а ее киска сжимается вокруг моего члена. Она так сильно распухла, что трудно думать о чем-то другом, кроме того, как удивительно она ощущается.

- Я хочу знать все, о чем ты фантазировала, - говорю я ей. – Хочу воплотить в жизнь все эти вещи вместе с тобой.

Она смотрит на меня полузакрытыми глазами.

- Я хочу попробовать все, - стонет она. – Научи меня всему.

Мне хочется научить ее стольким вещам.

- Двигайся быстрее - говорю я ей. – Трахни меня сильнее, грязная девчонка.

Пьюрити облизывает меня до тех пор, пока не начинает пульсировать, и я думаю, она кончит в любую секунду. Она прыгает на мне, пока ни начинает снова и снова хныкать. Я сжимаю ее ягодицы, а она издает протяжный стон. Когда я пальцем нахожу ее дырочку, ее глаза расширяются от удивления, но она так близко, что это лишь заставляет ее сильнее опускаться на меня. Когда я нажимаю пальцем на ее сморщенную дырку,

она так громко кричит мое имя, что мне кажется, будто весь район может слышать ее. Ее оргазм провоцирует мой, и я толкаюсь в нее. Я зарываюсь глубоко в ее киску, мой кончик пальца прижимается к ее заднице, и я тяжело кончаю.

После того, как она приходит в себя, она смотрит на меня большими глазами.

- Что это было? – шепчет она.

- Я же сказал тебе, что собираюсь претендовать на всю тебя. Полностью.

- *O, боже мой.*

Ее невинное выражение лица заставляет меня засмеяться.

Я сдерживаю свое слово – не в том, чтобы взять ее всю. В любом случае, пока нет. Я не монстр. Ведь девушке нужно приспособиться в первую очередь к традиционному сексу, прежде чем я начну знакомить ее с анальным. Я сдерживаю свое слово, удерживая ее в постели целую вечность.

Или, по крайней мере, все выходные.

Судя по ее поведению в эти выходные, она отлично приспособилась к сексу. Кажется, будто ей всегда мало, поэтому мы только и делаем, что валяемся в постели. Мы проводим воскресенье, чередуя просмотры фильмов, поедание еды и трах в каждой комнате моего дома.

Я трахаю ее на диване, на кухонном столе и у стены в коридоре. Я кормлю ее остатками супа Фо и Массаман Карри, рассказывая ей о своей поездке в Париж. Она слушает, и ее глаза загораются, когда я говорю о Мачу-Пикчу. Она признается, что хотела бы посетить Марокко, так как читала о нем в детстве в библиотеке, потому что ей казалось, будто это звучит как самое экзотическое место в мире.

Ей бы хотелось отправиться на сафари в Африку.

Хотелось бы увидеть Непал.

Обнаженная она лежит спиной на моей кровати, с блестящим от напряжения телом, и ее щечки горят после оргазма, пока она жестикулирует, глядя в потолок, когда говорит мне все, что хотела бы сделать.

- Это прозвучит глупо, - предупреждает она меня.

- Все равно расскажи мне, - я перекатываюсь на бок и подпираю рукой голову. Я лежу, разговаривая с ней, как какой-то глупый подросток,

которого поразила любовь, но мне все равно. Я никогда не был так чертовски заинтересован в ком-то. Никогда не был так чертовски доволен от того, что просто лежу и слушаю кого-то. Так что если она хочет говорить о глупостях, мне все равно. Я хочу услышать все глупости, которые она желает рассказать.

- Я помню, как ты навещал меня, когда я была ребенком, - говорит она. – Это странно, потому, как мне кажется, в то время ты служил в морской пехоте. Может быть, ты просто заезжал на какое-то время, но я помню, как ты навестил меня и привез мне стеклянную статуэтку, кажется, из Японии.

- Я приезжал в Саус Холлоу, чтобы навестить свою мать, - говорю я ей. – У нас с твоим отцом тогда еще не было разногласий, по крайней мере, таких, какие появились после. Я привез тебе безделушку с Окинавы.

- Это было Рождество, кажется, и ты подарили мне маленькую ракушку из синего стекла.

- Ты помнишь это?

- Конечно, помню. В смысле, я была маленьким ребенком, так что подарить мне что-то из стекла, возможно, было не самой гениальной идеей. Чудо, что я не расколола ее. Она стояла на моем комоде вне моей досягаемости до тех пор, пока я не стала старше. Но спустя какое-то время, когда я подросла, мой отец сказал мне убрать ее, а я никогда не понимала, почему.

Я вздыхаю.

- Вероятно, это случилось после того, когда мы с твоим отцом поругались. Группа людей из его церкви пикетировала свадьбу моего брата.

Она хмурится.

- Мне очень жаль, - тихо говорит Пьюрити. – Я не знала об этом. Я понимаю, что он мой отец, но он делает так много вещей, которые я ненавижу всей душой.

- Это была не твоя вина, - говорю я ей. – В любом случае, расскажи мне лучше, что такого глупого в этой истории?

- Я приступаю к этой части, - говорит она. – Я спрятала ракушку в задней части полки в своем шкафу. Всякий раз, когда я знала, что отец уходит, я вынимала статуэтку и смотрела на нее. Знаю, звучит глупо. Это была просто маленькая безделушка, но это было то единственное, что пришло ко мне из другой части мира. Я смотрела на нее и напоминала себе, что существует что-то еще за пределами Саус Холлоу, а также за пределами власти моего отца и его церкви. Я говорила себе, что существуют люди на другом конце света, люди, чья жизнь не связана с церковью моего отца или

моим городком; люди, которые чем-то занимаются и делают то, что приносит им счастье.

Я не знаю, почему ее слова так сильно бьют по мне, как они делают это, но я с трудом сглатываю, потому что мое горло становится сухим.

- Это не глупо, маленькая девочка.

Под этими словами я действительно имею в виду «маленькую девочку», думая о ней как об оберегаемом, наивном и невинном ребенке. Тем не менее, я никогда не задумывался о подобных экзистенциальных вопросах – о своем месте в мире по отношению к другим людям, пока не стал намного старше, чем она сейчас. В некоторых вещах она наивна, но в других, она гораздо более зрелая, чем я.

Я провожу пальцами по ее животу, а затем следую по изгибу бедра.

- Это совсем не глупо.

36

Пьюрити

- Уверена, что не хочешь поехать со мной ко мне домой на День Благодарения? – спрашивает Луна. – Верь мне, когда я говорю, что моя мама была бы более чем счастлива, если ты приедешь к нам. Но не могу гарантировать, что ты не будешь шокирована и потрясена уровнем сумасшествия в моей семье, даже по сравнению с твоим отцом. К нам приедет сестра моей матери, и если тебе казалось, что моя мама чокнутая, то ты просто обязана встретиться с моей тетей.

Я смеюсь.

- Спасибо ей за приглашение, но, думаю, я должна съездить в Саус Холлоу.

Я лгу.

Для меня Луна – самый милый человек в мире. Она взяла меня под свое крыло и присматривала за мной, показала мне студенческую жизнь, а я откровенно лгу ей.

Также я соврала своему отцу. Он потребовал, чтобы я приехала в Саус Холлоу на День Благодарения, но я сказала ему, что взяла дополнительные смены на работе и что остаюсь в колледже, чтобы учиться. Часть меня ожидала, что он пригрозит мне приехать в колледж и забрать меня, но он этого не сделал. Он лишь пробормотал что-то о моем трудолюбии, что звучало почти положительно, а затем повесил трубку.

Я солгала, потому что провожу День Благодарения с Гейбом. Я думала, что он проведет выходные со своим братом, так как его брат живет всего в часе езды отсюда. Но когда я спросила его, собирается ли он поехать к своей семье на День Благодарения, он странно посмотрел на меня и попросил отправиться кое-куда вместе с ним.

Так что я соврала Луне, притворившись, что еду в Саус Холлоу и соврала отцу, сказав, что останусь здесь, в кампусе.

Луна стонет, пока борется со своим чемоданом. Когда она, наконец, застегивает молнию, она вздыхает и плюхается рядом со своей сумкой на кровать.

- Мне ведь не стоит беспокоиться за тебя, верно?

- Что ты имеешь в виду?

- Я о том, что нужно ли мне беспокоиться о том, что ты поедешь в Саус Холлоу? Это похоже на фильм ужасов, снятый для показа по телеку, где ты возвращаешься в свой маленький городок, и твой жуткий папашка-проповедник выдает тебя замуж за еще более отвратительного, чем он сам,

парня, а затем ты никогда больше не возвращаешься в колледж.

Я задыхаюсь от смеха.

Если бы она только знала, как я на самом деле проведу День Благодарения, или у кого я проведу праздник, если быть точнее.

- Нет, это не будет фильмом, снятым для телека, - уверяю ее я. – Я вполне способна самостоятельно позаботиться о себе, спасибо.

Она ворчит и скептически смотрит на меня.

- Сказала девчонка, которая едва стояла на ногах, когда выпила на вечеринке.

Я через всю комнату бросаю в нее подушку.

- Ты поклялась, что больше никогда не упомянешь об этом инциденте!

- Я соврала, - заявляет она. – Никакой выпивки в Саус Холлоу! И не позволяй своему жуткому жениху... Как, черт возьми, ты его называешь? Он не жених тебе. Кавалер? Кем бы он ни был, не подпускай его к себе. Подожди, ты ведь собираешься сказать отцу, что не хочешь выходить замуж за этого парня?

Я обдумываю эту мысль, даже учитывая то, что она не применима ко мне, так как я не вернусь в Саус Холлоу.

- На ужине в честь Дня Благодарения? Да, было бы отлично. – Благодарю тебя, Господь, за эту индейку, и, кстати, я не собираюсь выходить замуж, передайте картофель?

- Это звучит как настоящая история для Дня Благодарения, - шутит Луна. – У нас все праздники связаны с драмами.

Я смеюсь.

- Не уверена, что это нормально.

- Ты издеваешься? Моя мать владеет баром, а моя тетя магазином секс-игрушек. Так что мой ужин на День Благодарения обычно включают в себя разговоры о травке и фаллоимитаторах.

Я давлюсь своим же смехом.

- Твоя семья – абсолютная противоположность моей.

Луна вздыхает.

- Ладно, мне нужно отправляться в путь, пока не поздно. Ты уже собрала свои вещи?

Я указываю на свою сумку на кровати.

- Почти.

- Ты уверена, что твой отец позволит тебе вернуться сюда? Уверена, что он не собирается похитить тебя и запереть где-нибудь в Саус Холлоу? – Луна выглядит сомневающейся и обеспокоенной моей безопасностью, что

заставляет меня ощутить вину за то, что я обманываю ее.

Я ужасный человек.

- Да, я уверена. И если у меня будут проблемы, у меня есть твой номер телефона.

- Давай придумаем кодовое слово, - заявляет она. – Если ты напишешь мне «бананы», я уже через несколько минут буду в пути к Саус Холлоу.

- Бананы?

- Напиши мне, если у тебя будут проблемы, - настаивает она. – Особенно, если ты почувствуешь себя некомфортно во время ужина в честь Дня Благодарения. Знаешь что? Сделай это утром в День Благодарения. Не стесняйся написать мне, если тебе будет неуютно. Я первым же рейсом отправлюсь в Саус Холлоу.

- Ты просто пытаешься избежать разговоров о фаллоиметраторах, да?

- Это так очевидно?

- Ты никогда не умела делать тонких намеков.

Луна смеется.

- Чертовски точно.

- Ты собираешься сказать мне, куда мы едем, или ты будешь держать меня в полном неведении, пока мы не доберемся до туда? – спрашиваю я Габриэля.

- Хорошо. Я дам тебе подсказку. Ты когда-нибудь летала на самолете?

- Что?! Мы полетим на самолете? Ты не можешь этого сделать!

- Мы направляемся в аэропорт, маленькая девочка. Куда, черт возьми, ты думала, мы направляемся? Разве в миле назад ты не заметила знак аэропорта?

- Я не думала, что ты повезешь меня в аэропорт, - протестую я. Мое сердце пропускает удар в перспективе первого полета на самолете. Я скимаю руки вместе, а моя голова кружится, и это не круто.

- У меня даже нет заграничного паспорта.

- Я предвидел это, поэтому я не собираюсь увозить тебя из страны, - говорит Гейб. – Хотя, тебе стоит сделать паспорт на всякий случай.

- Да, сэр, -sarcastично соглашаюсь я. Волнение пузырится в моей груди. – Ну, серьезно, ты собираешься сказать мне, куда ты меня похищаешь?

Никто и никогда не брал меня куда-либо с собой. Я никогда не летала

на самолете, и я никогда не бывала нигде, кроме Саус Холлоу и колледжа. Сказать, что я взволнована тем, что мы едем в аэропорт, было бы преуменьшением года.

- Тебе действительно так хочется узнать? – спрашивает Гейб, поворачивая направо и направляясь в сторону аэропорта. – Было бы лучше, если бы это осталось сюрпризом.

Но я не могу совладать с собой. Вместо того чтобы сделать Гейбу приятно и замолчать, я начинаю ныть.

- Нет, я не могу больше ждать. Скажи мне.

Он издевается надо мной, пока ищет место для парковки.

- Я же сказал тебе взять с собой теплую одежду, не так ли?

- Да, но у меня ее не очень много.

Он пожимает плечами.

- Неважно. Я все равно буду держать тебя подальше от одежды. Я везу тебя в маленький городок в Вермонте.

Он паркуется, а я расстегиваю ремень безопасности и обнимаю его.

- Спасибо тебе!

- Это всего лишь небольшое путешествие, Пьюрити, - говорит он сердито.

- Никто никогда не делал для меня ничего подобного.

- Ну, кто-то же должен был исправить это.

- Мой первый раз в самолете! – я снова восклицаю. – Благодаря тебе у меня так много первых раз.

- И будет намного больше, - рычит он.

- Подожди. Что, если кто-то узнает тебя в аэропорту?

- Вот почему я поехал в другой город, вместо того, чтобы отправиться в аэропорт нашего города, где можно встретить студентов из колледжа, - объясняет он. – Кроме того, мы – двое взрослых людей, которые просто так оказались в одном самолете. Никто не должен знать, что мы вместе.

А мы вместе?

Я почти что задаю ему этот вопрос, но останавливаюсь, опасаясь ответа.

Вероятно, то, что происходит между нами – это лишь сумасшедший секс и приятное времяпрепровождение, не более того.

Тусовка, как сказала бы Луна, и ничего больше.

Начать встречаться с кем-либо, когда я всего лишь первокурсница колледжа – это в любом случае глупая идея. Не встречаться будет в миллиард раз правдивее, тем более, когда мужчина, с которым я тусуюсь – мой профессор. Даже если мы и не вместе, это делает меня счастливее, чем

я была когда-либо в моей жизни.

Гейб улыбается мне.

- Ну, ты собираешься просидеть здесь весь день, или ты все-таки выйдешь из машины? Знаешь ли, нам еще нужно на самолет успеть.

Кажется, будто мое сердце сейчас разорвется, и на долю секунды я уверена в том, что этот человек сделает меня невероятно счастливой.

Но затем он разобьет мне сердце, потому что, если я хоть что-то и знаю о жизни, так это то, что ты не можешь оставаться счастливым вечно.

37
Габриэль

- Просто дух захватывает, - бормочет Пьюрити, ближе прижимаясь ко мне под грудой одеял, пока мы едем в карете, запряженной лошадьми. Кучер везет нас по извилистому маршруту небольшого городка в Вермонтке через исторический центр города, освещенный уличными фонарями и украшенный сине-белыми рождественскими огнями. Вокруг нас падает снег и на улице холодно, но при этом прекрасно. То, как она прижимается ко мне, просто идеально.

- Я никогда раньше не видела ничего подобного.

Ее слова посыпают всплеск гордости сквозь меня, подобно которому я никогда не чувствовал раньше. Я не сюси-пузи парень. Обычно я не занимаюсь таким сентиментальным дерзом и «я-люблю-тебя» штучками. В моих книгах отношения включают в себя обман и предательство, и они никогда не заканчиваются счастливо, потому что такова жизнь.

Я циник, черт возьми.

Я всегда знал, что у меня никогда не будет счастливого финала в конце истории. У моего брата с Анджело получилось это, но они скорее исключение, чем правило. Нейт всегда настаивал на том, что у меня будет то же самое – что я проживу свою счастливую историю, когда встречу ту самую, но внутренним чутьем я чувствовал, что мой конец будет полон дерзма.

До сих пор.

До того, как девушка с небольшим довольным вздохом прислоняется ко мне, а ее дыхание испаряется в воздухе. До того, пока она ни пододвигается ко мне под одеялом, а ее рука в перчатке находит мою, и я беру ее, не думая ни о чем, кроме того, как сильно мне хочется держать ее чертову руку.

Когда я сказал ей, что везу ее в аэропорт, и мы летим в Вермонт, ее лицо озарилось чистой и неподдельной радостью. Это было что-то настолько простое – недорогой рейс и пару ночей в отеле, ничего экстравагантного, что я даже не ожидал от нее такой реакции. Черт, я сам не ожидал, что это вызовет во мне такое же чувство радости, как и у нее.

Само собой, все это было для меня неожиданностью.

Я-то думал, что утолю свой голод, подурячусь с ней, и все. И совершенно не ожидал, что захочу, чтобы она осталась на выходные, или что захочу, чтобы она провела со мной еще какое-то время.

Пока мы прогуливаемся по улице после того, как выходим из кареты,

она продолжает держать меня за руку, в изумлении глядя с широко раскрытыми глазами на огни. То, что ей нравится все, на что она смотрит, делает ее лучшей девушки в мире.

- Еще раз спасибо тебе за все это, - говорит она. Я притягиваю ее к себе, и она приподнимает лицо вверх: ее щечки и нос порозовели от холода.
– Я серьезно.

Я целую кончик ее носа, а мое проклятое сердце колотится.

- Ты ведь знаешь, что не должна благодарить меня.

Я не говорю ей, что эта поездка значит для меня ровно столько же, сколько и для нее. Мысль провести День Благодарения без нее разочаровывала.

Ее радость захватывает дух. Это делает меня счастливым.

В глубине души, однако, я понимаю, что это чувство удовлетворенности является проблемой. Мы играем с огнем, скрываясь в моем доме и отправляясь в Вермонт, надеясь, что нас никто не поймает.

Это слишком прекрасно, а то, что слишком прекрасно, не длится долго.

Она переворачивается на постели и трет глаза.

- Как давно ты проснулся?

- Чересчур давно.

- Ты закончил свой роман?

- Как ты узнала, что я пишу?

- Я знаю, что тебе кажется, будто ты действительно скрытный, но я просыпалась ночью и видела, как ты печатал на своем ноутбуке. Так что, если у тебя нет привычки играть в онлайн-покер или болтать с другими женщинами, я просто предположила, что ты пишешь новую книгу.

Я приподнимаю брови.

- Возможно, у меня есть пристрастие к шахматам.

Она садится прямо и сужает глаза.

- Откуда ты знаешь, что я играю в шахматы?

- Маленькая птичка напела мне.

- Мой отец?

Я смеюсь.

- Нет.

Озарение появляется на ее лице.

- Берт? Откуда ты знаешь Берта? Подожди... Ты шпионил за мной?

Я поднимаю брови.

- Ты ведь понимаешь, что Берт – часть студенческого городка? Он играет в шахматы на этой скамейке уже лет двадцать.

- Я не знала, что ты умеешь играть.

- Я плохо играю, - говорю я ей. – В отличие от некоторых в этой комнате.

Она смеется и закатывает глаза.

- У меня было много практики игры в шахматы. Это была одна из немногих игр, одобряемых моим отцом.

- Берт был достаточно впечатлен тобой, чтобы упомянуть об этом.

Она бросает на меня ехидный взгляд.

- Забавно, но он никогда не упоминал о том, что ты умеешь играть.

Я фыркаю.

- Мои шахматные способности оставляют желать лучшего. Берт просто терпит меня.

- Вообще, я не очень люблю шахматы, - признается она. – Но мне нравятся Берт и Бенсон. И что еще интереснее, ты пытаешься отвлечь меня от вопроса о твоей книге... или о других женщинах.

Я смеюсь и притягиваю ее к себе.

- Ты меня настолько занимаешь, что мне не нужно гоняться за другими женщинами, сладкая.

Она медленно ведет ладонью по моей груди и животу, ее прикосновения медленные и приятные. Как и обычно, когда она начинает прикасаться ко мне, мой член сразу же твердеет в ответ на ее поглаживания. Рукой она обхватывает мой член.

- Занимаю? – спрашивает она. – Не могу представить, каким образом я могу занимать тебя.

- Позорище. У такой умной девушки, как ты, должно быть развитое воображение.

Она смеется.

- У меня было много практики использования своего воображения, - говорит она, пока рукой слегка скользит по моему члену, а ее пальцы подхватывают каплю спермы, которая образовалась на головке. Она уже настолько уверена в своих навыках, когда дело доходит до всего, что касается моего члена.

- Так ты расскажешь мне о своей книге?

- Думаешь, это честно – задавать мне такой вопрос, когда ты

держишь в руке мой член?

Она улыбается.

- У меня очень продуманная стратегия, - говорит она, поглаживая меня для того, чтобы подчеркнуть свою мысль.

- Ну, в эту игру могут играть двое, - я опускаю пальцы между ее ног. – Ты уже такая мокрая для меня. Ты всегда чертовски влажная для меня, не так ли?

- Ничего не могу поделать с собой, - шепчет она.

- Ты очень хороша в том, что делаешь, - замечаю я, пока она продолжает двигать рукой вверх и вниз по моему члену.

- У меня много практики.

- Может быть, пришло время для другого урока.

- Не думаю, что мне еще есть чему поучиться.

Я смеюсь, перекатываясь на спину и прижимая ее к себе.

- Не слишком-ли высокомерно? Всегда есть чему поучиться, маленькая девочка. Теперь развернись и оседлай мое лицо.

- С удовольствием, - говорит она радостным голосом, пока поворачивается спиной ко мне и опускает свою киску к моим губам. Она обхватывает рукой основание моего члена и направляет его в свой теплый рот. Она вбирает меня глубже и быстрее водит рукой вверх-вниз по стволу, удерживая меня во рту.

Я ласкаю каждый дюйм ее киски своим языком, облизывая и посасывая, наслаждаясь тем, как она стонет с моим членом во рту, пока раскачивается на моем лице. Она стала такой жадной штучкой, требовательной и ненасытной, что это почти заставляет меня почувствовать себя плохо из-за того, что я превратил ее практически в нимфоманку.

Почти.

Я трахаю ее своим языком, и с каждым толчком внутрь ее сладкой киски она берет мой член глубже в свой ротик. Я отрываю ее от своего рта только тогда, когда больше не могу ждать.

- Не останавливайся, - всхлипывает она.

Выползая из-под нее, я говорю ей оставаться в той позе, в какой она и стоит.

- На колени, прямо как сейчас с этой идеальной маленькой задницей в воздухе.

Она смотрит на меня через плечо.

- Это новый урок?

- Тот же урок, новая позиция, - говорю я ей, направляя свой член внутрь нее. Она уже такая мокрая для меня, что лишь стонет, когда я

толкаюсь внутрь и до упора наполняю ее.

- Мне нужно больше уроков, - стонет она. – Научи меня.

Шлепая одну из половинок ее попки, я начинаю наращивать темп, трахая ее сзади.

- Черт, я не могу насытиться этой тугой маленькой киской.

- Сделай так, как ты делал ранее, - приказывает она, ее слова перемешиваются с небольшим ворчанием, когда я сильнее толкаюсь в нее.

- Скажи мне, что я делал, сладкая. Скажи мне, чего ты хочешь, - одной рукой я удерживаю ее за бедро, а другой тянусь к волосам, и, используя их как рычаг, трахаю ее сильнее.

- Это то, чего ты хочешь?

- Приложи палец туда, куда ты прикладывал его ранее, - стонет она.

- Грязная девчонка, - рычу я. – Тебе понравилось?

Отпуская ее волосы, я снова шлепаю ее по ягодице и наблюдаю за тем, как она дрожит. Затем я дразню ее, разминая ее попку, пока трахаю, но не касаюсь ее там, где она хочет, чтобы я прикоснулся к ней.

- Пожалуйста, - стонет она. – Сделай это снова.

- Скажи мне, где ты хочешь почувствовать мой палец, - приказываю я ей. – Я хочу слышать, как ты произносишь это.

- На моей дырочке, - всхлипывает она. – Как раньше.

Я прижимаю палец к ней, и она издает длинный гортанный стон.

- Это то, чего ты хотела? Тебе понравилось ощущать мой палец у себя в попке? Ты представляла, что это мой член?

Она снова всхлипывает.

- Да, - хнычет она. – Это заставило меня кончить.

Я толкаю свой палец внутрь нее, совсем чуть-чуть.

- Тогда тебе понравится то, что я запланировал для тебя сегодняшним вечером.

- Расскажи мне, - умоляет она.

Своей свободной рукой я сильно шлепаю ее по другой половинке попки.

- Не будь нетерпеливой девочкой. Это сюрприз.

- Это связано с твоим членом?

- В конечном итоге.

Ее киска сжимается вокруг меня, и это заставляет меня застонать.

- Ощущения, будто ты слишком сильно желаешь кончить на мой член, Пьюрити.

- Знаю, - скулит она. – Я правда хочу кончить. Мне нужно прикоснуться к себе.

- Ты спрашиваешь, можно ли тебе прикоснуться к себе?
- Да, - говорит она, делая паузу, когда я глубоко вонзаюсь в нее. – Сэр.
- Потри свой клитор, - говорю я. – Прикоснись к клитору, пока я вхожу в эту тугую маленькую киску.

Она сжимает меня сильнее, как только слышит, как я говорю об этом – но я только говорю. Я выпускаю громкий стон, толкая свой большой палец немного глубже в ее сморщенную маленькую дырочку, хороня свой член внутри нее. Когда я кончаю в нее, она кричит мое имя, а ее мышцы так плотно сжимаются вокруг моего члена, пока она кончает, что мне кажется, будто она может переломить меня надвое.

После этого мы падаем на кровать, рвано дыша.

Она даже не дает мне перевести дух, когда снова садится на кровать и смотрит на меня.

- Я не забыла о твоей книге, чтобы ты знал, - обвиняет она меня.
 - Я падаю на подушку, смеясь, пытаясь прийти в себя.
 - Она пока не закончена. Я вынашиваю ее в своей голове. И еще не знаю финала.
 - Ну, это просто, - говорит она, ухмыляясь. – Кто-то умрет.
 - Это случается не во всех моих книгах.
- Она приподнимает брови.
- Эм, вообще-то, так и есть. Это своего рода то, чем ты известен.
 - Я переворачиваюсь на бок.
 - Не все мои книги заканчиваются смертью.
 - Эм, нет. Может быть, если не буквальной смертью, то полным психологическим разрушением твоих персонажей.

- Я бы не сказал, что полным разрушением, - защищаясь, говорю я.
- А я бы сказала, - беззаботно отвечает она, вскакивая с кровати. – Ты пишешь трагедии. И о чем бы ни была твоя книга, ты заставляешь читателя привязаться к персонажу, прежде чем, либо полностью уничтожить его, либо раскрыть какой-нибудь секрет, который сделает его худшим человеком в мире.

Говоря это, она идет в ванную, как будто просто рассуждает о чем-то совершенно ничем не примечательном, в то время как я смотрю в потолок и задаюсь вопросом, почему, черт возьми, я раньше не рассматривал свои книги в этом свете.

И мне интересно, каким образом, черт возьми, восемнадцатилетняя девчонка продолжает удивлять меня.

38

Пьюрити

- Ты просила о еще одном уроке, не так ли? – медленная улыбка появляется на губах Гейба. Он явно удивлен моей растерянностью.

Я определенно в шоке. На самом деле, одного взгляда на то, что он держит, было достаточно, чтобы заставить мое сердце перестать биться, несмотря на то, что я не на сто процентов уверена, что это такое.

Но у меня есть предположение о том, что это – вот почему я не могу перевести дыхание.

- Ты сказал, что мы идем ужинать, - говорю я ему.

- Мы пойдем ужинать, - обещает он. – Но я хочу, чтобы это было в тебе во время сегодняшнего вечера. Думай об этом как о закуске перед основным блюдом.

Теперь, кажется, будто в данный момент мое сердце не перестанет биться, а выпрыгнет из груди, и рука приземляется на мой рот.

- В каком месте это будет?

- Я же только что сказал тебе, - говорит он, уголки его рта подергиваются. – На ужине.

- Ты знаешь, что это не то, что я имела в виду, - шепчу я, когда он подходит ко мне, со... штучкой... в руках. – Я имела в виду... Ну, ты ведь понимаешь...

- Ты хотела спросить меня, в какой из твоих дырочек это окажется, верно? – он шепчет мне на ухо. И приподнимает заднюю часть моей юбки этой шикарной и дорогой маленькой черной штучкой, которую ранее он купил для меня сегодня в магазине, когда мы выходили в город, чтобы прогуляться. У меня перехватывает дыхание, когда он отодвигает в сторону кружевные трусики, которые он также купил для моей попки.

- Я же говорил, что, в конце концов, полностью овладею тобой?

При этой мысли тепло устремляется прямо к моему сердцу.

- Да, сэр.

- Вот для чего это, Пьюрити, - шепчет он. – Это поможет тебе подготовиться ко мне.

- Но я не могу носить это... в попке... за ужином в приличном ресторане, - протестую я.

Он издает рык.

- Ты можешь, и будешь, - говорит он мне. – Я хочу, чтобы у тебя был свой маленький грязный секрет за ужином, о котором будем знать только мы с тобой.

- Мне казалось, что это я – твой маленький грязный секрет.

- Ты моя грязная маленькая девочка, - говорит он мне. – У нас заказан столик через тридцать минут. Как долго, по-твоему, я буду готовить тебя к ужину?

- Не знаю. Я никогда не делала этого раньше, сэр.

- Я знаю, - говорит он, сжимая мою ягодицу. – Твоя маленькая девственная задница будет моей.

- Да, сэр, - шепчу я.

Он натягивает трусики на мою попку и гладит меня по ягодице.

- Иди туда, положи ладони на стену и раздвинь ноги.

Мое сердце перестает биться.

- Что ты хочешь сделать со мной?

- И долго ли ты собираешься болтать, Пьюрити?

Я ухмыляюсь.

- Зависит от того, каким будет наказание.

- Не хулигань перед ужином, - предупреждает он.

- А могу ли я похулиганиТЬ после ужина?

- Я стану лишь жестче трахать тебя.

- Тогда я буду очень болтливой.

- Руки на стену, Пьюрити.

Я насмешливо фыркаю, пока медленно иду к стене, кладу на нее сначала одну руку, а потом другую и выпячиваю свой зад. Затем я смотрю на него через плечо.

- Так правильно, сэр?

- Раздвинь ноги.

Я отставляю каждую ногу в сторону, и, для пущего эффекта, очень широко расставляю их. Я подумываю о том, чтобы поднять юбку для того, чтобы он мог насладиться видом, но знаю, что он захочет сделать это сам. Так что я стою здесь, прижавшись к стене, в своем очень дорогом, а также очень стильтном черном платье и на каблуках, которые заставляют меня чувствовать себя совсем не как первокурсница колледжа, а как утонченная взрослая женщина. В бюстгальтере и трусиках из нежного кружева, которые он мне сегодня подарил, я ощущаю себя на миллион долларов.

Выставленная напоказ и ожидающая, пока он подойдет ко мне, я чувствую себя невероятно возбужденной. Кажется, я стою здесь и жду уже целую вечность, хотя прошло всего лишь несколько минут. К тому времени, когда он подходит ко мне сзади, предвкушение доходит до такой степени, что все мое тело жаждет его.

Он снова задирает подол моего платья до талии и стягивает трусики

до бедер, поправляя их так, чтобы они располагались по середине бедра.

- Ты мне нравишься такой, - благодарно бормочет он. – Наклоненная, с этим задранным платьем и трусиками вокруг ножек.

- Мне тоже нравится, - шепчу я.

- Знаю, - отвечает он, пока его пальцы проходятся по моей щелочке. – Я вижу мокрое пятно на трусиках.

- Ничего не могу с собой поделать, - хнычу я. – Ты делаешь меня мокрой.

- Я знаю. Но что бы я с тобой ни сделал сейчас, ты не кончишь до ужина.

- Это не справедливо, - протестую я, пока он раздвигает мои ягодицы ладонью. Очень вероятно, что я не смогу продержаться; не тогда, когда Гейб знает, как правильно нажать на все мои кнопки. Он тот, кто научил меня, показал мне и укоренил во мне все, что меня возбуждает.

- Я не справедливый человек, - он посмеивается, когда я хнычу от ощущения чего-то холодно на моей дырочке. – Это смазка, Пьюрити. Расслабься для меня.

Я открываю рот, чтобы протестовать, ведь я не могу расслабиться, пока стою здесь, распластанная по стене, а он впервые вставляет анальную пробку внутрь меня.

Нелепо говорить мне *такое*.

Но затем его рот оказывается рядом с моим ухом, его губы ласкают мою кожу и посылают возбуждение, которое пробегает сквозь меня.

- Я засуну эту пробку в твою маленькую девственную задницу, и ты будешь носить ее в себе в течение всего вечера. Я упоминал, что она выбирает?

- Эм... Нет.

Я задыхаюсь, когда он вставляет ее в меня. Застраиваю, когда сквозь меня проносится небольшая боль, но Гейб быстро начинает снова шептать мне что-то на ухо, отвлекая меня от этих ощущений.

- Верно, - мягко говорит он. – Я собираюсь контролировать ее во время ужина с помощью приложения на своем телефоне. Ты будешь чувствовать вибрации, которые будут проходить сквозь тебя, и будешь знать, что я тот, кто заставляет тебя чувствовать себя таким образом.

Он собирается сделать это на публике? От одной мысли об этом у меня кружится голова. Когда он толкает пробку во мне, у меня захватывает дух.

- Как ощущения, грязная девчонка?

Странные.

Это подчеркивает тот факт, что он сейчас не внутри меня.

- Будто я заполнена, - шепчу я. – Но в то же время другая моя часть чувствует себя пустой.

- Бедная маленькая девочка, - он двумя пальцами находит мой вход и глубоко погружает их в мою киску.

- Так лучше?

Я настолько заполнена им, что это практически неприятно. Ощущения непривычные и слишком странные.

- Да.

Он ласкает меня, пока я ни начинаю задыхаться, кончики моих пальцев ни прижимаются к стене, а я не издаю маленькие стоны, стараясь не кончить. Но он все равно напоминает мне.

- Не смей кончать, Пьюрити, - предупреждает он. – Я хочу, чтобы эта киска жаждала меня весь вечер.

Разве он не знает, что каждый раз, когда он говорит мне не делать чего-то, это лишь больше заставляет меня захотеть сделать это? Я не смогу продержаться весь вечер.

Он перестает гладить меня, вытягивает пальцы и оставляет меня стоять у стены с моей жаждущей киской, но не надолго. Через мгновение он возвращается, чтобы вставить что-то еще между моих ног.

- Я собирался сохранить их на другой раз, но ты была очень хорошей девочкой в последнее время, и я знаю, что тебе нужно что-то ощущать внутри своей мокрой маленькой киски.

Я хныкаю, когда он что-то толкает внутрь меня, объясняя.

- Это вагинальные шарики со смещенным центром тяжести. Тебе придется сжимать свою киску весь вечер, чтобы они оставались там, куда я их ввел.

Я стону.

- Я не смогу делать это весь вечер, - протестую я. – Не смогу удержаться от того, чтобы не кончить.

- Ты способная женщина, и я надеюсь, что ты понимаешь это, - Гейб надевает на меня трусики, и моя юбка спадает вниз вокруг моих бедер. Он похлопывает меня по спине. – А теперь, мы можем пойти и поужинать?

Я едва ли могу идти, потому что меня слишком сильно отвлекают ощущения шариков и анальной пробки внутри меня. Кажется, что все мое тело напрягается, когда я пытаюсь идти, неся в себе все эти секретики.

- Кто-нибудь говорил тебе, что ты мудак?

Гейб берет меня за руку, ехидно улыбаясь.

- Ты себе даже не представляешь.

- Ты правда любишь издеваться надо мной.
Он прижимает меня ближе к себе и шепчет.
- Ты любишь, когда тебя пытают, маленькая девочка.
Думаю, он знает меня лучше, чем я сама.

Рядом с рестораном расположен небольшой бар, тускло освещенный и такой же модный, как сам ресторан. Это тот тип ресторанов, то место, где я никогда не была ранее, с маленькими столиками, пианистом и наряженными людьми. Несколько пожилых пар медленно танцуют возле рояля.

Другими словами, это классическое заведение для зрелых посетителей, совсем не такое место, где я чувствовала бы себя комфортно, заходя внутрь. Все внутри выглядят так, как будто у каждого из них есть яхты и виллы, и они родом определенно не из городов с такими названиями, как Саус Холлоу.

Гейб берет меня за руку и тянет в зал.

- Потанцуй со мной.

- Ага, во-первых, я не умею танцевать, - протестую я. У моего отца случился бы сердечный приступ, если бы он узнал, что я танцую – это одно из многих занятий, которые он считает греховными.

Очень иронично, учитывая мое состояние в данный момент (анальную пробку в моей заднице и вагинальные шарики в моей киске). Мой отец и понятия не имеет, о чем на самом деле ему стоило бы беспокоиться.

- Я научу тебя, - говорит Гейб.

- Во-вторых, я определенно *не смогу* танцевать, - я подчеркиваю последние слова, посылая ему взгляд, который говорит о том, что я действительно имею в виду то, что сказала, потому что я определенно не смогу танцевать, когда шарики могут выпасть из моей киски в любой момент.

Гейб лишь посмеивается. Этот ублюдок точно знает, что именно я пытаюсь ему сказать, а он смеется.

- Ох, думаю, ты сможешь, грязная девчонка. Только будь осторожна, ничего не урони.

- Задница, - выдыхаю я слово, когда он кладет руку на мою спину и направляет меня к середине зала, не давая времени на протест. Располагаясь перед всеми посетителями бара, он прижимает меня к себе, и, глядя мне в глаза, начинает синхронно с музыкой плавно передвигать меня вместе с собой.

Это было бы очень горячо, если бы мне не пришлось так сильно

сосредоточиться на том, чтобы не выронить шарики из своей киски.

- Видишь, я же сказал тебе, что ты сможешь танцевать, грязная девчонка. Это все равно, что трахаться. А ты очень хорошо умеешь трахаться.

В этот момент мои щеки начинают краснеть, ведь он разговаривает со мной прямо посреди бара, полного старомодных людей, которые, вероятно, не обсуждают секс, и у них определенно нет секс-игрушек внутри какой-нибудь части тела прямо сейчас.

Я закрываю глаза, когда руки Гейба двигаются по моей спине к моим бедрам и располагаются там, прижимая меня к его бедрам.

Он твердый.

Святое дермо.

- Люди заметят, - шепчу я.

- Ну, и пусть,- мягко говорит он. – Они бы подумали, что я сошел с ума, если бы я не возбудился, пока ты танцуешь напротив меня, выглядя так, как сегодня.

- Но они будут осуждать это.

- Я здесь никого не знаю, - он кружит меня, а затем притягивает к себе так, что моя попка прижимается к его эрекции. Его руки остаются на моих бедрах, и он, раскачиваясь позади меня, шепчет мне на ухо. – А ты?

- Они пляются.

На самом деле так и есть; это не просто мое беспокойство, которое переходит в панику. Люди смотрят поверх своих коктейлей и шепчутся друг с другом.

Это не то место, где вы сможете соблазнительно потанцевать со своей молодой девушкой, которая годится вам в дочери.

Я его девушка?

Я представляю все те вещи, которые они прямо сейчас шепчут друг другу, и это заставляет мои щеки согреться.

Гейб чувствует мое смущение, и его руки крепко сжимают мои бедра, не оставляя мне места для маневра – физически или умственно. Он прижимает меня к себе и не дает мне убежать от унижения в наш номер. От ощущений того, что я ношу под юбкой, танцуя с ним так, как мы делаем это, в то время как все наблюдают за нами.

Это мой самый страшный страх.

И то, от чего я больше всего возбуждаюсь.

Я только что поняла это.

Думаю, Гейб всегда знал об этом.

Он чувствует, что меня возбуждает, и нажимает на эти кнопки. У него

существует множество способов нажатия на все мои кнопки, не только сексуальные.

- Я знаю, что люди смотрят, - шепчет он, прижимая губы к моему уху.
— Они смотрят на тебя в этом платье и хотят тебя. Они хотят быть мной, и ласкать тебя, держа свои руки на твоих бедрах.

Мои щеки розовеют.

- Это не так.

Гейб не делает ничего особенно непристойного. Его руки не ласкают мою грудь и не ныряют между моих ног, а мое платье совершенно не вульгарное. Оно скромное, длиной до колен и очень стильное.

Но ощущается это так, как будто мы вдвоем стоим посреди бара голыми. Его тело прижимается ко мне сзади, его твердость толкает анальную пробку внутри меня каждым движением его тела.

Когда он лезет в карман и достает телефон, а другой рукой прижимает меня к себе, удерживая мою талию, мое сердце перестает биться. Я точно знаю, что он делает с телефоном. Низкая вибрация начинает проходить через мою киску.

Прямо перед всеми в этом баре.

- Это несправедливо, - шепчу я.

Пианист продолжает играть, и Гейб двигается вместе со мной.

- Я передумал насчет ужина, - бормочет он мне на ухо. – Я решил, что не смогу пережить этот ужин с тобой. Мы должны заказать обслуживание номеров.

- Слава Богу, - вздыхаю я.

- О, нет. Мы еще не уходим. Я передумал, потому что хочу, чтобы ты кончила здесь, а не за ужином.

- Я не буду этого делать, - категорически протестую я, пока он делает вибрацию сильнее. Мои руки опускаются вниз, чтобы схватить его за ноги и крепко сжать их.

- Остановись или я уйду.

- Перестань ныть. Ты кончишь здесь и сейчас, или я подхвачу твою болтливую задницу и трахну ее в лифте, пока мы будем возвращаться в номер.

- Нет, - настаиваю я, но слово больше похоже на стон, чем на протест. Вибрация мчится сквозь меня, на этот раз более интенсивная, и посыпает волны тепла, омывая меня ими. Несмотря на то, насколько мой разум настаивает на том, что это самый ужасный из всех кошмаров в моем мире, мое тело откликается на эти ощущения.

Я закрываю глаза и представляю, будто он задирает мою юбку,

достает свой член и толкает его внутрь меня прямо здесь, пока все в этой комнате смотрят на нас.

- Ты сказала «нет», но это возбуждает тебя, - бормочет он. – Ты не умеешь вратить мне. Я знаю каждый дюйм твоего тела и знаю, чего ты хочешь. Ты хочешь, чтобы я нагнул тебя прямо здесь, перед всеми этими людьми, и взял тебя.

- Неправда...

Боже.

Это совершенно так.

Я люблю наш грязный секрет. Мне нравится прятаться. Нравятся острые ощущения от того, что внутри меня прямо сейчас находится восхитительный секрет, что он наполняет меня, и что он приближает меня к оргазму прямо здесь, в то время как все эти скучные люди пьют свои коктейли и говорят о своих акциях и членстве в загородном клубе.

Мне нравится, что он собирается заставить меня кончить и что это полностью вне моего контроля. Нравится, что это предрешено, и что я ничего не могу с этим поделать.

- Сожми свою киску для меня, малышка, - шепчет он мне на ухо, посылая мурашки по моим рукам, когда я подчиняюсь. – Сожми ее и знай: я так чертовски тверд, что тебе повезет, если я прямо сейчас не кончу на подол твоего платья.

Эти слова не должны меня так сильно возбуждать.

- Может быть, я хочу этого, - шепчу я.

- Тогда попроси об этом, милая, - рычит он.

Я закрываю глаза и представляю, как он срывает верхнюю часть моего платья, кладет руки на мою грудь и сжимает мои соски, когда засовывает свой член внутрь меня.

Вибрация становится настолько сильной, что ее почти невозможно терпеть, поэтому у меня нет другого выбора, кроме как прислониться к груди Гейба, крепко сжимая его руки, чтобы не рухнуть на пол. Мой оргазм начинает нарастать, и я стараюсь удержать глаза открытыми, и пытаюсь отвлечься, смотря на людей в баре, но это не помогает.

Я кусаю губу, мысленно пытаясь отвлечься.

Я не собираюсь кончать перед всеми людьми в этой комнате. И не буду. Этого не произойдет.

Но я так чертовски близко.

- Я знаю, чего ты хочешь, - шепчет он. – Знаю, что ты хочешь кончить прямо здесь перед всеми этими людьми, наблюдающими за тобой. Они знают, что ты близко. Они чувствуют это так же, как и я.

- Нет, - протестую я. – Никто не знают...

- Они видят это по тебе, - шепчет он. – По тому, как тяжело ты дышишь. Ты практически упала. Ты едва ли держишься за меня, и ты задыхаешься, а также покраснела.

- Неправда.

О боже, мои глаза закатываются назад.

- Все, что тебе нужно прямо сейчас – это кончить для меня, - говорит он. – Тогда я уведу тебя отсюда, мы пойдем прямо к лифту, нажмем на кнопку остановки, я задеру твою юбку и буду трахать у стены, пока ты снова не кончишь для меня.

- Ты... Не посмеешь ...

О боже, мысль об этом заставляет меня захотеть кончить прямо сейчас.

- Я приказал тебе сделать это, маленькая девочка, и я имел в виду прямо сейчас, - говорит он, его голос суровый. – Мне нужно увести тебя отсюда, пока я не трахнул тебя прямо здесь, посреди танцпола. Так что, если ты не кончишь прямо сейчас, я подхвачу тебя и переброшу через плечо, а потом унесу тебя отсюда с голой задницей у всех на виду. И поверь мне, когда я говорю, что сделаю это; все в этом месте насладятся бесплатным шоу. Я трахну тебя пальцами на своем плече, и...

Боже.

Я ничего не могу с собой поделать. Сочетание грубости в его голосе, его грязных слов и вибрации, проходящей через мою киску, заставляют меня переступить черту. Мой оргазм настигает меня врасплох, и я настолько сильно кончаю, что мне не верится в это.

Мне удается не закричать, но только потому, что я так сильно кусаю губу, что чувствую вкус крови. Каким-то образом мне удается не упасть, но только потому, что Гейб держит меня так крепко напротив себя, что мне кажется, будто его пальцы, оставят синяки на моих бедрах. Все это время, пока я кончаю, он шепчет мне на ухо, называя меня своей грязной, сладкой девочкой.

Прежде чем я успокаиваюсь, он уводит меня из ресторана – его рука лежит на моей узкой спине, так же, как и когда мы входили сюда.

39
Габриэль

Я веду Пьюрити по коридору к лифту за углом.

Не знаю, каким образом эта девушка сводит меня с ума, но она делает это. Она залезает под мою кожу, и я теряю способность мыслить рационально.

Это совершенно очевидно, потому что то, что произошло в баре, было пиздец, как глупо. Танцевать с ней как парочка озабоченных подростков, которые не могут оторвать друг от друга руки. Вращаясь назад и вперед с ней, покачиваясь под музыку в публичной обстановке.

Это было чертовски глупо.

Конечно, мы в центре небольшого городка в Вермонте. Никто не узнает меня здесь. По крайней мере, надеюсь, что нет.

Но я должен быть предусмотрительнее, чем просто надеяться. Я должен избегать общения с ней на публике, поскольку не могу справиться с собой. Не могу избавиться от желания возбудить ее на публике после того, как она выросла такой застенчивой и смущенной своими собственными желаниями; особенно когда дело доходит до реализации этих желаний на глазах у посторонних людей.

Когда лифт открывается, я толкаю ее внутрь. Она слегка спотыкается, а затем хихикает, пока крутится передо мной, когда мы заходим внутрь.

- Мистер Гейб, - говорит она, кладя руки на мою грудь. – Вы же не собираетесь этого делать, правда?

- Даже не сомневайся.

- Простите! Подождите! – рука проскальзывает между закрывающимися дверями, и человек входит в лифт. Я немедленно хочу убить его за разрушение моих планов.

Пьюрити тихо хихикает, а я прижимаю ее к себе. Когда я опускаю руку под ее юбку и оттягиваю ткань ее трусиков, она сначала хлопает меня по руке, но затем шире расставляет ноги, гарантируя мне легкий доступ к ее промежности. Я просовываю свой палец через крошечную силиконовую петлю, прикрепленную к шарикам, и тяну.

Она издает писк, который заставляет мужчину в лифте повернуться и оглянуться через плечо. Пьюрити прикладывает свою руку ко рту и кашляет.

- Простуда, - объясняет она, снова кашляя.

Я бросаю вагинальные шарики в ее открытый клатч, разблокировываю экран на своем телефоне и включаю вибрацию анальной

пробки. Она громко визжит и смотрит на меня, прежде чем разразиться в кашле, чтобы скрыть свою реакцию.

Я убираю свой телефон обратно в карман, залезаю под ее юбку и, отодвигая в сторону ее трусики, и прямо в лифте погружаю два пальца в ее мокрую киску. На этот раз парень не оборачивается, несмотря на хныканье Пьюрити. Он стоит лицом вперед, и я прекрасно понимаю, что он знает, что здесь происходит, потому что как иначе?

Лифт поднимается по этажам вверх, пока я пальцами трахаю Пьюрити. Когда дело доходит до остановки на этаже мужчины, он лишь быстро смотрит на нас перед тем, как выйти из лифта. Его глаза находят мою руку, а его лицо краснеет прямо перед закрывающимися дверями.

Пьюрити задыхается.

- Гейб, этот парень видел, что ты делаешь. И, боже мой, он заметил нас!

Вытягивая из нее пальцы, я нажимаю аварийную кнопку на стене лифта, другой рукой расстегивая брюки.

- Положи руки на стену и выстави свою попку.

- Пробка убивает меня, Гейб. Ты должен выключить ее, - стонет она, кладя ладони на стену.

- Ты хорошо себя чувствуешь?

- Да. Просто это, это слишком... интенсивно, и я собираюсь... кончить.

- Прямо сейчас ты не кончишь, сладкая.

Кладя руки на ее бедра, я тяну ее назад, чтобы вставить свой член глубоко внутрь нее. Без какой-либо прелюдии, без предварительного времени, чтобы приспособить ее к моему ритму, я трахаю ее быстро и жестко, и с каждый новым толчком, толкаю вибрирующую пробку дальше в ее попку.

- Нет... Я не собираюсь... Не собираюсь кончать, - стонет она, но звучит совершенно наоборот. Она так близко, ее ладони скользят по стене, а волосы рассыпаются, когда она откидывает голову назад и стонет.

- Скажи мне, каково это, когда тебя трахают в лифте, где нас могут увидеть? – рычу я, дергая ее за волосы.

- Сильнее, - требует она.

Я тяну сильнее, и она выпускает серию ругательств, которые даже меня заставляют покраснеть, пока она кончает. Когда она достигает высшей точки, она не ждет и не спрашивает разрешения – она принимает свой оргазм, приказывая мне трахать ее сильнее, глубже и быстрее.

Я не могу сдерживаться, когда она так кричит. Не тогда, когда она

сжимает меня как тиски, а ее тело требует всего, что есть у меня.

Ее плечи подрагивают, и мне кажется, что она плачет. Мое сердце болит, когда я спрашиваю ее, в порядке ли она, и она смотрит на меня через плечо. Она истерически смеется, а из ее рта не выходит ни звука просто потому, что она заливаются смехом.

- Если ты не выключишь вибратор, - задыхается она, - я убью тебя.

Теперь смеюсь я, и, решая помиловать ее, выключаю приложение на своем телефоне. Мы быстро приводим себя в порядок, прежде чем я снова нажму на кнопку лифта, и мы начнем двигаться. Когда двери лифта открываются на нашем этаже, там стоит пожилая пара, ожидая лифт. Женщина смотрит на нас.

- Самое время.

Мы выходим, и Пьюрити начинает снова хихикать, когда двери закрываются. Взяв меня за руку и все еще смеясь, она тянет меня к нашему номеру, неуклюже спотыкаясь. Если кто-нибудь увидит нас, они подумают, что мы пьяны.

В самом деле, возможно, это лучшее объяснение тому, что здесь происходит. Должно быть, я чертовски опьянен похотью и желанием к ней.

Заходя в комнату, проходит всего пару секунд, прежде чем она оказывается на мне. Ее руки обхватывают мою шею, и она тянет свой рот к моему. Мы срываем друг с друга одежду и падаем на кровать в запутанном беспорядке рубашек и конечностей, и я не могу вспомнить, ощущал ли я когда-либо прежде это сумасшедшее желание к кому-нибудь еще.

Обнаженная она лежит подо мной, пробка все еще внутри нее, но больше не вибрирует, ее грудь поднимается и опадает, пока она делает маленькие вдохи. Я не могу объяснить тот факт, что я так быстро снова тверд для нее, за исключением того, что эта девушка сделала что-то со мной, превратив меня в подростка, который не может насытиться ею.

- Я не понимаю, что произошло, - шепчет она. – Это было какое-то безумие.

Зато я понимаю, что произошло.

Пьюрити, наконец-то, *отпустила себя*.

- Это было безумно, горячо и чертовски потрясающе, - говорю я ей, когда она выгибает бедра, чтобы встретиться со мной.

На этот раз не происходит ничего подобного, что было ранее в лифте – или, черт возьми, в ресторане. На этот раз я похоронен внутри нее, и ничто другое во всем мире не имеет значения. Мы одни в этой комнате, и когда я смотрю ей в глаза, я теряю себя в ней.

Она – то единственное, где я желаю находиться.

На этот раз, я трахаю ее медленно, без какой-либо спешки. Я провожу с ней свое проклятое время и делаю так, как надо.

Она стонет подо мной, тихо и нежно, в такт моим толчкам. Она растекается подо мной, как жидкость.

На этот раз, когда я смотрю ей в глаза, я внезапно осознаю, что *она – та самая*. Идеально подходящая мне.

И это самая худшая мысль в мире, потому что она самый неподходящий человек, который должен так ощущаться, эта девушка – ошибка. Во всех возможных внешних обстоятельствах. Эта девушка – студентка, дочь Алана, а также она слишком молода и наивна. *И слишком хороша.*

Она идеальна, думаю я, когда она всхлипывает мое имя, а ее киска пульсируют вокруг меня. Она совершенна, думаю я, когда она кричит и выгибает спину, а я наклоняюсь, чтобы взять ее сосок в рот, и зубами слегка прикусить ее нежную кожу. Она совершенна, решаю я, когда мои глаза смотрят на нее, и я кончу.

Она абсолютно идеальна, но все это – неправильно.

40

Пьюрити

Мы с Гейбом скрываемся до конца семестра. Это волнует и интригует – знать, что нас могут поймать, но мы не перестаем этого делать. Я почти уверена, что Луна подозревает, что что-то происходит между нами, или мои оправдания про «чтение в библиотеке» действительно очень тонкие, но в любом случае она не расспрашивает про Гейба.

Единственное, что она спрашивает – это счастливая ли я, и я отвечаю ей, что счастлива. Она говорит мне, что это все, что ей требуется знать. В целом, так и есть, я счастлива, даже несмотря на все те сумасшедшие риски, на которые иду. Возможно, именно эти риски и усиливают все, что происходит между мной и Гейбом.

Я тусуюсь в доме Гейба, учась, пока он пишет. Он все еще не делится со мной своей книгой, потому что не знает, как она закончится. Мы отдыхаем в гостиной, разговаривая, и смеемся на кухне, пока пытаемся приготовить блюдо по какому-нибудь рецепту, хотя никто из нас совершенно не умеет готовить.

Мы растворились в этом гребаном счастье. Во множествеочных марафонов удивительного, потрясающего, умопомрачительного секса, окропленного разговорами о нашей жизни и о том, кем мы хотим быть.

Все не так уж и ясно, когда дело доходит до Гейба. Я не встречалась ни с одним человеком из его жизни – ни с его братом, ни с кем-нибудь из друзей. И даже не знаю, есть ли у него вообще друзья. Скрываться от посторонних – очень волнующе, но мне интересно, означает ли это, что нас связывает лишь секс и ничего более.

Лично для меня это что-то большее, но, возможно, это и есть то, что значит секс для других людей. Возможно, секс лишает вас здравомыслия, запутывает, и мешает эмоции, заставляя вас думать, что между вами и другим человеком что-то происходит, когда на самом деле в ваших отношениях нет ничего существенного.

Интересно, нормально ли для секса быть катализатором, который способен изменить человека. Или, может быть, это Гейб изменил меня.

Ныне я другой человек, совершенно не та, кем я была, когда поступала в колледж, полностью потрясенная и ошеломленная перспективой проживать где-либо за пределами Саус Холлоу. Мне кажется, что всего лишь за один семестр я стала старше примерно лет на десять.

Единственное, чего я не сделала – это не рассказала обо всем своему отцу. Я сама не понимаю, каким образом я развилаась в других областях

своей жизни, потому что когда дело доходит до того, чтобы поговорить с моим отцом о том, что я больше не собираюсь подчиняться его воле, я не могу вымолвить и слова. До рождественских каникул остается всего несколько дней, и он приедет сюда, чтобы забрать меня в Саус Холлоу, вероятно, потому, что он чувствует, что если это будет зависеть от меня, я вообще не поеду в Саус Холлоу на эти каникулы.

- Сегодня последний день занятий, мисс Тейлор, - Гейб захлопывает дверь своего кабинета, и его губы немедленно находят мои, пока мы, спотыкаясь, продвигаемся через весь кабинет и расстегиваем пуговицы на одежде друг друга. Когда мы врезаемся в его стол, я начинаю хихикать.

- Я рас прощалась со всем с этого семестра, - шепчу я. – Больше никаких экзаменов, никаких эссе.

- Больше никакого профессора, - бормочет он на ухо мне.

- Ты разочарован этим? – спрашиваю я, мое сердце бьется миллионом ударов в секунду. Должна признаться, я задавалась вопросом – измениться ли что-то, когда закончится семестр?

- Разочарован тем, что ты больше не будешь моей студенткой? – рычит он. – Я, блядь, не мог дождаться этого.

Его рот накрывает мой, и я стону, когда он сжимает мою грудь своей рукой. Его прикосновение посыпает тепло сквозь мое тело, как будто это первый раз, когда он прикасается ко мне. Я покинула его дом всего несколько часов назад, но мое тело ноет так, будто я пробыла без него слишком долго. Он приподнимает меня и сажает на край стола, а мои ноги обхватывают его талию, когда он задирает мою юбку.

- Без трусиков, - говорю я ему, но он уже и так знает это. Он уже расстегнул брюки и вставляет свой член в меня.

И я уже насквозь намокла.

Мои лодыжки скрещиваются на его талии, и я подтягиваю его сильнее к себе, наслаждаясь ощущениями, пока он заполняет меня.

- Я буду скучать по этому, - говорю я ему. – Что я буду делать в Саус Холлоу без этого?

Без тебя.

- Это всего лишь на пару дней, - бормочет он.

Я не уверена, что смогу обойтись без него несколько дней. Гейб включил что-то внутри меня, щелкнув по выключателю, который теперь я не хочу выключать. Привыкнув к множеству оргазмов и безумному сексу,

что же без этого будет делать мое тело?

- Мой отец не приедет сюда, чтобы забрать меня, до завтрашнего утра, - шепчу я.

- До завтра в течение каждого момента, когда мы не будем спать, ты моя, - говорит мне Гейб, толкаясь глубже. – Я собираюсь отправить тебя обратно в Саус Холлоу, не способной правильно ходить.

Я хихикаю от мысли, что буду хромать, пока буду ходить по дому отца после того, как меня настолько тщательно оттряхали, что я не могу свести ноги вместе.

- Хорошо, что я молодая и имею бесконечный запас энергии, поэтому не нуждаюсь во сне.

Он рычит.

- Перестань напоминать мне, насколько ты молода.

Резкий стук в дверь проходит эхом сквозь комнату, и мое сердце перестает биться.

- Ты запер ее? – шепчу я.

Он хмурит брови.

- Кажется, да.

Я бью его по руке.

- Тебе кажется? – я шиплю.

- Я запер ее.

Дверь распахивается.

- Профессор Райан, я пыталась дозвониться до вас, но, кажется, ваш телефон отключен...

Ox, деръмо.

Все, что случается дальше, происходит словно в замедленном режиме.

Я смотрю на Гейба, и Гейб смотрит на меня, а ассистентка английского департамента стоит в шоке с широко раскрытым ртом в открытом дверном проеме, глядя на нас.

Мой отец и парень, с которым я обручена, стоят за ней и смотрят на нас.

Я, кажется, целую вечность сижу на столе, будто парализованная, с задранной до талии юбкой и раздвинутыми ногами, пока член моего профессора находится внутри меня. Тело Гейба – единственное, что мешает всему миру, всем студентам, проходящим мимо его открытой двери, увидеть меня. Поэтому я сижу, цепляясь за его рубашку и за него, как за спасательный плот, как за то единственное, что удерживает меня от падения в море публичного унижения.

Этот момент хуже любого самого страшного кошмара.

Джина вопит. Мой отец и Джастин орут.

Я прячусь лицом в плече Гейба, мои губы на его шее, а глаза закрываются так, как тогда, когда вы делали это, будучи ребенком, притворяющийся, что если вы не видите никого, то они тоже не могут видеть вас.

Все вокруг нас превращается в хаос.

Я цепляюсь за Гейба, и все голоса приглушаются, доходя до меня словно эхо, пока я пытаюсь поверить в то, будто все это происходит с кем-то другим, а не со мной.

Это просто плохой сон.

Просыпайся, Пьюрити. Просыпайся.

Но это совсем не сон. Это гребаный кошмар, и Гейб, пытаясь защитить, обхватывает меня руками, а затем кричит на них, чтобы они убирались из его кабинета.

Но он не может защитить меня. Мои глаза открываются, и я нахожусь все еще здесь.

Джина быстро моргает, ее лицо бледное.

- Я пыталась связаться с вами, потому что звонит ваша жена, - тихо произносит ассистентка. – Она говорит, что ей нужны деньги. Это чрезвычайная ситуация. Она звонит из Индии.

Эти слова звучат громко и ясно, громче, чем что-либо еще в этой комнате.

Ваша жена.

Гейб громко ревет.

- Сейчас же убирайтесь из моего кабинета!

Дверь хлопает. Мое сердце колотится, голова кружится, и я не могу осмыслить все это. Я не могу думать, не могу дышать, и я, возможно, задыхаюсь, потому что мое зрение нарушается, но я все равно отталкиваю Гейба от себя и лихорадочно поправляю юбку.

Я ощущаю смущение, унижение и стыд...

У него есть гребаная жена?!

Я в ужасе смотрю на него.

- Бывшая жена, Пьюрити, - осторожно говорит он. – Ударение на «бывшая». Она очень, очень бывшая.

Но мой разум работает в замедленном, а не привычном, темпе, мои мысли улетучиваются, и я не могу разгрести все это. Даже мои движения замедляются, пока я разглаживаю юбку и отступаю от него и... О, боже, мой отец и Джастин в данный момент находятся за пределами кабинета, и

они видели, как я трахаюсь с Гейбом, а также слышали... Что у него есть жена.

- Но мы разговаривали на разные темы, - бормочу я в смущении. – Разговаривали о других вещах, не только о сексе и... Боже, это лишь секс, да? Я студентка, с которой ты спишишь, потому что если бы ты не просто трахался со мной, ты бы сказал мне, что женат.

Гейб пересекает пространство между нами и берет мое лицо в ладони.

- Я не просто трахаю тебя, Пьюрити! – говорит он громкий голосом. – И я, блядь, не женат!

Дверь снова распахивается, и мой отец врывается в кабинет.

- Убери руки от моей дочери, извращенец, или я вызову полицию!

- Клянусь Богом, Алан, я не хочу быть проповедника, но ты настолько далек от человека Божьего, что...

Я не могу думать.

Гейб собирался ударить моего отца, здесь, в его кабинете, и он будет арестован, и у него есть бывшая жена, о которой он не упомянул, а Джастин смотрит на меня из-за плеча моего отца, и я начинаю задыхаться.

- Остановитесь! – я проталкиваюсь между Гейбом и своим отцом, крича так громко, что мой голос разносится по кабинету Гейба и коридору. Я знаю, что мы устраиваем сцену, но мне все равно.

Пробираясь мимо них, я выбегаю из кабинета. Гейб зовет меня, но я бегу по коридору, проносясь мимо группы студентов, которые собрались вокруг английского департамента и задаются вопросом, что, черт возьми, происходит здесь, надеясь на сочные сплетни.

Это, само собой, самая сочная часть сочной сплетни. Единственное, что могло бы быть более скандально, чем это, если бы меня и Гейба поймали трахающимися на столе у декана. Или с деканом.

Я выбегаю из здания и бегу через кампус так быстро, как только могу. В два счета я преодолеваю лестницу в общежитии. Когда я добираюсь до своей комнаты, я врываюсь в дверь и захлопываю ее за собой.

Только тогда я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Я откидываюсь на дверь, моя грудь вздымается, когда я большими вздохами глотаю воздух. Я не могу дышать, и мне кажется, будто меня вырвет или я разрыдаюсь.

Луна вскакивает с кровати.

- Ты выглядишь, словно прямиком из ада. Что случилось?

41

Пьюрити

- Что случилось, дорогая? – спрашивает Джез звонким голосом.
Я глотаю больше воздуха.

- Я... Черт, я не знаю. Я просто бежала сюда... Через весь кампус... И по лестнице.

Джез приподнимает брови.

- Ты выглядишь так, будто только что видела призрака.

- Почти, - кровь колотится в моих ушах. – Своего... Отца... И Джастина.

- Кто такой Джастин? – спрашивает Луна, но потом выражение ее лица меняется. – Ох. Ох-х-х. Того самого Джастина, твоего жениха?

- У тебя есть жених?! – спрашивает Джез.

- Нет, - на автомате отвечаю я. – Точнее, да, думаю, технически так и есть. Но на данный момент мой дурацкий фальшивый жених – наименьшая из моих проблем.

- Так ты обсудила это со своим отцом? – спрашивает Луна.

- О, дорогая, если ты поссорилась со своим отцом, мы были бы более чем рады, чтобы ты поехала с нами на эти каникулы к нам домой, – говорит Джез.

- Мама, дай ей договорить, - щелкает Луна. – Ты даже не знаешь о ее планах на Рождество.

- Луна Мун, я знаю, что если бы она обсудила такое со своим отцом, бедняжке было бы некуда пойти.

- Пьюрити – не бездомная кошка или осиротевший ребенок, так что не называй ее бедняжкой, мам. Дай ей закончить.

Позади меня кто-то громко стучит в дверь. Глаза Луны расширяются.

- Это твой отец?

Джез встает.

- Чувствуешь ли ты угрозу или опасность, Пьюрити? Потому что если да, я прямо сейчас вызову службу безопасности кампуса.

- Или полицию, мам, - прерывает Луна. – У него есть оружие?

- Стоп! – восклицая, я прерываю их. – Вы говорите обо мне и даже не даете ни секунды подумать или ответить вам! У него нет оружия, и мне не нужна полиция, я позабочусь об этом сама!

Я разворачиваюсь и дергаю дверь, открывая ее, внезапно охваченная еще большим гневом, чем могу сдержать в себе. Я злюсь на всех: на Луну и ее маму за то, что они не позволили мне рассказать все, на моего отца и

Джастина за то, что они приехали сюда пораньше, на себя за многие другие вещи, которые я даже не могу перечислить сейчас. А еще я злюсь на Гейба за то, что он не сказал мне, что у него есть бывшая жена.

Я не могу разобраться с миллионом мыслей, которые крутятся у меня в голове.

Никто не дает мне возможности отдохнуться.

Не спрашивая, мой отец врывается в комнату, отталкивая меня, в то время как Джастин бежит за ним, как гребаный пес, и встает рядом со мной. Я хочу накричать на Джастина за то, что он такой глупый, за то, что слепо следует за моим отцом. Хочу накричать на него, потому что, как он мог быть настолько туп, чтобы думать, что приехать с моим отцом ко мне в колледж было бы хорошей идеей?

- Собирай свои вещи, - орет мой отец. – Ты уезжаешь отсюда.

Он подходит к моей кровати и берет чемодан, расстегивая его. Он открывается, совершенно пустой, потому что я откладывала сбор до последней минуты – до завтра, потому что я полностью отрицала поездку в Саус Холлоу на праздники.

- Она никуда не пойдет с тобой, злобный тиран, - заявляет Джез. – Отойди от ее вещей!

- Пьюрити, я вызываю охрану, - говорит Луна.

Сцена почти столько же хаотичная, как развернувшаяся сцена в кабинете Гейба минуту назад, пока Джез отчитывает моего отца за то, что тот роется в моих вещах, а Луна громко заявляет, что никто не имеет права врываться в ее комнату и приказывать кому-либо что-то делать.

Тем временем, Джастин смотрит на меня с болезненным выражением на лице, которое я не совсем понимаю. Парень хотел жениться на мне. Я хочу пожалеть его и сказать, что злиться в его случае было бы вполне нормально, и что я бы разозлилась, если бы застукала своего жениха с кем-то еще во время секса.

Я была бы в ярости.

Но он нет.

Он выглядит очень подавлено. И он продолжает смотреть на моего отца с болезненным выражением на лице, которое просто не имеет никакого смысла.

- Мне очень жаль, - все говорят вокруг нас, но я прекрасно слышу Джастина.

- За что ты извиняешься?

- За то, что вот так приехал, - говорит он, качая головой. – Я говорил твоему отцу, что это ужасная идея, и я не имею в виду приезд сюда.

Я киваю. Вся эта ситуация сюрреалистична, и я будто смотрю на все это со стороны.

- Я не выйду за тебя, - говорю я ему.

Он тяжело выдыхает. Но это не вздох огорчения или разочарования. Это вздох облегчения. Он выглядит так, будто только что с его плеч сняли тяжесть всего мира.

- Я знаю, - говорит он.

- Ты мне не нравишься, - продолжаю я. – Я даже не знаю тебя.

- Ты мне тоже не нравишься, Пьюрити.

Этот разговор не должен происходить здесь – в середине хаоса из безумия и повышенных голосов, происходящего на другой стороне комнаты. Вдруг, все это начинает казаться мне странно смешным, и смех, который я пытаюсь сдержать, начинает пузириться в моей груди.

- Я тебе не нравлюсь, - повторяю я. – Но я думала, что это ты попросил у моего отца разрешения жениться на мне.

Он смотрит в сторону моего отца, и тогда я впервые замечаю это. Почему я не замечала этого ранее?

Выражение его лица отражает тоску.

- Это была идея твоего отца, - говорит он.

- Конечно, это была его идея, - бормочу я, пытаясь обработать все то, что здесь происходит, но мой мозг не так быстро соображает, поскольку на другой стороне комнаты мой отец кричит о вечном проклятии.

- Почему ты согласился на это? Я его дочь. Это было моим оправданием, по крайней мере, это оправдывало мое согласие. Сейчас это не так. Но ты взрослый человек, и...

Я перестаю говорить, потому что Джастин смотрит на моего отца, а тот смотрит на Джастина с другой стороны комнаты, и все затихают.

Как будто кто-то внезапно отключил звук в моей жизни.

Я узнаю выражение лица Джастина, потому что именно так я смотрю на Гейба.

Но ведь это невозможно. Не так ли?

- Алан, оставь вещи Пьюрити в покое, - говорит Джастин, его голос уставший.

Я смотрю то на Джастина, то на отца.

Я ведь вижу то, чего там нет. Верно? У меня просто сильный стресс.

- Алан, - повторяет Джастин. То, как он произносит имя моего отца...

В этом есть близость, которая выходит за рамки церковного лидера и пастора.

Мои глаза встречаются с глазами Луны, и она тоже видит это.

- Святое деръмо, - выдыхает Луна. – Свя-тое деръ-мо.

- Вы..? – начинаю я, но не могу закончить вопрос, потому что он не соответствует всему, что я знаю о своем отце. Мой отец – один из самых не толерантных людей на Земле.

Ты трахаешься с моим отцом, Джастин? Ты влюблен в моего отца?

- Алан, - повторяет Джастин, смотря на моего отца.

- Заткнись, Джастин, - говорит мой отец.

- О, боже мой, - моя рука летит ко рту, потому что все начинает складываться. Мой мозг внезапно начинает работать с молниеносной скоростью, проводя связь между вещами, которых до этого я не осознавала. Джастин всегда проводил очень много времени с моим отцом. Он был правой рукой отца в течение многих лет, но мне казалось это потому, что он – протеже моего отца.

Мой отец пытался выдать меня замуж за Джастина, чтобы тот был рядом с ним.

О, Боже.

- Не произноси ни одного чертова слова, Джастин! – мой отец громко восклицает, и даже после всего этого, я больше потрясена его бранью, чем любым другим откровением. – Я не буду стоять здесь, и слушать этот бред!

- Расскажи ей, Алан, - умоляет Джастин, он выглядит таким раненным, что мое сердце разрывается. – Признайся, хоть раз. Ты прятался от себя и от всех остальных...

- *Все* в порядке? Здесь было как-то громко, и я пришла проверить... - староста нашего общежития стоит у двери.

- Разве ты не видишь, что мы в середине разговора? – щелкает Луна.

- Как грубо, - фыркает староста.

- Я не буду это слушать, - громко говорит мой отец. – И я не позволю тебе лгать моей дочери, Джастин!

- Ты ведь не врешь? – спрашиваю я Джастина. – Как долго вы вместе?

- Слишком долго, - говорит Джастин. – Я действительно сожалею обо всем.

Я обращаюсь к своему отцу.

- Гейб ненавидит тебя, - говорю я, сбитая с толку. – Гейб ненавидит тебя, потому что ты протестовал против свадьбы его брата! Это в то же время, когда ты сам был с Джастином? И ты еще пытался выдать меня замуж за Джастина?!

- Bay, - тихо бормочет Луна. – Я действительно не подозревала ничего подобного. Совершенно.

- А я подозревала, - случайно заявляет Джез. – Всегда самые ярые

гомофобы на самом деле...

- Я не хочу ничего слышать! – огрызается мой отец, указывая на Джастина. – Этот человек бредит, и...

- Нет! – прерываю его я, кладя руки на бедра. – Я больше не хочу слушать, как ты извергаешь свою ненависть. Ты держал меня взаперти от всего хорошего в жизни, и я больше не позволю тебе решать за меня!

- Иди в машину, Пьюрити, - кричит он. – Я покидаю это логово порока, и ты идешь со мной, или тебе больше не рады в моем доме.

Я скрещиваю руки.

- Тогда я больше не вернусь в Саус Холлоу.

42

Габриэль

- Ты, блядь, издеваешься надо мной, Гейб? – возмущается Нейт.
Анджело кладет свою руку на руку Нейта.

- Почему бы тебе не выслушать его, прежде чем начинать делать какие-либо выводы?

- Мне не нужно ничего слушать, – щелкает Нейт. – Мой брат, который утверждал, что он мой лучший друг, месяцами игнорировал нас, дерзко оправдывая это тем, что он, наконец, поборол свой творческий кризис и снова начал писать, а теперь оказывается, что на самом деле он просто трахал дочь дьявола и теперь из-за этого его уволили с работы!

- На самом деле, я сам подал в отставку, – это случилось всего неделю назад, но сплетня очень быстро распространилась по кампусу колледжа, тем более, что Джина оказалась той еще молчуньей, когда дело коснулось конфиденциальной информации. Не говоря уже о том, что сцена, которую мы устроили в моем кабинете, была засвидетельствована рядом студентов. Мне повезло, что никто не достал мобильный телефон и не начал снимать, иначе это разошлось бы по всему интернету. Но из-за того, что это произошло в последний день семестра, а студенты спешили на пары, последствия оказались несколько мягче.

Однако все равно, менее чем через час новость дошла до декана. Мне дали возможность уйти в отставку только потому, что в официальной политике колледжа не было прописано ничего о запрете отношений между студентами и преподавателями. Но, предполагаю, они скоро это впишут.

Нейт кашляет от смеха.

- Ты невероятен, ты ведь знаешь об этом? Ты месяцами врал нам...
- Потому что это не твое дело – с кем я сплю! – срываясь, восклицаю я.

- Та, с кем ты спишь или не спишь, не имеет значения! Ты врал мне месяцами и сейчас приехал сюда... Для чего? Боишься, что мы узнаем об этом из газеты или прочитаем в интернете? «Пресловутое клише: известный писатель трахался со своей восемнадцатилетней студенткой в своем кабинете». Может быть, это и станет заголовком для местной газеты на этой неделе?

- Нейт, остановись! – упрекает его Анджело. – Я уверен, что он просто не знал, как рассказать нам об этом.

- Нет, он прав, – говорю я ему лаконично. – Я приехал сюда, чтобы рассказать вам, прежде чем вы узнали бы об этом откуда-то еще.

- Ну, ты прямо самый заботливый брат в мире, - фыркает Нейт.

- Нейт! – Анджело посыпает ему улыбку.

- Я не рассказал тебе, потому что ты бы не понял меня.

Нейт горько смеется.

- А мне кажется, это потому, что у тебя кризис среднего возраста, и ты с какого-то черта убедил себя, будто использование едва совершеннолетней, глупенькой девушки из дебильного, маленького города, в котором мы выросли, исправит тот факт, что у тебя не было отношений ни с кем с тех пор, как твоя бывшая жена сбежала со своим инструктором по йоге!

- Черт, Нейт, - вздыхает Анджело, и его лицо бледнеет. – Это слишком.

Я отодвигаю стул от стола.

- Пошел ты, Нейт. Это не твоё дело – с кем я встречаюсь.

- О, так ты встречаешься с ней? – саркастически спрашивает Нейт.

Анджело встает.

- Прекратите, вы оба! – он ревет. – Нейт, твой брат взрослый, и он может встречаться с кем захочет! Гейб, твой брат злится из-за твоей лжи, а не из-за того, с кем ты спишь!

- Не-е-ет, я, блядь, взбешен и из-за этого тоже, - рычит Нейт.

- У тебя нет права решать с кем мне спать.

- Это просто смешно! – прерывает нас Анджело. – Вы двое – лучшие друзья и можете вести зрелый, рациональный разговор, как взрослые.

- Ага, ты – мужик средних лет, - говорит Нейт. – Не забывай об этом.

- С меня хватит, - отрезаю я, подзываю Хэми. – Это была плохая идея.

- А трахать дочь проповедника было отличной идеей, - говорит Нейт, когда я выхожу с веранды. Я игнорирую Анджело, который, как я слышу, зовет Нейта, пока идет за мной через парадную дверь.

- Не ругайся со своим братом, - умоляет Анджело. – Ты ведь знаешь, какой он порывистый и упрямый.

Я поднимаю Хэми и сажаю его в машину.

- Он ведет себя как мудак.

- Твой брат всегда такой, – отмечает Анджело.

- Ну, на этот раз он был исключительным мудаком, и я не останусь здесь, чтобы продолжить выслушивать его.

- Он расстроен только потому, что ему больно. Ты не рассказывал ему обо всем, но он чувствовал, что ты скрываешь от него какой-то секрет.

Я хлопаю дверью машины и иду к водительской стороне.

- Да, и именно поэтому я, блядь, не рассказывал ему.

- Поговори со мной, Гейб, - настаивает Анджело. – Дело в дочери проповедника... Это не просто интрижка, не так ли?

Я сильно выдыхаю.

- Теперь это не имеет значения. Все кончено.

Брови Анджело хмурятся

- Ты в порядке?

- Нет, я не в порядке, - говорю я, открывая дверь машины.

Выражение лица Анджело смягчается.

- Ты любишь ее?

Я не отвечаю. Я просто сажусь в машину и уезжаю.

43

Пьюорити

- Ты все еще игнорируешь его? – спрашивает Луна. Она плюхается на диван, который стоит в гостиной в доме ее матери, поджимает под себя ноги и вытягивает одну из множества ярких подушек с задней части дивана, опираясь на нее.

После того, что случилось в колледже, я, само собой, не поехала в Саус Холлоу на каникулы, а также мне хотелось уехать как можно дальше от кампуса. Когда Луна и Джез пригласили меня к себе домой, я ухватилась за эту возможность.

Я засовываю свой телефон обратно в карман.

- О ком именно ты говоришь? О профессоре, с которым нас застукали во время секса, или ты о моем консервативном отце-проповеднике, у которого, оказывается, интрижка с моим женихом? Потому что даже если они оба и пытались связаться со мной, я не ответила ни одному из них.

Луна кидает на меня тяжелый взгляд.

- Ты же понимаешь, что я говорю не о твоем отце, даже несмотря на то, что я до смерти хочу узнать, что теперь будет со всем этим. Я имею в виду, я понимаю, что ты действительно злишься на него, но разве тебе не любопытно, признается ли твой отец в своей ориентации?

Я вздыхаю.

- Этого не произойдет.

- Тебе не кажется, что, в конце концов, любовь восторжествует?

- Действительно ли этот вопрос задает мне маленькая мисс

Циничность? – спрашиваю я. – Мой отец пожертвует чем угодно ради своего положения в Саус Холлоу. Знаешь, что самое печальное? При том, что хотя он и ужасно не толерантный человек, Джастин все равно его любит. Он любит его, несмотря на все недостатки, но ему все равно.

- Твой отец написал тебе сообщение.

- Поверь мне, там точно нет извинений, – говорю я ей. – Он хочет обезопасить себя и замять эту тему, я уверена в этом. Он просто не хочет, чтобы я позволила сплетням дойти до Саус Холлоу.

- Может быть, ты недостаточно доверяешь ему? Он может осознать, что любит Джастина и признаться в этом.

- Если это случится, это будет действительно Рождественское чудо, – говорю я, закатывая глаза. – Почему ты так внезапно позитивна и оптимистична в отношении людей?

- Ну, раз в год я стараюсь быть оптимисткой, исключительно в

практических целях, - говорит мне Луна. – Обычно я ограничиваюсь первым апреля, но в этом году я решила расщедриться на Рождество. Не люблю, когда люди слишком расслабляются.

- Не уверена, что тебе грозит оказаться в опасной близости с расслабленными людьми, - дразню ее я.

- Это то, что делает меня интересным другом.

Я фыркаю.

- Пофиг. Ты проиграла соревнование на самого интересного друга. Твоя блестательная соседка была застукана, когда трахалась со своим профессором по письму на столе в его кабинете. И из-за этого ее папочка-проповедник устроил огромный скандал. А после того, как ее скандальный роман рассекретили, она обнаружила, что ее отец замешен в столь же скандальном дельце с пастором из его церкви.

- Черт, да. Кто бы мог подумать, что в конце семестра наша маленькая мисс Скромняшка станет виновницей такой драмы?

- Я была центром драмы, не так ли?

- Это точно, - соглашается Луна.

Я беру декоративную подушку с дивана и кидаю через всю комнату в нее. Луна протестует, поднимая руки.

- Эй, я не осуждаю! Ну, ладно, так и есть... Где-то в глубине души я чуть-чуть осуждаю тебя.

- Ты такая сучка.

Луна смеется.

- Почему ты не рассказала мне об этом раньше? То есть, я подозревала, но не хотела вмешиваться. Это немного ранило мои чувства – то, что ты не доверяешь мне настолько, чтобы рассказать о чем-то подобном. Ну, знаешь, после всех этим бесед обо мне и моих чувствах.

- Я не хотела, чтобы ты была соучастницей.

Луна поднимает брови.

- Прости, но мы раньше не встречались? Ты думаешь, меня мучили бы угрызения совести от участия в чем-то скандальном?

Я вздыхаю.

- Не знаю. Может быть, мне казалось, будто ты осудишь меня.

Луна закатывает глаза.

- Возможно, тебе следует загадать в качестве новогоднего желания «Не замечать в людях лишь плохое».

- Хорошо, маленькая мисс Циничность.

- А возможно, это может быть желание не замечать худшее лишь во мне.

- Договорились, - говорю я ей. – Если это поможет тебе, то теперь я чувствую себя идиоткой, которая предполагала, будто ты осудишь ее за то, что та спала с Гейбом. Особенно с тех пор, как ты пригласила меня к себе домой на праздники и все такое.

- Очень хорошо, - говорит Луна, скрещивая руки.

- Ты рада от того, что я чувствую себя идиоткой?

- Да. Это будет напоминать тебе о том, какой глупой идеей это было.

- Я усвоила урок, мамочка, - шучу я. – Обещаю.

- А теперь, что мы будем делать со всей этой ситуацией с профессором?

- Мы?

- Эй, ты втянула меня в свою драму, так что теперь я вовлечена. Извини, просто это так работает.

- Что вы собираетесь с этим делать? – спрашивает Джез, входя в комнату и садясь в кресло.

- Я ничего не буду с этим делать, - говорю я им. – Я собираюсь отгулять Рождественские каникулы, с позором вернуться в колледж и смириться с тем, что я – та девушка, которая трахалась со своим профессором. Или, может быть, я вообще не вернусь в колледж, потому что не смогу вынести всего унижения. Я брошу учебу и устроюсь на работу барменом...

- Ты недостаточно взрослая, чтобы работать барменом, - замечает Луна.

- Отлично. Тогда стану официанткой.

Луна качает головой.

- У тебя отсутствует координация, необходимая официантке.

- Я знаю!

- Может быть, ты могла бы работать у моей мамы, - предлагает услужливо Луна. – Или могла бы продавать секс-игрушки с моей тетей.

- Я не понимаю, почему вернуться в колледж – это так унизительно, - прерывает Джез.

- Вы пропустили ту часть, когда я рассказывала о том, как в кабинет вошли люди, когда я трахалась со своим профессором на его столе? – спрашиваю я.

Джез посыпает мне пренебрежительный взгляд.

- Когда я была в колледже, все трахались со своими профессорами. Я спала с профессором исследований женских проблем.

- У вас был профессор исследования женских проблем?!

- Она была на двадцать лет старше меня, - задумчиво говорит Джез. –

Мы втроем, вместе с моим профессором по будизму, провели блаженный семестр.

- Ты даже не ходила в колледж! – восклицает Луна.

- Я проучилась один семестр, - говорит ей Джез. – Это оказалось слишком много для меня, и я бросила.

- Видите? Вы бросили колледж после того, как переспали со своим профессором! – обращаю внимание я.

- Это случилось не из-за унижения, - говорит Джез. – Тогда было слишком много вечеринок. И в моей жизни было много наркотиков.

Луна фыркает.

- Было?

- Очень смешно, - отвечает Джез. – Все, чего я хотела всю свою жизнь – это родить полную сарказма дочь.

- Рада слышать, что я не разочаровала тебя, - говорит Луна.

- Трахаться со своим профессором – не такое уж и великое дело, - уверяет меня Джез. – И, само собой, этого не достаточно, чтобы задумываться о том, бросать ли колледж или нет.

- Никто не будет говорить об этом после каникул, - добавляет Луна, пожимая печами. – Люди недолго заостряют свое внимание на чем-то одном. Они забудут об этом.

- Мы устроили большой скандал, - напоминаю я им.

- Колледж – это то место, где должны случаться подобные вещи, - говорит Джез. – Более важный вопрос – собираешься ли ты продолжить встречаться с профессором.

- Да, серьезно. Это то, что тебе нужно прояснить, - произносит Луна.

- Не знаю. Мне нужно время, чтобы подумать об этом, - говорю я. – Мы ведь не встречались. Я имею в виду, не думаю, что мы делали это. Я даже не знаю, кем именно мы были друг для друга. Возможно, любовниками. Я даже не знала, что он женат.

- Он женат?! – спрашивает Джез. – Ох, к черту это. Почему вы, девочки, не рассказали мне об этом? Мы должны поехать к нему и разбить его машину.

Я не могу не засмеяться над неуместным энтузиазмом Джез, когда Луна закатывает глаза.

- Я просто отмечу, что моя хиппи, не пропагандирующая насилие матер, предлагает нам пересечь несколько государственных границ, чтобы уничтожить чью-то собственность.

- Он не женат, - быстро поправляю я. – Он был женат. Видимо, поэтому в кабинет и ворвалась ассистентка кафедры. Она говорила что-то о

том, будто его бывшей жене нужны деньги.

Джез фыркает.

- Разве бывшим женам не всегда нужны деньги? Бывшие жены не имеют большого значения. Их пруд пруди, особенно в его возрасте. Не то чтобы он старый, заметьте. Я была бы более обеспокоена, если бы он не был никогда ранее женат. Вот когда ты точно узнаешь, что у них проблемы с обязательствами. Или они занимаются странным сексом. Луна показывала мне фотографию своего профессора из интернета. Он очень симпатичный, и я определенно уверена, что он отличный любовник.

Луна издает рвотный звук.

- Это как раз то, чего мне хотелось на Рождество – услышать, как мама произносит слово «любовник».

- Твой отец был отличным любовником, - размышляет Джез.

- Ты даже не знаешь, кем был мой отец!

- Успокойся! Ты не дала мне закончить! – восклицает Джез. – Даже не знаю, откуда у тебя такая склонность к прерыванию.

- Ага, понятия не имею, где я научилась этому, - бормочет Луна.

- Я собиралась подытожить свое заявление, сказав, что все твои возможные отцы были прекрасными любовниками.

Луна хохочет и поворачивается ко мне.

- И ты думаешь, что твоя жизнь – драма? Я была зачата во время оргии.

- О, словно «orgia» звучит так безвкусно, - протестует Джез.

- Хочешь, чтобы я сказала гэнг-бэнг? – спрашивает Луна. – У тебя был секс примерно с десятью мужчинами за одну ночь, мама.

Я давлюсь смехом. Между Луной и ее матерью существуют самые функциональные из дисфункциональных отношений родитель-ребенок, но они обе, кажется, чувствуют себя совершенно комфортно.

- Это было другое время, - восклицает Джез. – Свободная любовь и все такое.

- О боже, мама! – Луна смеется. – Это было в конце девяностых, а не шестидесятых!

- Я жила в коммуне! Там было много наркотиков.

Луна смотрит на меня.

- Возможно, не стоит принимать советы моей матери, когда дело доходит до общения с людьми.

- Возможно, не стоит, - соглашается Джез, смеясь. – Может быть, мне и не суждено остынеться, но мне было чертовски весело. А еще я вырастила отличного ребенка.

Луна закатывает глаза и выпускает насмешливый вздох.

- Ты и сама была довольно хорошей матерью.

- Я исправилась, как только узнала, что беременна, - указывает Джез.

– И я не воспитывала тебя в коммуне.

- О, спасибо, мам. Разве ты не рада, что приехала ко мне на праздники, Пьюрити?

- На самом деле, рада, - говорю я, смеясь. Луна и Джез могут быть совершенно сумасшедшими, но они очень сильно любят друг друга. Их дом теплый, хаотичный, он наполнен смехом и любовью, которых у меня никогда не было.

- Так ты не ответила на вопрос, - говорит Луна.

- Какой был вопрос?

- Ты собираешься ему ответить? – она спрашивает.

- Это не важный вопрос, - прерывает Джез. – Важный вопрос в том, хочешь ли ты быть с ним?

- О-о-о, - соглашается Луна. – Да. Он тебе нравится?

- Любишь ли ты его? – поправляет Джез.

- Я никогда ни с кем не встречалась, - отвечаю я застенчиво. – У меня никогда ни с кем раньше не было секса.

Они просто пялятся на меня.

- Он на двадцать лет старше меня. Он достаточно взрослый, чтобы быть моим отцом. Он буквально ровесник моего отца! Серьезно, они росли по соседству. И он мой профессор, а...

Луна издает жужжащий звук.

- Неверно. Семестр закончился.

- Ладно. Он профессор, а я студентка, и...

Луна поворачивается к Джез.

- Ты знала, что она была влюблена в него, не так ли?

Джез пожимает плечами.

- Это написано на ней.

- Это просто интрижка, - говорю я им. – Мы занимались сексом. Я имею в виду, конечно, это был потрясающий секс. Умопомрачительный секс, если честно. Но ты не можешь просто влюбиться в кого-то всего за несколько месяцев, когда тебе восемнадцать лет, и это действительно глупо, не так ли?

Луна кладет руку на сердце.

- О-у-у.

- Не говори так, - протестую я. – Никто из вас не выслушал все причины, по которым я только что сказала вам, что я не могу быть

влюблена.

Луна морщит нос.

- Я просто думаю, это так мило – то, что тебе кажется, будто у тебя есть выбор в этом вопросе.

Джез пожимает плечами.

- Любовь не всегда удобна, и она не всегда приходит тогда, когда мы ее ожидаем, Пьюрити.

Какое-то мгновение все молчат, пока Луна не поворачивается к своей матери.

- Поразительно. Это было очень глубоко, мам.

- Правда? – спрашивает Джез. – Я тоже так подумала. Я увидела эту надпись на подушке.

Мое сердце бешено колотится, и я весь в поту, несмотря на то, что на улице холодно, когда я останавливаюсь за углом и вижу припаркованную около моего дома машину. Мой брат выходит с пассажирской стороны автомобиля и захлопывает дверь.

- Что ты здесь делаешь? – спрашиваю его я, а мое дыхание заметно в холодном утреннем воздухе.

- Поверь, мне самому интересно, черт возьми. Это не я сидел около твоей подъездной дорожки в течение последнего часа, - отвечает Нейт. – Анджело притащил меня сюда.

Анджело выходит из машины со стороны водителя и сильно хлопает дверью.

- О, заткнись ты уже и перестань драматизировать. Не слушай своего тупого брата, Гейб. Мы не сидим здесь уже целый час. Мы приехали час назад – тебя не было дома, поэтому мы поехали и позавтракали. Мы вернулись сюда только пять минут назад.

- Я давал вам ключ от дома, - напоминаю я Анджело, когда направляюсь к двери. Я вспотел и теперь чертовски замерз из-за того, что перестал бежать.

- Да, но, ты же знаешь, как Нейт любит терять вещи, - говорит Анджело.

- Вот и доверяй теперь вам двоим ключ от дома, вы даже не сможете избавиться от моей коллекции порно в случае моей безвременной кончины, - бормочу я.

- Тебе нужно сделать новый, и я позабочусь об этом, - уверяет Анджело. – Каким образом, черт возьми, ты можешь бегать в такую погоду?

Я пожимаю плечами.

- Просто держу себя в форме.

Это ложь. Пробежать в такую погоду приблизительно десять миль – это не для поддержания формы. Это самобичевание. Наказание, все просто и ясно.

- Для меня такая погода – кошмар, – говорит Анджело, когда я открываю дверь. – Я еще согласен на 40 градусов жары, но -1 – увольте.

Мы втроем неловко останавливаемся перед дверью, когда я понимаю, что не могу пригласить их внутрь, потому что если я сделаю это, они увидят то, что внутри.

- Давайте, вы двое, быстрее. Это глупо, - ругает нас Анджело. Бывший футболист отпихивает меня в сторону, как будто я ничего не вешу, и заходит внутрь.

- Гейб, не будь мудаком. Будь вежливым и пригласи нас. Я не хочу отморозить свои яйца, только из-за того, что вы двое – упрямые идиоты.

Но я не поэтому не приглашаю их внутрь.

- Почему бы нам не пойти выпить кофе?

Анджело прерывает меня.

- Мы только что из закусочной. Теперь вы оба идете внутрь и исправляете все, что натворили, потому что это, вероятно, самая глупаяссора, которая у вас когда-либо была. И на самом деле, она выходит за рамки любого дерьямового спора, который у вас когда-либо был. Вы даже на Рождество не разговаривали друг с другом! Вы не станете встречать Новый год с какой-то глупой обидой на душе. Я не позволю вам.

- Ладно, - фыркает Нейт, проходя мимо меня. – Я войду только потому, что не хочу отморозить снаружи свои яйца.

- Хорошо, только... Идите на кухню, - говорю я им, как будто это удержит их от того, чтобы осмотреть весь дом.

Анджело все-таки заходит в мой кабинет.

- О, ты украсил дом! – он восклицает. – Черт возьми. Ты прямо постарался. В смысле, вау. Я не знал, что ты такой любитель Рождества. У тебя здесь действительно интересный рождественский интерьер и...

Нейт проходит мимо меня в кабинет, когда я стону.

- Гейб совершенно не любит Рождество. Он настоящий Гринч. И ты знаешь это. Мы все это знаем. Какого черта?

Я шепчу проклятья, но все равно следую за ними в кабинет.

- Должен ли я провести для вас экскурсию по моему дому, или вы сами справитесь?

Нейт поворачивается и смотрит на меня.

- Ты умираешь?

Я смеюсь.

- С какого бы хера? С чего бы мне умирать?

- Я не понимаю, - говорит Нейт. – Что это такое?

Рука Анджело летит к его рту.

- О-о-о. Из-за опухоли мозга часто меняется поведение. У тебя опухоль?

- У меня нет опухоли мозга! – восклицаю я. – И я не умираю. Я даже не болен, в отличие от вас двоих. Я определенно устал от вас, ребята.

- Тогда что, блядь, это за деръмо? – требует ответа Нейт. – Кто все это

сделал? Здесь словно как в фильме.

- Боже мой, съемочная группа арендовала твой дом для съемок фильма или чего-нибудь такого? – спрашивает Анджело. Нейт бросает на него взгляд. – Что? Это вполне правдоподобное объяснение всему этому.

- Когда ты в последний раз слышал о съемках фильма в этом городе? – спрашивает Нейт.

- Твоя идея вообще заключалась в том, будто Гейб при смерти.

Я вздыхаю.

- Клянусь, если кто-то из вас еще хоть что-нибудь скажет, я убью вас обоих голыми руками.

Анджело фыркает и смотрит на Нейта.

- Так мило: твой брат угрожает мне физической расправой.

- Он угрожает нам обоим.

- Ну, он, вероятно, мог бы прикончить тебя, – отмечает Анджело. – Но меня? Серьезно?!

- Хватит болтать, – я огрызаюсь. – Если кто-то из вас начнет читать мне лекции, я больше не буду с вами разговаривать.

- Обещаешь? – спрашивает Нейт.

- Просто скажи нам уже, что происходит, – требует Анджело.

Черт, это так неловко.

- Я нанял нескольких детей из театрального кружка, чтобы сделать все это.

- Ты нанял детей из театрального кружка, чтобы сделать все эти рождественские декорации для дома? – спрашивает Анджело. – О. Мой Бог. Ты устраивал Рождественскую вечеринку и не пригласил нас!

- Не было никакой вечеринки.

- Так говорят, когда пытаются скрыть Рождественскую вечеринку!

- Похож ли я на того, кто любит устраивать вечеринки в своем доме? – спрашиваю я, показывая на себя.

Анджело хмурится.

- В этом есть смысл. Но зачем тогда устраивать в своем доме тщательно продуманные декорации? Это для извращенного секса? – его голос понижается до шепота. – Ты украсил свой дом, чтобы снять здесь порно?

Нейт фыркает.

- Кто знает, чем занимаются нынешние восемнадцатилетки?

Анджело встает перед Нейтом.

- Не смей бить своего брата. Проигнорируй его и расскажи мне, что происходит.

Я вздыхаю.

- Ладно. Я устроил все это для нее, ясно? Это достаточно хорошее объяснение для вас, двое любопытных мудаков?

- Ты сделал это для девушки? – спрашивает Анджело.

- Правильно, - говорю я, раздраженный. – Я установил все эти идиотские сложные декорации, потому что она не бывала нигде, кроме гребаного Саус Холлоу. Поэтому я попросил детей из театрального кружка сделать ей сюрприз в последний день занятий, пока я сам был в колледже. Очевидно, я не мог куда-либо поехать с ней, поэтому я решил вместо этого построить весь мир для нее в своем доме. Затем все разрушилось, и теперь я провожу отпуск, сидя здесь посреди этих нелепых напоминаний обо всем том деръме, которое развалилось.

Анджело задыхается.

- Таким образом, ты превратил свой кабинет в Германию, – говорит он, проходя между мной и Нейтом, чтобы осмотреть комнату.

Я пожимаю плечами.

- Весь дом, на самом деле. Я имею в виду Германию и другие страны.

Анджело проходит мимо нас и направляется к кухне, его голос разносится по коридору.

- О-о-о, - восклицает он. – Франция!

Нейт скрещивает руки.

- Ты сделал все это для дочери Алана, – говорит он.

- Слушай, я знаю, что ты, блядь, этого не понимаешь, ясно? – говорю ему я. – Мне жаль, что я лгал тебе. Если это имеет значение, она совсем не похожа на своего отца. Я имею в виду, это не имеет значения сейчас, так как все скатилось в деръмо, но она так далека от своего отца, насколько это вообще возможно.

Анджело называет страны, обходя другие комнаты.

- Италия и Испания, и, о-о-о, Марокко! Обожаю Марокко! – он появляется в коридоре. – Это самая милая вещь, которую я когда-либо видел в своей жизни.

Я стону.

- Это не чертовски мило, и не заставляй меня сожалеть об этом. Я просто сделал что-то хорошее для нее на Рождество, вот и все. Это не имеет большого значения, так что не превращай это во что-то особенное.

- По-твоему это – ничего особенного? – спрашивает Анджело. – Никто никогда не строил для меня целый мир вручную!

- Ну, честно говоря, на самом деле все это сделали ребята из театрального кружка, - отмечаю я.

- Большое спасибо, козел, - говорит Нейт, смотря на меня. – Теперь Анджело будет ждать от меня такого же туре по всему миру.

- Я позволю вам воспользоваться своим домом, – говорю я ему.

- Не хочу я такой же подарок, так что даже не пытайся, Нейт, – Анджело поворачивается, чтобы посмотреть на меня. – Ты очень сильно влюблен в эту девушку, не так ли?

Нейт смотрит на меня.

- Это так?

Я стону.

- Я не хочу обсуждать это.

- Конечно, он влюблен в нее, – говорит Анджело. – Если ты не видишь этого, тогда ты просто слепой.

- Пусть он ответит, Анджело, – говорит Нейт. – Ты любишь дочь Алана?

- Блядь... Ну, вы... - я стону. – Да! Хорошо?! Ты это хотел услышать? Я построил для девушки тур по странам в своем проклятом доме, потому что она моя студентка, и я не мог поехать с ней куда-нибудь за пределы города, и я чертовски люблю ее. Теперь ты счастлив?!

Анджело хлопает в ладоши.

- Да!

Нейт выглядит так, будто не слышал ничего из того, что я только что сказал.

- Ты, блядь, любишь ее?!

- Ты слышал, что я сказал, - кричу я. – Ты хочешь услышать это на восьми разных языках?

Нейт улыбается.

- Отчасти, да, хотел бы, - он смотрит на Анджело. – Хочешь услышать это на восьми разных языках?

- Я бы действительно удивился.

- Еще слишком рано для этого, - я разворачиваюсь и иду к кухне. – Мне нужна чашка кофе.

Нейт следует за мной.

- Ну, почему ты просто не рассказал мне об этом раньше?

- Серьезно? – спрашиваю я. – Я уверен, что ты бы надрал мне задницу еще до того, как я получил бы шанс договорить об этом.

- Ну, я бы не был таким придурком, если бы ты с самого начала сказал, что любишь ее!

Анджело фыркает.

- Я почти уверен, что ты все еще был придурком.

- Я не знал, что люблю ее, понятно? – рычу я, выдергивая пустой кофейник из кофеварки и наполняя его водой.

- Боже мой. Сегодня канун Нового года, - говорит Анджело.

- И что? – спрашиваю я. Наливаю воду в кофеварку и достаю банку молотого кофе с полки.

- А то, что сегодня – канун Нового Года! Мы должны найти ее! Ты разговаривал с ней?

- Если бы я поговорил с ней, как думаешь, я бы стоял сейчас здесь на кухне и разговаривал бы с тобой?

- Ты собираешься делать кофе таким образом? Я знаю, что это твоя кухня, но я не могу спокойно смотреть на то, как ты пьешь эту жалкую пародию на кофе при мне, - Анджело забирает банку дешевого фирменного кофе из продуктового магазина, но я шлепаю его по руке.

- Мне нравится пить мой кофе так, как мне нравится, - рычу я. – Отойди.

- Хорошо, хорошо, - он поднимает руки в воздух. – Ты сегодня ужасно капризный.

- Ну, этим утром на моем пороге появилась парочка мужиков и начали мучить меня вопросами о декоре моего дома и моих любовных отношениях, так что, серьезно, ты еще имеешь право обвинять меня?

- Она вернулась в Саус Холлоу? – спрашивает Нейт.

- Нет, - признаюсь я.

- Значит, ты знаешь, где она? – восклицает Анджело.

Только по счастливой случайности, а не потому, что Пьюрити мне рассказала. Девушка ответила на мои сообщения лишь однажды, сказав, что ей нужно побывать одной, а затем просто игнорировала меня.

- Ее соседка написала мне, чтобы я знал, что она поехала на каникулы к ней домой.

Анджело усмехается.

- Ну, мальчики, угадайте, где мы проведем канун Нового года?!

45

Пьюорити

- Давай, одевайся! – кричит Луна из ванной. – Новый Год же скоро!

- Я не хочу сейчас одеваться и идти куда-либо; не после того, как ты с твоей мамой заставили меня осознать, что я люблю Гейба.

- Мы никуда не пойдем, - кричит Луна. Она высовывает голову в дверной проем, ее волосы мокрые, а тело завернуто в полотенце. – Мы всегда проводим церемонию очищения в канун Нового года.

- Церемонию очищения?

Луна закатывает глаза.

- Не спрашивай. Это дело моей мамы. Парочка ее подружек-хиппи приходят к нам, и они вместе танцуют голыми на заднем дворе, сжигая шалфей и прочие травы.

- Ты не упомянула, что на вашем заднем дворе будут голые люди, когда просила меня поехать вместе с тобой на праздники к тебе домой.

- А это подтолкнуло бы тебя к тому, чтобы поехать со мной?

Я притворяюсь, будто на мгновение обдумываю вопрос.

- Думаю, это зависит от степени наготы.

Луна фыркает.

- Так что же это такое? Ты лежишь на моей кровати, завернутая в одеяло, и смотришь грустные фильмы, потому что поняла, что любишь профессора Райана?

Я переключаю канал на телевизоре.

- Да, так и есть. Я поняла, что люблю своего профессора, который старше меня и который, скорее всего, не любит меня, так что я прячусь под этим теплым одеялом. Я собираюсь посмотреть дерзкую романтическую комедию и, возможно, после посмотреть на Таймс-сквер, принимая то печальное положение дел в моей жизни.

- Когда я закончу сушить волосы, ты встанешь с кровати, - заявляет Луна, прежде чем исчезнуть в ванной.

Я плюхаюсь в огромное количество подушек, лежащих на кровати Луны, и откусываю большой кусок шоколадного брауни. Я могу позвонить Гейбу и рассказать ему о том, что поняла. Я могу сказать ему, что хочу быть с ним, а не просто заниматься с ним сексом. Но он может не чувствовать того же самого, и если это так, это значит, что он растопчет мое сердце в канун Нового Года.

Нет уж, спасибо.

Даже я не настолько мазохистка.

Луна некоторое время молчит, а потом я слышу, как включается фен, поэтому я решаюсь досмотреть «Как Гарри встретил Салли» и продолжить грустить. Когда Луна выходит из ванной, она все еще завернута в полотенце, но ее волосы сухие, и она накрашена.

- Я была в ванной в течение пятнадцати минут. Как это возможно, что ты привела себя в еще больший беспорядок?

- Никакого беспорядка!

Луна кладет руки на бедра и щурится.

- Это крошки на твоей рубашке?

- Я не нашла никакого мороженого, чтобы успокоить свои печали.

- Эм, где ты взяла это пирожное? – спрашивает Луна.

- На большой тарелке с барной стойки, – говорю я ей. – Ты была в душе, поэтому я без спроса взяла их. О, нет, твоя мама испекла их для кого-то?

Луна фыркает.

- Ты ведь помнишь разговор, который у нас был, когда я сказала тебе, чтобы ты никогда не ела не закрытую выпечку в моем доме?

- Нет, я бы запомнила это!

- Мама! – громко кричит Луна. – Ты готовила брауни с травкой?

- Что?!? – кричу я. – Ты не предупреждала меня, что твоя мать печет подобное еще и дома!

Луна смеется.

- Ну, если и существует кто-то, кому нужно было съесть парочку таких штучек, так это ты.

- Боже мой, я что, под кайфом? – визжу я, похлопывая себя по лицу.

- Пока нет, – фыркает Луна. – Но будешь.

Голова Джез появляется в спальне Луны.

- Почему ты кричишь на весь дом, зовя меня? – спрашивает она. – О, ты так хорошо выглядишь, Луна! Пьюрити, почему ты в постели?

- Она хандрит, потому что она слишком труслива, чтобы позвонить профессору Райану и попросить его стать ее парнем, – говорит Луна.

- Я не хандрю! – протестую я. – Ну, может быть, чуть-чуть. И я не собираюсь просить его стать моим парнем, потому что я не в седьмом классе.

- Ты уверена насчет этого? – Луна шутит, а затем указывает на что-то своей маме. – Брауни для церемонии, мам?

- Ох, ага, но не нужно было есть их, – говорит Джез. – Девочки уже едут на церемонию очищения, а вы их съели? Ты ведь прекрасно знаешь, что внутри этих штучек.

Луна смеется.

- Это не я их съела, мам.

Взгляд Джез устремляется на меня.

- Сколько ты съела, Пьюрити?

- Один, - отвечаю я.

- Ну, тогда, наверное, ты будешь в полном ауте.

- Я так рада, что брауни никак не подействовал, - заявляю я, выходя из ванной. – Я умираю с голода. Мы должны заказать пиццу или еще что-нибудь. Вообще-то, нет. Тако звучат очень хорошо.

Луна печатает на своем телефон.

- Ага, а я-то как рада, что ты совсем не укурена. Кстати, хорошая накидка.

Я вращаюсь вокруг себя в отделанной бисером накидке, которую мне дала поносить Джез.

- Она очень удобная. Думаю, я начну носить накидки постоянно.

- Тебе нужно больше синей подводки, - советует Луна. – А то я не уверена, что синего блеска в твоих глазах достаточно.

- Правда? Ты думаешь? – я смотрю на себя в зеркало. – Кажется, что ее ужасно много, но я пыталась скрыть свои красные глаза. Даже не знаю, почему они такие красные. Должно быть, здесь сухой воздух.

- Уверена, именно поэтому они и красные.

- Кому ты пишешь?

- Никому, - говорит Луна, пожимая плечами.

- О, тому парню из группы? – спрашиваю я, хихикая. Почему-то сегодня все кажется особенно забавным. – Ты должна пригласить его сюда на церемонию очищения.

Луна ухмыляется.

- Почему бы тебе не позвонить профессору Райану и не пригласить его?

Я так сильно хихикаю, что это заставляет меня хрюкнуть, и мне приходится закрывать нос рукой, отчего все кажется еще более веселым.

- Может быть, он сможет потанцевать с нами у костра, - предлагаю я.

- Сомневаюсь, что он станет противиться этому, когда ты будешь голой танцевать вокруг костра, - указывает Луна.

- У твоей мамы есть ингредиенты для того, чтобы приготовить что-нибудь сладенькое? – спрашиваю я. – Зефирки звучат действительно

хорошо. Костер на заднем дворе уже разожгли?

Луна фыркает.

- Мне кажется, ты могла бы сделать сэндвич, положив зефир между двух кусочков брауни.

- Не будь смешной, - говорю я, смеясь. – Я не хочу словить кайф.

46

Габриэль

- Это адрес, который дала мне ее соседка по комнате, - я еще раз перепроверяю свои сообщения, чтобы свериться с ними.

- Здесь куча машин, - отмечает Нейт. – Похоже, у них вечеринка.

- Обожаю хорошие вечеринки. Пойдем, поздороваемся, - Анджело выходит из машины до того, как Нейт или я успеваем возразить.

- Итак, каков твой план? – спрашивает Нейт, когда мы подходим к двери.

Анджело оборачивается и смотрит на меня.

- Ты ведь подготовил речь, не так ли?

- А мне нужна речь?

- О, боже мой. Я уже позвонил в дверь, Гейб! – говорит Анджело. – Мы же сами втянули себя в большую драматическо-романтическую комедию «Завоюй девчонку». Ты должен произнести речь!

- Я не знал, что мне нужна речь!

Нейт издевается.

- Серьезно? Даже я знаю об этом. Ты должен произнести речь, которая поразит девушку. Или что-то типа песни. У тебя есть бумбокс? Мы можем что-нибудь придумать.

- Что? Нет, у меня нет бумбокса. Кто еще носит с собой бумбокс? У кого вообще он еще остался?

Дверь широко распахивается, и соседка по комнате Пьюрити стоит там, держа что-то в руке.

- Прости, что у тебя в руках? – спрашиваю я, отвлекаясь.

- Шалфей, - отвечает она, глядя на пучок, перевязанный веревкой.

- Что-то горит? – спрашивает Нейт. – Я чувствую запах дыма.

- О, во дворе разведен костер, - объясняет Луна небрежно. – Вы вовремя приехали: сейчас начнутся голые танцы.

- Там танцуют голышом? – спрашивает Анджело. – Это очень похоже на мои вечеринки.

- Пьюрити танцует голой? – рычу я.

Анджело и Нейт проталкивают меня через дверной проем.

- Кстати, у Гейба нет речи, - восклицает Анджело.

- Они говорят, что мне нужно произнести речь для того, чтобы завоевать девушку, - объясняю я.

Луна хмурится.

- У тебя нет речи?

- Проклятье. Ты тоже считаешь, что она нужна?

- Ты писатель, - говорит она, с отвращением морща нос. – И ты не мог написать стихотворение или что-то типа того? Или, возможно, посвятить ей книгу?

- Это было бы хорошо, - говорит Анджело. – Он украсил свой дом для нее.

Луна морщит лоб.

- Декорирование интерьера – это не совсем романтический жест.

- О, а мне кажется, что получилось очень романтично, - отмечает Анджело.

- Л-у-н-а-а-а-а-а-а, - голос Пьюрити разносится по всему дому. – Я не знаю, зачем люди танцуют голышом у костра, но это действительно освобождает! Нам следует заниматься этим постоянно!

Луна поворачивается ко мне.

- Я, кстати, не несу за это никакой ответственности. Я говорила ей не есть пирожные.

- Какие пирожные? – спрашиваю я.

- О, вы двое, возможно, захотите прикрыть глаза, - говорит Луна, указывая на Нейта и Анджело.

Пьюрити появляется в гостиной, абсолютно голая, широко размахивая руками.

- На улице так хорошо! Эй, почему дверь открыта? Гейб? А вы кто такие, ребята?

Анджело смеется, а Нейт смотрит в потолок.

- Я думал, ты шутишь насчет танцев голышом, - бормочет Нейт.

- Нет, - отвечает Луна. – И, между прочим, твоя девушка похлеще моей мамы и ее подруг. Я пыталась заставить ее надеть одежду, но ткань раздражает ее, - она подчеркивает свои слова воздушными цитатами.

Анджело театрально прикрывает свои глаза, и, поворачиваясь ко мне лицом, поднимает брови.

- Ну, поздравляю... - говорит он, широко раскрывая глаза, когда произносит следующие слова, - эта кошечка в край укуренная.

Нейт пихает его локтем.

- Не веди себя непристойно.

- Только потому, что я не хочу трогать ее сиськи, это не означает, что они не красивые, - заявляет Анджело. – Она напоминает раннюю Бритни Спирс. Особенно фигурой.

- Это ты еще не видел ее в школьной юбке, - фыркает Луна.

- Перестань пялиться на сиськи моей девушки, - рычу я, пока снимаю

футболку и иду через всю комнату, чтобы одеть Пьюрити.

Пьюрити смотрит на меня, ее глаза расширяются настолько, насколько она вообще может поднять свои тяжелые веки.

- Я не твоя девушка, - протестует она.

- А как еще, черт возьми, мне тебя называть?

- Твоей ученицей? – нагло предлагает она.

- Ты не моя ученица, потому что я больше не твой профессор, - говорю я ей. – На самом деле, я вообще больше не профессор.

- Они уволили тебя?

- Я подал в отставку.

Она закусывает свою нижнюю губу.

- Дерьмо.

- Это худшая речь, - стонет Анджело.

- Ты – ужасный романтический герой, - соглашается Нейт.

- Заткнитесь, вы оба, - отвечаю я.

- Попробуйте использовать что-нибудь из фильмов, - предлагает Луна.

– Может быть, что-то из «Как Гарри встретил Салли».

- Мы можем побывать несколько минут наедине? – повышаю голос я.

- Нет, - смеется Анджело. – Это не так работает. Ты должен произнести длинную речь перед всеми нами.

- Я вроде как хочу это услышать, - соглашается Нейт.

Группа очень голых, очень шумных, очень высоких женщин среднего возраста материализуется в комнате.

- Во-о-о-о-оу, это именно то, что нужно!

- Луна Мун, ты вызвала стриптизеров?! Я не собираюсь участвовать в объективизации этих бедных, горячих мужчин!

- О, да заткнись, Джезибель! Я собираюсь объективизировать их! – кричит одна из голых женщин. – Снимайте одежду, мальчики!

- Парни, это моя мама и ее подруги, - объясняет Луна. – Мама и ее подруги, это парень Пьюрити и... На самом деле, я не знаю, кто вы.

- О, мы не представились! – улыбается Анджело. – Это Нейт. Он брат Гейба, а я Анджело, муж Нейта.

- Значит, вы не стриптизеры? – спрашивает одна из дам.

Нейт фыркает.

- Анджело умирал от желания потанцевать голышом у костра. Я уверен, он будет счастлив снять все с себя ради вас.

- Хватит! – реву я. – Я приехал сюда, чтобы кое-что сказать, твою мать!

- Он всегда такой агрессивный? – спрашивает одна из женщин.

- Медитация действительно помогает, - соглашается другая.

- Временами он очень напряжен, - отмечает Пьюрити.

Я поднимаю брови.

- Напряжен?

Пьюрити пожимает плечами.

- Тебе нужно отдохнуть. Хотя бы немного, я имею в виду. Такие нагрузки не полезны для твоего сердца. Давление повышается, и...

Нейт поддакивает.

- В твоем возрасте нужно быть действительно осторожнее.

- Так никто не собирается дать мне хотя бы пять минут, чтобы поговорить с Пьюрити наедине? – разгневано спрашиваю я.

- Я, правда, хочу увидеть, как это случится, - признается Анджело.

- Если она бросит твою задницу, я хочу лично засвидетельствовать это, - добавляет Нейт.

- Я не знаю, что здесь происходит, но кто-нибудь хочет еще пирожных? – спрашивает одна из голых дам.

- Ой, я возьму! – говорит Анджело с улыбкой.

- Ладно! Я скажу то, что должен сказать, прямо здесь, - я беру лицо Пьюрити в свои руки. – Пьюрити, я знаю, что это были не самые обычные отношения.

- Ох-х-х. Это тот классный профессор, о котором ты говорила? – спрашивает другая голая женщина. – О, дорогая, что бы он ни сделал, ты должна простить его. С таким прессом он может много грешить и все равно быть прощенным.

- Он не рассказал мне о своей бывшей жене, - шепчет Пьюрити.

- А что с бывшей женой? Он убил ее или типа того?

- Вы с ума сошли? Нет, я не убивал ее, - отвечаю я. – Она сбежала со своим инструктором по йоге.

- Э-у-у, - приходит хор голосов.

- Это было очень давно, - говорю я им. – И у меня не разрывалось сердце из-за этого.

- Он говорит, что он эмоционально доступен, - восклицает одна из дам.

- Если ты не хочешь его, Пьюрити, то я готова забрать его, - добавляет другая.

- Я имею в виду, что это не все, что случилось, - добавляет Пьюрити.

– Нас застукали во время секса на столе в его кабинете. Это были мои отец и жених.

- У тебя есть жених? – спрашивает одна из женщин.

- Ты знал, что у нее есть жених? – спрашивает Анджело. – Мне это не нравится.

- Он не был ее женихом, - огрызаюсь я. – У ее отца была договоренность с ним.

Пьюрити громко фыркает.

- Да уж, у них определенно была договоренность.

- Ее жених трахался с ее отцом, - объясняет Луна.

- Что?! – спрашиваю я, глядя на Пьюрити.

- О, вот это да, - говорит одна из дам. – Кажется, нам нужен попкорн.

- Все будто сошли с ума, - говорит Пьюрити, глядя на меня. – Я узнала о своем отце и Джастине, а потом Луна пригласила меня домой на праздники, и мне просто нужно было время подумать, потому что я не знала, что чувствую по отношению ко всей этой ситуации, и ...

- Я люблю тебя, Пьюрити.

- Да?

- Для меня ты самый неподходящий человек в мире, - говорю я ей.

- Это не то, что должно быть в речи, - стонет Анджело.

- Заткнись, Анджело, - предупреждаю я. – Я имею в виду Пьюрити. Все в тебе неправильно. Ты слишком, блять, молода, и ты только начинаешь свою жизнь. В твоем распоряжении весь мир, и миллион мест, куда ты можешь отправиться, и миллион вещей, которые ты можешь испытать. Я знал тебя, когда ты была ребенком, и я был твоим профессором: был ответственен за твое обучение. Я не должен был использовать тебя.

- Кто-то из нас должен спасти его, - шепчет Нейт. – Это ужасно.

- Нейт, я убью тебя, - угрожаю я.

- Уровень агрессии в этой комнате действительно высок, - отмечает одна из женщин. – Из-за этого мне действительно некомфортно.

- Это все тестостерон, - говорит другая. – И мне более чем комфортно в этой комнате.

- Все в тебе – неправильно, - произношу я, не обращая на них внимания. – Ты совсем не тот человек, с которым я должен быть. Но это не имеет значения, потому что я люблю тебя. Я знаю, что тебя оберегали от всего мира, но я хочу быть человеком, который покажет тебе его. Я многое повидал и знаю, чего я хочу, черт возьми. Все, чего я желаю, так это тебя.

- Ну, ладно, пусть он и сплоховал в начале, но он исправился в конце, - отмечает Анджело.

- О-у-у, - добавляет хор голых дам.

- Я знаю, что я наивна и что я нигде не бывала и ничем не занималась,

но я знаю, что я чувствую к тебе, Гейб, - говорит Пьюрити. – И я знаю, что люблю тебя. Без сомнений.

Я крепко прижимаю свои губы к ее губам.

Я целую ее прямо перед своими родными людьми, и перед кучей голых женщин, которых я вообще не знаю, и которые гудят и кричат, как будто они никогда не видели раньше, как кто-то целуется.

Когда я, наконец, отхожу от Пьюрити, она прижимает пальцы к губам и хихикает.

- Знаешь, что я еще люблю? Сыр. Сыр – это о-о-о-чень вкусно.

- Я говорю, что люблю тебя, а ты говоришь, что любишь сыр?

- Имелось в виду, что я люблю тебя больше, чем сыр, если это поможет.

- А еще, очевидно, ты любишь брауни, - добавляю я. – И танцевать голышом вокруг костра.

Она притягивает меня к себе.

- Тебе стоит это когда-нибудь попробовать.

- Да, крутой профессор, - говорит одна из дам. – Тебе стоит попробовать.

- Я сделаю это! Дайте мне пирожное и отведите меня к костру, - заявляет Анджело.

Пьюорити

- Не могу поверить, что ты сделал все это для меня, - говорю я ему. Мы лежим в постели в доме Гейба, а я смотрю на зигзагообразно расположенные по всему потолку фонарики, которые излучают мягкое свечение. После всех тех проделок в канун Нового Года (брауни с травкой и танцы голышом вокруг костра на заднем дворе Джез) приятно вернуться домой к Гейбу. Это странно, но я действительно ощущаю себя здесь как дома, и на самом деле мне здесь намного уютнее, чем когда-либо это было в Саус Холлоу, несмотря на то, что выросла там.

Также я чувствую, что Нейт и Анджело уже стали моей семьей. Поездка обратно в Пенсильванию была шансом для всех нас прояснить ситуацию. Нейт признался, что когда он узнал о Гейбе и обо мне, он возненавидел эту мысль, потому что у него было предвзятое представление о том, какая я, основываясь на том, что он знал об отце. Мне кажется, что та часть, когда я была под кайфом и танцевала голышом на заднем дворе у хиппи, развеяла его представление о том, что между мной и моим отцом существует хотя бы нечто общее.

- Все это должно было стать сюрпризом на твой последний учебный день в прошлом семестре, - Гейб смеется и прижимает меня к себе. – Но все пошло не так, как я планировал.

- Да уж, я тоже не ожидала, что мой отец появится в тот момент, когда мы трахались на твоем столе.

- Это был не самый идеальный способ для того, чтобы он узнал, но я рад, что это произошло, потому что это помогло мне понять, что я чувствую к тебе, - он целует меня в макушку, и я прижимаюсь ближе к нему, пододвигая свое обнаженное тело к его, когда делаю глубокий вдох.

- Мне не хватало этого, - говорю ему я.

- Тебе не хваталоекса?

- Мне не хватало твоего запаха, - признаюсь я. – Я скучала по твоей кровати и простыням, и даже скучала по хрому Хэми с другой стороны комнаты. Мне не хватало того, как ты не позволяешь мне ночью отодвинуться от тебя больше, чем на дюйм, как ты обнимаешь меня и прижимаешь к себе.

Гейб поворачивает меня к себе, и я оказываюсь рядом с ним на боку. Теперь мы лежим в позе ложек, именно так, как мы спим ночью. Его руки оборачиваются вокруг моей груди, и мне становится тепло, комфортно и безопасно.

- Мне тоже этого не хватало.

- Не хваталоекса? – дразню его я.

- О, я определенно скучал по сексу, - бормочет он мне на ухо. Жар его дыхания посыпает дрожь по моему телу. Его рука обхватывает мою грудь, а мои бедра прижимаются к нему. Его член шевелится, давя на мою ягодицу, когда он прижимает меня к себе, и это заставляет меня подумать об одной вещи, которую мы еще не сделали: о том единственном, чем мы еще не занимались.

Гейб овладел всем, кроме этого.

Его губы прижимаются к моей шее и плечу, и его рука скользит по моему телу к бедрам. Он еще крепче прижимает меня к себе, а сам становится чертовски твердым. Жар проносится между моих ног, и я хочу, чтобы он сделал меня своей.

- Мне чертовски не хватало этого, - шепчет он, его рука проскальзывает между моих ног. Я вздыхаю, когда его пальцы находят мой клитор, и моя спина, кажется, невольно выгибается, чтобы сильнее надавить на его член.

- Мне не хватало твоих уроков, - говорю я ему.

- Не думаю, что тебе осталось чему поучиться; ты стала настоящим экспертом.

Я закусываю губу, когда он кончиками пальцев проводит по моему клитору.

- Я не во всем стала экспертом.

Он понимает, о чем я говорю, потому что он думает то же самое. Его руки тут же находят мои ягодицы, разминая мои мышцы и разогревая их. Его палец прижимается к моей заднице.

- Я приберег это на потом, - бормочет он хриплым голосом.

- Ты сказал, что хочешь полностью овладеть мною, - шепчу я. – Я хочу, чтобы я стала твоей.

Он издает низкий рык.

- Ты уверена, что готова к этому уроку?

Взяв его за руку, я направляю его пальцы дальше между своих ног.

- Ты чувствуешь, насколько я мокрая? Вот как сильно я хочу этого.

Гейб рычит, его губы у моего уха. Затем он переворачивается и тянется к тумбочке за смазкой. Когда он возвращается ко мне, его рука ползет к моему бедру, чтобы успокоить меня. Он раздвигает мои ягодицы, направляя кончик своего члена между ними, и я вздрагиваю от ощущений холодной смазки.

Однако он не входит в меня. Пока. Его рука ласкает мою грудь, его

пальцы дразнят мой сосок до тех пор, пока я не начинаю извиваться в ответ на его прикосновения. Он снова двигает пальцами между моих ног, перекатывая через них мой клитор, пока мое дыхание не становится быстрым и прерывистым.

- Ты моя, Пьюрити, - заявляет он хриплым голосом. – Как только я заявлю права на эту девственную задницу, ты станешь полностью моей.

Я издаю немой стон, прося, чтобы он вошел внутрь меня.

- Я хочу быть твоей.

- Положи пальцы между ног, Пьюрити, - приказывает он.

Я прикладываю пальцы к клитору, когда Гейб прижимает головку своего члена к моей дырочке. Сначала он медленно пробирается внутрь меня, но он не торопится, останавливаясь, когда я ненадолго замираю от болезненных ощущений. Затем он кладет свою руку на мою грудь, и, пощипывая сосок, шепчет мне на ухо грязные фразы, потому что он знает, как меня это возбуждает, пока я снова не расслабляюсь.

- Ты такая тугая, Пьюрити, - стонет он. – Настолько узкая, что мне кажется, ты можешь сломать мой член.

Удовольствие смешивается с болью, и это так интенсивно, что я не уверена, смогу ли я когда-нибудь перевести дыхание. Я одновременно заполнена и испытываю боль.

Я хочу, чтобы Гейб забрал все, что у меня есть. Я хочу отдать ему все, что могу.

Он проскальзывает на всю длину внутрь меня, пока его яйца не прижимаются к моим ягодицам, и я оказываюсь полностью заполненная им. Мое дыхание прерывистое, и я останавливаюсь, все еще ожидая, когда я, наконец, смогу приспособиться к нему.

Он шепчет мне на ухо, спрашивая в порядке ли я.

- Трахни себя пальцами, Пьюрити, - требует он. – Протяни руку между ног. Я хочу, чтобы ты чувствовала меня в своей заднице, пока трахаешь себя пальцами.

Постанывая, я до упора ввожу внутрь себя пальцы, пока ладонь не касается моего клитора.

Теперь я полностью заполнена, почти до такой степени, что мне кажется, будто я сейчас разорвусь.

- Тебе нравится, Пьюрити? – рычит он. – Тебе нравится трахать себя пальцами, пока я внутри этой девственной задницы?

Кончики моих пальцев находят то местечко, которое Гейб, кажется, всегда так легко находит, то местечко, которое почти сразу же заставляет меня пересечь черту. Гейб начинает снова двигаться, и я пальцами

чувствую его внутри себя.

Я протяжно стону, когда горячая волна проносится сквозь мое тело, и Гейб сжимает мои бедра, двигаясь внутри меня. Боль проходит сквозь меня, когда он начинает трахать меня, но ее быстро сменяет удовольствие.

Вскоре я перестаю ощущать какую-либо боль, даже несмотря на то, что Гейб начинает сильнее толкаться в меня, а его удары становятся жестче, когда он начинает терять контроль. Его член настолько твердый и распухший, что, мне кажется, будто он сейчас взорвется во мне.

Я слышу, как хныкаю, выпуская маленькие вздохи, когда он поднимает меня все выше и выше.

- Я собираюсь кончить, Гейб, - говорю я ему.

Не знаю, предупреждаю ли я его или прошу у него разрешения. Я не знаю, что делаю, потому что я схожу с ума от похоти, и мне слишком хорошо, чтобы позаботиться о том, чтобы понять, просит ли он подождать его или нет.

Но он не просит этого.

- Кончи для меня, Пьюрити, - умоляет он. – Кончи вместе со мной, потому что я больше не могу.

И я кончу с протяжным стоном. Он снова и снова называет мое имя, пока толкается внутрь меня, заставляя переступить черту. Я кончу в раскаленной вспышке, когда он хоронит себя внутри меня, а его руки плотно оборачиваются вокруг моего тела, прижимая близко к себе.

После этого мы лежим так, кажется, целую вечность, ничего не говоря. Слушая его дыхание, я с уверенностью могу сказать, что в данную минуту нет другого места на земле, где я бы предпочла быть.

- Я попробовал кое-что новое, - шепчет он.

Я хихикаю.

- Я знаю, - говорю я. – Я была активной участницей того, чем мы только что занимались.

- Не это, - говорит он. – Я застрял на концовке книги. Но в рождество я переписал ее.

- Я даже не знала об этом, - говорю я ему.

- Я немного суеверный в этом вопросе. Не хотел сглазить.

- Расскажешь?

- Моей музой? Конечно. Хотя даже мой редактор еще даже не читала конец.

- Я – твоя муз?

- Я не писал какое-то время, пока не появилась ты, поэтому, я думаю, что тебя можно смело назвать моей музой.

- Так ты используешь меня для секса и творчества? – дразнюсь я. – Я ведь получу часть прибыли от этой книги, верно?

- А я-то думал, что ты будешь довольна только тем, что узнаешь, что ты – мое вдохновение.

Я фыркаю.

- Ты неправильно думал, приятель. Деньги, и ничего кроме.

Он шлепает меня по заднице.

- Так ты хочешь прочитать ее, прежде чем я передумаю, или нет?

Я издеваюсь над ним, довольно вздыхая.

- Ладно. Я надеялась посмотреть телевизор, но если ты настаиваешь, то я прочитаю твою книгу и, полагаю, что-нибудь посоветую.

- Все, довольно. Я передумал насчет финала. Я убью героиню.

- Ты написал счастливый финал? – спрашиваю я. – Не верю. Теперь я точно должна прочитать эту книгу.

Гейб тянет меня в душ, а затем приносит мне свою рукопись и чашку чая. Я не ложусь спать до поздней ночи, читая его книгу: как оригинал, так и версию с новым концом, в то время как он, сидя рядом со мной, набирает какой-то новый текст на своем ноутбуке.

Когда я заканчиваю, он с нетерпением смотрит на меня.

- Что скажешь?

- Я ненавижу это, – говорю я ему.

- Ты ненавидишь это? – спрашивает он в недоумении.

- Ну, я ненавижу новый финал. Все остальное мне нравится, – говорю я ему. – Просто это будет книга не Габриэля Райана, если у нее будет счастливый финал.

- Знаешь, как муга, ты сейчас облажалась.

- Но я хороший критик, – информирую его я. – Ты должен сохранить счастливый конец для реальной жизни. Так что обязательно убей героиню в конце книги.

Он ворчит.

- Я никогда не ожидал счастливого и-жили-они-долго-и-счастливо до конца своей жизни, ты ведь знаешь.

- Думаешь, у нас будет счастливое будущее? – спрашиваю я.

- Думаю, что это и есть наше счастливое будущее, – говорит он, прижимая меня к себе и мягко целуя в губы.

Эпилог **Габриэль**

Четыре года спустя

- Не могу поверить, что вы собираетесь в путешествие на целый год, - говорит Анджело. – Наши завтраки не будут такими привычными без вас двоих, вы же знаете.

- Потребуется год, чтобы моя талия оправилась от того ущерба, который нанесли ей ваши бранчи, - шутит Пьюрити.

- Хэми окажется на седьмом небе от счастья от перспективы провести с вами целый год, - добавляю я, наблюдая за тем, как мой бульдог носится по полю за козочками. У него были годы практики погони за этими штучками, но пес не стал проворнее в этом занятии. – Возможно, когда-нибудь он даже сможет поймать одну из коз.

Анджело фыркает.

- Это вряд ли.

- Но в качестве бонуса он привыкнет носить одежду для собак, - указывает Нейт.

- Если вы сможете заставить Хэми носить одежду, я буду более чем впечатлен, - говорю я им. Но я уже без того знаю, что я обречен просмотреть миллион фотографий Хэми, одетого в нелепые наряды.

- Мы с Хэми будем еженедельно видеочатиться с вами для того, чтобы демонстрировать вам мои новые разработки, - отвечает Нейт.

Я стону.

- Мой бедный пес.

- О, он будет избалован, как черт, - говорит Анджело. – Он никогда не захочет уходить от нас.

- Это не делает его лучше, - отмечаю я.

Анджело поворачивается к Луне.

- А ты куда, Луна?

- Я переезжаю в Бостон, чтобы стать хакером, - отвечает Луна.

- Заниматься законным взломом, - объясняет Джез. – Перестань говорить людям, что собираешься работать хакером, словно ты преступница.

Луна вздыхает.

- Говорить, что я хакер, звучит гораздо более захватывающе, чем объяснять, что я собираюсь тестировать компьютерную безопасность для компаний.

- Она права, - соглашается Анджело. – От последней части я чуть ли не задремал.

- Это было так мило с вашей стороны – провести выпускной вечер для девочек на вашей ферме, - говорит Джез.

- Ну, это не совсем вечеринка, так как здесь только мы, - отмечает Нейт. – И у моего брата на самом деле нет друзей, так что...

Анджело фыркает.

- Тем более что это за вечеринка такая – без танцев голышом вокруг костровой ямы? Я ведь прав?

- Не смей снимать одежду, - говорит Нейт.

- Сегодня здесь только семья, - говорит Пьюрити. – Все вы теперь моя семья.

- Ого, - говорит Анджело.

- Я знаю, что это глупо, но я серьезно, - настаивает Пьюрити. – И все вы должны приехать к нам в ближайший год.

- Куда вы поедете в первую очередь? – спрашивает Луна.

- В Перу, - отвечаю я.

- У нас билеты в один конец и нет маршрута, - восклицает Пьюрити.

- Мы будем импровизировать, - говорю я.

- Это звучит потрясающе, - соглашается Джез.

У нас есть целый список мест, которые мы бы хотели посмотреть; и теперь, когда я больше не преподаю, есть возможность, чтобы посетить их. С появлением Пьюрити в моей жизни, я стал более креативным и, не переставая, пишу. И она тоже. Я не ошибся, когда заметил ее писательский талант. Без моей помощи, поскольку она не хотела моего влияния, несколько месяцев назад девушка подписала контракт на три книги с крупным издателем. Так что мы оба проведем следующий год в дороге.

- Говоря об этом... - я смотрю, как две козочки пробираются по лужайке к Анджело, совершенно не вовремя и не по плану.

- О, черт, - бормочет Анджело. – Они знают, что у меня в карманах есть угощения! Вот почему они бегут за мной!

- Боже мой, они такие милые! – восклицает Пьюрити, склоняясь к ним, чтобы почесать одну из коз за ушком. – Эти розовые смокинги ужасно смешные! Зачем вы их так одели? Это из-за нашего выпускного?

К тому времени, как она разворачивается, я стою на одном колене.

Рука Пьюрити поднимается к ее рту.

- Что ты делаешь?

Я лезу в карман, расположенный на спинке смокинга козла и вытаскиваю кольцо.

- Я надеюсь, что смогу сделать тебя своей.

- Просто и элегантно, - громко шепчет Анджело Нейту. – Намного лучше, чем дерымовое начало его новогодней речи.

- Ты все еще помнишь об этой проклятой речи? – спрашивает Нейт.

- Конечно, мой ответ «да», Гейб, - мягко говорит Пьюрити. – Да, да, да, да.

Несмотря на то, что я ни на секунду не сомневался в ее любви ко мне, мое сердце все еще бешено стучит, когда я слышу, как она произносит эти слова.

Да, она будет моей.

Навсегда.

Я встаю и скользжу кольцом по ее пальцу, и мое сердце разрывается от счастья. Притягивая ее ко мне, я прижимаю губы к ее губам. Она скользит руками по моей шее, и ее тело тает напротив моего. Когда я, наконец, отрываюсь от ее губ, она смотрит на меня со слезами на глазах.

- Я всегда была твоей, и ты это знаешь.

Возможно, я не очень уверен, что будет дальше, но я знаю одно. Пьюрити всегда будет моей, а я всегда буду ее.

Навсегда.

Конец

Notes

[←1]

Purity – с англ. «чистота»

[←2]

Violet – с англ. «фиолетовый»